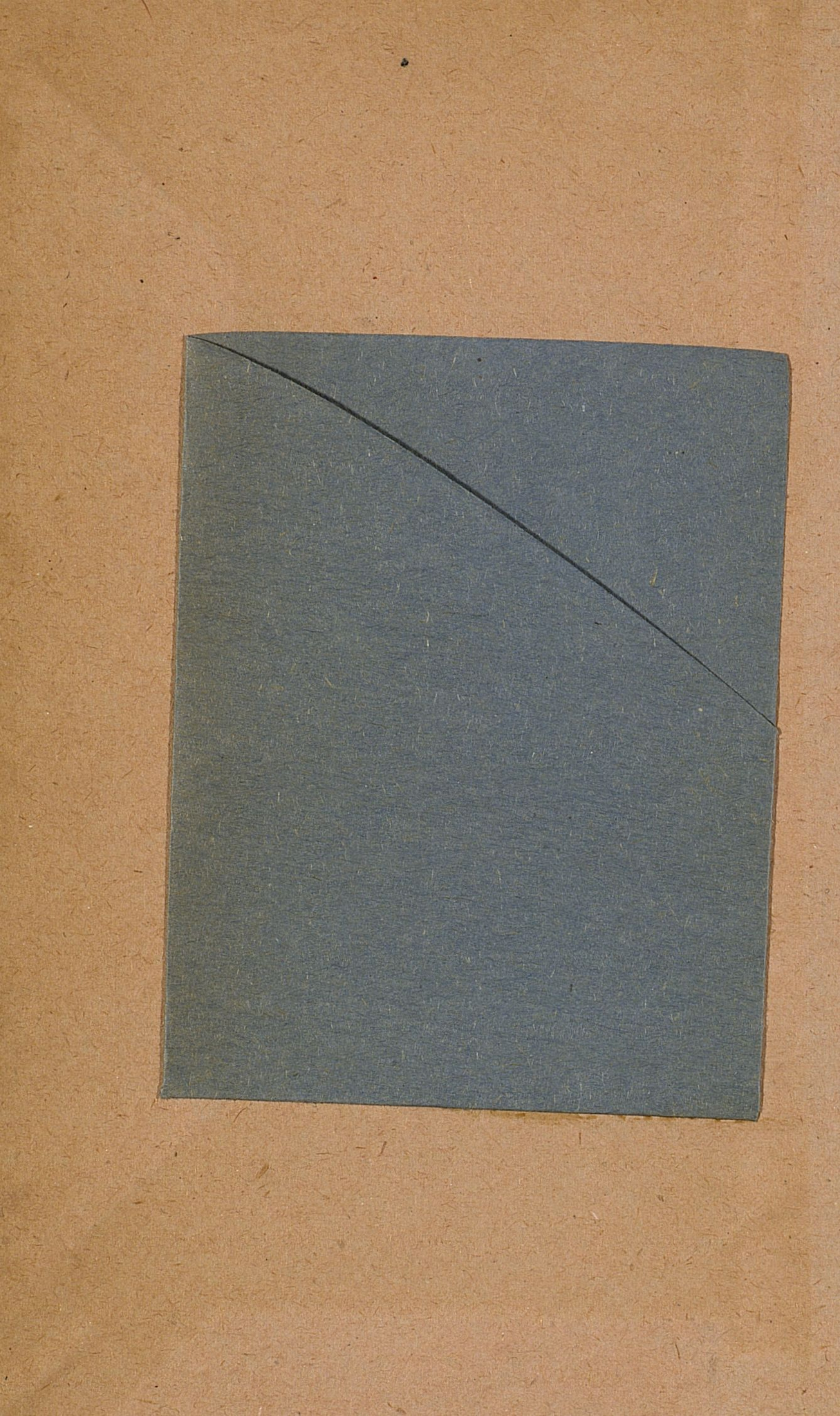

ГАЛАХОВ
РУССКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

ДЛЯ

ДѢТЕЙ.

Составилъ

А. Галаховъ.

МОСКВА.

1855.

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

ДЛЯ

ДѢТЕЙ.

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

ДЛЯ ДѢТЕЙ,

или

КНИГА

для

ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ЧТЕНІЯ

и

ПРАКТИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

Составилъ

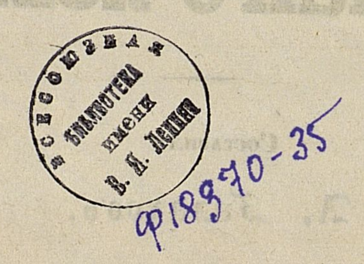
А. Галаховъ.

Изданіе четвертое, безъ перемѣнъ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 23-го Февраля 1855 г.

Цензоръ В. Флеровъ.

Съ изданія 1854 года, безъ перемѣнъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРОЗА.

I. СТАТЬИ ИЗЪ СВЯЩЕННОЙ ИСТОРІИ И РЕЛИГІОЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

II. СТАТЬИ ИЗЪ ИСТОРІИ.

III. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

IV. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПІЕСЫ.

V. ПИСЬМА.

VI. СТАТЬИ ИЗЪ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

СТИХИ.

Стран.

ПРОЗА.

I.

Статьи изъ Священной Исторіи и религіознаго содержанія.

1. ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ.

Дочь (*входя въ комнату*). Христосъ воскресе, любезная матушка!

Мать. Воистинну воскресе, милая моя дочь!

Дочь. Вотъ вамъ яичко.

Мать (*цѣлуя ее*). Вотъ и тебѣ яичко; *похристосоемся.*

Дочь. Сегодня самый радостный праздникъ.

Мать. Да, дитя мое! Что можетъ быть радостнѣе воспоминанія, что Спаситель нашъ воскресъ изъ мертвыхъ.

Дочь. Вѣдь Онъ воскреситъ и насъ, когда опять придетъ на землю.

Мать. Такъ, другъ мой; на воскресеніи Христовомъ основана и нашего воскресенія надежда. Мы вѣруемъ, что Христосъ воскресъ; поэтому вѣруемъ, что Онъ воскреситъ и насъ. Вотъ для чего мы, въ этотъ день, и даримъ другъ друга яицами.

Дочь. Какъ это, маменька? Развѣ яичко можетъ увѣрить насъ, что мы воскреснемъ?

Мать. Конечно можетъ: оно служитъ знаменіемъ нашего воскресенія. Посмотри на это яйцо: имѣетъ ли оно жизнь?

Дочь. Нѣтъ; оно какъ мертвое.

Мать. Но что можетъ выдти изъ этого яичка?

Дочь. Цыпленочекъ, и какой хорошенькій! въ мягкомъ пушку и съ маленькими крылышками.

Мать. Видишь, другъ мой, что изъ яйца раждается живая птичка, которая не имѣла прежде никакихъ признаковъ жизни. Такъ и мы, во время втораго Христова пришествія, изъ праха воскреснемъ и будемъ жить вѣчно.

Дочь. Вотъ для чего мы даримъ другъ друга яичками! Я до сихъ поръ не знала этого, хотя и давно знала, что мы воскреснемъ.

Мать. Смотри же: когда будешь *христосоваться*, съ кѣмъ бы то ни было, яичкомъ, всегда помни, что мы, разставшись съ здѣшнею жизнію, хотя будемъ лежать въ землѣ мертвые, какъ будущій птенецъ въ этой скорлупѣ, но, по звуку архангельской трубы, въ одно мгновеніе оживемъ, возстанемъ изъ земли и вознесемся на облакахъ по воздуху, чтобы встрѣтить Іисуса Христа, идущаго среди множества ангеловъ судить живыхъ и мертвыхъ.

Дочь. Какъ весело будетъ намъ встрѣтить своего Спасителя! Но скажите, для чего мы, при этомъ случаѣ, цѣлуемся?

Мать. Цѣлованіе есть знакъ взаимной любви; и мы, цѣлуясь другъ съ другомъ, исполняемъ заповѣдь Христову—помнишь ли, какую?

Дочь. Помню, маменька. Іисусъ Христосъ предъ своимъ страданіемъ сказалъ Апостоламъ: *любите другъ друга; какъ я возлюбилъ васъ, такъ и вы любите другъ друга* (*). Объ этомъ вы напоминали мнѣ третьяго дня, когда читали *страсти Господни*.

Мать. Исполняй же, другъ мой, эту святую заповѣдь, если хочешь воскреснуть, такъ какъ Христосъ воскресъ, и жить съ нимъ вѣчно въ царствіи небесномъ.

Дочь. Я люблю всѣхъ и всѣмъ желаю счастія; этому вы научили меня, любезная матушка.

Мать. Повтори же, что значитъ благочестивое обыкновеніе христосоваться яичками?

Дочь. Когда мы говоримъ: *Христосъ воскресе! воистинну воскресе!* то увѣряемъ другъ друга, что Іисусъ Христосъ, хотя и умеръ, но опять воскресъ. Когда даримъ другъ друга яичками, то увѣряемъ одинъ другаго, что и мы, во время втораго Христова пришествія, воскреснемъ. Когда цѣлуемся, то какъ будто говоримъ: будемъ любить другъ друга столько же, сколько любитъ насъ Іисусъ Христосъ.

Мать. Хорошо, милая моя! Не забывай же, въ чемъ должно состоять христосованье, и всегда дѣлай это съ благоговѣніемъ къ Іисусу Христу и съ искреннею любовію къ ближнему.

Дочь. Я боюсь, чтобы не спросить васъ о чемъ нибудь не

(*) **Іоан. гл. 13. ст. 34.**

кстати — но мнѣ бы хотѣлось знать, кто первый похристосовался?

Мать. Это значитъ тоже, если бы ты спросила, кто первый сказалъ: *Христосъ воскресе!* Не правда ли, другъ мой, хотя бы это сказалъ онъ и безъ яйца и безъ поцѣлуя?

Дочь. Такъ, маменька!

Мать. Подумай же хорошенько, не вспомнишь ли чего нибудь изъ евангельской исторіи?

Дочь. Ахъ! это сказалъ Ангелъ....

Мать. Разскажи, какъ это происходило.

Дочь. Въ первый день недѣльный—вѣдь этотъ день называется у насъ Воскресеньемъ?

Мать. Да, милая моя, потому что Іисусъ Христосъ въ этотъ день воскресъ.... но разсказывай дальше.

Дочь. Въ первый день недѣльный, весьма рано поутру, Марія Магдалина и подруги ея пришли къ Іисусову гробу съ ароматами, чтобы помазать тѣло Его, и вдругъ увидѣли тамъ Ангела, котораго взоръ блисталъ, какъ молнія, и одежда была бѣлая, какъ снѣгъ. Онѣ ужаснулись; но Ангелъ сказалъ имъ: не ужасайтесь! вы ищете Іисуса распятаго. Его нѣтъ здѣсь. Онъ воскресъ. Вотъ мѣсто, гдѣ положили Его (*).

Мать. Теперь знаешь, кто первый похристосовался, то есть, поздравилъ съ воскресеніемъ Христовымъ? Кто же подтвердилъ это согласіемъ и отвѣчалъ: *воистинну воскресе!* Не вспомнишь ли, другъ мой?

Дочь (*подумавъ*). Однажды двое учениковъ шли въ нѣкоторое село; на пути вдругъ подошелъ къ нимъ Іисусъ Христосъ. Они не узнали Его и разговаривали съ Нимъ о Его же смерти и воскресеніи, будто съ какимъ нибудь прохожимъ. Такимъ образомъ дошли они до селенія и начали ужинать. Іисусъ Христосъ разломилъ хлѣбъ и подалъ имъ. Въ это время они вдругъ узнали Его; но Іисусъ въ ту же минуту сталъ невидимъ. Ученики съ радостію возвратились въ Іерусалимъ и сказали Апостоламъ, что видѣли Господа. Тогда всѣ одиннадцать Апостоловъ въ одинъ голосъ сказали: воистинну воскресъ Господь (**)! Кажется такъ, любезная матушка?

Мать. Такъ, другъ мой! Теперь помни-же: когда мы говоримъ: *Христосъ воскресе!* то подражаемъ Ангелу; а когда говоримъ: *воистинну воскресе!* то подражаемъ Апостоламъ.

Дочь. Когда же начали давать другъ другу яица?

(*) Мар. гл. 16, ст. 1. 6.

(**) Лук. гл. 24, ст. 34.

Мать. Это первая, какъ повѣствуетъ благочестивое преданіе, сдѣлала Марія Магдалина, та самая, которую Ангелъ поздравилъ съ воскресеніемъ Христовымъ.

Дочь. А Марія Магдалина кого поздравила, и притомъ подаривъ яичкомъ?

Мать. Римскаго императора Тиверія. Она пришла въ Римъ для того, чтобы проповѣдать Евангеліе; предстала императору и, поднесши ему красное яйцо, сказала: *Христосъ воскресе!* Этими словами Марія начала предъ нимъ свою проповѣдь. Первые христіане, уважая память равноапостольной проповѣдницы, почли за нужное подражать ей и, поздравляя другъ друга съ воскресеніемъ Христовымъ, начали одинъ другаго дарить яицами.

Дочь. Вы сказали, маменька, что Марія Магдалина поднесла Тиверію красное яйцо: для чего же именно красное, а не другаго цвѣта было это яйцо?

Мать. Какъ яйцомъ святая Марія хотѣла показать императору, что Іисусъ Христосъ воскресъ и насъ воскреситъ, такъ краснымъ цвѣтомъ яйца изобразила животворящую кровь Его, которою Онъ омылъ грѣхи наши и тѣмъ избавилъ насъ отъ вѣчной смерти.

Дочь. Покорно благодарю васъ, любезная матушка, что вы такъ хорошо все это мнѣ растолковали. Впредь я буду еще съ большею радостію христосоваться съ вами, для того, что понимаю, что за тайна въ этомъ заключается.

---

2. АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Дочь. Какъ сегодня я счастлива, любезная матушка!

Мать. Чѣмъ такъ счастлива, другъ мой?

Дочь. Я нечаянно раскрыла Евангеліе, и вдругъ глаза мои встрѣтились вотъ съ какими словами: *Ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца моего небеснаго.* Мнѣ захотѣлось узнать, чьи это Ангелы, и когда прочитала нѣсколько строчекъ, то какъ обрадовалась, что Іисусъ Христосъ говоритъ здѣсь о дѣтяхъ.

Мать. Въ самомъ дѣлѣ нынѣшній день для тебя очень счастливъ. Дай Богъ тебѣ такъ встрѣтить каждый день.

Дочь. Вѣдь и у меня есть мой Ангелъ на небесахъ?

Мать. Такъ другъ мой! И у всѣхъ дѣтей, и у каждаго человѣка есть Ангелъ Хранитель, который возноситъ наши мо-

литвы къ Отцу небесному и печется о нашемъ здравіи и спасеніи.

Дочь. Какъ мнѣ хорошо! На земли я имѣю маменьку, а на небесахъ Ангела Хранителя. Мнѣ совсѣмъ бояться нечего.

Мать. Конечно бояться нечего, если не будешь упряма, когда Ангелъ Хранитель скажетъ что нибудь хорошее душѣ твоей. Ты вѣдь часто слышишь голосъ его.

Дочь (*обнимая мать свою*). Каждый день и каждый часъ!.... Ангелъ Хранитель всегда говоритъ мнѣ чрезъ васъ, милая моя маменька!

Мать. Это правда, дитя мое, потому что я никогда не пропускаю случая научить тебя чему нибудь хорошему. Но не говоритъ ли также тебѣ Ангелъ Хранитель какъ нибудь инымъ образомъ?

Дочь. Когда сердце мое желаетъ чего нибудь хорошаго, это не голосъ ли моего Ангела Хранителя?

Мать. Конечно такъ! Напримѣръ, кто сегодня заставилъ тебя раскрыть Евангеліе? Кто указалъ прямо на слова Христовы о дѣтяхъ, такихъ же какъ ты? Кто пробудилъ въ тебѣ охоту прочитать нѣсколько строчекъ? Все это сдѣлалъ Ангелъ Хранитель души твоей.

Дочь. Поэтому, если я хочу подать милостыню, то хочу этого не сама собою, но заставляетъ меня хотѣть мой Ангелъ? моей волѣ стоитъ только согласиться?

Мать. И не сомнѣвайся въ этомъ. Люди вообще столь слабы, что сами отъ себя неспособны и помыслить что нибудь хорошее, но эту способность получаютъ отъ Бога. Для сего и приставленъ къ каждому человѣку Ангелъ Господень. Не видала ли ты, какъ пастушки ходятъ за своими овечками?

Дочь. Я видѣла въ Павловскѣ близь дворца.... О! этотъ пастушокъ весьма любитъ своихъ овечекъ: ищетъ, гдѣ для нихъ лучше трава, гдѣ лучше вода; не позволяетъ имъ расходиться далеко другъ отъ друга, и когда молоденькая овечка отстанетъ отъ стада, онъ бѣжитъ за ней и приноситъ на своихъ рукахъ.

Мать. Въ тысячу кратъ ласковѣе, въ тысячу кратъ неусыпнѣе Господь, чрезъ Ангела своего хранитъ всякаго добраго человѣка. Это безподобно изображается въ Священномъ Писаніи. Сыщи и прочитай двадцать второй псаломъ.

Дочь (*пріискавъ, читаетъ*). «Господь пастырь мой, я не буду въ скудности. Онъ покоитъ меня на злачныхъ пажитяхъ; водитъ меня на тихія воды. Душѣ моей даетъ отраду; водитъ меня стезями правды, ради имени Своего. Если да-

же пойду долиною смертной сѣни, не убоюсь зла: ибо Ты со мною; Твой жезлъ и Твой посохъ успокоитъ меня. Ты поставилъ предо мною столъ въ виду враговъ моихъ; умаслилъ елеемъ главу мою; чаша Твоя преисполнена. Такъ благость и милость сопровождаетъ меня во всѣ дни жизни моей; я пребуду въ дому Господнемъ многія лѣта.»—Ахъ, маменька, кто не пожелаетъ быть овечкой Божіей! Я сердечно хочу этого.

Мать. Это зависитъ отъ тебя самой: будь добра, какъ овечка; тогда Господь будетъ для тебя тѣмъ добрымъ пастыремъ, который готовъ положить душу за своихъ овечекъ. Онъ Ангелу своему заповѣдалъ сохранять тебя на всѣхъ путяхъ; и этотъ Ангелъ Хранитель на рукахъ понесетъ тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею. Такъ говоритъ Священное Писаніе (*).

Дочь. Онъ же будетъ возносить и молитвы мои къ Отцу небесному? Вы сказали это еще сначала нашего разговора.

Мать. Спасибо тебѣ, другъ мой, что напомнила объ этомъ; я было и позабыла. Слушай же, что видѣлъ Евангелистъ Іоаннъ въ откровеніи самого Іисуса Христа: «*Пришелъ Ангелъ и сталъ предъ жертвенникомъ, держа златую кадильницу; ему дано было множество ѳиміама, чтобы онъ съ молитвами всѣхъ Святыхъ возложилъ его на златый жертвенникъ, который находится предъ Престоломъ Господнимъ; и вознесся дымъ ѳиміама съ молитвами Святыхъ отъ руки Ангела предъ Господа* (**). Понимаешь ли, что значатъ эти слова Іоанна Богослова?

Дочь. Понимаю, маменька, но изъяснить вамъ этихъ словъ не могу.... Развѣ не то ли они значатъ, что если мой Ангелъ Хранитель помогаетъ мнѣ молиться, то молитвы мои вознесятся къ Богу, точно такъ, какъ дымъ изъ кадила возносится къ небу?

Мать. Точно такъ, дитя мое! Только не забудь, что дымъ отъ кадила имѣетъ пріятный запахъ. Надобно, чтобы и твои молитвы были не пустыя и не излишнія, но достойныя величества и святости Божіей, и слѣдовательно ему пріятныя.... Тогда Ангелъ Хранитель будетъ помогать тебѣ, и твои молитвы вознесутся къ престолу Всевышняго. Напротивъ, если предметомъ молитвъ будетъ какая нибудь суетность, то Ангелъ Господень не будетъ твоимъ помощникомъ, для твоего

(*) Псал. 90, ст. 11—12.

(**) Апок. гл. 8, ст. 3—4.

же счастія; и всѣ молитвенныя восклицанія останутся на землѣ, подобно какъ дымъ разстилается по землѣ, когда подавляемъ бываетъ вѣтромъ. Объ этомъ мы ужъ говорили.

Дочь. Ахъ, маменька! При такой привязанности къ намъ и при такомъ доброжелательствѣ и неусыпности Ангела Хранителя, отъ чего люди грѣшатъ?

Мать. Отъ того, другъ мой, что не хотятъ слушать голоса его.

Дочь. Что же съ такимъ человѣкомъ дѣлаетъ Ангелъ Хранитель?

Мать. Когда онъ увидитъ, что всѣ его убѣжденія напрасны, тогда отъ грѣшника удаляется; но, и удаляясь, онъ плачетъ о погибели души его.

Дочь. Какой онъ милосердый! Но есть ли способъ возвратить къ себѣ Ангела Хранителя?

Мать. Стоитъ только искренно раскаяться въ грѣхахъ своихъ.... Тогда Ангелъ Хранитель съ радостію возвратится къ человѣку, обниметъ его, забудетъ свою обиду, и станетъ молиться Отцу небесному, чтобы и Онъ опять принялъ его, какъ возлюбленное дитя, въ свои объятія.

Дочь. Слава Богу! какъ я рада этому! я всегда буду прислушиваться къ голосу моего Ангела Хранителя, всегда буду исполнять волю его.

Мать. Однакожъ ты имѣешь и свою волю, и эту волю далъ тебѣ Господь.

Дочь. Знаю, любезная матушка, знаю: моя воля должна быть всегда согласна съ волею моего Ангела Хринителя.

Мать. Это необходимое условіе, другъ мой! Всегда помни, что надежда на попеченіе твоего Ангела Хранителя отнюдь не освобождаетъ тебя отъ собственной заботливости сдѣлать себя счастливою. Служебные духи, то есть Ангелы Господни, въ служеніе посылаются за хотящихъ наслѣдовать спасеніе. Сама старайся о твоемъ спасеніи. Ангелъ Хранитель въ этомъ будетъ твоимъ помощникомъ. И люди обыкновенно больше обращаются съ тѣми, которые имѣютъ одинаковые съ ними нравы. Дѣлай всегда добро, желай одного добра, думай только о добрѣ, словомъ: имѣй ангельскіе нравы; тогда Ангелъ, поставленный отъ Бога хранителемъ твоей души и твоего тѣла, ни на одну минуту отъ тебя не отступитъ: будетъ твоимъ другомъ, покровителемъ, совѣтникомъ, утѣшителемъ.

Мансветовъ.

(Подарокъ дѣтямъ на Святую Пасху 1830 г.)

3. ИСТОРІЯ ІОСИФА.

СЫНОВЬЯ ІАКОВЛЕВЫ.

Іаковъ имѣлъ двѣнадцать сыновей. Вотъ имена ихъ, по порядку старшинства: Рувимъ, Симеонъ, Левій, Іуда, Завулонъ, Иссахаръ, Данъ, Гадъ, Асиръ, Нефѳалимъ, Іосифъ и Веніаминъ. Два послѣдніе были дѣти любимой жены его Рахили. Старшіе сыновья Іакова занимались скотоводствомъ, и своими поступками не всегда заслуживали любовь родительскую. Веніаминъ, самый младшій, былъ еще ребенокъ; но Іосифъ, прекрасный, кроткій и добродѣтельный юноша, былъ любимецъ отца своего. Іаковъ сшилъ ему нарядное, цвѣтное платье. Старшіе братья завидовали Іосифу, ненавидѣли его за такое предпочтеніе предъ ними, и ненависть ихъ еще болѣе усилилась съ тѣхъ поръ, какъ Іосифъ разсказалъ имъ два необыкновенные сна, видѣнные имъ. Однажды сказалъ онъ братьямъ: «послушайте, какой я видѣлъ странный сонъ: мнѣ снилось, что мы всѣ въ полѣ жнемъ пшеницу и вяжемъ снопы; мой снопъ стоялъ прямо, ваши же снопы окружили мой снопъ и кланялись ему.» — «Не уже ли ты будешь царемъ нашимъ, а мы твоими подданными?» сказали ему съ досадою братья.

Скоро послѣ того Іосифъ видѣлъ другой сонъ, который также разсказалъ братьямъ. «Мнѣ снилось,» говорилъ онъ, «что солнце, луна и одиннадцать звѣздъ кланяются мнѣ.» Іаковъ, услышавъ это, сдѣлалъ ему выговоръ, сказавъ: «что это за сонъ! Не уже ли я, жена моя и братья твои придемъ поклониться тебѣ?» —Братья озлобились на Іосифа за такія сновидѣнія; но Іаковъ, который самъ имѣлъ сны, посланные Богомъ, не забылъ ихъ и въ тайнѣ размышлялъ о словахъ Іосифовыхъ. «Вѣроятно,» думалъ онъ, «Богъ назначаетъ къ чему-либо великому моего Іосифа.» И въ самомъ дѣлѣ, Іосифъ, любимецъ отца своего, за добродѣтели свои былъ любимъ Богомъ.

ІОСИФЪ ПРОДАННЫЙ БРАТЬЯМИ.

Сыновья Іакова пасли стада отца своего. Однажды они отогнали стада очень далеко отъ родительскаго дома, и какъ долго не было отъ нихъ никакого извѣстія, то отецъ сказалъ Іосифу: «поди, посмотри, здоровы ли братья твои

и скотъ нашъ, и, возвратясь, увѣдомь меня обо всемъ, что тамъ дѣлается.» Іосифъ, надѣвъ свое нарядное платье, пошелъ къ братьямъ. Братья, увидя его еще издали, говорили другъ другу: «вотъ идетъ нашъ сновидецъ: убьемъ его и скажемъ отцу, что дикіе звѣри растерзали его. Посмотримъ, на что пригодятся ему сны его.» Рувимъ, старшій изъ братьевъ, ужаснулся, услыша о семъ намѣреніи и, всячески стараясь спасти Іосифа, говорилъ: «не убивайте его, умоляю васъ; не проливайте невинной крови; не оскверняйте рукъ вашихъ убійствомъ брата; лучше бросьте его въ этотъ ровъ!» Онъ сказалъ это для того, что хотѣлъ придти ночью, вынуть его изо рва и отвести къ отцу. Когда Іосифъ приблизился къ братьямъ, они сорвали съ него одежду и бросили его въ ровъ. Послѣ того, какъ бы не сдѣлавъ ничего худаго, спокойно сѣли обѣдать. Но Рувимъ не могъ ѣсть съ ними; онъ ушелъ и размышлялъ о средствахъ спасти Іосифа.

Во время Рувимова отсутствія увидѣли они проѣзжающихъ исмаильтянскихъ купцовъ съ верблюдами. Эти Исмаильтяне были потомки Исмаиловы: они везли разные товары въ Египетъ. Іуда сказалъ братьямъ своимъ: «къ чему намъ убивать Іосифа? Онъ братъ нашъ. И какая прибыль намъ будетъ, если мы убьемъ его? Лучше продадимъ его этимъ купцамъ; тогда будутъ у насъ деньги.» И такъ Іосифа вытащили изъ рва и, не взирая на просьбы его, стонъ и слезы, продали Исмаильтянамъ за двадцать серебряныхъ монетъ.

Спустя нѣсколько времени, Рувимъ пришелъ вынуть Іосифа изъ рва. Онъ ужаснулся, не нашедъ его, и внѣ себя побѣжалъ къ братьямъ. «Что вы сдѣлали съ этимъ несчастнымъ отрокомъ?» спрашивалъ онъ. «Я не нашелъ его во рву! Теперь, что со мною будетъ!» — Мы продали его, отвѣчали братья. — Потомъ, чтобъ скрыть отъ отца свое преступленіе, они убили козла, омочили въ крови его Іосифово платье и послали къ отцу, велѣвъ сказать: «вотъ окровавленное платье, которое мы нашли среди поля; посмотри, не Іосифу ли оно принадлежитъ?» Іаковъ тотчасъ узналъ одежду любимаго сына своего, и въ отчаяніи восклицалъ: «Это Іосифово платье! его растерзали хищные звѣри!» Долго оплакивалъ онъ любимаго сына своего. Всѣ сыновья и дочери сошлись утѣшать его, но бѣдный отецъ былъ неутѣшенъ! «Ахъ!» говорилъ онъ, «горесть сердечная и меня скоро низведетъ въ могилу; я скоро соединюсь съ сыномъ моимъ Іосифомъ!»

ІОСИФЪ ВЪ ЕГИПТѢ

Исмаильтяне, прибывъ въ Египетъ, продали Іосифа Пентефрію, одному изъ первыхъ вельможъ царя египетскаго. Пентефрій, замѣтя въ Іосифѣ необыкновенный умъ, честность, скромность и благочестіе, сдѣлалъ его первымъ человѣкомъ въ домѣ своемъ и поручилъ ему все свое имѣніе. Хорошимъ людямъ вездѣ бываетъ хорошо; они вездѣ находятъ себѣ друзей и покровителей. Іосифъ былъ счастливъ и въ чужой землѣ, между чужими людьми.

Пентефрій имѣлъ злую жену: она хотѣла уговорить Іосифа обманывать мужа своего вмѣстѣ съ нею; но какъ Іосифъ не соглашался на ея предложенія, то злая сія женщина нашла средство оклеветать его передъ Пентефріемъ такъ, что онъ велѣлъ посадить невиннаго Іосифа въ темницу, гдѣ содержались государственные преступники.

Но Господь Богъ есть защитникъ невинности и покровитель добродѣтели. Іосифъ и въ самой темницѣ нашелъ друзей. Тюремный начальникъ полюбилъ его и, вмѣсто того, чтобы содержать его строго, какъ невольника, онъ сдѣлалъ его вторымъ человѣкомъ по себѣ, и поручилъ ему смотрѣть за всѣми, содержавшимися въ темницѣ.

Во время Іосифова заключенія, царь египетскій разгнѣвался на двухъ придворныхъ чиновниковъ и приказалъ посадить ихъ въ тюрьму. Одинъ изъ нихъ былъ виночерпій, который подавалъ вина царю, а другой хлѣбодаръ, который смотрѣлъ за столомъ царскимъ. Однажды, вошедъ къ нимъ поутру, Іосифъ нашелъ ихъ задумчивыми. Они сказали ему: «мы видѣли странные сны, значеніе коихъ желали бы знать; но здѣсь въ тюрьмѣ некому истолковать ихъ; нѣтъ ученыхъ снотолкователей.» Іосифъ сказалъ: «изъясненіе сновъ зависитъ отъ Бога; скажите мнѣ, что вамъ снилось.» Тогда виночерпій началъ первый. «Я видѣлъ во снѣ,» говорилъ онъ, «виноградную лозу, на которой было три вѣтви и на вѣтвяхъ созрѣлъ виноградъ. Мнѣ казалось, что я собиралъ ягоды, выжималъ сокъ въ кубокъ царскій и подносилъ его царю.» — Іосифъ тотчасъ сказалъ ему: «три вѣтви означаютъ три дни; по прошествіи сего времени царь прикажетъ освободить тебя и возвратить тебѣ прежнюю должность. Въ дни счастія своего вспомни обо мнѣ и постарайся освободить меня изъ темницы, гдѣ я заключенъ невинно.» Послѣ того и хлѣбодаръ сталъ разсказывать сонъ свой. «Мнѣ снилось,» го-

ворилъ онъ, «что я несу три корзины на головѣ: въ верхней корзинѣ находились всякаго рода съѣстные припасы для царя, и птицы прилетали клевать ихъ.» Тогда Іосифъ сказалъ ему: три корзины означаютъ три дня; по прошествіи сего времени царь прикажетъ повѣсить тебя на висѣлицѣ, гдѣ птицы будутъ клевать твое тѣло.» Все случилось точно такъ, какъ предсказалъ Іосифъ. Неблагодарный виночерпій въ дни счастія забылъ о Іосифѣ; но Богъ, никогда не оставляющій невиннаго, былъ съ Іосифомъ и обратилъ во благо и самыя бѣды его.

ОСВОБОЖДЕНІЕ ІОСИФА.

Спустя два года послѣ того, самъ Фараонъ, то есть царь египетскій, ибо *Фараонъ* есть титулъ царей египетскихъ, видѣлъ также замѣчательный сонъ. Ему снилось, что онъ стоитъ при рѣкѣ, изъ которой вышли семь жирныхъ прекрасныхъ коровъ, и паслись близь берега на травѣ. Вслѣдъ за ними изъ тѣхъ же водъ вышли семь тощихъ, худыхъ коровъ, и эти худыя коровы съѣли семь жирныхъ коровъ. Фараонъ проснулся; но, заснувъ опять, онъ увидѣлъ во снѣ семь свѣжихъ полныхъ колосьевъ, выросшихъ на одномъ стеблѣ. Возлѣ нихъ, изъ того же самаго стебля выросли семь сухихъ, пустыхъ колосьевъ, которыми съѣдены были полные колосья. Эти сны встревожили царя. Какъ скоро наступило утро, онъ приказалъ собрать всѣхъ ученыхъ снотолкователей во дворецъ, но никто не могъ изъяснить Фараону сны его.

Только тогда неблагодарный виночерпій вспомнилъ о товарищѣ своего несчастія, о Іосифѣ, и сказалъ Фараону: «я вспомнилъ теперь мой проступокъ; когда ты, государь, прогнѣвался на меня и на хлѣбодара, и обоихъ насъ приказалъ заключить въ темницу, тогда каждый изъ насъ имѣлъ по одному чудесному сновидѣнію. Въ той же темницѣ находился одинъ еврейскій юноша; мы разсказали ему сны свои; онъ обоимъ намъ изъяснилъ ихъ, и все случилось такъ, какъ онъ сказалъ. Я возвращенъ къ прежней должности, а хлѣбодаръ повѣшенъ.» Фараонъ тотчасъ послалъ за Іосифомъ; на него надѣли нарядное платье и привели къ царю.

Фараонъ сказалъ Іосифу: «я видѣлъ сонъ, но никто не можетъ изъяснить его. Мнѣ сказывали, что ты толкуешь сны.» Скромный Іосифъ отвѣчалъ: «я ничего не могу сдѣлать самъ собою! Одному Богу возможно дать тебѣ, государь, желаемое объясненіе.» Тогда Фараонъ разсказалъ сны свои.

«Оба сна имѣютъ одно значеніе,» сказалъ Іосифъ: «Богъ наставляетъ ими царя. Семь тучныхъ коровъ и семь полныхъ колосьевъ означаютъ семь плодородныхъ лѣтъ. Семь же тощихъ коровъ и семь сухихъ колосьевъ означаютъ семь безплодныхъ лѣтъ. Вотъ какимъ образомъ все это случится: во всей землѣ египетской въ теченіи семи лѣтъ будетъ величайшее изобиліе. Послѣ того настанутъ другія семь лѣтъ, въ которыя не родится ничего, и что заготовлено будетъ въ изобильные годы, то истребится во времена безплодія. Но что Фараонъ имѣлъ сряду два сна одинакаго значенія, это показываетъ, что Божіе опредѣленіе исполнится вѣрно и въ скоромъ времени. Нужно, чтобы царь назначилъ человѣка разумнаго, дѣятельнаго, который въ годы изобилія запасъ бы всякаго хлѣба такое количество, какое достаточно для прокормленія народа его въ годы безплодія.»

Сіе понравилось Фараону и всѣмъ его чиновникамъ. «Гдѣ найду я другаго человѣка, который бы подобно Іосифу, былъ вдохновенъ самимъ Богомъ?» сказалъ Фараонъ. «Тебѣ открылъ Господь тайну Свою; слѣдственно ты мудрѣе другихъ. Тебя хочу я поставить главою всей земли египетской, вторымъ человѣкомъ по себѣ: однимъ престоломъ своимъ буду я выше тебя.» Сказавъ сіе, Фараонъ спялъ перстень съ руки своей и надѣлъ его на перстъ Іосифа. Также приказалъ облечь его въ богатую одежду, возложилъ на шею его золотую цѣпь, и повелѣлъ посадить на придворную колесницу и возить торжественно по столицѣ, чтобъ всѣ знали о новомъ его достоинствѣ.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ІОСИФОВЫХЪ БРАТЬЕВЪ ВЪ ЕГИПЕТЪ.

Во время изобилія, Іосифъ устроилъ въ Египтѣ огромныя житницы, въ которыя собралъ множество хлѣба. Наконецъ настали и голодные годы; въ это время Іосифъ отперъ житницы и одѣлялъ хлѣбомъ всѣхъ неимущихъ Египтянъ. И изъ чужихъ странъ пріѣзжали къ Іосифу закупать хлѣбъ.

Въ землѣ ханаанской также сдѣлался голодъ. Тогда Іаковъ сказалъ сыновьямъ своимъ: «я слышу, что въ Египтѣ продаютъ хлѣбъ; поѣзжайте и купите, сколько нужно, чтобы намъ не умереть съ голоду.» Десять старшихъ братьевъ Іосифа поѣхали въ Египетъ; одинъ только Веніаминъ остался съ отцемъ. Іаковъ боялся, чтобы дорогою не случилось съ нимъ какого либо несчастія.

Сыны Іакова прибыли въ Египетъ. Тамъ безъ вѣдома Іосифа никто не смѣлъ продавать хлѣба, и такъ они пошли

къ нему. Они не узнали его и почтительно поклонились ему до земли. Іосифъ тотчасъ узналъ ихъ и, припомнивъ сновидѣнія, съ сердечною благодарностію и благоговѣніемъ размышлялъ о неисповѣдимыхъ судьбахъ Божіихъ.

Однакожъ онъ притворился, будто не знаетъ братьевъ своихъ и не понимаетъ языка ихъ. Онъ грозно сказалъ имъ черезъ переводчика: «вы соглядатаи, и пріѣхали вывѣдывать, что дѣлается въ землѣ египетской.» — «Нѣтъ, господинъ,» отвѣчали братья, «мы люди честные, никогда не бывали соглядатаями и пріѣхали сюда за тѣмъ, чтобы купить хлѣба. Отецъ нашъ живетъ въ землѣ ханаанской, и насъ всѣхъ было двѣнадцать братьевъ. Одного изъ насъ не стало, а младшій остался дома съ отцемъ.»—«Нѣтъ! вы люди подозрительные,» сказалъ Іосифъ; «я хочу испытать, вѣрны ли слова ваши, и не выпущу васъ изъ земли египетской, пока не пріѣдетъ сюда младшій братъ вашъ. Пошлите одного изъ васъ за братомъ, а прочіе оставайтесь моими плѣнниками, пока я не узнаю, что вы точно говорите правду.» Онъ приказалъ отвесть ихъ въ темницу.

Мщеніе чуждо душѣ добродѣтельной. Іосифъ хотѣлъ не мстить братьямъ своимъ, но исправить ихъ. Черезъ три дня онъ приказалъ представить ихъ передъ себя и сказалъ имъ: «я боюсь Бога и не притѣсняю никого. Если въ самомъ дѣлѣ вы честные люди, то пускай одинъ изъ васъ останется здѣсь въ темницѣ, а прочіе ѣдутъ домой съ купленнымъ хлѣбомъ; потомъ возвратитесь опять ко мнѣ съ меньшимъ братомъ своимъ: тогда я повѣрю словамъ вашимъ, и вы избавитесь отъ угрожающей вамъ смерти.»

Несчастіе было началомъ исправленія Іосифовыхъ братьевъ. Они говорили другъ другу: «вѣрно мы наказаны за жестокосердіе противу брата нашего Іосифа. Мы видѣли скорбь души его и слезы, и не слушали его моленій.»—«Не говорилъ-ли я вамъ,» сказалъ Рувимъ, «чтобы вы не грѣшили противъ брата? Вы не послушали меня: вотъ теперь кровь его взыскивается».

Они думали, что Іосифъ не понимаетъ словъ ихъ, потому что говорили съ нимъ всегда черезъ переводчика; но Іосифъ, услыша разговоръ ихъ, былъ тронутъ до глубины сердца ихъ раскаяніемъ, отворотился и заплакалъ. Между тѣмъ, желая удостовѣриться въ истинѣ ихъ чувствъ, онъ опять обратился къ нимъ и приказалъ передъ глазами ихъ связать Симеона. Исполнивъ сіе, служители Іосифа насыпали мѣшки прочихъ братьевъ его хлѣбомъ, и привезенныя

ими деньги на покупку хлѣба, по приказанію его, тайно вложили въ мѣшки. Также снабдили ихъ всякими съѣстными припасами на дорогу. Навьюча на ословъ мѣшки свои, Іосифовы братья поѣхали домой, получивъ строгое приказаніе не являться на лицо Іосифу безъ меньшаго брата.

Возвратясь къ отцу, они съ горестію разсказали ему все, что случилось. И къ большему удивленію и ужасу, высыпая хлѣбъ, нашли въ мѣшкахъ деньги свои.

Престарѣлый Іаковъ жалѣлъ Симеона, но болѣе всего страшился за Веніамина. «Іосифа уже нѣтъ,» говорилъ онъ; «Симеонъ заключенъ въ темницѣ; теперь вы хотите отнять у меня моего Веніамина; всѣ бѣды обрушились на меня. Не отпущу Веніамина въ Египетъ; съ нимъ случится какое нибудь несчастіе и тогда вы низведете въ могилу сѣдинами покрытую мою голову.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ІОСИФОВЫХЪ БРАТЬЕВЪ ВЪ ЕГИПЕТЪ.

Голодъ въ землѣ ханаанской все еще продолжался. Хлѣбъ, купленный въ Египтѣ, былъ съѣденъ. Іаковъ сказалъ дѣтямъ своимъ: «отправьтесь опять въ Египетъ и, если возможно, купите хлѣба.» — «Управляющій Египтомъ,» отвѣчалъ Іуда, «сказалъ намъ: «не показывайтесь на глаза мои, если вы не привезете съ собою меньшаго брата вашего. Отпусти съ нами отрока, иначе намъ нельзя будетъ достать хлѣба, и мы всѣ должны будемъ умереть съ голоду: и ты, и мы, и наши дѣти. Я беру Веніамина на свои руки, требуй его отъ меня; если я обратно не привезу его къ тебѣ и не поставлю передъ лицемъ твоимъ: тогда вина останется на мнѣ одномъ на всю жизнь мою. Если бы мы не такъ долго медлили, то могли бы уже два раза съѣздить въ Египетъ.»

Наконецъ Іаковъ съ стѣсненнымъ сердцемъ сказалъ: «когда это необходимо нужно, то вотъ что сдѣлайте: возьмите лучшихъ произведеній земли сей и отвезите въ подарокъ правителю Египта: бальзама, меду, стираксы, ладану, финиковъ и миндалю, и деньги, найденныя въ мѣшкахъ вашихъ, возвратите ему. Возьмите съ собою и Веніамина; Всемогущій Богъ да поможетъ вамъ обрѣсти милость передъ правителемъ Египта, чтобы вы могли обратно привезти съ собою и брата вашего, оставшагося въ заточеніи, и возлюбленнаго моего Веніамина. А если мнѣ суждено быть бездѣтнымъ, пусть такъ и будетъ.»

Сыны Іаковлевы прибыли опять въ Египетъ. Узнавъ, что Веніаминъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ прочими братьями, Іосифъ призвалъ своего домоправителя и приказалъ ему приготовить роскошный обѣдъ и пригласить на оный пріѣзжихъ. Когда домоправитель ввелъ ихъ въ домъ Іосифа, то они съ трепетомъ разсказали ему о деньгахъ, найденыхъ въ мѣшкахъ своихъ, думая, что ихъ возьмутъ въ невольники за оныя деньги. «Не заботьтесь объ этомъ,» отвѣчалъ домоправитель, «самъ Богъ возвратилъ вамъ тѣ деньги; я получилъ отъ васъ все исправно.» Онъ привелъ также и Симеона, и всѣ вмѣстѣ вошли въ домъ Іосифа. Домоправитель сказалъ, что они останутся здѣсь обѣдать и что ослы ихъ также будутъ накормлены.

Въ ожиданіи прихода Іосифова, они изготовили свои подарки. Когда Іосифъ вошелъ, всѣ братья упали передъ нимъ на колѣни и каждый держалъ въ рукахъ подарокъ свой. Онъ ласково привѣтствовалъ ихъ и спросилъ: «здоровъ ли отецъ вашъ? живъ ли еще старецъ»? — Они отвѣчали: «престарѣлый родитель нашъ, рабъ твой, здравствуетъ.» Увидя Веніамина, Іосифъ спросилъ: «это меньшій братъ вашъ, о которомъ вы мнѣ говорили? Богъ да благословитъ тебя, сынъ мой!» сказалъ онъ отроку и поспѣшилъ удалиться, чтобы скрыть слезы свои. Сердце его пылало любовію къ меньшому брату. Слезы текли ручьями изъ глазъ его; онъ ушелъ въ свою внутреннюю комнату, и, запершись тамъ, плакалъ.

Умывъ лице свое, Іосифъ возвратился къ братьямъ и, стараясь удержать слезы, сказалъ: «подайте кушанье!» Братьевъ посадили за столъ по старшинству: старшаго выше, а младшаго ниже всѣхъ. Они, глядя другъ на друга, удивлялись и не могли понять, почему такъ хорошо извѣстны ихъ лѣта. Самъ же Іосифъ хотя и обѣдалъ вмѣстѣ съ ними, но за особеннымъ столомъ. Веніамину, родному брату своему, сыну матери его Рахили, оказывалъ онъ болѣе почестей; всякаго кушанья и напитковъ давали ему впятеро больше противъ другихъ. Всѣ ѣли, пили, и скоро вино ихъ развеселило.

ІОСИФЪ ОТКРЫВАЕТСЯ БРАТЬЯМЪ.

Іосифъ еще разъ хотѣлъ испытать братьевъ своихъ. Онъ приказалъ домоправителю своему наполнить хлѣбомъ мѣшки ихъ, вложить въ нихъ привезенныя за хлѣбъ деньги; въ мѣшокъ же Веніамина, сверхъ того, вложить серебряный свой ку-

бокъ. Домоправитель исполнилъ Іосифово приказаніе и на другой день сыновья Іакова отправились въ обратный путь.

Едва успѣли они выѣхать за городъ, какъ Іосифъ, призвавъ своего домоправителя, сказалъ ему: спѣши догнать этихъ иностранцевъ и скажи имъ: вы платите зломъ за добро; вы украли тотъ кубокъ, изъ котораго всегда пьетъ господинъ мой.»

Домоправитель сдѣлалъ все, какъ ему было приказано. «Что это значитъ!» сказали Іосифовы братья. «Какъ можно подумать, чтобы мы способны были къ столь гнусному поступку? Ты помнишь, что мы привезли назадъ изъ земли хананской найденныя въ мѣшкахъ нашихъ деньги? Не уже ли мы украдемъ изъ дома господина твоего серебряный кубокъ? Тотъ, у котораго найдется этотъ кубокъ, пусть будетъ казненъ смертію, а всѣ прочіе останутся невольниками твоего господина.» Они развьючили ословъ, сняли съ нихъ мѣшки и развязали ихъ. Домоправитель самъ осматривалъ мѣшки, начиная со старшаго, и когда очередь дошла до младшаго, то кубокъ нашелся въ мѣшкѣ Веніамина. Какъ описать ихъ ужасъ! Навьюча опять на ословъ мѣшки свои, они возвратились въ городъ. Всѣ пошли къ Іосифу; Іуда же, бросясь передъ нимъ на колѣни, горько плакалъ.

«Что вы сдѣлали?» сказалъ Іосифъ. «Не уже ли вы думали обмануть меня?» — «О!» воскликнулъ Іуда, «что скажемъ мы въ оправданіе наше? Богъ наказываетъ насъ за давно учиненное злодѣяніе. Вотъ тотъ, который укралъ твой кубокъ; мы всѣ остаемся твоими невольниками.»—«Нѣтъ!» отвѣчалъ Іосифъ, «это было бы несправедливо! Я не хочу, чтобы правые страдали за виновнаго; тотъ, который укралъ мой кубокъ, одинъ останется моимъ невольникомъ; вы же возвратитесь съ миромъ къ отцу вашему.»

Іуда приблизился къ Іосифу и говорилъ съ жаромъ: «Государь, позволь мнѣ сказать тебѣ нѣсколько словъ; не разгнѣвайся за смѣлость, съ какою дерзаю говорить тебѣ, первому человѣку по царѣ. Ты нѣкогда спросилъ у насъ: живъ ли еще нашъ родитель и имѣемъ ли мы еще братьевъ? Тогда мы сказали тебѣ, что отецъ нашъ живъ и что мы имѣемъ еще младшаго брата, котораго родитель нашъ любитъ болѣе всего на свѣтѣ. Ты приказалъ намъ привезти его, но мы отвѣчали тебѣ, что отецъ скорѣе разстанется съ жизнію, нежели съ любимымъ сыномъ своимъ. «Если вы не привезете ко мнѣ младшаго брата своего» — сказалъ ты—«то никогда не увидите болѣе лица моего.» Мы все это объяснили родителю, и когда онъ хотѣлъ послать насъ въ другой разъ въ

Египетъ, то мы сказали ему, что не смѣемъ ѣхать безъ меньшаго брата нашего. Тогда отецъ сказалъ намъ: вы знаете, что любимая жена моя, Рахиль, имѣла только двухъ сыновей; одинъ изъ нихъ ушелъ изъ дома и вы сказали мнѣ, что онъ растерзанъ дикими звѣрями; съ тѣхъ поръ я не видалъ его. Если вы увезете отъ меня другаго Рахилина сына и съ нимъ случится какое либо несчастіе, то съ печали вы низведете въ могилу сѣдинами покрытую мою голову. И такъ, если мы возвратимся домой безъ отрока, отецъ нашъ, который любитъ его болѣе своей жизни, умретъ съ горя. Я взялъ его на свои руки; я поручился, что буду беречь его; я сказалъ родителю, что отвѣчаю жизнію моею за отрока; и такъ пусть останусь я невольникомъ твоимъ; его же отпусти домой съ братьями. Какъ покажусь я на глаза родителю, если не будетъ со мною отрока? Я не могу видѣть горести его.»

Тогда Іосифъ увидѣлъ, что братья его исправились. Не могши долѣе скрываться, онъ приказалъ всѣмъ, окружавшимъ его Египтянамъ, удалиться, и, оставшись одинъ съ братьями, громко зарыдалъ и сказалъ: «я Іосифъ! живъ ли еще родитель мой!»—Братья отъ страха стояли неподвижно и не могли выговорить ни одного слова. Вспоминая злодѣйскій свой поступокъ противу Іосифа, они не могли радоваться сему свиданію и не чувствовали ничего, кромѣ ужаса и удивленія; кроткій, добродѣтельный Іосифъ казался имъ страшнымъ.

Іосифъ, желая ободрить своихъ братьевъ, сказалъ: «приблизьтесь, я братъ вашъ Іосифъ, тотъ самый, котораго вы продали въ Египетъ. Богъ привелъ меня сюда для вашего же блага. Прошло два голодныхъ года; но неурожай продолжится еще пять лѣтъ. Во все это время не будутъ ни сѣять, ни жать. И такъ Господь послалъ меня сюда для того, чтобы доставить вамъ средства къ пропитанію; для того, чтобы чрезъ меня вы могли избавиться отъ голодной смерти. Не по вашей волѣ, но по власти Божіей нахожусь я здѣсь. Богъ поставилъ меня вторымъ по Фараонѣ, начальникомъ дома его, княземъ всей земли египетской. Поспѣшите возвратиться къ отцу нашему и возвѣстите ему слѣдующее: «сынъ твой, Іосифъ, велѣлъ сказать тебѣ: Господь поставилъ меня начальникомъ надъ всѣмъ Египтомъ. Не медля пріѣзжай ко мнѣ, Ты поселишься въ прекраснѣйшей странѣ Египта и будешь жить близь меня съ дѣтьми твоими и внуками, со стадами и со всѣмъ твоимъ имуществомъ. Я буду пещись о тебѣ и о всемъ томъ, что тебѣ принадлежитъ, и буду кормить васъ всѣхъ, ибо голодъ на землѣ продолжится еще пять

лѣтъ.»—«Теперь вы видите, что я говорю съ вами вашимъ языкомъ, безъ переводчика. Возвѣстите отцу моему о величіи, какое меня окружаетъ; разскажите ему о всемъ, что вы видѣли; поспѣшайте, возвратитесь ко мнѣ скорѣе и привезите съ собою отца моего.»

Онъ обнялъ брата своего Веніамина и плакалъ надъ нимъ; также и Веніаминъ плакалъ въ его объятіяхъ. Потомъ онъ дружески обнималъ каждаго изъ братьевъ и проливалъ слезы.

РАДОСТЬ ПРЕСТАРѢЛАГО ІАКОВА.

Фараонъ очень былъ доволенъ, узнавъ о прибытіи Іосифовыхъ братьевъ. Онъ далъ нѣсколько собственныхъ своихъ колесницъ, чтобы привезти отца Іосифова, женъ, братьевъ его и дѣтей ихъ. Іосифъ подарилъ каждому изъ братьевъ по нарядному платью; Веніамину же далъ пять нарядныхъ платьевъ и триста серебряныхъ монетъ. Также отцу своему послалъ десять ословъ, навьюченныхъ разными лучшими египетскими произведеніями, и десять ослицъ съ хлѣбомъ и со всякими припасами для дороги. Отпуская братьевъ своихъ, онъ сказалъ: «не безпокойтесь на дорогѣ; не дѣлайте другъ другу упрековъ въ прошедшемъ: всѣ прежнія неудовольствія должно предать забвенію.»

Между тѣмъ престарѣлый отецъ съ горестію и безпокойствомъ ожидалъ возвращенія дѣтей своихъ. Онъ боялся лишиться возлюбленнаго своего Веніамина. Вдругъ явились передъ нимъ всѣ дѣти вмѣстѣ съ Веніаминомъ и, увидя его, восклицали: «Іосифъ, сынъ твой, живъ! Онъ тотъ могучій правитель Египта, о которомъ мы говорили тебѣ!» Старецъ не хотѣлъ вѣрить имъ. Тогда сыновья разсказали ему всю исторію Іосифа и повторили всѣ слова его. Увидѣвъ присланныя колесницы Фараоновы и великолѣпные подарки, Іаковъ повѣрилъ и, какъ бы пробудясь отъ сна, воскликнулъ: «Іосифъ, сынъ мой, живъ! Я поѣду къ нему! Я хочу видѣть его прежде смерти моей.»

Іаковъ немедленно собрался въ путь. Сыновья его посадили женъ и дѣтей своихъ въ колесницы Фараоновы, взяли съ собою всѣ стада свои и все имѣніе свое, и отправились въ Египетъ. Всѣхъ ихъ числомъ было семьдесятъ душъ. На границахъ земли ханаанской Іаковъ принесъ жертву Богу. Онъ колебался оставить землю, дарованную Богомъ ему и потомству его. Такой дальній путь былъ утомителенъ и опасенъ для слабаго старца, и потому онъ просилъ Бога послать ему помощь Свою и наставить его какъ поступать. Господь сказалъ

ему въ ночномъ видѣніи: «Я Богъ твой, Богъ отца твоего! Иди безъ страха въ землю Египетскую; Я буду съ тобою. Тамъ потомство твое сдѣлается великимъ народомъ, и Я возвращу его въ землю, обѣщанную тебѣ и предкамъ твоимъ. Пусть Іосифъ сомкнетъ глаза твои.»—Сіе видѣніе успокоило благочестиваго старца, и онъ безъ страха продолжалъ путь свой въ Египетъ. Іуда поѣхалъ впередъ возвѣстить о прибытіи Іакова. Іосифъ сѣлъ въ колесницу свою и спѣшилъ встрѣтить отца. Увидя его, онъ сошелъ съ колесницы, бросился въ его объятія и долго плакалъ. Старецъ сказалъ: «теперь я спокойно умру; я увидѣлъ лице твое, ты еще живъ.»

Іосифъ доложилъ Фараону о прибытіи Іакова, и царь сказалъ: «весь Египетъ отверстъ отцу твоему и братьямъ; выбери для жилища ихъ лучшее мѣсто изъ всего моего государства.» — Іосифъ самъ представилъ Фараону отца своего. Царь радовался свиданью отца съ столь добрымъ сыномъ. Благочестивый старецъ благословилъ Фараона, который спросилъ у него: сколько тебѣ лѣтъ? Іаковъ отвѣчалъ: «время странствія моего есть сто тридцать лѣтъ. Немноги и скорбны были дни жизни моей: они далеко не равняются со днями странствія отца моего.» Онъ еще разъ благословилъ Фараона, и вышелъ отъ него съ растроганнымъ сердцемъ. Іосифъ, по приказанію царя, отвелъ для поселенія семейства своего лучшую страну во всемъ Египтѣ, землю Гесемскую. Онъ заботился о родныхъ своихъ и доставлялъ имъ съ избыткомъ все нужное.

Анна Зонтагъ.

(Священная Исторія для дѣтей).

---

4. О СВЯТОЙ МУЧЕНИЦѢ АЛЕКСАНДРѢ ЦАРИЦѢ.

(посвящается воспитанницамъ Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ, 21-го апрѣля 1843 года).

Съ душевнымъ наслажденіемъ бываю я въ благолѣпномъ храмѣ института вашего, милыя дѣвицы, воспитывающіяся подъ священнымъ кровомъ Августѣйшей Царицы, Матери всѣхъ призираемыхъ Ею! Съ сердечнымъ умиленіемъ гляжу на васъ благоговѣйно стоящихъ и съ усердною молитвою слѣдующихъ за прошеніями, возсылаемыми къ Подателю

всѣхъ благъ! Сердце согрѣвается при такомъ видѣ. При такомъ зрѣлищѣ, вѣра убѣждаетъ насъ, что усердная, чистая дѣтская молитва ваша возносится прямо къ Богу и отъ благодати Его испрашиваетъ всѣ милости, о коихъ Церковь, чрезъ служителей Господнихъ, молитъ вѣчное Милосердіе. При такомъ зрѣлищѣ утверждаешься въ вѣрѣ, что Русскіе есть избранный народъ Божій, особо Имъ милуемый, особо Имъ хранимый за все то благочестіе, которое воспитаніемъ насаждается въ сердцахъ, во множествѣ удостоенныхъ Высочайшаго родительскаго попеченія. Въ служеніи церковномъ, при возглашеніи драгоцѣннаго имени Той, которая посвятила Себя для доставленія вамъ временнаго счастія и вѣчнаго блажества, взоры ваши — замѣтилъ я при сегоднишнемъ служеніи въ церкви вашей — устремляются на предстоящій у васъ съ лѣвой стороны иконостаса образъ святой мученицы Александры Царицы. Преклоняя колѣна, испрашиваете вы ходатайства Ея, чтобы ваши молитвы, ваши желанія о продолженіи драгоцѣнныхъ для Россіи дней Августѣйшей Покровительницы вашей и сохраненіи необходимаго для всѣхъ насъ здравія Ея услышаны были небеснымъ Отцемъ, въ Его же руцѣ бездна милосердія и щедротъ. Многія изъ васъ — видѣлъ я — останавливали долго вниманіе свое на Святой, и какъ будто думали: «Царица и мученица! Какъ согласить это?» Извѣстно, чту мучениками и мученицами святая церковь наша величаетъ тѣхъ, которые, при свѣтѣ благодати Божіей познавъ суеты идолослуженія и презрѣвъ всѣ прелести мірскія, добровольно претерпѣвали лютѣйшія страданія и пріяли мучительную смерть за истину Бога живаго. Какъ же Царицѣ быть мученицей? Кто допустилъ ее до того? Кто былъ виною такого ея самоотверженія?

Окончивъ здѣсь ученье и получивъ свободу располагать временемъ, вы скоро найдете случай удовлетворить любопытство ваше. Наставленныя въ благочестіи, утвержденныя въ святой истинѣ, что «Слово Божіе» есть единый руководитель ко всему благому и полезному въ жизни, вы, имѣя тогда досугъ и способы, съ удвоеннымъ стараніемъ будете заниматься чтеніемъ всего, питающаго душу, и въ книгахъ, для того предназначенныхъ, скоро узнаете въ подробности все. Узнаете, отъ чего Царица сдѣлалась мученицею, что было поводомъ, что она, презря блескъ, пышность, самый вѣнецъ и всю славу царскую, всему этому предпочла скорби, страданія и мучительную смерть. Вы это узнаете — но

со временемъ: а мнѣ пришло желаніе, чтобы это вамъ извѣстно было теперь, и чтобы вы, знавши подвиги Святой, при молитвахъ къ Ней возсылаемыхъ, исполнялись большаго упованія, что ходатайство Ея предъ вѣчнымъ и безмѣрнымъ Милосердіемъ будетъ принято, и чрезъ Нея вы получите все по благому желанію вашему.

Прошу внимательно выслушать.

Нѣкоторымъ изъ васъ извѣстно, а другимъ въ свое время изъяснятъ наставники, отъ чего и какъ въ первыхъ вѣкахъ христіанства преслѣдуемы и гонимы были всѣ вѣрующіе въ истиннаго Бога и исповѣдавшіе, что предвѣчнымъ Сыномъ Его искуплены они отъ грѣха и вѣчной смерти. Гонители вѣрующихъ въ сію непреложную истину, при одномъ достопокланяемомъ имени Божественнаго Искупителя нашего Іисуса Христа, приходили въ лютую злобу, въ изступленномъ бѣшенствѣ нещадно мучили, терзали и наконецъ предавали мучительной смерти всякаго, исповѣдывавшаго Іисуса Христа, Сына Божія. Властители народовъ, цари, ослѣпленные тьмою идолослуженія, хотѣли истребить, искоренить святую вѣру, и въ слѣпотѣ своей думали, что, умертвивши всѣхъ, извѣстныхъ имъ христіанъ, можно изгладить изъ памяти людской самое имя Спасителя міра и удержать всѣхъ въ поклоненіи и признаваніи боговъ, изобрѣтенныхъ суевѣріемъ и придуманныхъ страстями человѣческими. До того ненавидимо было ими христіанство, что не смотрѣли на званіе, полъ, возрастъ, и при одномъ словѣ, кто бы ни сказалъ о себѣ, и на кого бы ни указано было, что онъ христіанинъ, тотъ подвергался жесточайшимъ мученіямъ и предавался смерти. Но никакіе человѣческіе замыслы, никакія усилія ослѣпленной злобы не могли одолѣть церкви Божіей и противиться благодатному, спасительному промыслу Его. Предавался мученію одинъ; а для внушенія страха въ народѣ, мученія надъ каждымъ христіаниномъ производились всенародно—и вотъ кровь льется, члены сокрушаются; терзаемый укрѣпляется силою Божіею, непобѣдимъ, не стонетъ, не изнемогаетъ, бодръ, какъ страдающій за правду, мужественъ какъ видящій близко величайшую, неизъяснимую награду, все переноситъ какъ бы въ чужомъ тѣлѣ; предстоящіе, поражаясь необыкновенными подвигами, сознаются въ душѣ своей, что вѣра, страдальцемъ исповѣдуемая, должна быть истинная, чистая, святая; убѣждаются въ томъ — и изъ многолюдной толпы выступаютъ сотнями новые подвигоположники вѣры, которые безтрепетно возгла-

шаютъ: «Великъ Богъ христіанскій; мы вѣруемъ въ Него!» И тутъже, подвергаясь всякаго рода мученіямъ, идутъ на смерть безъ боязни, увѣренные, что страдаютъ и полагаютъ души за правду, за истину святую, за имя Бога живаго, спасшаго насъ Собою отъ грѣха, и дарующаго истинно любящимъ Его жизнь вѣчную.

Такъ при жесточайшемъ изъ всѣхъ гонителей на христіанъ, римскомъ императорѣ Діоклитіанѣ, въ войскѣ его находился «тысяченачальникъ,» соотвѣтствующій саномъ и властію своею теперешнему полковнику, по имени Георгій. Онъ былъ происхожденія благороднаго, видный, красивый, крѣпкій мужествомъ и наученный по тогдашнему всѣмъ наукамъ; и какъ родителями своими былъ воспитанъ въ законѣ христіанскомъ, то и среди товарищей своихъ, въ невѣріи бывшихъ, среди исполненія обязанностей по должности и свѣтскихъ приличій, не только не скрывался, что онъ христіанинъ, но и не упускалъ ничего, чего требовала отъ него исповѣдуемая имъ святая вѣра. Какъ ни строги были отъ царя запрещенія, чтобы никто не дерзалъ и помыслить о христіанствѣ, какими ни угрожали мученіями каждому христіанину; но многіе, а въ числѣ ихъ и Георгій, не внимая ничему, не страшась никакой силы человѣческой, не ужасаясь объявленныхъ мученій, шли неуклонно по истинному пути и не таились въ поклоненіи истинному Богу. Узнавали о таковыхъ, предавали на мученія.... Св. Георгій, явясь въ совѣтъ царевъ, торжественно исповѣдалъ себя *рабомъ Христа Бога*.

Неистовый въ злобѣ мучитель, видя твердость Св. Георгія, готоваго переносить всѣ страданія и никакъ не отречься отъ Спасителя міра, приступилъ къ мученіямъ. Святый все терпѣлъ, все переносилъ, не ослабѣвая въ духѣ, и среди наносимыхъ ему терзаній непрестанно проповѣдывалъ Христа, неумолкаемо повторялъ, что за имя Его святое онъ готовъ принять еще лютѣйшія муки. И Господь не оставлялъ вѣрнаго раба Своего: когда онъ былъ истерзанъ и изрѣзанъ желѣзомъ, Господь послалъ ангела своего и исцѣлилъ страстотерпца отъ ранъ, возвратилъ ему силы и крѣпость; тогда мучитель, видя Святаго, какъ будто не принявшаго ни одной раны, воспламенился большимъ бѣшенствомъ и подвергъ Св. Георгія новымъ, жесточайшимъ прежнихъ мученіямъ. Едва живаго, мученика отнесли въ темницу, полагая, что онъ въ ту же ночь умретъ; но Господь исцѣлилъ язвы его, возвратилъ здоровье, сокрушенные члены

его совсѣмъ исправилъ, и утромъ, при выходѣ его на судилище, собравшееся тамъ множество народа съ удивленіемъ увидѣло его совершенно здоровымъ, крѣпкимъ и еще бодрѣйшимъ, нежели былъ до мученія.

Поражаемые такими чудесами, совершаемыми въ глазахъ всѣхъ божественною силою, многіе изъ народа славили Бога христіанскаго; ихъ тутъ же схватывали, казнили.... и потомъ другіе, желая участи страдавшихъ вмалѣ и получившихъ немедленно небесную, неизъяснимую награду, объявляли, что и они исповѣдуютъ Христа и готовы принять за Него страдальческую смерть. Мучитель неистовствовалъ; въ свирѣпости своей нещадно проливалъ кровь рабовъ Христовыхъ и изобрѣталъ новыя терзанія побѣдоносному Георгію.

На мученія святаго великомученика Георгія, кромѣ множества стекавшагося народа, пожелала взглянуть супруга Діоклитіана, Царица Александра, до коей дошла молва о необыкновенномъ мужествѣ и твердости Георгія въ сраженіяхъ и чудесныхъ его исцѣленіяхъ послѣ жесточайшихъ мученій. Кротость нрава, скромность, добродѣтельная жизнь и всѣ благія качества царицы конечно призвали на нее особенную благодать Божію, и Господь ее, уклоняющуюся отъ путей нечестивыхъ язычниковъ, возжелалъ спасти отъ вѣчной погибели и причислить къ лику избранныхъ Своихъ. Наблюдая за подвигами Св. Георгія и видя его непоколебимую вѣру, безстрашіе и терпѣніе въ жестокихъ мукахъ, униженіе, наносимое имъ при всѣхъ ложнымъ божествамъ, доселѣ чтимымъ за истинныя, она, уже осѣненная благодатію небесною и просвѣщенная свыше въ разумѣ, познавъ истиннаго Бога, не страшась, чтобы ни послѣдовало съ нею, и готовая даже на всѣ мученія, рѣшилась было тутъ же явно исповѣдать святое имя Христа Спасителя, но однимъ изъ вельможъ, окружавшихъ царя, узнавшемъ о намѣреніи ея, была не допущена до того, и подъ разными предлогами препровождена въ домъ. Но тѣмъ онъ не отклонилъ ее отъ пламеннаго желанія страдать за познаннаго ею Христа, къ чему и искала она удобнаго случая.

При ежедневныхъ страданіяхъ Св. Георгія и чудесахъ въ немъ и чрезъ него происходившихъ, о чемъ подробно изложено въ житіи его, 23-го апрѣля, Царица Александра, новая въ душѣ христіанка и уже по рѣшимости своей мученица, скоро достигла до исполненія желанія своего. Среди торжества страстотерпца надъ невѣрующими, снова увидѣвшими осмѣяніе идоловъ и униженіе служащихъ имъ жрецовъ, въ

народѣ произошло волненіе. Съ крикомъ и воплемъ бросилась толпа на Св. Георгія. Узнавъ о смятеніи, Царица Александра рѣшилась вступить въ святый подвигъ — и съ твердостію, оставя царскіе чертоги, презря всю славу, пышность и блескъ царскій, поспѣшила на площадь, гдѣ истязуемъ былъ Святый, и, за народомъ, не могши къ нему достигнуть, начала издали громко взывать: «Боже Георгіевъ! Ты одинъ всесиленъ! Помоги мнѣ!» Между тѣмъ Діоклитіанъ повелѣлъ взять мученика изъ толпы народной и представить къ себѣ. Тутъ началъ онъ снова укорять его въ непочтеніи идоловъ и грозить новыми муками, и когда Св. Георгій доказывалъ ложность чтимыхъ язычниками боговъ и что мученія ничтожны для него, явилась и Царица Александра. Съ непоколебимою твердостію, неустрашимо исповѣдала она предъ всѣми вѣру свою въ истиннаго Бога и, припавши къ ногамъ мученика, укоряла мучителя въ жестокости, посмѣявалась надъ идолами и обвиняла всѣхъ, кланяющихся имъ.

Внѣ себя отъ изумленія, Діоклитіанъ сказалъ ей: «Что сдѣлалось съ тобою, Александра, что ты, повѣривъ этому волхву и чародѣю, такъ явно и дерзко отрицаешься отъ боговъ нашихъ?» Но Царица, уже полная любви къ истинному Богу и пламенѣя вѣрою въ Іисуса Христа, отворотилась отъ мужа и не отвѣчала ему ничего. Въ лютомъ бѣшенствѣ, не помня себя отъ злобы, Діоклитіанъ, оставя дальнѣйшія убѣжденія, тутъ же повелѣлъ предать смерти Св. Георгія и Царицу Александру.

Приставленные къ тому воины повлекли великомученика Св. Георгія изъ города и повели также и Царицу, усердно готовую умереть. Безъ боязни идя на казнь, она тихо молилась познанному ею Богу и, возводя глаза на небо, съ нетерпѣніетъ ждала минуты явиться лицу Его. И Господь, видящій мысли и знающій всѣ желанія наши, благоволилъ, не подвергая ее тѣлеснымъ страданіямъ, призвать къ Себѣ ту, которая возлюбила Его всею крѣпостію души своей; и когда она, изнемогшая въ силахъ, на пути казни, испросила у воиновъ позволенія отдохнуть, сѣла близь одного строенія, то, приклонивъ голову къ стѣнѣ, тутъ же предала духъ свой Богу.

И Царица Александра, какъ мученица, по произволенію и по твердой рѣшимости своей принять всѣ истязанія за познаннаго ею Бога, явилась у престола Вѣчнаго Милосердія и получила сугубую награду, какъ за послѣдній, столь трудный для пола ея подвигъ, такъ и за всѣ тѣ добрыя дѣла, коими она среди царской роскоши и удовольствій житейскихъ, не

преставала украшать душу свою, и достигла до того, что Самъ Господь возлюбилъ ее и содѣлалъ достойною любви своей. И вотъ Святая, среди неизъяснимаго блаженства, призираетъ на подражательницу Свою въ добродѣтели, въ любви къ ближнимъ, въ состраданіи къ юности и безпомощности, призираетъ на Ту, которая украшаетъ такими качествами царскій вѣнецъ, данный Ей Богомъ по предъизбранію; призираетъ и на тѣхъ, которые такъ нѣжно любятъ Государыню, равную ей по имени, сану земному и по душевнымъ качествамъ, милостиво внемлетъ молитвамъ ихъ, вмѣстѣ съ прошеніями своими, о томъ же къ милосердому Богу, внемлющему и исполняющему прошенія ходящихъ по заповѣдямъ Его.

Молитесь, милыя дѣвицы! Молитесь здѣсь, молитесь и по выходѣ изъ вашего священнаго убѣжища, молитесь во всякое время и во всѣхъ обстоятельствахъ объ одномъ и томъ же, о чемъ вы такъ пламенно, такъ усердно сегодня молитесь въ храмѣ. Молитесь для общаго счастія и благоденствія нашего.

Основьяненко.

(*Журналъ для дѣтей: Звѣздочка*, 1843).

II.

Статьи изъ Исторіи.

5. ЧТО ТАКОЕ ИСТОРІЯ?

(Посвящается Колѣ).

Замѣчаешь ли ты, милый Коля, какъ все вокругъ тебя перемѣняется? Ты, напримѣръ, всталъ сегодня при свѣчкѣ, потому что на дворѣ было темно; а часа черезъ два свѣчку твою погасили, потому что свѣтло стало—вотъ ужъ и перемѣна. Ты сидишь одинъ въ комнатѣ, вдругъ входитъ кто нибудь и начинаетъ съ тобой говорить — вотъ опять перемѣна. Короче, если ты будешь примѣчать, то увидишь, что все вокругъ тебя перемѣняется. И чѣмъ болѣе проходитъ времени, тѣмъ болѣе перемѣнъ случается. Вотъ отъ чего, когда ты долго не будешь видѣть какого-нибудь мѣста или человѣка, такъ послѣ ты, можетъ быть, насилу узнаешь это

мѣсто или этого человѣка; а все отъ того, что съ нимъ между тѣмъ случится много перемѣнъ или хоть одна, да важная. Напримѣръ, ты три года тому назадъ былъ у дяденьки на дачѣ и гулялъ тамъ въ саду, а поѣзжай-ка туда будущее лѣто: ужъ сада не найдешь, да и стараго деревяннаго домика не узнаешь, потому что вмѣсто него выстроенъ одинъ большой каменный домъ. Да и дяденька-то уже не тотъ: бывало, онъ былъ такой веселый и разговорчивый, шутилъ и игралъ съ тобой, а теперь сидитъ цѣлый день нахмурясь въ своемъ домѣ и ни съ кѣмъ говорить не хочетъ. Вотъ какая тутъ перемѣна случилась: и мѣсто и человѣка трудно узнать! Сдѣлалось это въ три года, и сдѣлалось не вдругъ, а мало по-малу, такъ что еслибъ ты все тутъ же былъ, такъ едва бы замѣтилъ, какъ это сдѣлалось.

Между тѣмъ ты, мой другъ, и самъ все перемѣняешься. Было время, когда ты не только ни читать, ни писать не умѣлъ, да и говорить-то еще совсѣмъ не могъ. А передъ тѣмъ ты не умѣлъ и ходить; на ногахъ не умѣлъ стоять, и даже самъ кушать не умѣлъ; а еще прежде того ты ничего не понималъ; а еще прежде — тебя и совсѣмъ на свѣтѣ не было. Этого ты самъ конечно не помнишь, а я такъ очень помню. Теперь же ты мальчикъ хоть куда; читаешь и пишешь очень порядочно, знаешь ужъ многое, растешь, учишься, а иногда и пошаливаешь. Вотъ какъ ты въ десять лѣтъ перемѣнился! А черезъ нѣсколько годовъ не то еще будетъ... что будетъ? этого никто не можетъ знать напередъ, а только не то будетъ, что теперь—это вѣрно. Можетъ быть, ты выростешь великъ, будешь уменъ и добръ, станешь трудиться съ пользою для себя и для другихъ, потомъ состарѣешься, и наконецъ закроешь глаза на-вѣки! А можетъ быть (чего не дай Богъ!) ты умрешь и въ молодости.... Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ: мой Коля станетъ расти и умнѣть, будетъ большимъ человѣкомъ, сдѣлаетъ много хорошаго и умретъ не прежде, какъ въ старости, оставивъ по себѣ добрую память между людьми! это я предчувствую.

Изъ ребенка ты сдѣлался мальчикомъ; изъ мальчика сдѣлаешься взрослымъ человѣкомъ; изъ взрослаго человѣка—старикомъ. Вотъ изъ какихъ перемѣнъ состоитъ жизнь. Вѣдь перемѣняться и значитъ жить. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы не перемѣнялся каждый день. Да! это кажется тебѣ страннымъ; однако справедливо. Всѣ мы съ каждымъ днемъ старѣемъ, хоть и непримѣтно; всѣ мы съ каждымъ днемъ становимся въ душѣ или лучше или хуже, хоть намъ

и кажется, что мы все тѣже. Мы всѣ живемъ для того, чтобы день ото дня становиться лучше, и объ этомъ должны всякую минуту заботиться. Такъ и ты, Коля, долженъ каждый день стараться, чтобы вечеромъ, ложась спать, былъ ты уже лучше, нежели какимъ всталъ поутру. Вѣдь всякій отдѣльный день составляетъ какъ будто особую жизнь. Просыпаясь, ты какъ будто родишься; потомъ живешь, а вечеромъ, засыпая, ты какъ будто на цѣлую ночь умираешь. Передъ сномъ ты молишься Богу; тогда ты всякій разъ долженъ у себя спрашивать: «что я сегодня сдѣлалъ? что я сдѣлалъ хорошаго и что дурнаго?» И если ты точно сдѣлалъ что нибудь дурное, рѣшись завтра быть лучше и ужъ никогда болѣе не дѣлать того, въ чемъ упрекаетъ тебя совѣсть. Но когда тебѣ придется засыпать на-вѣки, т. е. умирать, тогда для тебя не будетъ завтрашняго дня, и ужъ тебѣ нельзя будетъ перемѣниться.

Я сказалъ тебѣ, что жить значитъ перемѣняться; однакожъ не всѣ перемѣны въ жизни одинаково важны и занимательны. Черезъ нѣсколько лѣтъ у тебя начнетъ расти борода; это будетъ также перемѣна въ твоей жизни, только совсѣмъ неважная. Но когда тебя отдадутъ въ какое нибудь училище, это будетъ важная перемѣна, потому что отъ этого много будетъ зависѣть вся твоя судьба, то есть отъ этого произойдетъ много другихъ и можетъ быть важныхъ перемѣнъ въ твоей жизни. Судьбу вѣдь и составляютъ всѣ тѣ перемѣны, которыя одна за другою случаются въ чьей нибудь жизни. Если перемѣна вдругъ обнаруживается какимъ нибудь замѣтнымъ образомъ или даже дѣломъ, то она называется случаемъ или происшествіемъ. Происшествіе всегда бываетъ важнѣе случая. Если ты, напримѣръ, упадешь, то эта довольно непріятная перемѣна твоего положенія будетъ только случай, но если у твоего папеньки (сохрани Богъ) загорится домъ и пропадетъ большая часть имущества, то эта перемѣна — пожаръ — будетъ происшествіе, котораго ты вѣкъ не забудешь, потому что отъ этой перемѣны случится множество другихъ перемѣнъ въ твоей жизни, и твое положеніе совсѣмъ перемѣнится.

Можетъ быть, ты ужъ усталъ читать разговоръ мой съ тобою? Такъ отложи книгу и отдохни, пока въ тебѣ не произойдетъ такой перемѣны, которая опять позволитъ тебѣ читать со вниманіемъ и съ охотою. Лучше совсѣмъ не читать, нежели читать кое-какъ. А какое тутъ чтеніе, когда и голова и глаза устали! На все есть свое время: есть вре-

мя на дѣло, есть время и на бездѣлье. Ужъ такъ мы созданы: все намъ нужны перемѣны. Вотъ отъ чего однообразіе, одно и тоже, наскучаетъ намъ, а разнообразіе нравится.

Ты, Коля, не одинъ живешь на свѣтѣ. Когда кто спроситъ: какъ тебя зовутъ? ты скажешь сперва свое имя, потомъ свою фамилію. Эта фамилія принадлежитъ не одному тебѣ, но и родственникамъ твоимъ, которые вмѣстѣ съ тобою составляютъ семейство. Когда же кто спроситъ: Нѣмецъ ли ты или Французъ? ты скажешь: «Нѣтъ, я Русскій!» Это значитъ, что ты принадлежишь къ русскому народу.

Ты вѣрно знаешь, что человѣческій родъ состоитъ изъ народовъ? А что такое народъ? Большое множество семействъ, которыя говорятъ однимъ языкомъ и обыкновенно имѣютъ одну религію, одни нравы и живутъ вмѣстѣ на одной землѣ. Каждый народъ есть особое, великое семейство. И какъ въ семействѣ всѣ подчинены отцу, такъ и цѣлый народъ всегда повинуется кому нибудь главному, какой нибудь власти. Иногда нѣсколько народовъ управляются одною и тою же властію. Такъ въ нашей Россіи, кромѣ Русскихъ, есть и Татары, и Чухны, и Поляки, и другіе народы, а всѣ они имѣютъ одного общаго Отца-Государя. Такое огромное семейство, состоящее изъ одного или нѣсколькихъ народовъ подъ одною властью, называется государствомъ.

Народъ отъ времени также перемѣняется, какъ и всякій отдѣльный человѣкъ. Поэтому можно сказать, что и народъ живетъ, имѣетъ свою жизнь, свою судьбу и даже — вотъ что замѣчательно—народъ, какъ и всякій изъ насъ, имѣетъ свои возрасты. Сперва народъ бываетъ грубымъ, непросвѣщеннымъ, т. е. онъ еще не воспитанъ, онъ — младенецъ, мальчикъ. Потомъ онъ умножается, усиливается, умнѣетъ; онъ будто молодой человѣкъ. И такъ какъ всякій изъ насъ въ этомъ возрастѣ любитъ показывать свою силу, любитъ смѣлые поступки и даже опасности, такъ и народъ въ это время, чувствуя силы свои, часто предпринимаетъ славныя дѣла, завоевываетъ чужія земли, и увеличиваетъ свои владѣнія. Послѣ того народъ успокоивается, заводитъ у себя лучшій порядокъ, болѣе занимается хозяйствомъ, науками и искуствами, нежели походами; стало быть онъ уже остепенился, возмужалъ. Вѣдь и всякій человѣкъ, послѣ молодыхъ лѣтъ, становится гораздо тише, разсудительнѣе, трудится много, а забавляется мало. Наконецъ и для народа настаетъ старость.

Теперь ты знаешь, что народъ также перемѣняется, также живетъ, какъ и всякій изъ насъ; въ его жизни также бываютъ случаи и происшествія, болѣе или менѣе важныя. Желалъ-ли бы ты, чтобъ я тебѣ разсказалъ жизнь какого нибудь народа, напримѣръ хоть того, къ которому ты самъ принадлежишь? Не правда ли, разсказъ о жизни русскаго народа отъ самаго его младенчества до сихъ поръ былъ бы очень занимателенъ для тебя? Только вѣдь этотъ разсказъ сдѣлался бы чрезвычайно длиненъ? Жизнь народовъ не такъ коротка, какъ жизнь отдѣльныхъ людей. Человѣкъ уже старъ въ 60, 70 лѣтъ; до ста почти никто не доживаетъ. А народы живутъ иногда по тысячамъ лѣтъ. Вотъ и русскому народу скоро минетъ 1,000 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ помнитъ себя, т. е. какъ нѣкоторые люди стали записывать всѣ перемѣны, какія съ нимъ случаются. Но ты, пожалуй, подумаешь, будто и невозможно разсказать всего, что случилось съ цѣлымъ народомъ въ продолженіе 1,000 лѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, что на такой длинный разсказъ не станетъ и всей человѣческой жизни?

Послушай. Если-бъ я тебя попросилъ разсказать мнѣ твою жизнь, сталъ-ли-бы ты описывать всѣ безъ исключенія перемѣны, всѣ случаи, какіе каждый день происходили съ тобой? Нѣтъ: ты, какъ умный мальчикъ, вѣрно разсказалъ бы мнѣ изъ своей жизни только главныя перемѣны, особливо тѣ, отъ которыхъ послѣ случились и другія перемѣны. Такъ долженъ поступать и тотъ, кто захочетъ разсказывать жизнь цѣлаго народа. Онъ долженъ говорить только о тѣхъ перемѣнахъ или происшествіяхъ, въ которыхъ точно видна жизнь народа, а объ ничтожныхъ случаяхъ не долженъ совсѣмъ и упоминать. Въ жизни всякаго есть много такого, что могло быть и иначе, а жизнь бы отъ того нисколько не перемѣнилась. Тебѣ, напримѣръ, вчера стригли волосы: но ты отъ этого не сталъ ни лучше, ни счастливѣе — и, разсказывая мнѣ свою жизнь, ты вѣрно не станешь описывать мнѣ, когда и гдѣ тебя стригли. Ежели, напротивъ, ты прочтешь какую нибудь книгу, изъ которой узнаешь много новаго и полезнаго, то въ разсказѣ своемъ непремѣнно долженъ будешь упомянуть объ ней, потому что ты и въ мысляхъ и въ дѣлахъ своихъ, а слѣдовательно и въ перемѣнахъ своей жизни, почувствуешь вліяніе этой книги. Такъ и тотъ, кто разсказываетъ жизнь народа, пропускаетъ въ ней все маловажное, а останавливается только на существенномъ; сверхъ того онъ всѣ перемѣны, случившіяся у та-

кого-то народа, разсматриваетъ въ ихъ взаимной связи, т. е. показываетъ, что отъ чего произошло.

Такой разсказъ о жизни народа составляетъ особую науку и имѣетъ особенное названіе, которое ты, вѣроятно уже слыхивалъ, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ понималъ его. Такой разсказъ, любезный Коля, называется Исторіею. Слово это греческое и по настоящему значитъ просто разсказъ или повѣствованіе. Можно разсказывать жизнь не только одного народа, но и многихъ, даже всѣхъ, которые когда нибудь жили и теперь живутъ, но, разумѣется, только такихъ, которые ужъ вышли изъ младенчества и составили государство. Вѣдь о жизни маленькихъ дѣтей нечего разсказывать: всѣ они похожи другъ на друга и всѣ дѣлаютъ тоже самое. Такъ и дикіе народы еще только начинаютъ свою жизнь! всѣ они сходны одинъ съ другимъ, и исторія ими не занимается. Когда она изображаетъ судьбу всѣхъ главныхъ народовъ, бывшихъ или еще и теперь существующихъ въ мірѣ, то называется всемірною, т. е. исторіею всего міра, всего человѣчества. Изъ того ты легко можешь заключить, что и въ цѣломъ человѣчествѣ происходятъ перемѣны, что слѣдовательно и оно живетъ. Да! и эта жизнь всего занимательнѣе для насъ. Что такое каждый изъ насъ въ сравненіи съ цѣлымъ человѣчествомъ? Не болѣе, какъ капелька въ океанѣ. Мы всѣ одинъ за другимъ умираемъ, а человѣчество все живетъ да живетъ, и будетъ жить, пока земля стоитъ.

Какъ-же для насъ должна быть важна всемірная исторія! Изъ нея мы узнаемъ, какъ и все человѣчество сперва было похоже на младенца, было грубо и невѣжественно, но потомъ мало-по-малу становилось образованнѣе и лучше. Какъ долго оно не знало истиннаго Бога! Наконецъ Отецъ нашъ небесный сжалился надъ своими бѣдными дѣтьми и открылся имъ, пославъ на землю Іисуса Христа. Вотъ послѣ этого-то родъ человѣческій сталъ особенно подвигаться во всемъ, и теперь онъ будетъ изъ вѣка въ вѣкъ еще примѣтнѣе улучшаться. Иногда людямъ кажется противное; но это только кажется. Подумай самъ, возможно ли, чтобъ Создатель, заботясь о судьбѣ всякаго отдѣльнаго человѣка, даже всякой безсловесной твари, оставилъ безъ попеченія судьбу всего человѣчества? Нѣтъ, участіе Провидѣнія ясно видно въ исторіи. Но, разумѣется, Господь Богъ въ премудрости Своей часто употребляетъ средства, которыхъ мы не понимаемъ. Иногда величайшее добро можетъ при первомъ взглядѣ показаться зломъ. Я тебѣ уже говорилъ, что и на-

родъ также, какъ всякій человѣкъ, старѣетъ и наконецъ умираетъ. Однакожъ то добро, которое онъ сдѣлалъ, никогда уже не погибнетъ, а перейдетъ къ другимъ народамъ. Были, напримѣръ, Греки и Римляне. Теперь этихъ двухъ народовъ уже нѣтъ; но все, что они сдѣлали, вся ихъ жизнь, даже ихъ языкъ до сихъ поръ составляютъ собственность человѣчества. Такъ-то жизнь народа никогда не проходитъ безъ пользы для всего человѣческаго рода, который поэтому все и становится лучше. Ты, другъ мой, со временемъ увидишь, какое важное дѣло для каждаго изъ насъ — опытность, т. е. знаніе всякой всячины не по наслышкѣ, а по тому, что мы сами въ жизни испытали. Такъ и для человѣчества чрезвычайно важна опытность. Этому насъ учитъ всемірная исторія.

Когда разсказывается жизнь одного только народа, или хоть и всѣхъ, да въ какое нибудь особое время, тогда исторія называется частною. Такъ есть исторія Франціи, исторія Англія, исторія Россіи и проч. Также точно можетъ быть исторія, напримѣръ, 12-го, 16-го, 18-го и всякаго другаго столѣтія.

Я сказалъ: исторія Франціи, Англіи, Россіи, вмѣсто исторіи Французовъ, Англичанъ, Русскихъ. Это все равно: можно употреблять названія земли вмѣсто названія народа; можно тоже говорить: исторія такого-то государства, напримѣръ русскаго, или и просто: русская, англійская исторія. И этакъ всякій тебя пойметъ.

Я надѣюсь, милый Коля: когда ты выростешь большой, то будешь много заниматься исторіею, особливо русскою. Исторія—одна изъ самыхъ занимательныхъ и полезныхъ, одна изъ необходимѣйшихъ наукъ. Я ужъ объяснилъ тебѣ, какъ важна человѣку опытность. Суди же, во сколько умножится твоя опытность, когда ты въ исторіи узнаешь, какъ прожили не только многіе люди, у которыхъ надобно учиться жить, но и цѣлые народы. Слыша разсказы объ ихъ жизни, ты какъ будто самъ вмѣстѣ съ ними проживешь ее. Безъ исторіи, твоя собственная опытность всегда будетъ недостаточна.

А какъ занимательна исторія! Сколько въ ней услышишь интересныхъ происшествій! Сколько въ ней узнаешь замѣчательныхъ людей, и добрыхъ и злыхъ, и великихъ и низкихъ, такихъ, которымъ должно подражать, и такихъ, съ которыми должно бояться и малѣйшаго сходства! Кто не знаетъ исторіи, тому все, что вокругъ него происходитъ, кажется новымъ и страннымъ; напротивъ, знающій ее сравниваетъ на-

стоящее съ прошедшимъ, сличаетъ нынѣшнихъ людей съ прежними, обо всемъ можетъ судить правильно, даже иногда предвидѣть, чѣмъ какая нибудь перемѣна кончится.

Ты ужъ и теперь можешь начать заниматься исторіею. Есть по этой части много хорошихъ книгъ, написанныхъ для дѣтей. Ты легко найдешь хорошую книгу въ этомъ родѣ, если обратишься къ кому нибудь знающему.

Теперь, Коля, еслибъ у тебя спросили: «Что такое исторія?» подумай, чтобы ты отвѣчалъ. Исторія есть... нут-ка, говори самъ.... По моему, тебѣ надобно отвѣчать вотъ какъ: Исторія есть наука, которая изображаетъ въ связномъ разсказѣ существенныя перемѣны въ жизни народовъ, или, пожалуй, государствъ. Со временемъ ты самъ, можетъ быть, еще лучше этого отвѣтишь на мой вопросъ; но покуда намъ и этого довольно.

Еще я долженъ замѣтить кое-что. Еслибъ ты разсказалъ мнѣ свою жизнь, ты бы не только говорилъ, что съ тобой случилось, но для полноты еще прибавлялъ бы: когда и гдѣ такая-то перемѣна произошла. Безъ этого я бы все-таки хорошенько не зналъ твоей жизни. Такъ и въ исторіи не довольно описывать происшествія; надобно сверхъ того показывать время и мѣсто ихъ. И читая исторію, ты всегда долженъ стараться запоминать во первыхъ столѣтія и годы, когда что было, а во вторыхъ города, селенія, рѣки и другія мѣста, гдѣ что было. Кто помнитъ годы и столѣтія, объ томъ говорятъ, что онъ знаетъ хронологію, т. е. счетъ времени. А кто твердо помнитъ замѣчательныя мѣста и умѣетъ находить ихъ на картѣ, тотъ знаетъ географію, т. е. землеописаніе. Слова: хронологія и географія, также какъ и исторія, взяты съ греческаго языка.

Хорошо ли ты теперь понимаешь, что такое исторія? Если понимаешь, поздравляю: ты полюбишь исторію, и она много, много принесетъ тебѣ пользы. А если не понимаешь, прочти еще разъ, да повнимательнѣе, все что я здѣсь написалъ, и всякій разъ, когда тебѣ что не совсѣмъ будетъ ясно, совѣтуйся съ кѣмъ нибудь, кто постарше да поумнѣе тебя.

Я. Гротъ.

6. ПЕТРЪ I.

РОЖДЕНІЕ ПЕТРА I-ГО.

Живо представляю себѣ, какъ обрадуются всѣ маленькіе друзья мои, прочитавъ названіе этой главы, увидѣвъ это имя славное, великое, равно прославляемое Русскими и въ раззолоченныхъ палатахъ вельможъ ихъ и въ бревенчатыхъ домикахъ крестьянъ. Такъ, любовь къ Петру одинакова не только во всякомъ званіи народа нашего, но даже, мнѣ кажется, и во всякомъ возрастѣ. Скажите, кто изъ маленькихъ читателей моихъ еще не знаетъ его и не желаетъ слышать все, что разсказываютъ о немъ? О! въ этомъ случаѣ не уступятъ имъ и читательницы мои! Это уже не то, что длинный разсказъ о малороссійскихъ казакахъ! Посмотрите, какое любопытство примѣтно на лицахъ ихъ! Съ какимъ ожиданіемъ свѣтлые глазки ихъ смотрятъ на того изъ старшихъ братьевъ, который, чтобы удовлетворить общему желанію маленькаго собранія, обѣщалъ прочитать вслухъ эти страницы о Петрѣ, и если бы онъ не принялся скоро за дѣло,—нетерпѣливыя дѣвочки вѣрно взяли бы изъ рукъ его книгу и начали бы сами читать ее. Но удивительно ли это нетерпѣніе ихъ, — вѣдь онѣ русскія дѣвочки—когда и всѣ иностранные народы, и всѣ умнѣйшіе писатели этихъ народовъ не могутъ надивиться нашему незабвенному Петру, и всѣ въ одинъ голосъ называютъ его самымъ великимъ государемъ? Послѣ того какъ же можно намъ, Русскимъ, для счастія которыхъ Петръ посвящалъ каждый часъ своей славной жизни, какъ можно намъ менѣе восхищаться имъ? Такъ, мои милыя малютки, ваше нетерпѣніе очень справедливо, и я сожалѣю, что не могу въ эту же минуту удовлетворить его, не смотря на обманчивое названіе этого разсказа! Еще не настало время начать исторію Петра: будущій герой Россіи, вмѣстѣ съ будущимъ величіемъ ея, еще покоится въ дѣтской колыбели; младенческіе взоры его еще не зажглись огнемъ генія; маленькія ручки еще не чертятъ плановъ завоеванныхъ земель и новой столицы, но безпечно играютъ жемчужными нитками, обвивающими шею молодой красавицы, нѣжно наклонившейся надъ его колыбелью. Но ктожъ эта счастливица, такъ сладко улыбающаяся младенцу Петру? Не такъ ослѣпителенъ блескъ царской одежды ея, какъ очаровательно счастіе, блистающее въ прекрасныхъ глазахъ

ея. О! если она наслаждается такимъ блаженствомъ, то отгадать не трудно, кто она. — Это — молодая супруга царя Алексія Михайловича, это — счастливая мать Петра!

Мать Петра! Сколько величія, сколько славы въ этомъ словѣ для женщины! Какъ занимательна должна быть ея исторія! какъ любопытны всѣ подробности, до нея касающіяся! Къ тому же вѣдь это не первая супруга Алексія Михайловича, уже извѣстная намъ царица Марія Ильинишна, изъ рода Милославскихъ. Нѣтъ, она умерла въ 1669 году и царь женатъ теперь на другой. И такъ, маленькіе друзья мои, ожиданія и желанія ваши не были совсѣмъ напрасны; вы услышите исторію матери Петра, узнаете, кто была она, прежде нежели судьба возвела ее на тронъ Россіи. Возвратимся же нѣсколько назадъ; забудемъ, что Петръ уже родился, и представимъ себѣ то время, когда Алексій Михайловичъ, еще недавно лишившись супруги, съ которою жилъ долго и счастливо, долженъ былъ вскорѣ потомъ оплакать и смерть старшаго, шестнадцатилѣтняго сына, царевича Алексія Алексіевича. Но и эти сильныя, семейственныя горести не производили своего гибельнаго дѣйствія надъ твердою душею царя. Съ прежнею неутомимостію продолжалъ онъ заниматься дѣлами государственными. Во всемъ обширномъ царствѣ его не было предмета, на которой бы онъ не обращалъ своего благодѣтельнаго вниманія. Собранныя узаконенія уже давно выданы были новою книгою, подъ названіемъ Уложенія царя Алексія Михаиловича, и эта книга, къ славѣ мудраго государя, сдѣлалась основаніемъ русскихъ законовъ. Послы его ѣздили не только въ Германію, Францію и Швецію, но даже въ Испанію и Италію, даже въ Турцію и Китай. Для торговли съ послѣднимъ построены были въ Сибири города: Нерчинскъ и Иркутскъ. Торговля вообще была много улучшена въ это примѣчательное царствованіе; самыя деньги получили другой видъ: Алексій Михайловичъ учредилъ монетный дворъ, гдѣ начали чеканить серебряные рубли и полтинники. Для распространенія просвѣщенія, онъ основалъ въ Москвѣ первую академію, которая называлась Заиконоспасскою. Чтожъ касается до правосудія, то рѣдкій государь былъ правосуденъ такъ, какъ Алексій Михайловичъ. Кромѣ того, что онъ внимательно разсматривалъ всѣ дѣла, какія представляли ему бояре—передъ дворцомъ его всегда стоялъ запечатанный царскою печатью ящикъ съ такою скважиною на крышкѣ, въ которую можно было просунуть свернутый листъ бумаги. Въ этотъ

ящикъ каждому позволялось класть свою просьбу. Вечеромъ его приносили къ государю, который самъ распечатывалъ его, самъ разсматривалъ всѣ положенныя просьбы, и самъ тотчасъ же писалъ на нихъ свои рѣшенія.

Въ такомъ безпрестанномъ занятіи счастіемъ народа, великодушный Алексій проводилъ всю жизнь свою. Обманчивая преданность боярина Морозова рано сдѣлала его осторожнымъ въ выборѣ совѣтниковъ и искреннихъ друзей. Долго искалъ онъ человѣка, съ которымъ бы можно было раздѣлить тяжесть правленія, и все боялся ошибиться. Наконецъ казалось ему, что онъ встрѣтилъ такого, что онъ нашелъ вѣрнаго друга, готоваго пожертвовать ему и отечеству жизнію. Это былъ думный дворянинъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Съ каждымъ днемъ царь открывалъ въ немъ новыя достоинства, съ каждымъ днемъ любилъ его болѣе и болѣе; и надобно сказать правду,—на этотъ разъ Алексій Михаиловичъ не ошибся: изъ всѣхъ придворныхъ его не было никого благороднѣе, добрѣе и усерднѣе Матвѣева! Царь находилъ такъ много удовольствія въ бесѣдахъ съ умнымъ совѣтникомъ своимъ, что даже иногда ѣздилъ къ нему въ гости. Съ удивленіемъ смотрѣли на это придворные; прежде никогда не бывало, чтобы цари русскіе посѣщали своихъ подданныхъ.

Со времени кончины супруги и сына, эти посѣщенія сдѣлались чаще; потому что, не смотря на всю твердость души, государь не могъ не грустить о невозвратной потерѣ милыхъ сердцу его. Артамонъ Сергѣевичъ умѣлъ развлекать его горесть, умѣлъ утѣшать его лучше всѣхъ другихъ придворныхъ бояръ и вельможъ.

Такъ протекли два года, и къ царю возратилось прежнее спокойствіе и веселость. Вотъ въ одинъ вечеръ Алексій Михаиловичъ пріѣхалъ къ любимцу своему позднѣе обыкновеннаго: у боярина, не ожидавшаго въ тотъ день гостей, уже накрытъ былъ столъ для ужина. Царь, замѣтивъ небольшое замѣшательство хозяина, шутливо сказалъ, что столъ накрытъ очень кстати, что онъ проголодался и вмѣстѣ съ нимъ отужинаетъ; только съ тѣмъ, прибавилъ добрый государь— «чтобы за столомъ были всѣ тѣ, кто обыкновенно ужинаетъ съ тобою.»

Желаніе царя было исполнено, и когда кушанье подали, въ комнату вошла хозяйка съ сыномъ и молодою дѣвушкой. Царь удивился: никогда не слыхалъ онъ, чтобы у Матвѣева была дочь, и никогда прежде не видалъ въ домѣ его этой

дѣвушки. За ужиномъ удивленіе его увеличилось: незнакомка была красавица изъ красавицъ. По обыкновенію того времени, она мало говорила, но за то всякое слово ея было такъ и мило и умно, что восхищенный государь не могъ наслушаться ея сладкаго голоса, не могъ наглядѣться на прекрасныя черты лица ея. Почти не спуская съ нея глазъ, Алексій Михаиловичъ даже позабылъ спросить, какъ зовутъ ту, которая такъ пріятно поразила его, и не прежде какъ уже въ половинѣ ужина поздравилъ хозяина съ такою прекрасною дочерью. Но тутъ узналъ онъ, что это была не дочь, а только воспитанница Матвѣева. Отецъ ея, Кирилъ Полуехтовичъ Нарышкинъ, былъ небогатый дворянинъ, который, проживая лѣто и зиму въ бѣдной деревенькѣ своей, былъ очень радъ, что родственникъ и другъ его, Артамонъ Сергѣевичъ, взялъ къ себѣ маленькую дочь его. Итакъ Наталія выросла въ домѣ Матвѣева. Онъ и добрая жена его любили воспитанницу свою какъ родное дитя, и, рано замѣтивъ чрезвычайную красоту дѣвочки, старались украсить и умъ ея всѣми познаніями, какія только можно было въ то время доставить знаменитой боярышнѣ русской. Наталія щедро вознаграждала эту любовь и эти нѣжныя попеченія: она была добра, чувствительна, прекрасна сердцемъ точно столько же, какъ и наружностію. Любуясь ею, добрые Матвѣевы часто думали, что какъ Богъ помогъ имъ воспитать пріемную дочь ихъ, такъ со временемъ поможетъ и выдать за-мужъ за хорошаго человѣка, который не посмотритъ на то, что она бѣдная дѣвушка.

Все это было разсказано Алексію Михаиловичу, когда онъ началъ распрашивать любимца своего о прекрасной воспитанницѣ его. Артамонъ Сергѣевичъ не скрылъ отъ добраго государя даже и того, какъ и онъ и жена его желали бы видѣть милую Наталію свою за-мужемъ. Царь не только одобрилъ такое желаніе, но даже, уѣзжая домой, сказалъ, что и онъ подумаетъ о томъ, какъ бы найти хорошаго жениха для такой прекрасной дѣвушки, какъ Наталія.

Онъ и подлинно началъ думать объ этомъ, и вообразите, милыя дѣти, кто былъ этотъ женихъ, котораго онъ выбралъ для счастливицы? Это былъ — онъ самъ! Да, прелестная дочь Нарышкина такъ плѣнила царя своею милою наружностію, а воспитаніе, полученное ею въ домѣ умнаго Артамона Сергѣевича, такъ хорошо ручалось за ея душевныя достоинства, что онъ рѣшился сдѣлать ее супругою своею, и на той же недѣлѣ пріѣхалъ сказать объ этомъ

Матвѣеву. Вы можете представить себѣ, какъ удивился добрый воспитатель Наталіи! Сначала думалъ онъ, что слышитъ это во снѣ, но потомъ, когда государь повторилъ еще разъ слова свои—Матвѣевъ упалъ къ ногамъ его и умолялъ оставить это намѣреніе: оно, казалось, предвѣщало счастливому любимцу царя столько опасностей отъ зависти вельможъ, и безъ того уже не любившихъ его за это счастіе, что онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на блистательную судьбу Наталіи.

Алексію Михаиловичу пріятно было видѣть безкорыстную преданность вѣрнаго подданнаго и друга. Онъ ласково поднялъ его и старался успокоить искренними увѣреніями въ томъ, что никогда никакія причины не заставятъ его перемѣнить расположеніе свое къ тому, кто такъ часто доказывалъ ему свое усердіе и вѣрность.

По просьбѣ Матвѣева, царь не сказалъ въ тотъ день Наталіи ни слова о любви своей, но исполнилъ старинный обрядъ русскихъ государей. Вы вѣрно догадаетесь, друзья мои, что я говорю о томъ собраніи красавицъ, изъ которыхъ царь обыкновенно выбиралъ невѣсту свою. Да, и въ этотъ разъ онѣ съѣхались въ кремлевскій дворецъ. Робко всходила на великолѣпное крыльцо царское и Наталія, съ удивленіемъ размышляя, отъ чего и ее, бѣдную и вовсе незнатную дѣвушку, назначили въ списокъ невѣстъ. Подлѣ нея шла нѣжная воспитательница ея, супруга Матвѣева, которая знала причину этого назначенія и очень желала сказать ее своей милой, ненаглядной питомицѣ, но Артамонъ Сергѣевичъ запретилъ это, и она молчала до тѣхъ поръ, пока участь Наталіи — была тайною для нея самой и для всѣхъ; но за то съ той минуты, какъ счастливая дѣвушка уже названа была царевною и въ великолѣпномъ нарядѣ невѣсты государя приготовлялась принимать поздравленія отъ всего двора,—терпѣніе доброй боярыни кончилось, и она высказала знаменитой воспитанницѣ своей все, что знала о любви къ ней государя.

Вотъ, милыя дѣти, подробности втораго супружества царя Алексія Михаиловича. Свадьба была 15 января 1671 года. Рѣдкое счастіе его и молодой царицы сдѣлалось совершеннымъ въ достопамятный, навѣки незабвенный для Россіи день: 30 мая 1672 года. Это былъ день рожденія Петра! Хотя у Алексія Михаиловича и остались отъ первой супруги два сына, царевичи Ѳеодоръ и Іоаннъ, но оба они были такого слабаго здоровья, что вовсе нельзя было надѣять-

ся на продолжительную жизнь ихъ, и потому царь восхищенъ былъ рожденіемъ третьяго сына. Можетъ быть, счастливый отецъ предчувствовалъ славу новорожденнаго. Но небо отказало ему въ блаженствѣ видѣть, какъ чудесно развивались великія силы необыкновеннаго ребенка; самое младенчество Петра не протекло въ глазахъ родителя: прежде нежели исполнилось ему четыре года, Алексій Михаиловичъ скончался и осиротѣвшее сердце печальной царицы уже одно, безъ нѣжнаго друга своего, прислушивалось къ первымъ словамъ героя, къ первымъ мыслямъ великаго ума его.

ПЕТРЪ, ДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЦАРЬ РОССІИ.

Наконецъ открываются предъ нами прекраснѣйшія страницы исторіи Россіи! Наконецъ на тронѣ ея является государь, назначенный судьбою произвесть въ отечествѣ нашемъ тотъ великій переворотъ, который въ полной мѣрѣ можетъ назваться чудеснымъ, неслыханнымъ ни у какихъ народовъ! Всѣ они, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ, просвѣщались постепенно; Русскіе-же сдѣлали это вдругъ, какъ будто по какой-то волшебной силѣ! Эту волшебную, удивительную силу, Богъ покровительствующій Россіи, вложилъ въ душу любимца своего, Петра. Точно, этотъ великій государь могъ назваться любимцемъ Бога: все въ немъ было прекрасно и необыкновенно! Чудесно самое младенчество его, чудесны лѣта дѣтства! Что я говорю? Даже самое рожденіе его было чудесно предсказано за нѣсколько мѣсяцевъ. Это удивляетъ васъ, милыя дѣти? да, вы правы, это удивительно, непонятно и объясняется развѣ только тѣмъ, что Богъ для такого чрезвычайнаго смертнаго допустилъ чрезвычайное явленіе въ природѣ. Какъ бы то ни было, только прежде, нежели онъ родился, два монаха, одинъ Симеонъ Полоцкій, а другой, бывшій потомъ митрополитомъ въ Ростовѣ, св. Димитрій, сказали царю Алексію Михаиловичу, что у него родится сынъ Петръ, что онъ наслѣдуетъ престолъ его, и будетъ такимъ героемъ, съ которымъ не сравнится никто изъ современниковъ. Они говорили, что видѣли это по расположенію звѣздъ на небѣ. Встарину, милыя дѣти, по всей Европѣ вѣрили, что звѣзды имѣютъ вліяніе на рожденіе людей, и потому часто предвѣщали судьбу и дѣла ихъ. Эта наука называлась астрологіею. Вы удивитесь еще болѣе, милые читатели мои, когда я скажу

вамъ, что предсказаніе о Петрѣ было не въ одной Россіи. Въ библіотекѣ Императорской Академіи наукъ есть до сихъ поръ переписка двухъ иностранныхъ ученыхъ: Николая Гейнзіуса и Іоанна Гревіуса. Первый, въ 1672 году, былъ нидерландскимъ посланникомъ въ Москвѣ, и писалъ къ послѣднему о рожденіи царевича Петра и о тѣхъ предвѣщаніяхъ, какія были сдѣланы о немъ, а Гревіусъ отвѣчалъ на это изъ Голландіи, что и у нихъ ученые гадатели замѣтили тоже самое по звѣздамъ, и согласны съ предсказаніями Русскихъ о новорожденномъ царевичѣ.

Что же надобно было думать предкамъ нашимъ объ этомъ младенцѣ, удивившемъ міръ прежде рожденія своего? О! они приняли его въ этомъ мірѣ, какъ существо неземное; они ожидали отъ него всего необыкновеннаго, и ожиданія ихъ исполнились болѣе, нежели они могли вообразить себѣ! Мнѣ кажется, я никогда не кончила бы, милые читатели мои, если бы начала разсказывать вамъ все, что сказалъ умнаго, все, что сдѣлалъ великаго, этотъ ни съ кѣмъ несравнимый Петръ. Слова и дѣйствія его, эти священныя драгоцѣнности народа русскаго, составляютъ многочисленные томы сочиненій, которыхъ и десятая часть не можетъ помѣститься въ краткой исторіи нашей: съ благоговѣніемъ должны они храниться въ памяти каждаго Русскаго, и вѣрно вы не одинъ разъ прочитаете ихъ, когда уже въ состояніи будете заниматься такимъ важнымъ чтеніемъ. Тогда только вы въ полной мѣрѣ узнаете величіе Петра и въ восторгѣ удивленія и благодарности къ Богу скажете: «Господи, благодаримъ Тебя за такого государя и за Твою любовь къ отечеству нашему!»

Но до тѣхъ поръ вамъ надобно довольствоваться небольшими разсказами нашими. Конечно, они несовершенны, они не могутъ назваться исторіей Петра — это только легкіе очерки его великихъ дѣлъ, но мы вознаградимъ сколько нибудь это несовершенство: я постараюсь собрать какъ можно болѣе любопытныхъ для васъ подробностей этого славнаго царствованія, а вы будете внимательно читать и помнить ихъ до тѣхъ поръ, пока настанетъ для васъ время насладиться чтеніемъ настоящей исторіи великаго преобразователя Россіи.

И такъ начнемъ разсказы наши съ самыхъ первыхъ лѣтъ Петра: великіе люди бываютъ занимательны даже въ то время, когда только что начинаютъ говорить. Напримѣръ

послушайте, каковъ былъ Петръ при самомъ началѣ третьяго года своей жизни:

Въ день св. апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня, праздновались именины царственнаго малютки. Кромѣ дорогихъ вещей, полученныхъ въ этотъ день Петромъ отъ нѣжныхъ родителей его и другихъ лицъ семейства царскаго, множество подарковъ отъ вѣрныхъ подданныхъ ожидало маленькаго именинника въ одной изъ комнатъ кремлевскаго дворца. Вотъ онъ входитъ туда съ боярами, приставленными къ нему (*), съ дѣтскимъ любопытствомъ смотритъ на все, чѣмъ усердіе народа хотѣло повеселить сына государя обожаемаго, и вдругъ быстрые, прекрасные глаза его засверкали отъ радости: они увидѣли маленькую стальную саблю. Не прошло минуты, какъ онъ уже держалъ ее въ рукахъ, уже узналъ, что ее поднесъ какой-то купецъ, уже приказалъ привести къ себѣ этого купца. Какъ скоро тотъ явился—царевичъ бросился къ нему на встрѣчу, приказалъ ему поднять себя на руки, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ, что онъ никогда не забудетъ его за такой прекрасный подарокъ. Не выпуская изъ рукъ сабли, побѣжалъ онъ къ своему родителю и просилъ непремѣнно чѣмъ нибудь пожаловать купца, а его опоясать саблею. Алексій Михаиловичъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на пламенную радость трехлѣтняго ребенка при видѣ оружія; она предвѣщала любовь его къ славѣ военной. Все было исполнено по желанію Петра: купецъ пожалованъ достоинствомъ гостя московскаго, сабля съ молитвою надѣта самимъ государемъ сверхъ голубаго шелковаго кафтанчика царевича. Царь сдѣлалъ еще болѣе: видя особенную страсть сына своего къ военнымъ занятіямъ, онъ собралъ нѣсколько человѣкъ дѣтей однихъ лѣтъ съ Петромъ, приказалъ сдѣлать для нихъ разныя маленькія оружія и выучить ихъ всему, чему учились солдаты. Тутъ-то, съ каждымъ днемъ начались для Петра праздники: съ утра до вечера онъ игралъ и учился съ своими маленькими воинами, и счастливая сабля почти никогда не снималась съ храбраго малютки; случалось даже, что онъ засыпалъ вмѣстѣ съ нею. Вотъ, милые читатели мои, вотъ Петръ на третьемъ году своего возраста. На четвертомъ, онъ лишился попечительнаго и нѣжнаго отца, но мѣсто его заступилъ

(*) Главнымъ изъ нихъ, или наставникомъ царевича, былъ дѣдъ его, бояринъ Кирилъ Полуехтовичъ Нарышкинъ, и при немъ помощники: Князь Прозоровскій, Головинъ и Головкинъ.

столько же нѣжный братъ и воспитаніе его продолжалось съ прежнею заботливостію; на пятомъ опредѣленъ былъ къ нему учителемъ дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ. Онъ училъ его читать и писать по русски, также исторіи всеобщей и въ особенности отечественной. Зотовъ, хотя не получилъ самъ отличнаго образованія, слишкомъ рѣдкаго въ то время въ отечествѣ нашемъ, и не зналъ иностранныхъ языковъ, но былъ человѣкъ очень умный, который понималъ искуство сдѣлать ученіе пріятнымъ занятіемъ, и кромѣ того былъ усерденъ и неутомимъ въ отправленіи своей должности. Историческіе уроки его не могли называться этимъ строгимъ именемъ. Нѣтъ, это были не уроки, но самые занимательные разговоры, во время которыхъ онъ разсказывалъ маленькому ученику своему о славныхъ государяхъ русскихъ, особенно о Святославѣ, Владимірѣ, Александрѣ Невскомъ, Димитріи Донскомъ, Іоаннахъ: Великомъ и Грозномъ, и наконецъ о Михаилѣ и Алексіи. Чтобъ сдѣлать разсказы свои еще разнообразнѣе, Зотовъ велѣлъ представить въ рисункахъ всѣ важнѣйшія происшествія, случившіяся во время этихъ знаменитыхъ царствованій, и расположилъ ихъ по всѣмъ комнатамъ царевича. О, еслибъ вы могли представить себѣ, маленькіе друзья мои, какъ эти картины и разсказы нравились Петру! Какой огонь блисталъ въ глазахъ его, когда онъ слушалъ о храбрости Святослава или Владиміра! Какъ весело улыбался при побѣдѣ Донскаго! Какъ восхищался великими дѣлами Грознаго! Какъ огорчался его преступленіями! Однимъ словомъ, Зотовъ въ полной мѣрѣ достигъ цѣли своей: пятилѣтній царевичъ, не смотря на младенческій умъ свой, понялъ, что государь только изъ исторіи можетъ научиться царствовать, и полюбилъ эту науку болѣе всѣхъ другихъ. Иногда слушая описаніе какого нибудь города или крѣпости, онъ просилъ, чтобы ему показали планы ихъ, и къ удивленію всѣхъ, окружавшихъ его, разсматривалъ ихъ со всею внимательностію и любопытствомъ взрослаго человѣка. Нерѣдко случалось даже и то, что быстрый умъ ученика увлекался далѣе познаній учителя, и добрый Зотовъ, не смотря на все свое усердіе, не въ состояніи былъ отвѣчать на безпрестанные вопросы его и принужденъ былъ прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ ученымъ иностранцамъ, находившимся въ службѣ царской, а иногда и къ самому царю, который съ особеннымъ удовольствіемъ любилъ разговаривать съ умнымъ малюткой и удивляться его необыкновеннымъ способностямъ.

Таковъ былъ умъ Петра въ самомъ нѣжнѣйшемъ дѣтствѣ; теперь я разскажу маленькимъ читателямъ моимъ случай, который покажетъ имъ сердце и нравъ его въ этомъ возрастѣ.

Царица Наталія Кириловна, не смотря на все сыновнее почтеніе къ ней Ѳеодора Алексіевича, имѣла много огорченій во время вдовства своего. Ближніе бояре, окружавшіе царя, по большой части родственники матери его, — Милославскіе, ненавидѣли вторую супругу Алексія Михаиловича и вмѣстѣ съ нею — всѣхъ Нарышкиныхъ. Пользуясь частыми болѣзненными припадками Ѳеодора и кротостію Наталіи, не любившей жалобами своими тревожить добраго и больнаго государя, они и приверженцы ихъ выдумывали на нее разныя клеветы, старались отдалять ее отъ царя, и даже осмѣливались иногда явно показывать ей свое неуваженіе. Однаждьі, самый дерзкій изъ нихъ, бояринъ Языковъ, похвасталъ между своими пріятелями, что заставитъ вдовствующую царицу выѣхать изъ дворца и жить въ другомъ домѣ, отдаленномъ отъ царскаго. Вотъ онъ и въ самомъ дѣлѣ явился на другой день къ Наталіи Кириловнѣ и сдѣлалъ ей свое дерзкое предложеніе подъ предлогомъ, что многочисленный дворъ ея (*) не можетъ помѣщаться въ одномъ домѣ съ государевымъ. Сначала царица, зная, что это выдумка Языкова, не встревожилась этимъ безразсуднымъ предложеніемъ и съ твердостію отказалась отъ него, но потомъ, когда обманщикъ сказалъ, что пришелъ отъ имени царя, Наталія вздрогнула и, испугавшись опасностей, какія грозили сыну ея, при немилости царствовавшаго брата его, не могла удержать слезъ своихъ. Между тѣмъ этотъ сынъ, предметъ нѣжнѣйшихъ попеченій ея, былъ тутъ же въ комнатѣ. Съ удивленіемъ слушалъ горделивый малютка дерзкаго, осмѣлившагося такъ грубо говорить съ государыней. Уже онъ готовъ былъ закричать отъ гнѣва, какъ вдругъ заблистали слезы въ прекрасныхъ глазахъ его матери. О, какъ сильно забилось младенческое сердце Петра!

(*) Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ такъ уважалъ супругу родителя своего, что, вступивъ на престолъ, не перемѣнилъ ничего при дворѣ ея и оставилъ на прежнихъ мѣстахъ всѣхъ, служившихъ у нея. Этотъ дворъ былъ такъ многочисленъ, что однихъ стольниковъ было 102. Изъ дѣтей этихъ придворныхъ чиновниковъ были выбраны первые товарищи военныхъ игръ Петра.

Царица, обожаемая мать его, плакала отъ дерзкихъ словъ подданнаго! Въ эту минуто онъ увидѣлъ, что для наказанія Языкова мало собственнаго гнѣва его, и, не сказавъ никому ни слова, пошелъ къ царю. Одинъ Зотовъ провожалъ его и едва успѣвалъ бѣжать за пылкимъ ученикомъ своимъ.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ по обыкновенію обрадовался, увидѣвъ своего любимца, но испугался его встревоженнаго вида и заботливо спрашивалъ, что съ нимъ. Тогда Петръ поцѣловалъ нѣсколько разъ руку брата и сказалъ: «Государь! я пришелъ къ тебѣ съ жалобою на Языкова: онъ хочетъ меня и съ матерью моею выгнать изъ дома отца моего и отдалить отъ тебя, какъ встарину Годуновъ отдалилъ и потомъ погубилъ царевича Дмитрія. Если тотъ домъ, куда высылаютъ насъ, нравится тебѣ, то я буду въ немъ жить вмѣстѣ съ тобою, но изъ дома отца моего, безъ тебя, Государь, никуда не выѣду.»—Сказавъ это, маленькій царевичъ оборотился ко всѣмъ окружавшимъ въ это время государя, и прибавилъ съ слезами на глазахъ: «Развѣ я не сынъ великаго царя Алексія Михаиловича, что мнѣ нѣтъ мѣста въ домѣ отца моего?»

Ѳеодоръ былъ тронутъ почти столько же, какъ и маленькій братъ его; онъ спѣшилъ успокоить и утѣшить его своими ласками, и тотчасъ же пошелъ къ царицѣ увѣрить ее, что онъ никогда не думалъ отдавать Языкову такихъ несправедливыхъ приказаній. Онъ предоставилъ ей наказать обманщика, какъ ей угодно, но кроткая Наталія отказалась отъ того и великодушно простила виновнаго боярина. Ей пріятно было оказать эту милость; въ душѣ ея разливалась такая сладкая радость въ ту минуту, когда она нѣжными ласками благодарила маленькаго защитника своего, что ей хотѣлось бы всему свѣту доставить хотя половину того счастія, какое могло чувствовать ея материнское сердце!

Такъ Петръ во все время дѣтства своего продолжалъ быть утѣшеніемъ и славою родительницы своей и всего семейства царскаго. Вы слышали уже, что Ѳеодоръ Алексіевичъ такъ любилъ его, что, умирая, назначилъ его своимъ наслѣдникомъ. Хотя это не было утверждено письменнымъ актомъ, но всѣ, окружающіе царя, помнили слова его. Къ тому же различіе между здоровьемъ и душевными спобностями обоихъ царевичей было такъ велико, что каждый долженъ былъ сознаться, что царь поступилъ справедливо и великодушно. Здѣсь представится вамъ новое великодушіе, милые друзья мои! Подивитесь, какъ благородны были всѣ сы-

новья Алексія Михаиловича! Вы сей часъ слышали, что одинъ изъ нихъ, изъ любви къ отечеству, отдалъ престолъ не старшему, родному брату и наслѣднику, но меньшому, рожденному отъ второй супруги родителя своего. Но что же сдѣлалъ этотъ старшій, обиженный царевичъ? Вмѣсто того, чтобы оскорбиться такою несправедливостію, и, какъ мы часто видимъ въ свѣтѣ, начать споръ о наслѣдствѣ своемъ, онъ добровольно согласился съ желаніемъ скончавшагося царя, и, уступая корону меньшому брату, съ кротостію сознался, что не чувствуетъ себя способнымъ царствовать такъ хорошо какъ онъ! О милыя дѣти, помните этотъ трогательный примѣръ смиренія и братской любви, какой показалъ намъ добрый Іоаннъ Алексіевичъ. Не думайте, что онъ принужденъ былъ сдѣлать это, потому что послѣ кончины Θеодора тотчасъ всѣ присягнули Петру. Нѣтъ! это избраніе было сдѣлано совсѣмъ не такъ поспѣшно. Прежде, патріархъ Іоакимъ со всѣмъ духовенствомъ и чинами государственными явился къ обоимъ царевичамъ и спрашивалъ, которому изъ нихъ угодно будетъ принять корону русскую. Іоаннъ Алексіевичъ въ ту же минуту объявилъ, что онъ отказывается отъ нея, чувствуя слабыя силы свои, и тогда уже всѣ присягнули десятилѣтнему Петру. Іоанну же было въ это время шестнадцать лѣтъ. Не удивительна ли такая скромность и уступчивость въ этомъ пылкомъ и самонадѣянномъ возрастѣ! О, Іоаннъ заслуживаетъ уваженіе наше, какъ ни маловажно было участіе его въ дѣлахъ государственныхъ во все время его непродолжительной жизни. Но оставимъ этого кроткаго сына царей: онъ былъ на землѣ не для здѣшняго міра, и хотя въ послѣдствіи мы еще будемъ встрѣчать имя его въ исторіи нашей, но оно будетъ сіять въ ней тихо, едва замѣтно, подлѣ лучезарнаго блеска, окружающаго имя младшаго брата его. Обратимся къ этому необыкновенному смертному, обратимся къ нашему Петру: — онъ уже на престолѣ! Самыя отдаленныя страны Россіи уже назвали его царемъ своимъ, добродѣтельную мать его правительницею. Все по наружности было спокойно, все, казалось, съ довѣренностію ввѣрило судьбу свою тому, кто до рожденія еще названъ былъ героемъ. Но это спокойствіе походило на тишину—предвѣстницу страшной грозы.

А. Ишимова.

(*Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей*).

7. ИЗЪ ИСТОРІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ПРЕОДОЛѢВАЕТЪ СВОЮ БОЯЗНЬ.

Замѣчательно, что въ дѣтскихъ лѣтахъ Петръ *боялся воды*, какъ говорится въ просторѣчіи. Разсказываютъ, что царица Наталія ѣздила съ нимъ на богомолье, когда ему было года четыре, и, при переѣздѣ черезъ какой-то ручей, карета царицы едва не опрокинулась. Петръ спалъ на рукахъ матери, проснулся отъ ея крика и такъ испугался воды, наполнившей карету, что съ тѣхъ поръ видъ рѣки приводилъ его въ невольное содроганіе. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ принудилъ Царя побѣдить сію слабость, когда было уже ему лѣтъ четырнадцать. Гуляя съ нимъ верхомъ въ полѣ, неожиданно подъѣхалъ Голицынъ къ рѣкѣ и переѣхалъ черезъ нее въ бродъ. Спутники Царя слѣдовали за Голицынымъ и потомъ начали купаться. Насмѣшки заставили Петра преодолѣть свою робость и онъ пустился на лошади чрезъ рѣку. Преодолѣвши однажды слабость свою, онъ не остановился на томъ и вскорѣ сдѣлался такъ же безстрашенъ на водѣ, какъ на землѣ, былъ отважнымъ, ловкимъ пловцемъ, и впослѣдствіи изумлялъ самыхъ отважныхъ моряковъ мужествомъ среди морскихъ опасностей.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ И ЛОЦМАНЪ АНТИПЪ.

Мая 1-го выѣхалъ Царь изъ Москвы, проплылъ, не останавливаясь, мимо Холмогоръ и 18-го былъ въ Архангельскѣ. Сюда явился архіепископъ Аѳанасій и долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ Царемъ въ Соловецкій монастырь, хотя и боялся морскаго пути. Передъ отъѣздомъ служили молебенъ. Царь пѣлъ звучнымъ басомъ съ пѣвчими , и 29-го мая отплылъ съ Аѳанасіемъ и свитою на яхтѣ архіепископской , весьма неудобной и неловкой. Къ ужасу спутниковъ Царя , едва выплыла яхта на средину Бѣлаго моря, возстала страшная буря. Тщетно убѣждалъ, ободрялъ другихъ Царь. Всѣ отъ страха потеряли голову, молились, плакали, прощались одни съ другими. Не унывалъ только Петръ. Душа его какъ будто радовалась борьбѣ съ раздраженною стихіею. По счастію, на яхтѣ нашелся опытный лоцманъ, служитель Соло-

вецкаго монастыря, Антипъ Тимоѳеевъ. Видя, что только Антипъ сохраняетъ присутствіе духа, Царь обратился къ нему и совѣтовался съ нимъ. Антипъ сказалъ, что осталось одно средство спастись отъ погибели—направить корабль къ ближайшей гавани: Унскіе Рога. Царь велѣлъ отдать ему руль и команду, но не вытерпѣлъ самъ и началъ вмѣшиваться въ распоряженія. «Поди прочь!» закричалъ разсерженный Антипъ: «я знаю, что дѣлать! Если ты мнѣ отдалъ руль, что-же ты мѣшаешься въ мое дѣло?» Смиренно отошелъ отъ него Царь. Антипъ искусно управилъ судно къ берегу и счастливо провелъ его среди опасныхъ каменьевъ, коими усѣянъ входъ въ Унскую гавань. «Помнишь-ли, пріятель, какъ ты отподчивалъ меня на морѣ?» смѣясь спросилъ тогда Царь у Антипа. Испуганный лоцманъ упалъ къ ногамъ его. «Нѣтъ, ты былъ правъ, а я виноватъ, вмѣшиваясь не въ свое дѣло», отвѣчалъ Царь, поцѣловалъ Антипа, и подарилъ ему на память свое мокрое дорожное платье.

САРДАМСКІЙ ДОМИКЪ.

Пребываніе Царя въ Сардамѣ сдѣлало навсегда достопамятнымъ сей маленькій городокъ. Никто не бываетъ нынѣ въ Амстердамѣ безъ того, чтобы не заѣхать въ Сардамъ. Донынѣ уцѣлѣлъ тамъ смиренный домикъ, гдѣ жилъ Петръ Великій, и сохраняется въ немъ мебель, имъ самимъ сдѣланная: тесовая кроват его и простой столъ. Домикъ называютъ *Княжескимъ домомъ*, и его сохраняютъ какъ драгоцѣнность, подъ особеннымъ каменнымъ навѣсомъ. Онъ принадлежитъ нынѣ Королевѣ нидерландской, праправнукѣ Великаго Царя. Его посѣщали Императоръ Іосифъ, король шведскій Густавъ III и Наполеонъ. Императоръ Павелъ благоговѣйно разсматривалъ его въ 1782 году; Александръ Благословенный, возвращаясь побѣдителемъ въ отечество, былъ въ Сардамѣ и оставилъ памятникомъ въ домикѣ великаго предка своего надпись, начертанную золотыми буквами на мраморѣ: *Petro Magno Alexander* (*Петру Великому Александръ*). Надпись надъ входомъ въ домикъ говоритъ посѣтителю: «Ничто не мало великому человѣку.» Вспомнимъ, что домику Петра Великаго воздалъ поклоненіе и нынѣ благополучно царствующій Монархъ Россіи, посѣщавшій его вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Въ немъ благодатный Наслѣдникъ Его, будущій Царь Русскій, былъ угощаемъ своею Августѣйшею Теткою въ 1838 году.

Онъ написалъ на стѣнѣ домика имя Свое и подъ Его именемъ прибавилъ спутникъ Его, поэтъ, котораго именовать не нужно (кто не узнаетъ его по мелодическимъ стихамъ?):

Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ Ангелы Святые.
Великій Князь! благоговѣй:
Здѣсь колыбель Имперіи Твоей,
Здѣсь родилась Великая Россія!

ПРИБЫТІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ САРДАМЪ.

На другой день по пріѣздѣ, осматривалъ онъ Амстердамъ и поспѣшилъ въ находящійся неподалеку отъ него небольшой городокъ Сардамъ, родину многихъ мастеровъ, которыхъ зналъ онъ въ Россіи, товарищей своихъ по Переяславлю и Воронежу. Сардамъ славился верфью, множествомъ фабрикъ, заводовъ, мельницъ и дѣятельностью жителей, отличныхъ мореходцевъ на купеческихъ судахъ, посѣщавшихъ тогда всѣ части свѣта. Подплывая къ Сардаму, Царь увидѣлъ Голландца, ловившаго рыбу, и узналъ въ немъ Геррита Киста, кузнеца, бывшаго въ Россіи. Онъ кликнулъ его по имени. Кистъ не вѣрилъ глазамъ своимъ: въ красной байковой курткѣ, холстинныхъ брюкахъ и большой круглой шляпѣ передъ нимъ стоялъ Царь Русскій. «Ты-ли это, Царь Московскій!» воскликнулъ добродушный Кистъ. Царь велѣлъ ему молчать, избралъ его руководителемъ своимъ въ Сардамѣ и прежде всего вмѣстѣ съ нимъ отправился искать себѣ квартиру. Нашелся маленькій отдѣльный домикъ у самого Киста, гдѣ жила какая-то бѣдная вдова. Она уступила свое жилище Царю, за 7 гульденовъ прибавки къ платѣ хозяина. Царь обѣдалъ потомъ въ трактирѣ. Что вы за люди?» спрашивали собесѣдники Царя и его спутниковъ.—«Мы русскіе плотники и пріѣхали сюда учиться,» отвѣчалъ Царь, распивая кружку пива по обычаю Сардамцевъ. Онъ купилъ себѣ топоръ, пилу, инструменты, записался работникомъ на верфи мастера Рогге и принялся за работу.

ЖИЗНЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ САРДАМѢ.

Донынѣ жители Сардама гордятся тѣмъ, что у нихъ жилъ и учился Петръ Великій, и преданіе народное повторяетъ множество разсказовъ объ его сардамскомъ житьѣ-бытьѣ. Такъ, напримѣръ, вспоминаютъ тамъ, какъ отличался онъ искуствомъ между всѣми плотниками и мастерами и полу-

чилъ за это званіе *баса* или *мастера*, какъ онъ работалъ на пильной мельницѣ, въ маслобойнѣ и на бумажной фабрикѣ. Мельница-крупчатка, гдѣ обтесалъ онъ лодку, донынѣ называется *Царскою*. Посѣтители домика удивляются искуству въ сдѣланныхъ Царемъ корабельныхъ моделяхъ, тамъ сохраняемыхъ. Царь самъ носилъ себѣ дрова на кухню, топилъ печку, стряпалъ кушанье. Войдя однажды въ домъ къ знакомому плотнику въ грязныхъ башмакахъ, онъ былъ остановленъ сердитою хозяйкою, смиренно скинулъ башмаки и, изъ опасенія замарать чистый полъ, остался въ чулкахъ. Онъ посѣтилъ мать бывшаго въ Россіи мастера Іозіака, за-просто завтракалъ съ нею и обѣдалъ у жены другаго мастера Ренсена. «Почему знаешь ты моего мужа?» спросила его жена Арріена Метье, отъ котораго Царь привезъ ей поклонъ изъ Россіи.—«Мы работали съ нимъ вмѣстѣ у Московскаго Царя,» отвѣчалъ Петръ. «Но кто-же ты самъ?» спросила его любопытная Голландка. «Я плотникъ,» отвѣчалъ Царь. Купивши у одного Сардамца ботъ, по приглашенію продавца Царь долженъ былъ распить съ нимъ въ магарычъ кружку пива. Онъ купилъ себѣ, кромѣ бота, яхту, самъ отдѣлалъ на нее мачту, прогуливался въ ней по морю, плавалъ нѣсколько разъ въ Амстердамъ, и однажды, пустившись въ шлюпкѣ по заливу въ бурное время, едва не утонулъ, когда сильнымъ волненіемъ перекачнуло шлюпку. Бывшіе при Царѣ успѣли схватить его. «Мнѣ надобно было окреститься въ Нѣмецкомъ морѣ!» сказалъ смѣючись Царь.

ОСНОВАНІЕ ПЕТЕРБУРГА.

Намъ драгоцѣнны даже малыя подробности основанія нынѣшней великолѣпной столицы Русскаго Царства.

Точкою начала ея постановилъ Царь небольшой островокъ *Енисари*, на главномъ протокѣ Невы, тамъ, гдѣ раздвигается она на два рукава *Неву* и *Невку*, обтекая островъ *Койвисари* (*Березовый*, или *Петербургскую сторону*). *Енисари* отдѣлялся отъ *Койвисари* небольшимъ протокомъ, и Царь назначилъ построить на немъ и на берегу *Койвисари* крѣпость. Заграждая Неву, она могла защищать городъ, который предполагали расположить на *Койвисари*. Обтекая *Енисари*, Нева еще дѣлится на два рукава: *Большую* и *Малую Неву*, такъ что *Койвисари* и *Гирвисари* (*Лосинный*, или *Васильевскій Островъ*) составляютъ съ *Енисари* три

мыса вмѣстѣ — *Стрѣлку*. Здѣсь предположено было устроить охранительныя батареи.

Строеніе Петербурга началось закладкою на *Енисари* крѣпости, во имя *Св. Апостоловъ Петра и Павла*, о шести бастіонахъ: первый былъ начатъ, находящійся влѣво отъ Петровскихъ Воротъ и обращенный лѣвымъ фасомъ къ Петербургской сторонѣ. Каждый бастіонъ отданъ былъ подъ надзоръ особеннаго надзирателя: одинъ соорудилъ самъ *Царь*, другіе *Меншиковъ*, *Головинъ*, *Нарышкинъ*, *Трубецкой*, *Зотовъ*. Половина бывшаго тогда въ Петербургѣ войска, плѣнные Шведы, нѣсколько тысячъ крестьянъ, присланныхъ изъ Новгорода и Олонца, и окрестныхъ Чухонцевъ, всего до 40,000 человѣкъ, работали неусыпно все лѣто и всю осень, рубили лѣсъ, носили землю, строили домы. Къ осени, земляные валы крѣпости были окончены и на Лосинномъ Островѣ были устроены охранныя батареи; на нихъ и на крѣпостныхъ валахъ Петропавловскихъ поставили до 300 пушекъ. Въ крѣпости сооружена была небольшая церковь, деревянная, во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла, и протянуты четыре линіи домиковъ, покрытыхъ землю и досками, для коменданта и офицеровъ, съ арсеналомъ, магазинами, лютеранскою киркою и аптекою На царскомъ бастіонѣ развѣвался флагъ съ изображеніемъ орла, держащаго въ когтяхъ четыре моря (Балтійское, Азовское, Бѣлое и Каспійское). На островѣ Койвисари, внѣ крѣпости, на берегу, построенъ былъ домикъ для пребыванія Царя — онъ хранится донынѣ, сей драгоцѣнный домикъ, на благоговѣніе потомству. Кто изъ насъ не видалъ его? Кто не преклонялъ въ стѣнахъ его колѣнъ? Двѣ небольшія комнаты, раздѣленныя сѣнями, съ кухнею, составляли жилище Царя. Домикъ внутри былъ обитъ холстиною и выбѣленъ, а снаружи раскрашенъ въ голландскомъ вкусѣ кирпичиками; на крышѣ его была для украшенія поставлена деревянная мортира; по угламъ видны были деревянныя, крашеныя, пылающія бомбы. (Благоговѣніе народное къ чудотворной иконѣ, поставленной Царемъ въ домикѣ и бывавшей съ нимъ въ походахъ его, преобратило нынѣ одну изъ комнатъ домика въ часовню, куда во множествѣ собираются благочестивые люди молиться тамъ, гдѣ великій Царь мыслилъ и молился о благѣ Русскаго Царства). Подлѣ домика выстроили обширный домъ Меншикову. Здѣсь Царь давалъ пиры, принималъ пословъ и держалъ совѣты. Тысячи балагановъ, хижинъ и

землянокъ покрывали Петербургскую сторону, и *вотъ что былъ великолѣпный Петербургъ въ первый годъ существованія его.*

ХАРАКТЕРЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Богъ, пославшій избранника своего Россіи въ лицѣ Петра, при геніальныхъ душевныхъ способностяхъ одарилъ его и тѣлесными качествами необыкновенными. Иностранцы, во время путешествія Петра по Европѣ, съ удивленіемъ смотрѣли на юнаго, 25-лѣтняго Русскаго Царя, высокаго, статнаго, мужественнаго, съ горящими черными очами, орлинымъ взоромъ, живостью, быстротою во всѣхъ движеніяхъ. Петръ, достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, былъ ростомъ 2-хъ аршинъ 14-ти вершковъ. Смуглое, но правильное, оживленное умомъ лице его оттѣнялось густыми, черными волнистыми волосами, небрежно заброшенными за уши. Небольшіе усы придавали ему видъ воинственный. Голосъ у него былъ чистый, ясный, громкій; рѣчь смѣлая, порывистая; походка величественная, хотя и скорая. Всѣ сильныя впечатлѣнія ярко отражались на лицѣ Петра, выраженіе коего, всегда веселое, мгновенно вспыхивало грозою при гнѣвѣ и также быстро свѣтлѣло улыбкою. Его тѣлесная сила была изумительна: онъ разгибалъ лошадиную подкову и свертывалъ въ трубку серебряную тарелку. Еще при Софіи онъ рѣдко уже надѣвалъ долгополое русское платье; но чаще всего являлся въ зеленомъ мундирѣ своего любимаго Преображенскаго полка. Принявъ самодержавіе, на аудіенціяхъ пословъ и во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ былъ онъ всегда въ мундирѣ своемъ, иногда только возлагая сверхъ него на рамена порфиру и царскій вѣнецъ на голову свою. На верфяхъ и въ работѣ онъ бывалъ въ простомъ полукафтанѣ. Въ кабинетѣ своемъ трудился онъ въ простой фуфайкѣ. Во время путешествія надѣвалъ онъ иногда, но весьма рѣдко, французскій кафтанъ и башмаки, вмѣсто своихъ большихъ сапоговъ. Послы русскіе, сопровождавшіе его, при аудіенціяхъ и торжественныхъ встрѣчахъ являлись въ великолѣпныхъ русскихъ платьяхъ, всегда занимая богатые экипажи. Царь въ путешествіи ѣхалъ въ простой каретѣ, гдѣ для услугъ его сидѣли съ нимъ два деньщика и карликъ. По городамъ ѣзжалъ онъ въ легкой одноколкѣ, верхомъ, и часто ходилъ пѣшкомъ запросто.

Н. Полевой.

8. ИЗЪ РУСКОЙ ЛѢТОПИСИ.

ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ЧТЕНІЯ.

Вотъ повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда пошла Русская земля, кто началъ первый княжить въ Кіевѣ, и какъ стала Русская земля.

Мы такъ начнемъ эту повѣсть. Послѣ потопа, три сына Ноевы, Симъ, Хамъ и Афетъ, раздѣлили землю: востокъ достался Симу, южная страна — Хаму, сѣверъ и западъ — Афету; отъ племени Афетова пошелъ народъ славянскій. Спустя много вѣковъ, Славяне сѣли по Дунаю, гдѣ теперь земля венгерская и болгарская. Отъ тѣхъ Славянъ разошлись по землѣ многіе народы и назвались каждый своимъ именемъ, гдѣ кто сѣлъ на какомъ мѣстѣ; такъ напр. одни поселились на рѣкѣ, именемъ Моравѣ, и назывались Моравами, а другіе назывались Чехами 1); а вотъ тоже Славяне: Бѣлые Хорваты, Сербы и Хоружане 2). Когда Волохи 3) напали на Славянъ подунайскихъ, поселились среди нихъ и стали ихъ притѣснять, то Славяне опять начали двигаться къ сѣверу: такъ одни пришли и сѣли на Вислѣ, и прозвались Ляхами; отъ этихъ Ляховъ пошли Поляки, Лутичи, Мазовшане, Поморяне. Другіе Славяне пришли и сѣли по Днѣпру, и назвались Полянами, а другіе — Древлянами, потому что стали жить въ лѣсахъ; а другіе сѣли между Припетью и Двиною, и назвались Дреговичами; Полочане прозвались отъ рѣчки именемъ Полоты, которая впадаетъ въ Двину. Тѣ, которые поселились около озера Ильменя, прозвались своимъ именемъ, Славянами; они построили себѣ городъ и назвали его Новгородомъ. Такъ разошелся Славянскій народъ.

Всѣ названныя племена жили особо другъ отъ друга, каждое на своемъ мѣстѣ, со своими нравами, обычаями и преданіями. У Полянъ были обычаи кроткіе и тихіе, а другія племена жили какъ звѣри. Между Полянами было три брата: одному имя—Кій, другому—Щекъ, третьему—Хоривъ; сестру ихъ звали Лыбедью. Они построили городъ, который

---

1) Богемцы.
2) Каринтійцы.
3) Кельты.

назвали, по имени старшаго брата, Кіевомъ. По смерти этихъ братьевъ, Древляне и другіе окольные народы стали притѣснять Полянъ: тогда пришли къ нимъ Козары и сказали: «платите намъ дань.» Поляне подумали, и дали имъ по мечу отъ каждаго дома. Козары принесли мечи къ князю своему и старшинамъ, и сказали: «вотъ мы нашли новую дань.» Старшины спросили: «откуда вы это взяли?»—Да вонъ тамъ въ лѣсу, на горѣ, надъ рѣкою Днѣпровскою,» отвѣчали они. Тогда старцы козарскіе сказали: «охъ, не хороша эта дань, князь! мы воюемъ саблями, острыми съ одной только стороны, а у этого народа мечи съ обѣихъ сторонъ острые: будутъ они брать дань и на насъ, и на другихъ странахъ.»—Все и сбылось, что предсказали старцы: Русскіе и до сихъ поръ владѣютъ Козарами.

Въ то время, какъ Поляне, Сѣверяне и другія племена платили дань Козарамъ, по бѣлкѣ съ каждаго дома, Варяги 4) изъ-за моря брали дань на Славянахъ новгородскихъ, на Кривичахъ, также на Чуди и Мери 5). Скоро однако эти народы прогнали Варяговъ за море, перестали давать имъ дань, и начали владѣть сами собою. Но, прогнавши Варяговъ, они никакъ не могли уладиться другъ съ другомъ, и начали междоусобныя войны. Тогда они стали говорить между собою: «поищемъ себя князя, который бы владѣлъ нами и судилъ всѣ дѣла справедливо»; отправили пословъ за море къ Варягамъ, къ Руси; Русью назывались Варяги точно такъ же, какъ другіе зовутся Шведами, иные Норвежцами, Англичанами, Готами. Чудь, Новгородцы и Кривичи сказали Руси: «земля наша велика и обильна, да порядка въ ней нѣтъ; пойдите княжить и владѣть нами.» Собрались три брата съ родственниками своими, взяли съ собою всю Русь и пришли: Рюрикъ въ Новгородъ, Синеусъ на Бѣлоозеро, Труворъ въ Изборскъ; отъ нихъ-то и прозвалась Русская земля. Черезъ два года, умерли Синеусъ и Труворъ; Рюрикъ одинъ принялъ всю власть, и роздалъ города приближеннымъ къ себѣ людямъ. Двое изъ нихъ, Аскольдъ и Диръ, которые не были ни родня Рюрику, ни бояре его, отпросились идти къ Царюгороду. Идучи внизъ по Днѣпру, они увидали на горѣ городокъ, и спросили: «чей это городокъ?» Жители отвѣчали имъ: «были три брата: Кій, Щекъ и Хо-

---

4) Народы сѣверо-западной Европы.

5) Народы финскаго племени.

ривъ; они-то и построили этотъ городокъ, да послѣ изгибли, а мы вотъ платимъ дань Козарамъ.» Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ, собрали много Варяговъ, и начали владѣть Полянами; а Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ.

Въ 866 году, пошли Аскольдъ и Диръ на Грековъ, при Царѣ Михаилѣ. Царь, въ это время, пошелъ было войною на Аравитянъ; но, получивъ вѣсть, что Русь идетъ на Царьгородъ, возвратился. Между-тѣмъ Аскольдъ и Диръ вошли въ константинопольскую гавань, перебили множество христіанъ, и съ двумя стами кораблей обступили городъ. Царь съ патріархомъ всю ночь молились въ церкви Влахернской Богородицы, а потомъ, вынесши ризу Богородицы, погрузили ее въ воду. До того времени море было тихо; вдругъ поднялась буря съ вѣтромъ, встали волны и разбили русскіе корабли; очень немного изъ Аскольдовыхъ воиновъ спаслось отъ такой бѣды и возвратилось въ отечество.

Между-тѣмъ умеръ Рюрикъ; онъ передалъ княженіе Олегу, своему родственнику, поручивъ ему и сына своего Игоря, который былъ еще дитя. Собравши много войска, пошелъ Олегъ къ Смоленску, взялъ этотъ городъ и посадилъ въ немъ своихъ мужей. Оттуда пошелъ внизъ, взялъ Любечь и посадилъ въ немъ также своихъ мужей. Пришедши къ горамъ кіевскимъ и видя, что Аскольдъ и Диръ княжатъ, Олегъ скрылъ часть воиновъ своихъ въ лодкахъ, другихъ оставилъ позади, а самъ пришелъ, неся малютку Игоря на рукахъ. Онъ послалъ сказать Аскольду и Диру: «мы купцы; идемъ въ Грецію отъ Олега и Игоря; придите повидаться съ нами» Аскольдъ и Диръ пришли. Тогда воины выскакали изъ лодокъ, и Олегъ сказалъ кіевскимъ князьямъ: «вы не князья, ни княжескаго рода, но я княжескаго рода, и вотъ сынъ Рюриковъ.» Аскольда и Дира убили, понесли на гору и погребли на горѣ. Олегъ сѣлъ княжить въ Кіевѣ и сказалъ: «это будетъ мать русскимъ городамъ»; послѣ чего началъ строить города и уставилъ дани. Сперва Олегъ воевалъ съ Древлянами и заставилъ ихъ давать дань по черной куницѣ. Потомъ онъ пошелъ на Сѣверянъ; побѣдивъ ихъ и наложивъ на нихъ дань легкую, не далъ имъ Козарамъ дани платить, сказавши: «я непріятель имъ, а съ вами у меня нѣтъ никакой вражды.» Послалъ и къ Радимичамъ спросить: «кому дань даете?» Они отвѣчали: «Козарамъ.» Олегъ сказалъ имъ: «не давайте Козарамъ, но давайте мнѣ.» Радимичи согласились.

Въ 907 году, пошелъ Олегъ на Грековъ, а Игоря оста-

вилъ въ Кіевѣ; взялъ съ собою Варяговъ множество, Новгородцевъ, и Чуди, и Кривичей, и другихъ народовъ. Со всѣми съ ними пошелъ Олегъ на коняхъ, и въ корабляхъ, и пришелъ къ Царю-городу; Греки замкнули гавань и затворили городъ. Олегъ вышелъ изъ корабля, велѣлъ корабли вытащить на берегъ и повоевалъ городскія окрестности. Русскіе перебили множество Грековъ, разорили дома, пожгли церкви, однимъ словомъ, поступали такъ, какъ обыкновенно поступаютъ непріятели. Греки, видя все это, испугались, выслали къ Олегу изъ города и сказали ему: «возьми дани сколько хочешь.» Олегъ согласился и возвратился въ Кіевъ, неся золото, драгоцѣнныя ткани, плоды и вина. Народъ прозвалъ его Вѣщимъ 6).

По смерти Олега, началъ княжить Игорь. Древляне затворились отъ него; Игорь пошелъ на нихъ, побѣдилъ и наложилъ дань больше, чѣмъ Олегъ. Въ 941 году, пошелъ Игорь на Грековъ. Болгары послали вѣсть къ царю, что идетъ Русь на Царь-городъ. Русскіе опустошали азіатскіе берега до тѣхъ поръ, пока не пришли греческіе воеводы съ востока и окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Русскіе, посовѣтовавшись, вышли на Грековъ и, послѣ злой сѣчи, Греки едва могли одолѣть. Русскіе сѣли ночью въ лодки и побѣжали. Но греческій воевода встрѣтилъ ихъ въ лодкахъ съ огнемъ и началъ пускать трубами огонь на русскія лодки, такъ что страшно было смотрѣть. Русскіе, увидавъ пламень, пометались въ морскую воду, чтобъ уйти какъ-нибудь, и такимъ образомъ возвратились домой. Пришедши, каждый разсказывалъ своимъ о чудесномъ огнѣ. «У Грековъ въ рукахъ точно молніе небесное, которое они пускали и жгли насъ; вотъ почему и не одолѣли мы ихъ», — говорили воины Игоря. Игорь же, пришедши, началъ собирать большое войско, и послалъ звать Варяговъ изъ-за моря: онъ опять хотѣлъ идти на Грековъ. Въ 944 году, Игорь въ самомъ дѣлѣ отправился къ Царю-городу въ лодкахъ и на коняхъ. Корсунцы, услыхавъ объ этомъ, послали сказать императору Роману: «идетъ Русь; кораблей у нихъ множество; покрыли все море корабли.» Также и Болгары послали вѣсть: «идутъ Русскіе, наняли и Печенѣговъ.» Тогда царь послалъ къ Игорю лучшихъ бояръ съ просьбою: «не ходи, но возьми дань, какую бралъ Олегъ; придамъ и еще къ той дани.» Игорь, дошедши до Дуная, созвалъ дружину и началъ ду-

---

6) Волшебникомъ.

мать съ нею о предложенiи царя. Дружина Игорева сказала: «если царь такъ говоритъ, то чего же намъ еще больше: безъ битвы возьмемъ золото, серебро и дорогiя ткани. Вѣдь не извѣстно, кто одолѣетъ: мы или они? Съ моремъ нельзя заранѣе уговориться; теперь мы не по землѣ ходимъ, но по глубинѣ морской: здѣсь одна смерть грозитъ намъ всѣмъ!» Игорь послушался дружины, и велѣлъ Печенѣгамъ воевать болгарскую землю; а самъ, взявши у Грековъ золото и ткани на всѣхъ воиновъ, возвратился назадъ и пришелъ къ Кiеву домой.

Послѣ этого, пришли назадъ и послы Игоревы, и привели съ собой пословъ отъ греческаго царя Романа. Игорь призвалъ къ себѣ пословъ греческихъ и спросилъ ихъ: «скажите, что же вамъ говорилъ царь?» Царскiе послы отвѣчали: «вотъ царь насъ послалъ къ тебѣ; онъ очень радъ миру, хочетъ миръ имѣть и любовь съ русскимъ княземъ: твои послы водили нашихъ царей къ присягѣ, и насъ послали привести тебя и мужей твоихъ также къ присягѣ.» Игорь обѣщался исполнить это. На другой день, призвалъ Игорь пословъ и пошелъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ 7). Поклали передъ идоломъ оружiе, щиты и золото, и клялись Игорь и всѣ люди его, сколько было язычниковъ между Русскими. А Христiанъ-Русскихъ водили къ присягѣ въ церкви Св. Илiи, что надъ ручьемъ; то была соборная церковь, потому что многiе Варяги были уже Христiане. Игорь, утвердивъ миръ съ Греками, отпустилъ пословъ, одаривъ ихъ звѣриными шкурами, рабами и воскомъ. Послѣ этого, Игорь началъ княжить мирно въ Кiевѣ; когда же пришла осень, началъ задумывать походъ на Древлянъ, желая взять съ нихъ еще большую дань. Дружина Игорева сказала ему: «наши товарищи, которые съ Свѣнельдомъ 8), богаты оружiемъ и платьемъ, мы наги; пойдемъ, князь, съ нами за данью: и ты добудешь, и мы.» Игорь послушался ихъ: пошелъ къ Древлянамъ за данью, и началъ обижать ихъ; побравши дань, пошелъ въ свой городъ. На дорогѣ Игорь раздумалъ и сказалъ дружинѣ своей: «ступайте вы съ данью домой, а я возвращусь назадъ, похожу еще.» Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ, отпустилъ дружину домой, а самъ съ немногими возвратился назадъ, желая большаго имѣнья. Древляне, услыхавъ, что Игорь опять идетъ, начали совѣтовать-

---

7) **Богъ языческихъ Славянъ.**

8) **Полководецъ Игоря.**

ся съ княземъ Маломъ; они говорили: «повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, если не убьютъ его; такъ теперь и съ нами: если не убьемъ Игоря, то всѣхъ насъ погубитъ.» Послѣ совѣщанія, они послали сказать Игорю: «зачѣмъ идешь опять? вѣдь ты уже взялъ всю дань.» Но Игорь не послушался ихъ; тогда Древляне вышли изъ города и убили Игоря и дружину его, потому что ея было очень мало.

Услыхавъ объ этомъ, Игорева жена Ольга, вмѣстѣ съ сыномъ Святославомъ, собрала большое и храброе войско, и пошла на Древлянскую землю. Древляне вышли противъ нея; когда оба полка сошлись, Святославъ бросилъ копьемъ въ Древлянъ; копье, пролетѣвъ между ушей его лошади, ударило ей въ ноги, потому что Святославъ былъ еще дитя и не умѣлъ владѣть копьемъ, Тогда Свѣнельдъ и Асмудъ, дядька Святослава, сказали: «князь уже началъ; пойдемъ, дружина, за княземъ.» Древляне были побѣждены, побѣжали и затворились въ своемъ городѣ. Ольга взяла городъ и сожгла его; старшинъ городскихъ взяла въ плѣнъ, а прочихъ людей—иныхъ убила, другихъ отдала въ рабство своимъ приближеннымъ, остальныхъ обложила тяжелою данью. Кончивъ войну, пошла Ольга съ сыномъ своимъ и дружиною по древлянской землѣ; установила вездѣ дани и оброки. Потомъ пришла въ городъ свой Кіевъ, и, пробывъ здѣсь годъ, отправилась къ Новгороду, и по дорогѣ уставила вездѣ также оброки и дани.

Въ 955 году, пошла Ольга въ Грецію и пришла въ Царь-городъ. Тамъ приняла христіанство и, возвратясь въ Кіевъ, уговаривала и Святослава креститься, но онъ и слышать не хотѣлъ о томъ; если же кто другой хотѣлъ креститься, то ему не мѣшали, но только смѣялись надъ нимъ. Часто Ольга говорила сыну: «Я рада, что узнала истиннаго Бога, и ты будешь радоваться, когда узнаешь Его». Святославъ обыкновенно отвѣчалъ на это: «какъ мнѣ одному принять новую вѣру? дружина станетъ смѣяться надо мною!» Тогда Ольга говорила ему: «если ты крестишься, то и всѣ станутъ дѣлать то же». Святославъ не слушался матери и жилъ по языческимъ обычаямъ.

Когда Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ собирать около себя много храбрыхъ воиновъ; ходилъ легко, какъ барсъ, и только и дѣлалъ, что воевалъ. Въ походахъ не возилъ за собою ни возовъ, ни котловъ, и не варилъ мяса; но, изрѣзавъ тонкими ломтиками конское мясо или друга-

го какого-нибудь звѣря, или говядину, пекъ самъ на угляхъ. и такъ ѣлъ. Шатра у него также не было, но спалъ на войлокѣ, положивъ сѣдло въ головы; точто также жили и всѣ остальные воины. Онъ посылалъ къ разнымъ народамъ сказать имъ: «хочу на васъ идти.» Ходилъ воевать на Оку и на Волгу; на Окѣ нашелъ Вятичей, и спросилъ ихъ: «кому дань даете?» Вятичи отвѣчали: «Козарамъ.» Тогда пошелъ Святославъ на Козаровъ, побѣдилъ ихъ и взялъ ихъ городъ; потомъ побѣдилъ Ясовъ и Касоговъ 9); наконецъ пошелъ на Дунай, на Болгаровъ, одолѣлъ ихъ, побралъ города по Дунаю, и сѣлъ княжить здѣсь въ Переяславцѣ.

Между-тѣмъ пришли въ первый разъ Печенѣги на Русскую землю, а Святославъ былъ въ Переяславцѣ. Ольга затворилась въ Кіевѣ со внуками своими: Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. Печенѣги обступили городъ со всѣхъ сторонъ, такъ что не льзя было ни выйти изъ города, ни вѣсти послать; народъ изнемогъ отъ голода и жажды. Жители другой стороны Днѣпра собрались въ лодкахъ, но ни одному изъ нихъ нельзя было пробраться въ городъ, ни изъ города къ нимъ. Встужили тогда жители города и говорили: «нѣтъ ли кого, кто бы могъ дойти на ту сторону и сказать имъ: «если завтра никто насъ не выручитъ, то сдадимся Печенѣгамъ?» Вызвался одинъ мальчикъ и сказалъ: «я перейду,»—и точно пошелъ съ уздою изъ города, и ходилъ между Печенѣгами, спрашивая: «не видалъ ли кто его лошади?» (Онъ умѣлъ говорить по печенѣжски, такъ что всѣ Печенѣги приняли его за своего). Когда же онъ дошелъ до рѣки, то скинулъ платье, бросился въ Днѣпръ и поплылъ; увидавъ это, Печенѣги кинулись за нимъ и начали стрѣлять, но не могли уже ему ничего сдѣлать, потому-что жители другой стороны Днѣпра подъѣхали къ нему и взяли его въ лодку. Мальчикъ сказалъ имъ: «если не подступите завтра къ городу, то жители его хотятъ сдаться Печенѣгамъ.» Тогда воевода, именемъ Претичь, сказалъ: «подступимъ завтра въ лодкахъ къ городу, схватимъ княгиню и молодыхъ князей, и умчимъ ихъ на эту сторону; если же такъ не сдѣлаемъ, то Святославъ погубитъ насъ.» На другой день, сѣвши въ лодки на разсвѣтѣ, начали они громко трубить; а люди въ городѣ отвѣчали имъ радостными кликами. Печенѣги подумали, что князь пришелъ, и побѣжали въ разныя стороны отъ города, а Ольга со внуками вышла къ лодкамъ. Уви-

---

9) Народы при-кавказскіе.

давъ это, князь печенѣжскій возвратился одинъ къ воеводѣ Претичу и спросилъ: «кто это пришелъ?» Ему отвѣчали: «лодки съ той стороны.» Князь печенѣжскій спросилъ опять у Претича: «а ты князь ли?» Претичъ отвѣчалъ: «я его воевода, и пришелъ съ передовымъ отрядомъ: за мною идетъ полкъ съ княземъ, — безчисленное множество народа.» Все это онъ сказалъ, чтобъ испугать Печенѣговъ. Тогда печенѣжскій князь сказалъ Претичу: «будь мнѣ другомъ»; Претичъ отвѣчалъ: «пожалуй». Печенѣжскій князь подарилъ Претичу коня, саблю и стрѣлы; а этотъ подарилъ ему броню, щитъ и мечъ. Печенѣги отступили отъ города. Тогда Кіевляне послали сказать Святополку: «Ты, князь, ищешь чужой земли и берешь ее, а до своей тебѣ и дѣла нѣтъ; насъ едва-было не взяли Печенѣги, вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтьми; если ты не придешь и не оборонишь насъ, то насъ опять возьмутъ Печенѣги: видно тебѣ не жаль ни родины своей, ни матери-старухи, ни дѣтей.» Услыхавъ такія вѣсти, Святославъ тотчасъ сѣлъ на коней съ дружиною и пріѣхалъ въ Кіевъ. Радъ онъ былъ, что нашелъ мать и дѣтей своихъ въ безопасности: но очень жалѣлъ, что случилась съ ними такая бѣда отъ Печенѣговъ, и, собравъ войско, прогналъ варваровъ въ степи; послѣ чего настало мирное время.

Скоро наскучило Святославу въ Кіевѣ; онъ сталъ говорить матери своей: «не нравится мнѣ въ Кіевѣ, хоту жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ; тамъ середина земли моей; туда привозится все доброе: изъ Греціи туда идетъ золото, ткани, вина, плоды разные; изъ Богеміи и Венгріи—серебро и кони; изъ Руси—звѣриныя шкуры, воскъ, медъ и рабы». Тогда Ольга отвѣчала ему: «Развѣ не видишь, что я уже больна? куда же ты хочешь отъ меня уйти? Похорони меня по-крайней-мѣрѣ, а тамъ уже ступай, куда хочешь.» Черезъ три дня, Ольга умерла; сынъ, внуки и всѣ люди много плакали по ней; потомъ вынесли тѣло и погребли. Ольга передъ смертію не велѣла дѣлать надъ собою тризны 10), потому что при ней былъ священникъ, который и похоронилъ ее.

По смерти матери, Святославъ посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, а Олега у Древлянъ. Въ то-же время, пришли Новгородцы просить также себѣ князя; они говорили: «если не пойдете къ намъ, то найдемъ себѣ другаго князя.» Свя-

---

10) Тризна—языческій обрядъ, наблюдавшійся при погребеніи.

тославъ сказалъ: «Да кто-же пойдетъ къ вамъ? Ярополкъ и Олегъ отказались идти въ Новгородъ.» Тогда Добрыня сказалъ Новгородцамъ: «просите Владиміра.» (Добрыня былъ дядя Владиміру). Новгородцы такъ и сдѣлали. Тогда Святославъ сказалъ имъ: «вотъ вамъ онъ, возьмите.» Такимъ образомъ, Владиміръ пошелъ въ Новгородъ съ дядею своимъ Добрынею, а Святославъ въ Переяславецъ.

Когда пришелъ Святославъ въ Переяславецъ, то Болгары затворились въ городѣ и не пустили его. Потомъ Болгары вышли изъ города на сѣчу противъ Святослава; сѣча была велика, и Болгары начали одолѣвать. Тогда Святославъ сказалъ своимъ воинамъ: «видно уже намъ здѣсь умереть; такъ станемъ же биться мужественно, братья и дружина!» Къ вечеру одолѣлъ Святославъ; взялъ городъ приступомъ, и послалъ сказать Грекамъ: «Хочу на васъ идти, взять и вашъ городъ, какъ взялъ этотъ.» Греки отвѣчали: «Мы не въ состояніи стать противъ васъ; но возьмите съ насъ дань, и на дружину свою; для чего скажите, сколько васъ, чтобъ намъ расчесться по числу людей.» Греки сказали это, желая обмануть Русскихъ. Святославъ сказалъ имъ: «насъ двадцать тысячъ;» десять тысячъ онъ прибавилъ, потому что Русскихъ всего было десять тысячъ. Тогда Греки собрали девяносто тысячъ войска на Святослава, и не дали ему дани; Святославъ пошелъ на Грековъ. Когда же Русскіе увидали противъ себя такое множество войска, то испугались. Святославъ сказалъ имъ: «Уже намъ теперь некуда дѣваться; волею и неволею должны биться; не посрамимъ Русской земли, но ляжемъ здѣсь костями; мертвымъ не стыдно, а если побѣжимъ, то ляжетъ на насъ стыдъ, отъ котораго некуда уйти; станемъ же лучше крѣпко; я пойду передъ вами; когда же голова моя ляжетъ, тогда думайте сами о себѣ.» Воины отвѣчали ему: «гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ.» Русь приготовилась къ битвѣ, и была сѣча велика. Святославъ одолѣлъ; Греки побѣжали; тогда Святославъ пошелъ къ Византіи, воюя и разбивая по дорогѣ города. Царь созвалъ бояръ своихъ въ палату и спросилъ: «что намъ дѣлать! Не можемъ никакъ одолѣть Русскихъ.» Бояре отвѣчали: «пошли къ Святославу дары, поизвѣдать, на что онъ больше падокъ, на золото или на дорогія ткани.» Такъ и сдѣлали: послали съ умнымъ человѣкомъ къ Святославу золото и ткани, наказавши послу: «смотри, гляди ему въ лицо, какое на немъ будетъ выраженіе.» Посолъ, взявъ дары, отправился. Святославу доложили, что пришли Греки съ поклономъ; тогда онъ

сказалъ: «введите ихъ сюда» Греки вошли, поклонились и разложили передъ Святославомъ золото и ткани; Святославъ, смотря равнодушно по сторонамъ, сказалъ слугамъ: «спрячьте это.» Послы возвратились. Царь созвалъ опять бояръ; послы сказали имъ: «какъ пришли мы къ Святославу и подали дары, то онъ и не посмотрѣлъ на нихъ, велѣлъ только ихъ спрятать.» Тогда одинъ бояринъ сказалъ царю: «попытайся еще; пошли къ нему оружіе. Совѣтъ былъ принятъ; послали къ Святославу мечъ и разное другое оружіе; когда же принесли къ нему, то онъ взялъ, началъ хвалить и любоваться, и велѣлъ благодарить царя. Узнавъ объ этомъ пріемѣ, бояре сказали царю: »долженъ же быть храбръ этотъ человѣкъ, когда пренебрегаетъ имѣніемъ, а беретъ только одно оружіе: дѣлать нечего, пришлось дать ему дань.» Тогда царь послалъ сказать Святославу: «не ходи къ городу: но возьми дань, сколько хочешь». Святославъ взялъ богатые дары и возвратился въ Переяславецъ; но увидавъ, что дружины осталось мало, началъ думать: «что если какою-нибудь хитростію перебьютъ дружину мою и меня? Пойти лучше въ Русь, привести побольше дружины.» Съ этою цѣлію послалъ сказать царю: «хочу имѣть съ тобою твердый миръ.» Царь, услыхавъ это, обрадовался и послалъ къ нему дары, еще больше, чѣмъ прежде. Святославъ принялъ дары, и началъ совѣтоваться съ дружиною, говоря такъ: «если не заключимъ мира съ царемъ, и онъ узнаетъ что насъ мало, то, пришедши, обступитъ насъ въ городѣ; а Русская земля далеко. Печенѣги съ нами въ войнѣ: кто намъ тогда поможетъ? Заключимъ миръ съ царемъ: Греки уже взялись давать намъ дань; будетъ съ насъ; если же перестанутъ исправно платить, то пойдемъ опять къ Царюгороду; тогда уже съ большимъ войскомъ.» Эта рѣчь понравилась дружинѣ.

Заключивъ миръ съ Греками, Святославъ пошелъ въ лодкахъ къ порогамъ. Отцовскій воевода Аскольдъ говорилъ ему: «пойди лучше, князь, на коняхъ, потому что Печенѣги стоятъ около пороговъ.» Святославъ не послушался его и пошелъ въ лодкахъ. Тогда Переяславцы послали сказать Печенѣгамъ: «идетъ Святославъ въ Русь, съ большимъ имѣніемъ и пѣшкомъ, но съ малою дружиною.» Услыхавъ объ этомъ, Печенѣги заступили пороги, и когда Святославъ пришелъ, то негдѣ уже было пройти. Русскіе стали зимовать въ Бѣлобережьи; съѣстные припасы у нихъ повышли, и сдѣлался большой голодъ. Такъ провелъ Святославъ всю зиму. Весною двинулся онъ впередъ; но печенѣжскій князь Куръ напалъ

на него и убилъ, а Свѣнельдъ пришелъ въ Кіевъ къ Ярополку. Всего на-все княжилъ Святославъ двадцат восемь лѣтъ.

Въ 975 году, сынъ Свѣнельда, именемъ Лютъ, вышелъ изъ Кіева въ лѣсъ на охоту; тутъ увидалъ его Олегъ, князь древлянскій, и спросилъ у своихъ: «кто это такой!» Ему отвѣчали: сынъ Свѣнельда; тогда Олегъ напалъ и убилъ Свѣнельдича, за то, что тотъ охотился вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ лѣсу. Отсюда пошла ненависть между Ярополкомъ и Олегомъ; Свѣнельдъ, желая отомстить за сына, не переставалъ подговаривать Ярополка: «пойди на брата и отними у него владѣніе.» На третій годъ, Ярополкъ пошелъ на брата своего Олега, въ древлянскую землю; Олегъ вышелъ къ нему на встрѣчу, и стали сражаться; князь кіевскій побѣдилъ древлянскаго. Когда Олегъ съ воинами своими бѣжалъ въ городъ, именемъ Овручь, то на мосту, перекинутомъ черезъ ровъ къ городскимъ воротамъ, столпилось множество бѣглецовъ, и въ тѣснотѣ воины спихивали другъ друга въ ровъ, въ томъ числѣ спихнули и самого Олега; за нимъ попадали еще много воиновъ, даже на лошадяхъ, и лошади передавили людей. Между тѣмъ Ярополкъ вошелъ въ городъ Ольговъ, захватилъ тамъ всю власть, и послалъ искать своего брата; искали, искали, и не нашли; тогда одинъ Древлянинъ сказалъ: «я видѣлъ, какъ вчера спихнули его съ моста.» Услышавъ объ этомъ, Ярополкъ послалъ искать брата во рву: съ утра до полудня вытаскивали трупы изо рва; нашли Олега на самомъ исподу, внесли во дворецъ княжескій и положили на коврѣ. Пришелъ Ярополкъ, и началъ надъ нимъ плакать; онъ говорилъ Свѣнельду: полюбуйся-ка, вотъ чего тебѣ хотѣлось! Олега погребли у города Овруча: могила и теперь тамъ. Тогда Владиміръ, услыхавъ въ Новгородѣ, что Ярополкъ убилъ Олега, испугался и бѣжалъ за море, а Ярополкъ посадилъ въ Новгородѣ своихъ посадниковъ, и владѣлъ одинъ на Руси.

Въ 980 году, пришелъ Владиміръ съ Варягами въ Новгородъ, и сказалъ Ярополковымъ посадникамъ: «ступайте къ брату моему и скажите ему: «Владиміръ идетъ на тебя; пристроивайся противъ него биться.» Послѣ этого, онъ сѣлъ въ Новгородѣ и послалъ въ Полоцкъ, къ тамошнему князю Рогвольду, свататься на его дочери Рогнѣдѣ. Рогвольдъ спросилъ у дочери: «хочешь ли выйти за Владиміра?» Она отвѣчала: «нѣтъ, не пойду за сына рабыни, а пойду лучше за Ярополка, великаго князя кіевскаго.» Послы Владиміра, воз-

вратясь, пересказали ему всю рѣчь Рогнѣдину; тогда Владиміръ, собравъ большое войско, Варяговъ и Славянъ, Чудь и Кривичей, пошелъ на Рогвольда. Въ то самое время, какъ хотѣли уже вести Рогнѣду за Ярополка, пришелъ Владиміръ на Полоцкъ, убилъ Рогвольда, двоихъ сыновей его, а дочь взялъ за себя, и пошелъ на Ярополка.

Когда Владиміръ пришелъ къ Кіеву со множествомъ войска, то Ярополкъ не могъ противостать ему, и затворился въ городѣ съ людьми своими и съ воеводою Блудомъ. Къ этому Блуду Владиміръ прислалъ съ такими рѣчами: «склонись на мою сторону; если мнѣ удастся убить брата, то ты будешь мнѣ вмѣсто отца, и получишь отъ меня большую честь; вѣдь не я началъ убивать братьевъ, а онъ; я-же пришелъ на него изъ страха, чтобъ онъ и меня не убилъ.» Блудъ отвѣчалъ посламъ Владиміровымъ, что будетъ помогать ихъ князю; и точно, безпрестанно ссылался съ нимъ, убѣждая приступать къ городу, а Ярополка обманывалъ, мысля убить его; но по причинѣ гражданъ, нельзя было совершить убійства. Тогда Блудъ замыслилъ погубить Ярополка коварствомъ, и началъ отсовѣтовать ему выходить изъ города на битву, говоря: «бѣги скорѣе изъ Кіева: Кіевляне пересылаются съ Владиміромъ, убѣждаютъ его приступать къ городу, обѣщаясь предать тебя ему.» Ярополкъ послушался, выбѣжалъ изъ Кіева, и затворился въ городѣ Роднѣ, а Владиміръ вошелъ въ Кіевъ и осадилъ Ярополка въ Роднѣ, гдѣ скоро сдѣлался страшный голодъ; есть пословица и теперь: «бѣда точно въ Роднѣ.» Въ такихъ обстоятельствахъ, Блудъ началъ говорить Ярополку: «видишь, сколько войска у твоего брата; намъ его не пересилить; заключай скорѣе миръ;» все это онъ говорилъ, обманывая князя. Ярополкъ отвѣчалъ: «хорошо.» Тогда Блудъ послалъ къ Владиміру съ такими рѣчами: «мысль твоя сбылась; я приведу къ тебѣ Ярополка, а ты распорядись, какъ бы убить его.» Владиміръ пошелъ на отцовскій теремный дворъ и сѣлъ тамъ съ дружиною, а Блудъ между тѣмъ говорилъ Ярополку: «ступай къ брату и скажи ему: что мнѣ дашь, тѣмъ и буду доволенъ.» Ярополкъ пошелъ, хотя вѣрный слуга его, Варяжко, говорилъ ему: «не ходи, князь, убьютъ тебя; бѣги лучше къ Печенѣгамъ и приведи оттуда войско»; но князь не послушался. Когда Ярополкъ пришелъ ко Владиміру, и сталъ входить въ двери, то два Варяга пронзили его мечами подъ пазуху, а Блудъ между-тѣмъ захлопнулъ за нимъ двери, и не далъ Ярополковой дружинѣ войти за своимъ княземъ; такъ былъ убитъ Ярополкъ.

Послѣ этого, Варяги сказали Владиміру: «городъ-то нашъ; вѣдь мы его взяли, и потому хотимъ брать окупъ на гражданахъ, по двѣ гривны съ человѣка.» Владиміръ отвѣчалъ имъ: «подождите немного, пока сберутъ деньги за мѣсяцъ.» Варяги ждали, ждали, и ничего имъ не дали; тогда они сказали Владиміру: «обманулъ ты насъ; позволь намъ по крайней-мѣрѣ идти въ Грецію.» Владиміръ отвѣчалъ имъ: «ступайте.» Потомъ выбралъ изъ нихъ мужей добрыхъ, смышленыхъ и роздалъ имъ города въ управленіе; другіе же пошли въ Царь-городъ, къ Грекамъ. Но Владиміръ прежде нихъ еще отправилъ пословъ къ императору съ такими словами: «вотъ идутъ къ тебѣ Варяги; не держи ихъ въ городѣ, а не то надѣлаютъ они тебѣ бѣдъ, какъ и у насъ здѣсь; лучше размечи ихъ по разнымъ мѣстамъ, а сюда къ намъ не пускай ни одного.» Послѣ этого, началъ княжить Владиміръ въ Кіевѣ одинъ, и поставилъ разные кумиры на холму за дворомъ теремнымъ: Перуна деревяннаго, а голова у него серебряная, усъ золотой; кромѣ него—Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша. Приносили имъ жертвы, называя богами своими; приводили сыновей своихъ и дочерей, и закалали ихъ въ жертву богамъ, оскверняли землю своими жертвами; и осквернилась кровью земля русская и холмъ тотъ. Но преблагій Богъ не хотѣлъ смерти грѣшникамъ; на томъ холмѣ теперь церковь стоитъ Св. Василія; но объ этомъ послѣ скажемъ, а теперь къ прежнему возвратимся.

Ходилъ Владиміръ на Ляховъ и занялъ города ихъ Перемышль, Червенъ и другіе, которые и теперь подъ Русью; побѣдилъ и Вятичей, и наложилъ на нихъ дань отъ плуга, какъ и отецъ его бралъ. Когда князь пришелъ къ Кіеву и приносилъ жертву кумирамъ съ людьми своими, то старцы и бояре сказали ему: «бросимъ жребій на мальчиковъ и дѣвицъ: на кого падетъ, того и зарѣжемъ богамъ.» Въ это время жилъ въ Кіевѣ одинъ Варягъ; дворъ его стоялъ тамъ, гдѣ церковь Св. Богородицы, построенная Владиміромъ; Варягъ тотъ пришелъ изъ Греціи, держалъ вѣру христіанскую, и былъ у него сынъ, прекрасный лицемъ и душею; на него-то и палъ жребій. Посланные отъ народа пришли къ старому Варягу и сказали: «на твоего сына палъ жребій; боги выбрали его себѣ, чтобъ мы принесли его имъ въ жертву.» Варягъ отвѣчалъ: «то не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгніетъ; ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ; сдѣланы руками изъ дерева; Богъ же одинъ, которому служатъ Греки и кланяются; Онъ сотворилъ небо

и землю, звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, и далъ ему жить на землѣ; а эти боги что сотворили? они сами сдѣланы руками человѣческими; не дамъ сына своего бѣсамъ.» Посланные пересказали слова Варяга гражданамъ; тогда народъ, взявъ оружіе, пошелъ на Варяга и разломалъ заборъ около его дома. Варягъ стоялъ на сѣняхъ съ сыномъ. Ему кричали: «отдай сына; намъ нужно его принести въ жертву богамъ.» Онъ отвѣчалъ: «если то въ самомъ дѣлѣ боги, то пусть пошлютъ одного бога взять моего сына; а вы изъ чего такъ хлопочете?» Въ народѣ раздался яростный крикъ; толпа бросилась, подрубили сѣни подъ обоими Варягами, и такимъ-образомъ убили ихъ, и никто не знаетъ, гдѣ ихъ похоронили.

Въ 988 году, пошелъ Владиміръ съ войскомъ на Корсунь, городъ греческій: Корсунцы заперлись въ городѣ и крѣпко оборонялись. Владиміръ послалъ сказать имъ: «если не сдадитесь, то три года простою здѣсь;» но они не послушались. Тогда Владиміръ, устроивъ свое войско, велѣлъ дѣлать насыпи около города: но Корсунцы, подкопавши городскую стѣну, уносили насыпаемую землю къ себѣ въ городъ. Въ это время, одинъ житель корсунскій, именемъ Настасъ, пустилъ стрѣлу въ станъ русскій, а на стрѣлѣ было написано: «на востокъ отъ тебя колодезь; изъ него вода идетъ по трубѣ въ городъ, откопай колодезь и перейми воду.» Владиміръ тотчасъ велѣлъ копать, и точно воду переняли у гражданъ; тогда послѣдніе, изнемогши отъ жажды, сдались. Владиміръ вошелъ въ городъ съ дружиною, и послалъ къ императорамъ Василію и Константину съ такими словами: «вотъ я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что у васъ есть сестра дѣвица: если вы не отдадите ее за меня, то и столицѣ вашей будетъ отъ меня тоже, что и Корсуню.» Оба царя, услыхавъ это, сильно огорчились, и отвѣчали: «не прилично христіанамъ выдавать своихъ сестеръ за невѣрныхъ; если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вмѣстѣ съ нею царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать за тебя сестры». Владиміръ отвѣчалъ посламъ: «скажите царямъ, что я готовъ креститься, потому-что прежде испыталъ вашъ законъ, и мнѣ нравится ваша вѣра и богослуженіе.» Цари, услыша это, обрадовались, и послали сестру свою, именемъ Анну, которую насилу уговорили идти: она сѣла въ корабль, простилась съ родными и съ плачемъ поплыла черезъ море. Когда царевна пріѣхала въ Корсунь, Владиміръ крестился, а послѣ крещенья обвѣнчался на Аннѣ, и пошелъ съ нею въ Кіевъ.

Пришедши туда, онъ велѣлъ повѣстить народу: кто не придетъ къ рѣкѣ креститься, богатый ли, или бѣдный, тотъ будетъ мнѣ противенъ.» Услыхавъ это, люди шли съ радостью, говоря: «еслибъ эта вѣра была не хороша, то князь и бояре не приняли бы ее.» На другой день, Владиміръ вышелъ съ духовеиствомъ на Днѣпръ, куда собралось множество людей; всѣ вошли въ воду и стояли въ ней одни по шею, другіе по грудь, малолѣтные у берега, возрастные же дальше, и держали на рукахъ младенцевъ, а священники читали молитвы.

С. Соловьевъ.

III.

Повѣсти и разсказы.

9. СИРОТЫ.

Какъ вы счастливы, любезныя дѣти! У васъ есть маменьки, которыя о васъ заботятся: чего бы вы ни захотѣли, чтобы ни задумали — все готово для васъ! Нѣсколько глазъ смотрятъ за каждымъ вашимъ шагомъ; подойдете близко къ столу—нѣсколько голосовъ вамъ кричатъ: «берегись!....» Вы занемогли — маменька въ безпокойствѣ, весь домъ въ хлопотахъ! являются и родные, и докторъ, и лекарство: маменька не спитъ ночью надъ вами, заслоняетъ васъ отъ вѣтра. А когда вы заснете въ своей мягкой постелькѣ, тогда никто въ домѣ не смѣй пошевелиться; едва вы проснетесь—и маменька улыбается вамъ, и приноситъ вамъ игрушки, и разсказываетъ сказочки, и показываетъ книжки съ картинками. Какъ вы счастливы, милыя дѣти! Вамъ и въ голову не приходитъ, что есть на свѣтѣ другія дѣти, у которыхъ нѣтъ ни маменьки, ни папеньки, ни мягкой постельки, ни игрушекъ, ни книжекъ съ картинками. Я разскажу вамъ повѣсть объ одномъ изъ такихъ дѣтей.

Ваня, сынъ бѣднаго органнаго музыканта, (одного изъ тѣхъ, которыхъ вы часто встрѣчаете на улицѣ съ органами, или которые входятъ во дворъ, останавливаются на морозѣ и забавляютъ васъ своею музыкою), Ваня шелъ рано по утру съ Васильевскаго острова въ Петропавловскую школу.

Не безделица была ему бедному поспевать каждый день къ назначенному времени. Отецъ его жилъ далеко, очень далеко, въ Чекушахъ. Ваня въ этотъ день вышелъ особенно рано; ночью слегка морозило, льдинки хрустели подъ ногами беднаго Вани, который въ одной курточке перепрыгивалъ съ камешка на камешекъ, чтобы лучше согреться: не смотря на то, онъ былъ веселъ, прикусывалъ хлебъ, который мать положила ему въ сумку; повторялъ урокъ, который надобно ему было сказать въ классе, и радовался, что знаетъ его хорошо, радовался, что въ это воскресенье не оставятъ его въ школе за наказанье, какъ-то случилось на прошедшей неделе; больше у него ничего не было въ мысляхъ. Ужъ онъ перешелъ черезъ Синiй мостъ, прошелъ Красный и быстро бежалъ по гранитному тротуару Мойки, какъ вдругъ Ваня за что-то запнулся, смотритъ — передъ нимъ лежитъ маленькiй ребенокъ, закутанный въ лохмотья. Ребенокъ ужъ не кричалъ: губки его были сини; ручки, высунувшiяся изъ лохмотьевъ, окостенели. Ваня очень былъ удивленъ такой находкой; онъ посмотрелъ вокругъ себя, думая, что мать ребенка оставила его тутъ только на время, но на улице никого не было. Ваня бросился къ ребенку, поднялъ его, и, не зная что делать, сталъ было целовать его, но испугался,—ему показалось, что онъ целуетъ мертваго: наконецъ ребенокъ вскрикнулъ. Ваня очень тому обрадовался и первая мысль его была отнести его къ себе домой; но, прошедши несколько шаговъ, онъ почувствовалъ, что эта ноша была для него слишкомъ тяжела, и сверхъ того онъ заметилъ, что его найденышъ дрожалъ и едва дышалъ отъ холода. Ваня былъ въ отчаянiи; онъ скинулъ съ себя курточку, накинулъ ее на младенца, теръ у него руки, но все было напрасно: ребенокъ кричалъ и дрожалъ всемъ теломъ. Посмотревъ снова вокругъ себя съ безпокойствомъ, онъ увиделъ стоявшаго близь дома сторожа, который хладнокровно смотрелъ на эту сцену. Ваня тотчасъ подошелъ къ нему съ своею ношею. «Дядюшка, сказалъ онъ, пригрей!» Но сторожъ, чухонецъ, не понималъ словъ его и только качалъ головою. Ваня сказалъ ему тоже по-немецки; чухонецъ опять его не понялъ. Ваня не зналъ что делать; онъ виделъ, что минуты были дороги, что одна скорая помощь могла спасти оледенелаго ребенка. Въ это время изъ дома вышелъ какой-то господинъ и, увидевъ Ваню, спросилъ его: «Чего ты хочешь, мальчикъ?»—Я прошу, отвечалъ Ваня, чтобы взяли и согрели этого ребенка, пока я сбегаю за батюшкой. —

«Да гдѣ ты взялъ этого ребенка?» спросилъ незнакомецъ.— Здѣсь на тротуарѣ, отвѣчалъ Ваня. — Господинъ взялъ ребенка на руки и далъ знакъ Ванѣ, чтобъ онъ за нимъ слѣдовалъ. Они вошли въ домъ. Незнакомецъ спросилъ у Вани: «Для чего ты хочешь идти за своимъ отцемъ?» — Для того, отвѣчалъ Ваня, что мнѣ одному не донести до дому этого ребенка.—«Да кто ты?»—Я сынъ органнаго музыканта. — «Такъ твой отецъ долженъ быть очень бѣденъ?»—Да, отвѣчалъ Ваня, мы очень бѣдны. Батюшка ходитъ по городу съ органомъ, матушка учитъ собачекъ плясать—тѣмъ мы и кормимся.—Ну такъ гдѣ же ему содержать еще ребенка! — оставь его здѣсь.» Ваня былъ въ недоумѣніи. Незнакомецъ, замѣтивъ это, сказалъ: «Говорю тебѣ, оставь его здѣсь, — ему здѣсь будетъ хорошо.»

Между тѣмъ какъ они говорили, вошедшая въ комнату женщина раздѣла ребенка, вытерла его сукномъ и начала кормить грудью. Ваня видѣлъ, какъ заботились о его найденышѣ; онъ понималъ, что незнакомецъ говорилъ ему правду и что отцу его невозможно будетъ содержать новаго питомца; но все ему было жаль съ нимъ разстаться. «Позвольте мнѣ, сказалъ онъ сквозь слезы, «хоть иногда навѣщать его?»—Съ радостію, отвѣчалъ ему незнакомецъ, и я тебѣ дамъ средство узнавать его между другими.»—Какъ между другими? спросилъ Ваня. — Да, отвѣчалъ ему незнакомецъ, такихъ дѣтей здѣсь много; пойдемъ, я тебѣ ихъ покажу.—Незнакомецъ отворилъ дверь, и Ваня съ чрезвычайнымъ удивленіемъ увидѣлъ предъ собою рядъ большихъ комнатъ, гдѣ множество кормилицъ носились съ младенцами: иныя кормили ихъ грудью, другія завертывали въ пеленки, третьи укладывали въ постельку. Это былъ Воспитательный Домъ, благодѣтельное заведеніе, основанное Императрицею Екатериною II. Я называю ее, любезныя дѣти, чтобъ это имя врѣзалось въ сердцѣ вашемъ. Въ послѣдствіи, учась исторіи, вы узнаете много славныхъ дѣлъ въ ея жизни, но ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться съ тѣмъ высокимъ христіанскимъ чувствомъ, которое внушило ей быть *Матерью сиротъ безпомощныхъ*. До нея, несчастныя дѣти, брошенныя бѣдными или жестокосердыми родителями, погибали безъ призрѣнія. Она призрѣла ихъ и назвала себя ихъ матерью. Привыкайте же благоговѣть предъ именемъ Екатерины и призывать его въ вашихъ молитвахъ.

Когда Ваня съ незнакомцемъ возвратился снова въ прежнюю комнату, онъ увидѣлъ, что его найденышъ былъ уже и обмытъ, и обвитъ чистыми пеленками.

«Что? найдено ли что въ лохмотьяхъ?» сказалъ незнакомецъ кормилицѣ.

Ничего, отвѣчала кормилица. — Тогда незнакомецъ велѣлъ принести крестъ съ нумеромъ и написалъ на особомъ листкѣ: № 2,332 младенца, принесеннаго 7 ноября 18.. года, сыномъ органнаго музыканта Карла Лихтенштейна Иваномъ въ С.-Петербургскій Воспитательный домъ, и проч.

И долго еще послѣ того Ваня навѣщалъ своего найденыша, которому дали имя Алексѣя. Алексѣй скоро привыкъ узнавать Ваню, и когда Ваня входилъ, протягивалъ къ нему свои ручонки.

Много лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ. Надобно вамъ сказать, что отецъ Вани съ молодости былъ музыкальнымъ учителемъ; онъ давалъ уроки на фортепіано и на скрипкѣ, и тѣмъ добывалъ для себя и для семейства безнужное содержаніе. Продолжительная болѣзнь лишила его учениковъ; когда онъ нѣсколько выздоровѣлъ, мѣсто его во всѣхъ домахъ было уже занято другими учителями: новыхъ учениковъ онъ не находилъ, а если и находилъ, то не надолго, ибо возобновлявшіеся припадки принуждали его опаздывать, а часто и совсѣмъ не приходить къ урокамъ. Мало-по-малу Лихтенштейнъ впалъ въ нищету, мало-по-малу все его небольшое имущество распродано было для того, чтобъ достать денегъ на хлѣбъ, и наконецъ онъ принужденъ былъ приняться за ремесло уличныхъ музыкантовъ. Года четыре спустя послѣ разсказаннаго нами происшествія съ Ваней, отецъ его, думая больше выручить денегъ по разнымъ городамъ, нежели въ Петербургѣ, отправился въ путь вмѣстѣ съ своею женою и Ванею. Они ѣздили по ярмаркамъ; отецъ съ сыномъ показывали маріонетки, мать вертѣла органъ. Иногда же на долю Вани доставалось вертѣть органъ; тогда мать играла на арфѣ, а отецъ игралъ на скрипкѣ. Переходъ отъ безнужнаго состоянія къ крайней нищетѣ въ конецъ разстроилъ здоровье стариковъ.

Въ послѣдствіи, отъ трудовъ ли, отъ того ли, что часто принужденъ былъ отказывать себѣ во всемъ нужномъ, отъ недостатка ли въ пищѣ, въ одеждѣ, отецъ Вани такъ занемогъ, что не былъ болѣе въ состояніи даже вертѣть органа. Ваня съ матерью на послѣднія деньги купили лошадь съ телѣгою и на ней перевозили изъ города въ городъ больнаго Лихтенштейна: ибо когда они долго оставались въ одномъ городѣ, то скоро сборъ ихъ прекращался и они принуждены были выѣзжать въ другое мѣсто; что они получали, то

употребляли себѣ на пищу. Какъ часто Ваня, оставляя отца своего безъ куска хлѣба, самъ голодный, дрожа отъ стужи, промоченный до костей, сквозь слезы, заставлялъ куколъ своихъ хохотать или, показывая китайскія тѣни, разсказывалъ забавныя исторіи и тѣшилъ ими своихъ маленькихъ зрителей; а часто случалось, что зрители были не довольны имъ, находили картинки стертыми, стекло не довольно свѣтлымъ: смерть была на душѣ у Вани, а онъ принужденъ былъ выдумывать остроумные отвѣты, смѣшные анекдоты, чтобы какъ нибудь укротить гнѣвъ маленькихъ настойчивыхъ судей своихъ, отъ которыхъ зависѣла жизнь его отца, его матери, его самого.

Любезныя дѣти! вы не знаете, что такое смѣяться сквозь слезы, и вы, можетъ быть, не поймете, какъ у Вани было тяжело на сердцѣ.

Бѣдное семейство наконецъ рѣшилось возвратиться въ Петербургъ, гдѣ по старой привычкѣ оно снова надѣялось получить больше пособія. Отецъ Вани не доѣхалъ до Петербурга; онъ умеръ на дорогѣ. Похоронивъ его какъ могли, поплакавъ, погрустивъ, Ваня съ матерью продолжали свой путь и наконецъ дотащились до Петербурга. По счастію, нашли они на старой своей квартирѣ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ своихъ товарищей, которые съ радостію приняли ихъ въ свою артель. Ваня отъ природы былъ слабъ здоровьемъ; ему было ужъ лѣтъ двадцать восемь, но, смотря на него, можно было его принять за старика, — такъ безпрестанная нужда и горесть изнурили его; часто и самъ онъ не могъ выходить, часто не могъ и оставить мать свою. Товарищи на нихъ роптали, упрекая Ваню въ лѣности, и, когда онъ съ матерью садился за скудный обѣдъ, почти каждый кусокъ хлѣба дорого имъ доставался.

Однажды, послѣ долговременной ея болѣзни, которая требовала безпрестанно присутствія Вани, сотоварищи его объявили ему, что ежели онъ въ этотъ день не заработаетъ сколько нибудь денегъ, то они не дадутъ ни крохи хлѣба ни ему, ни его матери, а на другой день сгонятъ ихъ съ квартиры. Скрѣпя сердце, полубольной, Ваня съ трудомъ взвалилъ на плеча тяжелый органъ и вышелъ изъ дому на шумныя петербургскія улицы. Кто бы изъ проходящихъ подумалъ, слушая веселую пѣсню, которую онъ наигрывалъ на органѣ, что въ этомъ человѣкѣ жизнь боролась со смертію и что самыя черныя мысли проходили по его головѣ и сердцу. Въ этотъ день Ваня былъ особенно несчастливъ; тщетно про-

ходилъ онъ мимо домовъ, показывая сидѣвшимъ у окна дѣтямъ свои прыгающія куколки, тщетно входилъ во дворы и до изнеможенія силъ вертѣлъ рукоятку своего осиплаго инструмента: никуда его не позвали, ни гроша денегъ ему не было брошено! Ужъ поздно къ вечеру Ваня съ отчаяніемъ въ сердцѣ возвращался домой, ужасная участь его ожидала,—оставалось ему заложить свой органъ, — единственное средство къ пропитанію, потомъ проѣсть вырученныя имъ за то деньги, — потомъ умереть съ голоду. Когда Иванъ проходилъ чрезъ перекрестокъ многолюдной улицы сквозь толпы народа, проскакали сани и зашибли женщину, шедшую подлѣ Вани. Женщина упала безъ памяти. Ваня, движимый чувствомъ сострадапія, бросился къ ней на помощь. Столпился народъ, явились полицейскіе служители; сани были уже далеко. Одни въ толпѣ кричали, что сани задѣли женщину, другіе толковали, что органщикъ, попятившись, зашибъ ее своимъ органомъ, сама женщина была безъ языка. Ваня найденъ наклонившимся надъ нею; къ тому же онъ, какъ ближайшій свидѣтель, могъ точнѣе разсказать какъ было дѣло и полицейскіе служители разсудили взять вмѣстѣ съ зашибенною женщиною и органщика. Ваня зналъ свою невинность и былъ увѣренъ, что его продержатъ не долго, но это *не долго* могло быть дни два или три, а въ продолженіе того времени что могло случиться съ его матерью? Въ этотъ день и такъ уже у нея не было ни куска хлѣба, а на-завтра жестокосердые товарищи могли вытолкнуть на морозъ больную, едва дышащую мать его. Тщетно онъ увѣрялъ въ своей невинности, тщетно упрашивалъ,—полицейскій служитель готовъ уже былъ связать ему руки назадъ, когда его остановилъ человѣкъ хорошо одѣтый, который давно уже наблюдалъ всю эту сцену и приблизился въ ту минуту, когда для органщика не было уже спасенія. Онъ остановилъ полицейскаго служителя, сказалъ ему свое имя и квартиру, прибавилъ, что онъ былъ свидѣтелемъ не только невинности, но даже великодушнаго поступка органщика, и послѣ долгихъ переговоровъ убѣдилъ блюстителя благочинія отдать ему Лихтенштейна на поруки. Убѣжденный ли его словами или потому что зналъ въ лицо незнакомца, полицейскій служитель согласился на его предложеніе. Когда бѣдный Ваня избавился отъ рукъ своего страшнаго непріятеля, тогда незнакомецъ сказалъ ему: «Ну теперь ступай своей дорогой, да скорѣе.» Ваня, поблагодаривъ незнакомца за его участіе, сказалъ ему: «Милостивый государь! вы мнѣ сдѣлали бла-

[ст]оянiе большее, нежели какъ вы думаете, но оно для [ме]ня будетъ ничѣмъ, если вы мнѣ еще не поможете. — Что тебѣ надобно? спросилъ незнакомецъ. — «Вы, я вижу, человѣкъ добрый, продолжалъ Ваня, дайте мнѣ денегъ.» — Не стыдно-ли тебѣ, молодому человѣку, просить милостыню? ты можешь работать. — «Если-бъ могъ, то не просилъ бы у васъ; сегодня уже поздно работать, а мнѣ деньги нужны сегодня!» отвѣчалъ Ваня отчаяннымъ голосомъ. Этотъ голосъ поразилъ незнакомца. — Гдѣ ты живешь? спросилъ онъ. — «Въ Чекушахъ, въ домѣ мѣщанки Р***.»—Какъ спросить тебя? — «Спросите органщика Лихтенштейна.» — Лихтенштейна? вскричалъ незнакомецъ, положилъ руку на голову и задумался. Пристально посмотрѣлъ онъ на Ваню и сказалъ: Вотъ тебѣ пять рублей, и старайся завтра поутру быть дома, я приду къ тебѣ.—«Ко мнѣ?» вскричалъ въ изумленiи Ваня. — Такъ удивило его столь небывалое участiе въ судьбѣ его. Они разстались.

На другой день Ваня печально сидѣлъ у постели своей больной матери. Вчерашняя его ходьба, случившееся съ нимъ происшествiе, все это такъ разстроило его, что онъ едва держался на полу-развалившейся скамьѣ. Пять рублей были отданы въ общую артель: они едва уплачивали то, что слѣдовало за прожитое матерью и сыномъ. Не надѣялся онъ на посѣщенiе незнакомца, не разъ уже съ нимъ бывали подобные случаи: часто люди, тронутые его выразительною физiогномiею, также распрашивали о его житьѣ-бытьѣ, о его квартирѣ — и забывали, ибо много людей на свѣтѣ, которые и способны пожалѣть о судьбѣ несчастнаго, но много ли такихъ, которые будутъ помнить о ней и возьмутъ на себя трудъ докончить доброе дѣло?

Но на этотъ разъ Ваня обманулся. Еще не благовѣстили къ обѣднѣ, когда вчерашнiй незнакомецъ вошелъ въ темную каморку Вани. Ваня какъ будто оторопѣлъ: ему стыдно было своей бѣдности; онъ хотѣлъ и не смѣлъ предложить гостю единственный изломанный стулъ, стоявшiй въ комнатѣ, но гость скоро прекратилъ его недоумѣнiе. «Скажи мнѣ, сказалъ онъ трепещущимъ голосомъ, сколько тебѣ лѣтъ? — Тридцать, отвѣчалъ Ваня. — «О, такъ это не то,» сказалъ съ горестiю незнакомецъ. Скажи мнѣ, продолжалъ онъ, не было ли у тебя отца или какого родственника, который когда нибудь жилъ на этой квартирѣ? — Отецъ мой жилъ здѣсь, отвѣчалъ Ваня, но онъ уже умеръ. — «Не его ли звали Иваномъ Лихтенштейномъ? »спросилъ незнакомецъ.»-

Нѣтъ, отвѣчалъ Иванъ, но такъ меня зовутъ.—«Знаешь ли ты, продолжалъ незнакомецъ съ ежеминутно возраставшимъ волненіемъ, № 2332 Воспитательнаго Дома?» Дрожа самъ не зная отъ чего, Ваня въ истертомъ книжникѣ отыскалъ записку, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ полученную имъ изъ Воспитательнаго Дома, и показалъ незнакомцу. Едва молодой человѣкъ взглянулъ на нее, какъ бросился въ объятія Вани. «Спаситель мой!.. Отецъ!» — Какъ! неужели? говорилъ Ваня прерывающимся голосомъ.... Вы!.... ты!.... Алеша!.... и оба они плакали, и оба долго не могли выговорить ни слова.

Для объясненія сей исторіи нужно прибавить, что Алеша, найденный Ванею и воспитанный въ Воспитательномъ Домѣ, показалъ необыкновенныя дарованія въ живописи. Изъ Воспитательнаго Дома онъ поступилъ въ Академію и скоро сдѣлался извѣстнымъ живописцемъ. Наживъ достаточное состояніе своимъ искуствомъ, онъ вспомнилъ о томъ, кому одолженъ былъ жизнію. По журналу Воспитательнаго Дома, въ которомъ записываются всѣ обстоятельства, случившіяся при поступленіи въ оный младенцевъ, ему легко было узнать и имя Лихтенштейна и его квартиру; но когда онъ навѣдывался о немъ, тогда Лихтенштейновъ не было уже въ Петербургѣ, и никто не могъ дать ему ни малѣйшаго о нихъ извѣстія, пока случай не свелъ его съ его избавителемъ.

Ваня вмѣстѣ съ матерью переселился къ своему Алешѣ. Спокойная жизнь и довольство возвратили здоровье несчастнымъ и они до сихъ поръ живутъ вмѣстѣ. Иванъ, вспомнивъ нѣкоторые уроки въ музыкѣ, переданные ему отцомъ, посвятилъ себя сему искуству и достигъ до того, что теперь самъ можетъ давать въ ней уроки и тѣмъ увеличивать общіе доходы.

(*Дѣтская книжка для воскресныхъ дней, 1833*).

10. ИЗЪ РОБИНЗОНА КРУЗЕ.

(Романа для дѣтей, сочиненіе Кампе).

Жило нѣкогда большое семейство, состоявшее изъ людей пожилыхъ, взрослыхъ и изъ маленькихъ дѣтей, и все это семейство, отъ мала до велика, связано было или узами род-

ства, или взаимною любовію. Отецъ и мать, какъ называли ихъ всѣ свои и не свои, всѣхъ любили, какъ родныхъ дѣтей; но особенною, общею любимицею всего семейства и даже обоихъ домашнихъ друзей Р. и Б., была Олинька, самая меньшая изъ всѣхъ. Семейство это жило въ небольшомъ селеніи, недалеко отъ Гамбурга.

Главнымъ правиломъ въ этомъ семейномъ кругу было — молиться и трудиться, и всѣ, отъ мала до велика, не знали другаго удовольствія, другой радости, кромѣ точнаго выполненія этого правила. Но во время работы, и вечеромъ, въ часы отдохновенія, каждый изъ нихъ любилъ послушать что нибудь такое, отъ чего можно сдѣлаться умнѣе и добрѣе. Въ такомъ случаѣ, отецъ семейства разсказывалъ разныя поучительныя исторіи, и дѣти охотно и внимательно слушали его.

Въ эти-то вечернія бесѣды разсказывалъ онъ имъ слѣдующую исторію о молодомъ Робинзонѣ Крузе, и дѣти полагая, что есть еще много имъ подобныхъ малютокъ, которые охотно желали бы послушать или прочесть такую удивительную исторію, упросили отца написать ее и отдать въ типографію напечатать нѣсколько тысячъ экземпляровъ.

Книжка, которая теперь находится въ рукахъ у васъ, милыя дѣти, есть именно одна изъ этихъ отпечатанныхъ книжекъ, и если хотите, вы можете начать сей-часъ же, съ слѣдующей страницы, читать эту удивительную исторію.

Но я чуть было не позабылъ пересказать вамъ, какимъ образомъ началась эта исторія о Робинзонѣ.

—Не разскажешь ли ты намъ чего нибудь сегодня, папаша? спросилъ Ѳедя, въ одинъ изъ прекрасныхъ лѣтнихъ вечеровъ.

—Съ радостію! отвѣчалъ отецъ; но, право, жалко было бы такой чудесный вечеръ просидѣть въ комнатѣ. Пойдемте въ садъ!

—Славно! славно! закричали дѣти, и шумною толпою всѣ побѣжали въ садъ.

ВЕЧЕРЪ ПЕРВЫЙ.

Въ нашемъ Гамбургѣ жилъ-былъ нѣкто Робинзонъ. У этого Робинзона было три сына. Старшій изъ нихъ пошелъ въ полкъ, и былъ убитъ въ одномъ сраженіи противъ Французовъ.

Другой сынъ хотѣлъ сдѣлаться ученымъ; но простудился, получилъ чахотку и умеръ.

Остался одинъ сынъ, самый меньшой, котораго, не знаю почему, называли Крузе. На него папенька съ маменькой полагали всю свою надежду, берегли его пуще глаза и любили до безумія.

И такъ молодой Робинзонъ росъ да росъ, а родители не знали, что изъ него будетъ. Отцу хотѣлось, чтобы онъ былъ купцомъ, но у Робинзона не было къ тому ни малѣйшей охоты. Онъ объявилъ, что лучше желаетъ путешествовать, чтобы каждый день видѣть и слышать новое.

Безумный мальчикъ! Конечно, если бы онъ чему нибудь хорошо научился: но что думалъ дѣлать въ свѣтѣ такой невѣжда, какъ этотъ Крузе? Кто хочетъ искать счастія въ чужихъ странахъ, тотъ долженъ прежде многому научиться; а объ этомъ-то онъ и не подумалъ.

Ему было уже семнадцать лѣтъ; лучшее время жизни провелъ онъ въ праздности и въ шалостяхъ. Каждый день приставалъ Робинзонъ къ отцу, чтобы онъ отпустилъ его путешествовать; но отецъ отвѣчалъ ему: «Ты глупъ,» и не хотѣлъ ничего слышать о путешествіи. «Милый мой сынъ!» говорила ему мать: «сиди ты лучше дома, и старайся честнымъ трудомъ доставать себѣ кусокъ хлѣба.»

Разъ, когда онъ, по обыкновенію, бѣгалъ въ гавани, встрѣтилъ онъ тамъ своего товарища, сына одного корабельнаго капитана, который отправлялся съ отцомъ въ Лондонъ.

Товарищъ спросилъ его, не хочетъ ли и онъ ѣхать. — Я бы и радъ, отвѣчалъ Крузе: да батюшка съ матушкою не пускаютъ меня!

—И, сказалъ ему пріятель: поѣдемъ такъ, для шутки. Черезъ три недѣли мы воротимся, и ты разскажешь отцу съ матерью, гдѣ ты былъ.

—Но у меня нѣтъ денегъ, сказалъ Крузе.

—Ничего, отвѣчалъ пріятель, я дамъ тебѣ на дорогу.

Молодой Робинзонъ подумалъ нѣсколько минутъ и вскричалъ: Кончено! я, братецъ, ѣду съ тобою! Скорѣе на корабль!—Они распорядились такъ, чтобы, спустя нѣсколько часовъ по отъѣздѣ ихъ, кто нибудь изъ слугъ его товарища пошелъ къ его родителямъ и сказалъ имъ, что сынъ ихъ поѣхалъ на нѣсколько времени погулять въ Лондонъ и скоро воротится. Послѣ этого Робинзонъ съ своимъ товарищемъ тотчасъ же отправились на корабль.

Матросы, т. е. тѣ люди, которые исправляютъ всѣ нужныя работы на кораблѣ, подняли якорь и распустили паруса; подулъ вѣтеръ, корабль пошелъ, и капитанъ распро-

щался съ городомъ шестью выстрѣлами изъ пушки. Молодой Робинзонъ стоялъ съ своимъ пріятелемъ на палубѣ и не помнилъ себя отъ радости, что наконецъ ему удалось путешествовать.

День былъ чудесный; вѣтеръ дулъ попутный, и скоро Гамбургъ изчезъ изъ глазъ нашихъ путешественниковъ. На слѣдующій день они приплыли къ Ритценбителю, гдѣ Эльба впадаетъ въ море. И вотъ наконецъ они въ открытомъ морѣ!....

Какъ удивился Робинзонъ, когда увидѣлъ вокругъ себя только воду да воздухъ. Земля мало-по-малу уходила изъ глазъ его. Вотъ, ему виднѣется только одинъ маякъ, который Гамбургцы содержатъ на островѣ Хельголандѣ. Вотъ и маякъ исчезъ: Робинзонъ видитъ надъ собою только одно небо, кругомъ себя только одну воду!

Два дня къ ряду у нашихъ путешественниковъ была чудесная погода и довольно попутный вѣтеръ; но на третій небо покрылось тучами, постепенно становилось темнѣе и темнѣе, и начался сильный вѣтеръ.... То вдругъ сверкала такая молнія, какъ будто бы все небо было въ огнѣ, то становилось темно, какъ въ самую глухую полночь, а громъ гремѣлъ безпрерывно, дождь лилъ рѣкою, и сильный вѣтеръ такъ волновалъ море, что по немъ ходили валы огромные, словно домъ какой или цѣлая гора....

Посмотрѣли бы вы тогда, какъ перебрасывало корабль съ одной волны на другую! Однимъ валомъ вскинетъ его подъ небеса, а другимъ опять какъ будто броситъ на дно моря,— то опрокинетъ его на сторону, то на другую.

Снасти трещали! Матросы принуждены были держаться за что нибудь, чтобъ не упасть. У непривыкшаго къ морю Робинзона закружилась голова: ему сдѣлалось тошно и такъ дурно, что онъ думалъ уже, что умираетъ. Это у моряковъ называется морскою болѣзнію.

«Ахъ, любезные родители! бѣдные мои родители!» вскричалъ онъ: «вы не увидите болѣе своего сына! О, я неразумный! я рѣшился такъ ихъ опечалить.»

Кракъ! кракъ! раздалось вдругъ на палубѣ. — Господи, спаси насъ! вскричали, поблѣднѣвъ и ломая руки, матросы. — Что такое? спросилъ Робинзонъ, полумертвый отъ страха.

— Увы! отвѣчали ему: мы погибли!...: вѣтромъ сломило фокъ-мачту (такъ называется первая изъ трехъ прямыхъ

мачтъ на кораблѣ), и до того раскачало большую среднюю, что и она скоро свалится въ море.

— Мы погибли! вскричалъ другой голосъ изъ трюма (подводной части корабля): въ кораблѣ течь; воды уже на четыре фута....

Робинзонъ, сидѣвшій въ нижней каютѣ, услыхавъ эти слова, упалъ безъ чувствъ на полъ. Всѣ прочіе кинулись къ насосамъ, чтобы, сколько возможно, выкачать воду и не дать кораблю потонуть. Наконецъ пришелъ боцманъ, растолкалъ нашего Робинзона и сказалъ ему: «Развѣ ты одинъ хочешь сидѣть, сложа ручки, тогда какъ всѣ до смерти измучились работою?»

Бѣдняжка собрался кое-какъ съ силами и принялся, вмѣстѣ съ прочими, выкачивать воду. Между тѣмъ капитанъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ, чтобы дать знать о своемъ несчастіи другимъ кораблямъ, если есть какіе нибудь по близости. Робинзонъ, не зная, что значитъ этотъ трескъ, подумалъ, что корабль разваливается, и опять упалъ безъ чувствъ. Боцманъ, ставъ на его мѣсто, столкнулъ его съ дороги и оставилъ лежащимъ за-мертво.

Сколько ни качали, но вода въ трюмѣ безпрестанно прибывала, и матросы съ минуты на минуту ожидали, что корабль пойдетъ ко дну. Чтобы облегчить корабль, побросали въ море все, что только было можно, какъ-то: пушки, ядра, бочки, и т. под., но ничто не помогло.

Между тѣмъ другой корабль, услыхавъ сигнальные выстрѣлы, послалъ ботъ, чтобы спасти, если можно, экипажъ. Но ботъ этотъ никакъ не могъ подойти къ кораблю: огромныя волны не допускали его. Онѣ такъ сильно бросали его то вверхъ, то внизъ, что онъ едва-едва не опрокинулся. И не смотря на то, эти человѣколюбивые люди лучше рѣшались погибнуть сами, чѣмъ оставить безъ помощи себѣ подобныхъ.

Долго боролись эти храбрые моряки съ волнами, которыя, казалось, каждую минуту готовы были поглотить ботикъ ихъ. Наконецъ имъ удалось подойти такъ близко къ задней части корабля, что оттуда можно было бросить имъ канатъ. Съ помощію каната они притянули ботъ къ самому кораблю и тогда всѣ, кто только былъ въ состояніи двигаться, бросились спасаться. Робинзона, который не могъ стоять на ногахъ, нѣсколько сострадательныхъ матросовъ сбросили также въ ботъ, вмѣстѣ съ другими.

Едва успѣли они отплыть на нѣкоторое разстояніе отъ

покинутаго корабля, какъ онъ мгновенно пошелъ ко дну. По счастію, буря начала утихать, а то, вѣроятно, волны поглотили бы и ботикъ, въ которомъ было набито столько народа. Съ величайшею опасностію удалось наконецъ этому ботику подойти къ своему кораблю и всѣ, находившіеся въ немъ, были приняты на палубу.

Корабль, на которой приняли его и другихъ пассажировъ, плылъ въ Лондонъ. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ уже въ устьѣ Темзы, и, немного спустя, бросилъ якорь передъ городомъ Лондономъ.

Всѣ отправились на берегъ, и каждый сердечно радовался тому, что избѣжалъ такой большой опасности.

Робинзонъ побѣжалъ осматривать городъ, и позабылъ все прошедшее и будущее. Наконецъ желудокъ напомнилъ ему, что въ Лондонѣ также надобно ѣсть. Онъ отправился къ корабельщику, съ которымъ выѣхалъ изъ Гамбурга, и сталъ просить у него, чтобъ онъ далъ ему чего нибудь поѣсть.

Корабельщикъ очень ласково пригласилъ его обѣдать съ собою, и во время стола спросилъ, за чѣмъ онъ именно пріѣхалъ въ Лондонъ, и что думаетъ теперь дѣлать.

Робинзонъ разсказалъ ему чистосердечно, что онъ ѣхалъ просто погулять и при томъ безъ позволенія родителей, и теперь не знаетъ, что ему дѣлать.

— Безъ позволенія родителей! вскричалъ испуганный корабельщикъ, выронивъ изъ рукъ вилку и ножикъ. Господи, Боже мой! зачѣмъ не зналъ я этого прежде! Повѣрь мнѣ, безразсудный молодой человѣкъ, продолжалъ онъ, если бы я зналъ это въ Гамбургѣ, ни за-что на свѣтѣ не взялъ бы тебя съ собою, хоть бы ты предлагалъ мнѣ за это цѣлую бочку золота!

Робинзонъ покраснѣлъ со стыда и опустилъ глаза въ землю.

Честный корабельщикъ сталъ представлять ему, какъ дуренъ его поступокъ, и сказалъ, что онъ до тѣхъ поръ ни въ чемъ не будетъ имѣть счастія, пока не исправится и не выпросить прощенія у своихъ родителей. Робинзонъ горько плакалъ.

— Но что мнѣ теперь дѣлать? спросилъ онъ со слезами.

— Что тебѣ дѣлать? отвѣчалъ корабельщикъ: ѣхать назадъ къ родителямъ, упасть къ ногамъ ихъ и со слезами просить прощенія за свое безразсудство!

— Возьмете ли вы меня опять назадъ съ собою, въ Гамбургъ? спросилъ Робинзонъ.

— Я? отвѣчалъ корабельщикъ: развѣ ты позабылъ, что

мой корабль потонулъ? Я не ворочусь назадъ, покуда не куплю другаго корабля, а тебѣ нельзя до тѣхъ поръ дожидаться. Ты долженъ плыть на первомъ кораблѣ, который отходитъ въ Гамбургъ, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

— Но у меня нѣтъ денегъ! сказалъ Робинзонъ.

— Вотъ тебѣ нѣсколько гиней, отвѣчалъ добрый корабельщикъ: я дамъ тебѣ ихъ взаймы, хотя мнѣ теперь и самому нужны деньги. Ступай въ гавань и возьми себѣ мѣсто на кораблѣ. Если твое раскаяніе чистосердечно, то, при помощи Божіей, обратное путешествіе твое навѣрно будетъ гораздо благополучнѣе. Сказавъ это, онъ распрощался съ Робинзономъ, и пожелалъ ему счастливаго пути.

Когда Робинзонъ шелъ въ гавань, у него въ головѣ мелькнула мысль: Что скажутъ батюшка съ матушкой, когда я пріѣду домой? Безъ сомнѣнія, они накажутъ меня! А какъ осмѣютъ меня товарищи, что я такъ скоро воротился и не видалъ почти ничего, кромѣ двухъ или трехъ улицъ въ Лондонѣ!».... Онъ остановился въ раздумьи, то рѣшаясь не ѣхать, то снова вспоминая слова корабельщика, что ему будетъ худо, если онъ не воротится къ родителямъ. Долго думалъ онъ, на что рѣшиться,—наконецъ отправился въ гавань.

Но какъ нарочно, къ его удовольствію, въ тотъ день ни одинъ корабль не отходилъ въ Гамбургъ. Человѣкъ, который сообщилъ ему это извѣстіе, былъ корабельщикъ, отправляющійся въ Гвинею.

Гвинейскій корабельщикъ, услыхавъ отъ него, что онъ такой большой охотникъ до путешествій и что ему уже не хочется ѣхать назадъ въ Гамбургъ, предложилъ Робинзону ѣхать съ нимъ въ Гвинею. Сначала это предложеніе испугало Робинзона; но такъ-какъ корабельщикъ увѣрялъ его, что путешествіе очень пріятно, что онъ возьметъ его безъ всякой платы, какъ своего товарища, и что Робинзонъ можетъ еще дорогою пріобрѣсти себѣ кое-что, то голова нашего юноши опять пошла кругомъ: опять загорѣлась въ немъ страсть къ путешествіямъ, и онъ позабылъ все, что говорилъ ему честный гамбургскій корабельщикъ, и на чтобыло онъ твердо рѣшился.

— Но у меня только три гинеи, сказалъ онъ, подумавъ немного: что я могу купить на три гинеи, чтобы начать торговлю въ тѣхъ странахъ, куда мы поѣдемъ?

— Я дамъ тебѣ еще шесть въ займы, отвѣчалъ корабельщикъ, и на эти деньги ты можешь купить довольно то-

вару, чтобы обогатиться въ Гвинеѣ, если намъ хоть немножко повезетъ счастіе.

— Что же мнѣ купить? спросилъ Робинзонъ.

— Накупи всякой мелочи, сказалъ корабельщикъ: разныхъ игрушекъ, стеклянныхъ бусъ, ножей, ножницъ, топориковъ, лентъ, и т. п. — Африканцы такъ любятъ эти мелочи, что платятъ за нихъ золотомъ, слоновою костью и другими товарами, во-сто разъ дороже того, что эти бездѣлушки стоятъ.

Робинзонъ не могъ долѣе выдержать. Онъ забылъ родителей, друзей, отечество и, въ пылу восторга, закричалъ:

— Я ѣду съ вами, капитанъ!—Кончено! отвѣчалъ корабельщикъ, и дѣло было рѣшено.

И такъ Робинзонъ поспѣшилъ съ своими девятью гинеями въ городъ, закупилъ все, что совѣтовалъ ему корабельщикъ, и отправилъ на корабль.

Спустя нѣсколько дней, при первомъ попутномъ вѣтрѣ, корабль снялся съ якоря, и они пустились въ путь.

ВЕЧЕРЪ ВТОРОЙ.

Новое путешествіе нашего Робинзона было сначала довольно счастливо. Безъ малѣйшаго препятствія проплыли они проливъ Кале, а потомъ каналъ Ла-Маншъ, и вышли наконецъ въ Атлантическій Океанъ.

Вотъ, дѣти, я принесъ съ собою большую карту, на которой вы, гораздо лучше, нежели на маленькой, можете видѣть путь Робинзонова корабля. Я повѣшу ее вотъ здѣсь на деревѣ, чтобы, въ случаѣ нужды, она завсегда была у насъ передъ глазами.

Безъ малѣйшаго препятствія достигли они острова Мадеры или, какъ называютъ Португальцы, Мадейры, который — смотрите сюда — лежитъ недалеко отъ Африки за Канарскими островами.

Митя. Ахъ, да, и принадлежитъ Португальцамъ....

Ваня. Откуда привозится вино мадера....

Ѳедя. И сахарный тростникъ....

Олинька. И гдѣ много канареекъ!

Отецъ. Точно. У этого-то острова корабль бросилъ якорь; Робинзонъ сошелъ на твердую землю.

Онъ не могъ налюбоваться чудесными видами этого плодоноснаго острова. Куда ни взглянетъ — вездѣ горы, покрытыя прелестными виноградниками. У него текли слюн-

ки, когда онъ глядѣлъ на эти прекрасныя, спѣлыя кисти винограда, и потому можете вообразить, какъ обрадовался онъ, когда корабельщикъ доставилъ ему позволеніе кушать виноградъ, сколько душѣ угодно.

Отъ работавшихъ въ виноградникахъ людей узналъ онъ, что здѣсь вино, не такъ какъ въ другихъ земляхъ, выдавливается не прессомъ.

Ѳедя. А какъ же?

Отецъ. Они бросаютъ виноградъ въ большіе деревянные чаны и выдавливаютъ изъ него сокъ ногами, или раздѣвшись до-нага и лежа на спинѣ, давятъ его локтями.

Олинька. Фи, я не стану пить мадеры!

Ваня. Я не сталъ бы пить ее, если бы они выдѣлывали ее и обыкновеннымъ образомъ.

Петруша. Почему же?

Ваня. О, тебя не было здѣсь, когда папаша разсказывалъ намъ, какъ дурно молодымъ людямъ пить вино. Послушалъ бы ты, какъ оно вредно!

Петруша. Фи, такъ я никогда впередъ не стану пить вина.

Отецъ. И хорошо сдѣлаешь, дитя мое.

Такъ-какъ корабельщику надобно было пробыть здѣсь довольно долго для починки корабля, который во время пути немного попортился, то Робинзонъ нашъ и соскучился. Безпокойная голова его требовала уже опять перемѣны, и ему хотѣлось бы имѣть крылья, чтобы, какъ можно скорѣе, облетѣть цѣлый свѣтъ. Въ это время пришелъ туда португальскій корабль, отправлявшійся изъ Лиссабона въ Бразилію.

Митя. (*Показывая на карту*). Не правда ли, папаша, вотъ въ эту землю, которая принадлежитъ Португальцамъ, и гдѣ находятъ такъ много золотаго песку и драгоцѣнныхъ каменьевъ.

Отецъ. Именно, въ эту самую. — Робинзонъ познакомился съ португальскимъ корабельщикомъ и, услыхавъ отъ него о золотомъ пескѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, рѣшился, во чтобы то ни стало, отправиться съ нимъ въ Бразилію, и тамошнимъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями набить свои карманы.

Николинька. Онъ, вѣрно, не слыхалъ, что тамъ никто не смѣетъ брать золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, потому что они принадлежатъ португальскому королю?

Отецъ. И это все отъ того, что онъ ничему не учился въ юности.—Узнавъ, что португальскій корабельщикъ охот-

но соглашается взять его съ собою безденежно и что англійскій корабль пробудетъ на островѣ Мадерѣ по крайней мѣрѣ еще двѣ недѣли, онъ не могъ болѣе противиться желанію поскорѣе ѣхать далѣе. И такъ онъ объявилъ своему доброму англійскому корабельщику, что оставляетъ его и ѣдетъ въ Бразилію. Англичанинъ, при этомъ случаѣ только узнавшій отъ него, что онъ поѣхалъ безъ позволенія родителей, былъ радехонекъ сбыть его съ рукъ, подарилъ ему деньги, которыя далъ было въ займы, и въ добавокъ снабдилъ его на дорогу хорошими совѣтами.

И такъ Робинзонъ сѣлъ на португальскій корабль и отправился въ Бразилію. Онъ проплылъ мимо острова Тенерифа и видѣлъ находящуюся на немъ остроконечную высокую гору.

Ѳедя. Ту, что называется Тенерифскимъ Пикомъ?

Ваня. И, это все равно! Пикомъ называтся всякая остроконечная гора.—Ну, что же далѣе?

Отецъ. Чудная была картина вечеромъ, по совершенномъ захожденіи солнца, когда на морѣ сдѣлалось совсѣмъ темно, а вершина этой горы, одной изъ высочайшихъ горъ въ мірѣ, освѣщалась лучами солнца и какъ будто бы горѣла въ огнѣ.

Спустя нѣсколько дней, они видѣли другое, не менѣе любопытное явленіе на морѣ: множество летучихъ рыбъ поднялись на воздухъ и блестѣли словно золото.

Петруша. Развѣ есть такія рыбы, которыя могутъ летать?

Отецъ. Есть; да помнится мнѣ, и мы видѣли какъ-то одну такую рыбку.

Ваня. Да, да, какъ мы въ послѣдній разъ были въ городѣ; но у той рыбки не было ни перьевъ, ни крыльевъ.

Отецъ. Но за то у нея есть длинныя плавательныя перья и на нихъ-то, какъ будто на крыльяхъ, она летаетъ надъ водою.

И такъ путешественники наши довольно долго плыли благополучно. Вдругъ поднялась страшная буря отъ юговостока. Море пѣнилось, волны росли, какъ огромныя горы, и бросали корабль, словно мячикъ. Шесть дней къ ряду бушевала эта ужасная буря и занесла корабль въ такое мѣсто, что ни штурманъ, ни капитанъ не знали, гдѣ они находятся. Полагали только, что должно быть не далеко отъ Караибскихъ островововъ.

Вдругъ на разсвѣтѣ седьмаго дня, къ величайшей радости всего экипажа, матросы закричали: земля! земля!

Всѣ выскочили на палубу, чтобы посмотрѣть, что это за земля; но въ одно мгновеніе радость ихъ превратилась въ величайшій ужасъ.

Пуфъ! раздалось на кораблѣ, и всѣ бывшіе на палубѣ, получили такой толчокъ, что невольно попадали на землю.

Ваня. Что-же это было такое?

Отецъ. Корабль ударился о подводный камень и такъ крѣпко насѣлъ на немъ, что какъ будто его прибили гвоздями. Вскорѣ за тѣмъ пѣнящіяся волны начали заливать палубу, и принудили всѣхъ бѣжать въ каюты.

Поднялись стоны и рыданія: одни молились, другіе кричали, иные въ отчаяніи ломали руки, другіе стояли какъ окаменѣлые; въ числѣ ихъ, ни живъ, ни мертвъ, былъ и нашъ Робинзонъ.

Вдругъ матросы начали кричать, что корабль получилъ течь. Это извѣстіе заставило снова всѣхъ опомниться. Бросились на палубу, спустили ботъ, и каждый спѣшилъ спасаться на немъ. Народу набилось столько, что ботъ едва-едва держался на водѣ. Земля была далеко, а вѣтеръ все еще бушевалъ съ такою силою, что несчастные никакъ не надѣялись добраться до берега; однакожъ они изъ всѣхъ силъ гребли веслами, а къ тому же, по счастію, вѣтромъ несло ихъ къ землѣ.

Но вотъ видятъ они, на нихъ прямо летитъ огромный валъ, будто цѣлая гора. Всѣ окаменѣли отъ ужаса и выронили изъ рукъ весла. Ужасная минута наступила! Волна настигла ботъ, опрокинула его и несчастные, всѣ до одного, потонули въ разъяренномъ морѣ.

Отецъ замолчалъ. Все семейство сидѣло тихо, не говоря ни слова; нѣкоторые глубоко вздохнули....Наконецъ явилась мать съ ужиномъ и прекратила это печальное молчаніе.

ВЕЧЕРЪ ТРЕТІЙ.

Ѳедя. Такъ Робинзонъ въ самомъ дѣлѣ утонулъ, папаша?

Отецъ. Мы оставили его вчера въ большой опасности. И онъ также, вмѣстѣ съ другими, упалъ въ море; но таже самая волна, которая опрокинула ботъ, подхватила Робинзона и, выбросивъ его на отмель, такъ ударила убъ утесистый берегъ, что онъ по неволѣ снова пришелъ въ чувства, которыхъ лишился-было при паденіи въ море. Открывъ глаза и, сверхъ чаянія, видя себя на сушѣ, онъ собралъ свои силы, чтобы отползти подальше на берегъ. Послѣ

такого напряженія, онъ снова упалъ въ обморокъ, и долго лежалъ какъ мертвый.

Наконецъ, снова пришедши въ чувства, онъ приподнялся и сталъ осматриваться кругомъ. Боже мой, какое зрѣлище: корабль, ботъ, товарищи — все, все исчезло! Лишь нѣсколько корабельныхъ досокъ валялись на берегу, выброшенныя волнами.... И такъ одинъ только онъ остался въ живыхъ, — прочіе всѣ погибли.

Внѣ себя отъ страха и отъ радости, онъ упалъ на колѣна и со слезами благодарилъ Творца неба и земли за свое чудесное спасеніе.

Ваня. Но почему же Богъ спасъ одного только Робинзона, тогда какъ всѣ прочіе потонули?

Отецъ. Любезный Ваничка! можешь ли ты каждый разъ знать причины, почему иногда мы, взрослые, которые, какъ тебѣ извѣстно, столько любимъ васъ, почему именно мы такъ поступаемъ съ вами, а не иначе?

Ваня. Нѣтъ.

Отецъ. Напримѣръ, помнишь ли ты, какъ-то недавно, когда мы собрались-было всѣ идти гулять въ Фирланденъ, что я тогда сдѣлалъ?

Ваня. Да, помню! бѣдный Николинька долженъ былъ остаться дома, а мы всѣ отправились въ Вандсбекъ, а не въ Фирланденъ.

Отецъ. А знаешь ли ты, почему я поступилъ такъ жестоко и не взялъ съ собою бѣднаго Николая?

Николинька. Ахъ, я очень помню: когда вы ушли, то вслѣдъ за вами пришелъ нашъ Бромлей и отвелъ меня къ папенькѣ съ маменькой, которыхъ я такъ давно не видалъ.

Отецъ. И не больше ли это тебя обрадовало, чѣмъ прогулка въ Фирланденъ?

Николинька. О, во сто разъ больше!

Отецъ. Я зналъ напередъ, что Бромлей придетъ за тобою и потому-то велѣлъ тебѣ остаться дома. — А ты, Ваня, помнишь, кого ты встрѣтилъ въ Вандсбекѣ?

Ваня. Милыхъ моихъ папашу и мамашу, которые также были тамъ.

Отецъ. И объ этомъ тоже я зналъ впередъ, и потому-то повелъ васъ въ Вандсбекъ, а не Фирланденъ. Тогда всѣмъ вамъ это не нравилось, потому-что вы не знали, для чего я такъ дѣлаю. Но почему я не сказалъ вамъ этого?

Ваня. Чтобы доставить намъ нечаянную радость свиданія съ родными.

Отецъ. Конечно. И такъ, любезныя дѣти, не ужели вы думаете, что милосердый Богъ любитъ дѣтей своихъ — человѣковъ — меньше, чѣмъ мы любимъ васъ?

Ѳедя. О, ужъ вѣрно еще болѣе.

Отецъ. И развѣ вы не знаете, что Богу все извѣстно гораздо лучше чѣмъ намъ, слѣпымъ смертнымъ, которые часто не умѣемъ отличить и того, что для насъ хорошо и что худо?

Ваня, Конечно! Богъ всевѣдущъ и знаетъ все, что будетъ впереди, а этого-то мы и не знаемъ.

Отецъ. Слѣдовательно, если Богъ любитъ дѣтей своихъ и такъ мудръ, что знаетъ самъ, что для нихъ хорошо и что худо, то не уже-ли Онъ не будетъ дѣлать для всѣхъ одно только хорошее?

Ѳедя. О, конечно!

Отецъ. Но можемъ ли мы всегда видѣть причины, почему Господь поступаетъ съ нами такъ, а не иначе?

Ваня. Тогда мы были бы также всевѣдущи, какъ и Онъ.

Отецъ. И такъ теперь, любезный Ваня, повторишь ли ты свой вопросъ?

Ваня. Какой вопросъ?

Отецъ. Почему Робинзонъ одинъ только спасся, когда всѣ прочіе потонули.

Ваня. Нѣтъ!

Отецъ. Почему же?

Ваня. Я вижу, что это было съ моей стороны глупо.

Отецъ. Почему же глупо?

Ваня. Потому, что Богъ лучше знаетъ, что Онъ дѣлаетъ, а мы этого знать не можемъ.

Отецъ. Стало быть милосердый Богъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ свои мудрыя причины спасти отъ потопленія одного только Робинзона; но мы не можемъ постигать этихъ причинъ. Догадываться нѣсколько мы можемъ, но никогда не должны воображать, что вполнѣ постигаемъ ихъ.

Господь могъ, напримѣръ, предвидѣть, что оставить въ живыхъ потонувшихъ матросовъ было бы гораздо для нихъ хуже, а не лучше, что они впали бы въ большія несчастія или, что еще хуже, сдѣлались бы развратными и порочными, а потому Онъ взялъ отъ земли ихъ безсмертныя души и отвелъ туда, гдѣ имъ гораздо лучше, чѣмъ здѣсь на землѣ. Робинзона же, вѣроятно, оставилъ Онъ въ живыхъ для того, чтобы онъ, испытавъ ниспосланныя на него бѣдствія, исправился отъ своихъ грѣховъ и пороковъ.

Богъ, какъ милосердый отецъ, старается, хотя наказаніями, исправить тѣхъ заблудшихъ дѣтей, которыя не хотятъ исправиться кротостію и милосердіемъ.

Замѣтьте это, любезныя дѣти, и вспомните слова мои: если вамъ когда нибудь въ жизни вашей встрѣтится что-нибудь непріятное и вы не въ состояніи будете постигнуть, почему такъ наказуетъ васъ милосердый Отецъ небесный, тогда скажите сами себѣ: Богъ лучше меня знаетъ, что мнѣ хорошо и что мнѣ худо, и потому я долженъ безъ ропота переносить все, что Его святой волѣ угодно ниспослать на меня! Конечно онъ наказуетъ меня этимъ несчастіемъ для того, чтобы я исправился, и я постараюсь исполнить Его волю; тогда, безъ сомнѣнія, и Онъ опять умилосердится надо мною.

Митя. Такъ ли же думалъ тогда Робинзонъ?

Отецъ. Да: когда Господь спасъ его отъ такой страшной опасности, и когда онъ увидѣлъ себя одинокаго, покинутаго всѣми, тогда только почувствовалъ онъ всѣ свои проступки; тогда только, на колѣняхъ, просилъ у Бога прощенія согрѣшеніямъ своимъ; тогда только рѣшился отъ всего сердца исправиться и не дѣлать впередъ ничего дурнаго.

Николинька. Но что-то онъ станетъ дѣлать?

Отецъ. Порадовавшись своему спасенію и поблагодаривъ Бога, сталъ онъ размышлять о своемъ положеніи. Осмотрѣвшись кругомъ себя, онъ не нашелъ ничего, кромѣ дикаго кустарника и неплодовитыхъ деревьевъ; нигдѣ не было видно ни малѣйшаго слѣда, по которому можно было бы предполагать, чтобы на этой землѣ жили люди.

Ужасно было подумать уже и о томъ только, что онъ долженъ жить совершенно одинъ въ этой неизвѣстной странѣ; но какъ же содрогнулся онъ, когда ему пришло на мысль: «Что, если есть здѣсь дикіе звѣри или дикіе люди!»

Петруша. Развѣ есть также и дикіе люди, папаша?

Ваня. Конечно есть, Петруша: развѣ ты не слыхивалъ этого? — далеко, далеко отсюда есть люди такіе же дикіе, какъ звѣри.

Ѳедя. Вообрази себѣ, Петруша: они ходятъ почти совсѣмъ нагіе.

Митя. И ничего не понимаютъ: у нихъ нѣтъ ни домовъ, ни садовъ, они не сѣютъ хлѣба....

Оля. И ѣдятъ сырое мясо и сырую рыбу. Я слыхала это: да кажется, ты же, папаша, разсказывалъ намъ?

Ваня. Да, и какъ ужасно, что эти бѣдные люди не имѣ-

ютъ понятія даже и о Томъ, Кто сотворилъ ихъ! У нихъ, несчастныхъ, никого нѣтъ, кто бы могъ научить ихъ этому.

Митя. И потому-то они такіе варвары. Представь себѣ ужъ одно то, что нѣкоторые изъ нихъ ѣдятъ человѣческое мясо!

Петруша. Фи, гадкіе люди!

Отецъ. Несчастные люди, хотѣлъ ты сказать. Да, они бѣдные довольно уже несчастны и тѣмъ, что должны жить и умереть такими глупыми и необразованными.

Петруша. Они приходятъ къ намъ или нѣтъ?

Отецъ. Нѣтъ: страны, гдѣ есть такіе жалкіе люди, отсюда очень далеко, и ни одинъ изъ нихъ никогда не заходилъ къ намъ. При томъ же число такихъ людей безпрестанно уменьшается, потому что другіе, люди образованные, которые заходятъ къ этимъ несчастнымъ, стараются просвѣтить ихъ и сдѣлать умнѣе.

Митя. Ну, а тамъ, гдѣ теперь Робинзонъ, были такіе люди?

Отецъ. Онъ не зналъ еще этого; но такъ какъ ему случалось слыхать, что на островахъ, лежащихъ въ этой части свѣта, есть много дикихъ, то очень естественно, онъ думалъ, что они легко могли быть и тамъ, гдѣ онъ теперь находится; одна эта мысль приводила его въ ужасъ.

Ѳедя. Я думаю, вѣдь это не шутка!

Отецъ. Сначала отъ страха онъ не смѣлъ двинуться съ мѣста; малѣйшій шумъ пугалъ его и заставлялъ трепетать всѣмъ тѣломъ.

Наконецъ ему ужасно захотѣлось пить, и онъ принужденъ былъ идти искать какого-нибудь ручейка или рѣчки. По счастію онъ нашелъ чистый, свѣтлый ручеекъ, и могъ напиться сколько душѣ угодно. О! какое благодѣтельное питье свѣжая вода, для того, кого мучитъ жажда.

Робинзонъ поблагодарилъ за это Бога, оставаясь въ полномъ упованіи, что Онъ пошлетъ ему и пищу. Тотъ, Кто питаетъ птицъ небесныхъ, думалъ онъ, не допуститъ и меня умереть съ голода.

Хотя ѣсть ему и не хотѣлось, потому что страхъ отнялъ у него весь аппетитъ, но за то чрезвычайно захотѣлось уснуть. Онъ такъ измучился въ эти дни, что едва-едва могъ стоять на ногахъ.

Но гдѣ провести ночь? На голой землѣ и подъ открытымъ небомъ? Ну, а если придутъ дикіе звѣри или дикіе люди и съѣдятъ его? Кругомъ нигдѣ не видать ни избушки,

ни пещерки какой-нибудь. Долго стоялъ онъ къ раздумьи, не зная, что дѣлать.

Наконецъ пришло ему на мысль помѣститься, подобно птицѣ, на деревѣ. Онъ отыскалъ дерево съ такими толстыми сучьями, что ему довольно удобно было на одномъ изъ нихъ усѣсться и прислониться спиною къ другому. Онъ взлѣзъ на это дерево, усердно помолился Богу, усѣлся, какъ только могъ лучше, и заснулъ.

Во снѣ приснилось ему все, что было съ нимъ въ тотъ день; потомъ приснились родители; онъ видѣлъ, что будто бы они чрезвычайно похудѣли съ тоски и печали, плакали, вздыхали, ломали руки и не могли утѣшиться. Ему сдѣлалось чрезвычайно грустно и онъ вскричалъ громко: «Я здѣсь, батюшка, матушка, я здѣсь!» Но бросившись, во снѣ, будто бы въ объятія отца и матери, онъ какъ-то неловко повернулся на своемъ суку и полетѣлъ съ дерева.

Оля. Бѣдняжка!

Ѳедя. И вѣрно онъ убился до смерти?

Отецъ. По счастію, онъ сидѣлъ не слишкомъ высоко, да и подъ деревомъ росла такая густая трава, что онъ почти вовсе не ушибся и чувствовалъ только небольшую боль въ боку, на который упалъ; но такъ какъ Робинзонъ страдалъ во снѣ гораздо болѣе, то и не обратилъ на эту боль вниманія. Онъ взлѣзъ опять на дерево, и просидѣлъ тамъ до самаго солнечнаго восхода.

Тутъ началъ онъ придумывать, какъ бы достать себѣ чего-нибудь поѣсть. У него ничего не было: ни хлѣба, ни мяса, ни овощей, ни молока; да если бы и было что-нибудь, гдѣ могъ онъ взять огня и въ чемъ сварить или изжарить? Всѣ видѣнныя имъ до тѣхъ поръ деревья были изъ породы такъ называемаго краснаго дерева, на которомъ не бываетъ никакихъ плодовъ, а только одни листья.

Ваня. Что это за дерево?

Отецъ. Дерево это употребляется на мебель; оно растетъ въ нѣкоторыхъ странахъ Америки, и его много вывозятъ въ Европу.

Не зная, что ему дѣлать, онъ слѣзъ съ дерева. Такъ какъ наканунѣ онъ цѣлый день ничего не ѣлъ, то его сильно началъ мучить голодъ. Походивъ немного кругомъ этого мѣста, онъ не нашелъ ничего, кромѣ травы и безплодныхъ деревьевъ.

Тутъ испугался онъ еще болѣе и со слезами вскричалъ:

«Боже мой! неужели придется мнѣ умереть съ голода?» Однако нужда и голодъ придали ему силы, и онъ пустился искать по берегу, не найдетъ ли чего-нибудь съѣстнаго.

Увы, все напрасно! На берегу не было ничего, кромѣ краснаго дерева и индѣйскихъ ивъ, ничего, кромѣ травы и песку!

Почти безъ чувствъ упалъ бѣдняжка на землю, залился горькими слезами, и лучше желалъ бы утонуть, чѣмъ умереть мучительною голодною смертью.

Онъ уже рѣшился было ожидать въ этомъ положеніи медлительной смерти, какъ вдругъ, обернувшись случайно, увидалъ морскаго ястреба, летѣвшаго съ рыбою во рту. Ему тотчасъ пришли въ голову читанныя имъ гдѣ то слова: «Господь питаетъ птицъ небесныхъ: человѣка ли допуститъ Онъ умереть съ голоду?»

Побранивъ себя за то, что такъ мало имѣлъ вѣры въ Божественное Провидѣніе, онъ вскочилъ съ земли, рѣшился, пока позволятъ силы, идти искать пищи, и отправился, вдоль по берегу, смотря прилежно во всѣ стороны, не увидитъ ли чего-нибудь, чѣмъ бы можно было утолить голодъ.

Наконецъ онъ увидалъ на пескѣ нѣсколько раковинъ, съ жадностію бросился къ нимъ, чтобъ посмотрѣть, нѣтъ ли въ нихъ устрицъ, и — о счастіе! въ нихъ точно были устрицы. Нельзя себѣ представить, какъ Робинзонъ обрадовался этому.

Ваня. Такъ устрицы всегда лежатъ на берегу?

Отецъ. Нѣтъ, онѣ большею частію живутъ въ морѣ, и кучами налипаютъ одна на другую около какого-нибудь утеса, такъ что изъ нихъ составляется какъ-будто маленькая гора. Но нѣкоторыя изъ раковинъ отрываются волнами и приливомъ приноситъ ихъ на берегъ; когда приливъ кончится и наступитъ время отлива, онѣ и остаются на берегу.

Петруша. Что такое значитъ приливъ и отливъ?

Оля. Развѣ ты не знаешь это? Приливомъ называется то, когда вода прибываетъ, а отливомъ, когда убываетъ.

Петруша. Какая вода?

Оля. Какая?. . . Вода въ морѣ!

Другъ Р. Попроси Ваню, Петруша; онъ объяснитъ тебѣ это.

Ваня. Я? Пожалуй, съ удовольствіемъ. Не замѣчалъ ли ты, Петя, когда нибудь, что вода въ Эльбѣ, хоть бы здѣсь у Гамбурга, выливается иногда далеко на берегъ, а потомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, опять уходитъ,

такъ что на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была вода, можно потомъ бываетъ ходить?

Петруша. О, да, я это замѣчалъ!

Ваня. Ну, такъ видишь: когда вода прибываетъ такъ, что выступаетъ изъ береговъ, это называется приливомъ, а когда она опять убываетъ и берега сдѣлаются сухи, это называется отливомъ.

Отецъ. Надобно еще сказать тебѣ, любезный Петруша, что въ морѣ вода прибываетъ и убываетъ такимъ образомъ каждыя сутки по два раза. Каждый разъ съ небольшимъ шесть часовъ она прибываетъ, и потомъ также съ небольшимъ шесть часовъ убываетъ. Это-то и называется приливомъ. Понимаешь ли теперь?

Петруша. Понимаю? Но отчего жъ это происходитъ?

Ѳедя. Я знаю отчего; это все происходитъ отъ дѣйствія луны, которая притягиваетъ воду къ себѣ, такъ что она по неволѣ должна подниматься.

Николинька. Мы ужъ это слышали: дайте папенькѣ разсказывать!

Отецъ. Въ другой разъ, Петруша, я поговорю объ этомъ съ тобой поболѣе.

Робинзонъ сердечно обрадовался, что могъ наконецъ сколько нибудь утолить голодъ. Хотя, конечно, устрицами не наѣшься до сыта, но онъ и этому былъ радешенекъ.

Теперь онъ началъ заботиться о томъ, гдѣ ему жить и какъ обезопасить себя отъ дикихъ звѣрей и дикихъ людей. Первый ночлегъ его былъ такъ неудобенъ, что онъ не могъ безъ содроганія подумать, что, можетъ быть, ему опять придется провести ночь такимъ же образомъ.

Ѳедя. Я знаю, чтобы я сдѣлалъ на мѣстѣ Робинзона.

Отецъ. А что такое? скажи намъ!

Ѳедя. Я построилъ бы себѣ домъ съ толстыми стѣнами и съ толстыми желѣзными дверями; потомъ выкопалъ бы кругомъ дома глубокій ровъ съ подъемнымъ мостомъ, и каждый вечеръ поднималъ бы этотъ мостъ; тогда дикіе не могли бы придти ко мнѣ.

Отецъ. Превосходно! Жаль, что тебя не было тамъ: ты далъ бы добрый совѣтъ бѣдному Робинзону! Но мнѣ пришло на мысль спросить тебя: видалъ ли ты когда-нибудь, какъ плотники и каменьщики начинаютъ строить домъ?

Ѳедя. Видалъ и очень часто! Каменьщикъ сперва заготовляетъ известку и сыплетъ въ нее песокъ; потомъ онъ укладываетъ камни одинъ на другой и лопаткою своею кла-

детъ промежду нихъ известку, чтобы они крѣпко приставали другъ къ другу. Потомъ приходятъ плотники и топорами обтесываютъ балки такъ, чтобы онѣ приходились одна въ другую. Послѣ того поднимаютъ эти балки на стѣны и укладываютъ ихъ рядами; потомъ напилятъ тонкихъ планокъ, сдѣлаютъ стропилы и покроютъ ихъ желѣзомъ. А потомъ....

Отецъ. Вижу, вижу, что ты хорошо замѣтилъ, какъ строятъ дома. Но вѣдь каменьщику нужны известка, лопатка и кирпичи или камни, которые прежде надобно еще обдѣлать; плотнику же нужны топоръ, пила, буравецъ, гвозди, отвѣсъ и молотокъ. А гдѣ бы ты взялъ все это на мѣстѣ Робинзона?

Ѳедя. Ахъ, да, объ этомъ-то я и не подумалъ.

Отецъ. Вотъ такъ-то было и съ нашимъ Робинзономъ: и онъ по неволѣ долженъ былъ отказаться отъ постройки себѣ дома. У него не было никакихъ инструментовъ, кромѣ своихъ двухъ рукъ, а голыми руками дома не выстроишь.

Николинька. Ну, такъ построилъ бы онъ себѣ шалашъ изъ древесныхъ вѣтвей.

Отецъ. То-то чудесная была бы защита отъ змѣй, волковъ, львовъ, тигровъ, и подобныхъ звѣрей.

Ваня. Бѣдняжка, бѣдняжка, Робинзонъ! Что-то съ нимъ будетъ?

Николинька. Развѣ онъ не умѣлъ стрѣлять?

Отецъ. Хорошо, стрѣлять,—но для этого нужны ружье, порохъ и пули. Къ несчастію, у бѣднаго Робинзона, какъ вамъ извѣстно, не было ничего, рѣшительно ничего, кромѣ двухъ своихъ рукъ.

Раздумавшись о своемъ положеніи, онъ снова впалъ-было въ прежнее отчаяніе. «Что мнѣ въ томъ,» говорилъ онъ самъ себѣ, «что я не умеръ съ голоду, когда, можетъ быть, сегодня же ночью съѣдятъ меня дикіе звѣри!»

И вотъ ему представилось, будто бы передъ нимъ стоитъ уже огромный тигръ, съ разинутою пастью и страшными зубами. Вотъ этотъ тигръ бросается на него, хватаетъ его за горло. «Бѣдные мои родители!» громко вскричалъ Робинзонъ, и въ ужасѣ повалился на землю.

Долго лежалъ онъ такимъ образомъ, дрожа отъ страха, какъ вдругъ пришла ему на память пѣсенка, которую пѣвала его добрая мать, когда ей было грустно или когда случалось съ нею какое нибудь несчастіе. Пѣсенка эта начиналась такъ:

«Кто вѣритъ въ милосердье Бога,
Чья мысль Ему посвящена,
Тому житейская дорога
Не будетъ никогда страшна.
Кто съ упованьемъ Бога проситъ,
Легко тотъ крестъ житейскій носитъ.»

Мысль эта какъ будто оживила его, и онъ, припоминая понемногу эту пѣсенку, началъ громко напѣвать ее. Потомъ собрался съ силами, всталъ и пустился искать, нѣтъ ли гдѣ какой нибудь пещеры, которая могла бы служить ему жилищемъ.

Гдѣ онъ именно былъ—на твердомъ ли материкѣ или на какомъ нибудь островѣ, — этого не зналъ онъ и самъ. Но, осматриваясь кругомъ, онъ увидалъ вдали высокую гору и отправился къ ней.

Дорогою съ горестію замѣтилъ онъ, что во всей этой сторонѣ не растетъ ничего, кромѣ травы и неплодоносныхъ деревьевъ. Можете представить, какъ было ему весело!

Съ большимъ трудомъ взобрался онъ на гору, съ которой могъ видѣть на нѣсколько миль кругомъ.... И съ ужасомъ увидѣлъ онъ, что точно находился на островѣ, и что нигдѣ, сколько можно было видѣть простымъ глазомъ, нѣтъ ни клочка земли, кромѣ двухъ недалеко оттуда лежащихъ маленькихъ островковъ.

«Бѣдный, несчастный я человѣкъ!» вскричалъ онъ со слезами. «И такъ, нѣтъ сомнѣнія, я разлученъ на-вѣки со всѣми людьми и не имѣю болѣе надежды когда-нибудь выдти изъ этой пустыни! О бѣдные мои родители! Я никогда болѣе не увижу васъ, никогда не могу испросить у васъ прощенія за вину свою, никогда болѣе не услышу отраднаго человѣческаго голоса. Но я заслужилъ это,» продолжалъ онъ, «Господь справедливъ! Какъ я смѣю роптать? Я самъ захотѣлъ этого....

Долго стоялъ онъ задумавшись и опустивъ глаза въ землю. Оставленъ Богомъ и людьми! вотъ все, что думалъ онъ въ эти минуты. По счастію пришли ему опять на память слѣдующія слова изъ его прекрасной пѣсенки:

Блаженъ стократъ, кто въ дни страданья
Былъ твердъ и духомъ не упалъ,
Не думалъ, чтобъ Свое созданье
Творецъ когда позабывалъ....
Молись ему: молитвы сладость
И горе превращаетъ въ радость!».

Онъ съ умиленіемъ бросился на колѣни и началъ молиться Богу, давая обѣщаніе переносить съ покорностію и терпѣніемъ всѣ страданія, и прося у Господа помощи и силъ для этого.

Оля. Какъ хорошо, что Робинзонъ зналъ такую хорошенькую пѣсенку, которая утѣшала его въ несчастіи.

Отецъ. Конечно, хорошо! что было бы съ нимъ, если бы онъ не зналъ, что Богъ есть милосердый, всемогущій и вездѣсущій Отецъ всѣхъ человѣковъ! Конечно, онъ умеръ бы со страха и отчаянія, если бы его не научили всему этому; а теперь эта мысль объ Отцѣ Небесномъ утѣшала и поддерживала его въ несчастіи.

Оля. Папаша, разскажи мнѣ побольше о Богѣ, какъ ты училъ другихъ.

Отецъ. Хорошо, дитя мое! Ты каждый день будешь становиться умнѣе, и я много стану разсказывать о милосердомъ Богѣ. Ты знаешь, что я ни о чемъ не люблю такъ говорить, какъ о Немъ, который столько всемогущъ и милосердъ къ намъ, слабымъ смертнымъ.

Оля. О, какъ это хорошо! И я очень люблю, когда ты говоришь о Богѣ. Ахъ, какъ я рада!

Отецъ. И хорошо, моя душенька! Чѣмъ чаще ты будешь думать о Богѣ, тѣмъ больше будешь заботиться о томъ, чтобы сдѣлаться лучше и добрѣе, и тѣмъ веселѣе тебѣ будетъ.

Робинзонъ почувствовалъ въ себѣ новыя силы, и рѣшился обойти кругомъ горы. Долго понапрасну искалъ онъ удобнаго для житья мѣстечка, но наконецъ увидалъ большую гору, которая была спереди такъ крута, словно прямая гладкая стѣна. Подойдя къ ней поближе, усмотрѣлъ онъ въ ней небольшое углубленьице, съ довольно узкимъ входомъ.

Если бы у него были заступъ, ломъ или другіе инструменты, ему легко было бы сдѣлать эту пещеру просторнѣе и удобнѣе для жилища. Но такъ какъ у него ничего этого не было, то и надобно было подумать, чѣмъ замѣнить все это.

Долго ломая голову, придумалъ онъ наконецъ слѣдующее средство: всѣ эти деревья, сказалъ онъ самъ себѣ, очень похожи на наши ивы, которыя такъ легко можно пересаживать съ одного мѣста на другое. Пойду, выкопаю руками побольше молоденькихъ кусточковъ и насажаю ихъ поплотнѣе одинъ къ другому передъ этою пещеркою, такъ, чтобы они могли служить вмѣсто забора. Они подростутъ и я могу спокойно

спать въ этой норѣ, какъ будто дома. Сзади будетъ защищать меня стѣна, а спереди и съ боковъ этотъ кустарникъ.

Обрадовавшись такой мысли, онъ тотчасъ принялся за работу. Еще больше обрадовался онъ, увидавъ недалеко оттуда свѣтленькій маленькій ручеекъ. Онъ тотчасъ же бросился освѣжить себя немного благодѣтельною струею холодной воды; отъ жестокой жары, ему чрезвычайно захотѣлось пить.

Ѳедя. Стало быть на этомъ островѣ было очень жарко.

Отецъ. Чрезвычайно! Смотри (показывая на картѣ): вотъ Караибскіе острова; Робинзонъ, конечно, былъ на одномъ изъ этихъ острововъ. Теперь видишь ли? эти острова лежатъ недалеко отъ того мѣста, которое называется экваторомъ, и гдѣ солнце находится почти всегда прямо надъ головами жителей. Слѣдовательно, тамъ должно быть очень жарко.

И такъ Робинзонъ съ величайшимъ трудомъ выкопалъ руками нѣсколько молоденькихъ деревьевъ и отнесъ ихъ къ своему новому жилищу. Такъ онъ опять долженъ былъ выкопать ямки и посадить деревья, а потому работа его шла довольно медленно, такъ что наступилъ уже вечеръ, а онъ едва успѣлъ посадить деревцовъ пять или шесть.

Голодъ заставилъ его идти опять искать по берегу устрицъ; къ несчастію его, въ это время былъ приливъ, и онъ долженъ былъ лечь спать ничего не ѣвши.

Спать, но гдѣ?—Подумавъ немного, онъ рѣшился, до тѣхъ поръ, пока не устроитъ себѣ безопаснаго жилища, спать по прежнему на деревѣ.

Но чтобы и въ эту ночь опять не свалиться съ дерева, онъ помочами своими крѣпко-на крѣпко привязалъ себя къ дереву, потомъ усердно помолился Богу, и уснулъ спокойно.

Ваня. Вотъ это умно.

Отецъ. Нужда научитъ многому. И поэтому-то самому милосердый Творецъ устроилъ такъ землю и людей, чтобы разнаго рода нужды и потребности заставляли насъ думать и изобрѣтать полезныя вещи. Эти-то нужды и дѣлаютъ насъ умнѣе и разсудительнѣе; а не то, если бы какъ говорится, жареные воробьи валились намъ въ ротъ, если бы домы, постели, платье, пища, питье и все, что намъ нужно, выростало само собою и совсѣмъ готовое изъ земли, то намъ бы нечего было другаго дѣлать, какъ ѣсть, пить и спать; и тогда мы во всю жизнь оставались бы дураками и невѣждами.

Николинька. Такъ, стало быть, Богъ хорошо устроилъ, что не все, что для насъ нужно, растетъ прямо изъ земли.

Отецъ. Такъ же мудро и хорошо, какъ и все прочее, у-

строенное Имъ на нашей землѣ! Но взгляните на эту вечернюю звѣздочку; какъ пріятно она глядитъ на насъ! И ее создалъ также нашъ Небесный Отецъ, котораго мы должны еще теперь возблагодарить за нынѣшній, счастливо и благополучно прожитый нами день. Вставайте, дѣти! Возьмите другъ друга за руки и пойдемте вонъ въ ту бесѣдку.

11. ЧЕРВЯЧЕКЪ.

«Смотри-ка, Миша, говорила Лизенька, остановившись возлѣ цвѣтущаго кустарника, кто-то наклеилъ хлопчатую бумагу; не ты-ли это?»

— Нѣтъ, отвѣчалъ Миша, развѣ Саша или Володя. —

«Гдѣ Володѣ это сдѣлать, продолжала Лизенька; посмотри, какъ искусно растянуты эти тоненькія ниточки, и какъ крѣпко онѣ держатся на зеленомъ листкѣ.»

— Смотри-ка, сказалъ Миша, тамъ что-то круглое! — Съ сими словами проказникъ хотѣлъ было сдернуть наклеенную хлопку,

«Ахъ, нѣтъ! не трогай! вскричала Лизенька, удерживая Мишу и присматриваясь къ листочку: тутъ червячекъ, видишь, шевелится.»

Дѣти не ошиблись; въ самомъ дѣлѣ на листкѣ цвѣтущаго кустарника, подъ легкимъ прозрачнымъ одѣяльцемъ, похожимъ на хлопчатую бумагу, въ тонкой скорлупкѣ, лежалъ червячекъ. Уже давно лежалъ отъ тамъ, давно уже вѣтерокъ качалъ его колыбелку и онъ словно дремалъ въ своей воздушной постелькѣ. Разговоръ дѣтей пробудилъ червячка, онъ просверлилъ окошко въ своей скорлупкѣ, выглянулъ на Божій свѣтъ, смотритъ—свѣтло, хорошо и солнышко грѣетъ; задумался нашъ червячекъ. «Что это, говоритъ онъ, никогда мнѣ еще такъ тепло не было; видно не дурно на Божіемъ свѣтѣ; дай подвинусь подальше.»

Еще разъ онъ стукнулъ въ скорлупку и окошечко сдѣлалось дверцей; червячекъ просунулъ головку, еще, еще — и наконецъ совсѣмъ вылѣзъ изъ скорлупки; смотритъ сквозь свой прозрачный занавѣсъ, а возлѣ него на листкѣ капля сладкой росы, и солнышко въ ней играетъ, и какъ будто радужное сіяніе ложится отъ нея на зелень.

«Дай-ка напьюся сладкой водицы», сказалъ червячекъ; потянулся, анъ не тутъ-то было: кто это? вѣрно маменька червячка такъ крѣпко прикрѣпила занавѣску, нельзя и приподнять ее даже! чтоже дѣлать? Вотъ нашъ червячекъ посмотѣлъ, посмотрѣлъ да и принялся подтачивать то ту ниточку, то другую; работалъ, работалъ,—и наконецъ поднялась занавѣска, червячекъ подлѣзъ подъ нее и напился сладкой водицы. Весело ему на свѣжемъ воздухѣ: теплый вѣтерокъ пашетъ на червячка, колышетъ струйку росы и съ цвѣтковъ сыплетъ на него душистую пыль.

«Нѣтъ, говоритъ червячекъ, ужъ впередъ меня не обманутъ. Зачѣмъ мнѣ опять идти подъ душное одѣяло и сосать сухую скорлупку? останусь-ка я лучше на просторѣ; здѣсь много душистыхъ цвѣтовъ, много и крючечковъ разсыпано по листьямъ, есть за что уцѣпиться....»

Не успѣлъ червячекъ выговорить, какъ вдругъ, смотритъ, листья между собою зашумѣли и мошки въ тревогѣ зажужжали, небо потемнѣло, само солнышко со страха спряталось за тучку, вороны каркаютъ, утки гогочутъ, и вотъ дождикъ ливнемъ; подъ бѣднымъ червячкомъ цѣлое море: волною захлеснуло малютку; дрожь пробѣжала по его тонкой кожицѣ; и холодно и страшно ему стало, едва онъ опомнился и наконецъ собралъ силы, и снова, поматывая головкой, побрелъ подъ хлопчатую занавѣску, въ родимую постельку.

Вотъ согрѣлся малютка; между тѣмъ дождикъ пересталъ, солнышко опять показалось и разсыпалось мелкими искрами по дождевымъ каплямъ.

Нѣтъ, сказалъ опять червячекъ, теперь меня не обманутъ: зачѣмъ мнѣ выходить изъ родимаго гнѣздышка на холодъ и сырость? видишь, солнышко какое хитрое: приманитъ, пригрѣетъ—а нѣтъ чтобы отъ дождя защитить.»

Вотъ прошелъ день, прошелъ и другой, прошелъ и третій; червячекъ все лежитъ въ хлопчатомъ одѣяльцѣ, съ боку на бокъ переваливается, иногда выставитъ головку, пощиплетъ листокъ и опять въ колыбелку; вотъ онъ смотритъ: у него на тѣлѣ волоски стали пробиваться; не прошло недѣли, какъ у червячка явилась теплая узорчатая шубка. Еслибъ вы видѣли, какіе цвѣты разсыпала по ней природа! она опоясала ее красными лентами, вдоль посадила желтыя, мохнатыя пуговки, въ шейкѣ пустила черныя и зеленыя жилки.

Ге! ге! сказалъ червякъ самъ въ себѣ, не ужели-ли въ самомъ дѣлѣ мнѣ цѣлый вѣкъ лежать на моей постелькѣ, да смотрѣть на занавѣску! Не уже-ли только и дѣла на семъ

свѣтѣ!—Мнѣ ужъ, признаться, надоѣла постелька,—тѣсно въ ней, скучно—еслибъ на свѣтъ посмотрѣть, себя показать — можетъ быть я на что и другое гожусь. Ну что, въ самомъ дѣлѣ, не уже-ли дождя бояться! да мнѣ въ моей шубкѣ и дождикъ не страшенъ; дай попробую, пощеголяю въ моемъ новомъ нарядѣ.»

Вотъ червячекъ снова приподнялъ занавѣску: смотритъ, надъ нимъ цвѣточикъ только что распустился; каплетъ изъ него сахарный медъ и манитъ къ себѣ малютку; не утерпѣлъ червячекъ, приподнялся, крѣпко обвился вокругъ шейки цвѣтка и жадно поцѣловалъ своего новаго друга; смотритъ, надъ нимъ другой цвѣтокъ еще лучше того; онъ къ нему,—потомъ еще третій, еще лучше: всѣ они шепчутся между собою, играютъ съ малюткой и брызжутъ въ него липчатымъ медомъ; зарѣзвился нашъ червячекъ, забылся,—нежданно повѣялъ вѣтеръ и стряхнулъ червячка на землю.

Что-то будетъ съ нашимъ щеголемъ? какъ найти ему родимое гнѣздышко? Однакожъ онъ приподнялъ головку, осмотрѣлся. «Ну чтожъ, думалъ, бѣда еще не велика—оплошалъ, такъ оплошалъ! — въ другой разъ наука; — не за чѣмъ же мнѣ опять въ колыбелку. Нѣтъ, нечего колыбелки держаться, пора жить и своимъ умомъ.» Сказалъ и поползъ куда глаза глядятъ; вотъ доползъ онъ до вѣтки: расщипалъ ее—жестко! онъ дальше, еще, еще—и доползъ до листка; попробовалъ—вкусно.

«Нѣтъ, сказалъ червячекъ, теперь буду умнѣе, не стряхнетъ меня вѣтерокъ!» и закинулъ на листокъ паутинку.

Сглодалъ онъ листокъ, на другой потащился, а потомъ и на третій. Весело червячку! вѣтеръ ли пахнетъ, — онъ прикорнетъ къ паутинѣ; тучка ли набѣжитъ, — его шубка дождя не боится; солнышко ли сильно печетъ, — онъ подъ листокъ да и смѣется надъ солнцемъ насмѣшникъ.

Но были для червячка и горькія минуты. То, смотритъ, птичка летитъ, глазки въ него уставляетъ, а иногда подлетитъ, да и носикомъ толкъ его подъ бокъ; но червячекъ не простакъ: онъ притворится, притаится будто мертвый, а птичка и прочь отъ него. Было и горше этого; онъ потащился на новый листокъ, а смотритъ—на немъ сидитъ большой, мохнатый паукъ съ крючьями на ногахъ, шевелитъ кровавою пастью и растягиваетъ сѣтку надъ червячкомъ.

Иногда проходили мимо червячка злые люди и говорили

между собою: «Ахъ, проклятые червяки! побросать бы ихъ всѣхъ на землю, да растоптать хорошенько.»

Червячекъ, слыша такія рѣчи, уходилъ въ глубокую чащу и по цѣлымъ днямъ не смѣлъ показываться.

А иногда и Лизенька съ Мишей брали его въ руки, чтобы полюбоваться его разноцвѣтной шубкой, и хотя они были добрыя дѣти, не хотѣли сдѣлать зла червячку, но такъ неосторожно мяли его въ рукахъ, что потомъ бѣдный червячекъ едва дыша всползалъ на родную вѣтку.

Вотъ между тѣмъ лѣто прошло, уже много цвѣтковъ поблекло и на ихъ мѣстѣ шумѣли головки съ сочными зернами; раньше солнце стало уходить за горку, и чаще прежняго повѣвалъ вѣтерокъ, и чаще накрапывалъ крупный дождикъ.. Лизенька и Миша уже вспоминали о своей шубкѣ и спорили, чья лучше: у нихъ или у червячка. Червячекъ замѣтилъ, что листки уже стали не такъ душисты и сочны, солнце не такъ тепло, да и самъ ужъ онъ сдѣлался не такъ живъ и все ему на свѣтѣ сдѣлалось уже не такъ утѣшно, какъ прежде.

«Что-жъ, думаетъ онъ, довольно я на свѣтѣ пожилъ, поработалъ, испыталъ и горе и радость, пилъ и горькую и сладкою росу, пощеголялъ и шубкой, дружился съ цвѣтками; не вѣкъ-же ползать попустому на землѣ, пора быть чѣмъ нибудь лучше.»

Онъ спустился съ листка, протянулся мимо блестящей капли росы, вспомнилъ, какъ ея струйки веселили его, малютку, и поползъ далѣе въ чащу зелени; онъ сталъ искать тѣнистаго, скромнаго мѣста, удаленнаго отъ шума и свѣта, нашелъ его, пріютился и началъ важную работу въ своей жизни. Когда Лизенька съ Мишей отыскали своего червячка— они очень удивились, что ихъ старый знакомый ничего не ѣлъ и не пилъ, а цѣлые часы безпрестанно трудился надъ своимъ дѣломъ. Въ чемъ же была работа червячка? Эта работа была важная, любезныя дѣти: червячекъ готовился умереть и строилъ себѣ могилку!

Долго трудился надъ ней, наконецъ скинулъ съ себя свою узорчатую шубку, примолвивъ: «Тамъ въ ней не будетъ нужды,» и заснулъ сномъ покойнымъ. Не стало червячка, лишь на листкѣ качался его безжизненный гробъ и свернутая въ комокъ шубка.

Но не долго спалъ червячекъ! Вдругъ онъ чувствуетъ—забилось въ немъ новое сердце, маленькія ножки пробились изъ подъ брюшка и на спинкѣ что-то зашевелилось; еще минута и распалась его могилка; червячекъ смотритъ—онъ не чер-

вякъ, ему не надобно ползать по землѣ и цѣпляться за листки; развились у него большія радужныя крылья; онъ живъ, онъ свободенъ, онъ гордо поднимается на воздухъ.

Такъ бываетъ и не съ однимъ червячкомъ, любезныя дѣти. Не рѣдко видите вы, что тотъ, съ которымъ вы вмѣстѣ рѣзвились и играли на мягкомъ лугу, завтра лежитъ блѣдный, бездыханный; надъ нимъ плачутъ родные, друзья, и онъ не можетъ имъ улыбнуться; его кладутъ въ сырую могилку, — и нашего друга какъ не бывало! Но не вѣрьте! вашъ другъ не умеръ, раскрывается его могила — и онъ, невидимо для насъ, въ образѣ свѣтлаго ангела возлетаетъ на небо.

Древніе замѣтили это сходство между превращеніемъ бабочки и безсмертіемъ человѣка, и оттого на своихъ картинахъ и статуяхъ изображали человѣка съ бабочкиными крыльями для того, чтобы люди не забывали, что они, проживя свой вѣкъ, испытавъ горе и радость, снова, какъ бабочка, возвратятся въ новую жизнь, и что смерть есть только перемѣна одежды. Такъ, можетъ быть, встрѣтите изображеніе Платона, мудреца древности, съ бабочкиными крыльями: его изображали такъ потому, что онъ краснорѣчивѣе другихъ говорилъ о безсмертіи души и о жизни послѣ смерти.

Дѣдушка Ириней (Кн. В. О.)

(*Дѣтская книжка для воскресныхъ дней. 1831*).

12. ГАДКІЙ УТЕНОКЪ.

(Сказка Андерсена).

Хорошо было за городомъ въ деревнѣ! Было лѣто. Рожь желтѣла, овесъ зеленѣлъ еще. По лугу, уставленному стогами сѣна, важно прохаживался длинный, красноногій аистъ и болталъ по-египетски, на языкѣ, которому научился отъ своей матери. Вокругъ возвышались большіе лѣса, а посреди лѣсовъ сверкали глубокія озера. Да, нечего сказать, хорошо было за городомъ, въ деревнѣ! Между лугомъ и нивами стоялъ, облитый яркимъ солнечнымъ сіяніемъ, старый господскій домъ, обведенный глубокими канавами; отъ забора его, внизъ до самой воды, тянулся репейникъ, такой высокой, что во многихъ мѣстахъ маленькія дѣти могли стоять подъ нимъ, выпрямившись. Въ репейникѣ, въ которомъ было дико, какъ

въ самомъ дикомъ лѣсу, сидѣла утка ни яицахъ и высиживала утятокъ. Сидѣть ей было не совсѣмъ весело и оттого, что утята долго не вылупливались, и оттого, что ее рѣдко навѣщали другія утки, которымъ было пріятнѣе плавать по каналамъ, чѣмъ калякать съ ней, сидя подъ листьями репейника.

Но вотъ, наконецъ, яйцо за яйцомъ начали лопаться; раздалось: «пикъ, пикъ!» и каждый желточекъ, оживившись, высунулъ головку.

— Крякъ, крякъ!—сказала она, и всѣ утята, какъ могли, выбрались подъ зеленые листья и начали посматривать во всѣ стороны; и матка позволила имъ смотрѣть, сколько хотѣлось, потому что зеленый цвѣтъ для глазъ нисколько не вреденъ.

— Ахъ, какъ же великъ міръ!—воскликнули всѣ утята, потому что теперь имъ было не такъ уже тѣсно, какъ внутри яицъ.

А вы думаете, что это и весь міръ? сказала матка.—Куда! онъ простирается дальше, и за садъ прямо въ поле пастора; но тамъ я и сама никогда не бывала. Теперь, кажется всѣ ужъ выбрались,—продолжала она, и совсѣмъ было встала, но тотчасъ же сѣла опять, воскликнувъ: «Ахъ нѣтъ, не всѣ; самое большое яйцо цѣлехонько еще. Да когда же это кончится! скоро я ужъ и совсѣмъ выбьюсь изъ терпѣнія!»

Ну, что какъ дѣла? — спросила тутъ старая утка, пришедшая навѣстить ее.

— Да вотъ, одно яйцо никакъ не лопается, сказала молодая.—Но посмотри на другихъ; не правда ли, вѣдь ты никогда и не видывала такихъ миленькихъ утяточекъ? Всѣ въ отца, а онъ, злодѣй, и навѣстить меня не хочетъ.

— Знаешь ли что — сказала старая: — то яйцо, что не лопается, вѣрно индѣичье. Разъ и самое меня надули такимъ образомъ, и сколько было мнѣ тогда и хлопотъ и горя. Вѣдь индѣята смертельно боятся воды. Ужъ я и крякала и щелкала — нейдутъ себѣ, да и только. Дай-ка мнѣ взглянуть на это яйцо. Ну да, это индѣичье; оставь его; учи лучше другихъ дѣтенышей плавать.

— Нѣтъ, сказала молодая,—посижу еще. Вѣдь я сидѣла ужъ столько, что можно посидѣть и еще немного.

— Это какъ тебѣ угодно, проворчала старая и ушла.

Наконецъ яйцо лопнуло и изъ него выползъ дѣтенышъ, да такой большой, такой гаденькій.

— Вотъ какой страшно-большой утенокъ, бормотала про себя матка, посматривая на него. — И нисколько не похожъ на другихъ. Ужъ не индѣенокъ ли это? Ну, да мы скоро

узнаемъ: онъ у меня будетъ въ водѣ, хоть бы самой пришлось столкнуть его.

На другой день погода была также прекрасна; солнце ярко свѣтило на весь репейникъ, и утка отправилась со всѣмъ своимъ семействомъ къ каналу. Тутъ она, соскочивъ въ воду, сказала: «крякъ, крякъ.» и утята, одинъ за другимъ, бухъ, бухъ туда-же. Вода заплескивала ихъ и съ головками, но они тотчасъ же выскакивали на поверхность; ножки ихъ работали сами собою и всѣ они плыли какъ нельзя лучше; плылъ даже и гаденькій, сѣрый утенокъ.

— Нѣтъ, это не индѣенокъ — разсуждала матка сама съ собою. — Вишь, какъ онъ славно дѣйствуетъ ножками, какъ прямо держится; нѣтъ, это мой собственный дѣтенышъ! Если въ него хорошенько всмотришься, онъ даже очень не дуренъ. Крякъ, крякъ! — продолжала она — за мной дѣтки! Я введу васъ въ большой свѣтъ, представлю васъ на птичьемъ дворѣ; не отбивайтесь только отъ меня, чтобы кто-нибудь не наступилъ на васъ, а пуще всего берегитесь кошекъ.

И вотъ они пришли на птичій дворъ. На немъ былъ страшный шумъ, потому что два утиныя семейства дрались изъ-за рыбьей головки, которая, подъ-конецъ, все таки досталась кошкѣ.

— Вотъ такъ-то все идетъ на свѣтѣ! — молвила матка, очищая носикъ, потому-что и ей хотѣлось рыбьей головки.— Ну, дѣтки, переваливайтесь хорошенько, да склоните головки, вонъ передъ той старой уткой. Она здѣсь знатнѣе всѣхъ; она шпанскаго происхожденія, потому-то она такъ и толста. Видите у ней на ножкѣ обшивочку; эта обшивочка чудесная вещь, величайшее отличіе, какого утка можетъ достигнуть. Она означаетъ, что ее не хотятъ потерять, что ее должны отличать и люди и животныя. Ну, переваливайтесь же! да не заворачивайте лапокъ внутрь: благовоспитанный утенокъ выворачиваетъ ихъ наружу, какъ отецъ и мать его — вотъ такъ! Теперь склоните же головки и скажите: «крякъ!»

Утята исполнили все, что имъ было сказано; но другія утки, посматривая на нихъ искоса, говорили громко: «Очень намъ нужны новички эти, насъ и безъ того довольно; а одинъ-то изъ нихъ, что это за гадость — нѣтъ, мы не потерпимъ его!» — И тотчасъ же одна изъ утокъ налетѣла на бѣдненькаго и давай щипать его.

— Оставь его — сказала матка, — вѣдь онъ никого не трогаетъ.

— Пусть не трогаетъ — возразила щипунья, — да онъ

слишкомъ великъ и необыкновененъ, а потому и должно щипать его.

— Твои утята очень хороши — сказала тутъ старая утка съ красной обшивочкой,—всѣ очень хороши; только одинъ не удался.

—Онъ конечно не красивъ — сказала матка, — но за то такой добренькій, и плаваетъ ничуть не хуже, смѣю сказать, даже лучше другихъ. Впрочемъ, я думаю, что современемъ, выросши, онъ нѣсколько поуменьшится; онъ слишкомъ долго лежалъ въ яицѣ и оттого вышелъ не совсѣмъ такимъ, какимъ бы слѣдовало. Къ томужъ—прибавила она, расправляя перушки ему носикомъ, — вѣдь онъ селезень, такъ оно, знаете ли, недостатокъ красоты и не составляетъ большой важности.

—А прочіе очень милы — молвила старая. — Будьте же какъ дома; найдете рыбью головку — можете принести ее ко мнѣ.

И они сдѣлались какъ бы домашними.

Но бѣднаго некрасиваго, послѣ всѣхъ вылупившагося утенка щипали, толкали, гоняли не только утки, даже и куры. «Онъ слишкомъ великъ» — говорили всѣ; а индѣйскій пѣтухъ, родившійся со шпорами и потому думавшій, чте онъ великій господинъ, раздувался, какъ корабль, распустившій всѣ паруса, подходилъ прямо къ нему и клохталъ такъ страшно, что голова его дѣлалась совершенно красна. Бѣдный утенокъ не зналъ что ему начать, куда дѣваться: ему было очень грустно, что онъ такъ дуренъ, что долженъ быть посмѣшищемъ для всего птичьяго двора.

Такъ прошелъ первый день; но и въ слѣдующіе — нападки не уменьшались, а увеличивались. Бѣдняка гоняли всѣ; даже братья и сестры были такъ злы, что безпрестанно твердили: «Какъ бы хорошо было, если бы тебя съѣла кошка!» И мать восклицала не рѣдко: «Какъ была бъ я рада, если бы ты куда-нибудь запропастился!» — Утки щипали его, куры били, а дѣвочка, кормившая птицъ, то и дѣло толкала его ногою.

Спасаясь отъ гоненій, онъ перелетѣлъ, наконецъ, черезъ заборъ; маленькія, порхавшія въ кустахъ птички разлетѣлись съ испуга въ стороны. «Это оттого, что я такъ дуренъ» — подумалъ онъ, и, закрывъ глаза, бѣжалъ все далѣе и, наконецъ прибѣжалъ къ большому болоту, въ которомъ жили дикія утки. Онъ такъ усталъ, ему было такъ грустно— онъ пролежалъ тутъ цѣлую ночь.

Поутру дикія утки проснулись и съ удивленіемъ смотрѣли на новаго товарища. «Откуда и что ты за птица?»—спрашивали онѣ его, а онъ только-что поворачивался па всѣ стороны, да кланялся, какъ могъ.

—«Ты ужасно дуренъ — сказали, наконецъ, дикія утки,—но намъ до этого нѣтъ никакого дѣла; только не втирайся въ нашу семью.» Бѣдняжка совсѣмъ и не думалъ втѣсняться въ ихъ семью; его желанія ограничивались только тѣмъ, чтобъ ему позволили остаться въ камышахъ.

Онъ пролежалъ тутъ цѣлые два дня; на третій прилетѣли два дикіе гусака. Они недавно выползли изъ яицъ, и потому были очень смѣлы.

—Слушай, товарищъ! — сказали они ему — ты такъ гадокъ, что для насъ нисколько не будешь опасенъ. Хочешь жить съ нами, хочешь быть перелетной птицей? Недалеко отсюда, въ другомъ болотѣ есть нѣсколько прекрасныхъ гусынь, и всѣ благовоспитанныя дѣвицы; какъ ты ни дуренъ—можетъ быть, тебѣ и посчастливится.

Пафъ, пафъ!—раздалось въ это самое мгновеніе, — и оба гусака пали мертвые, и вода покраснѣла отъ ихъ крови. — Пафъ, пафъ!—раздалось опять—и цѣлыя стада дикихъ гусей поднялись изъ камышей. Охотники залегли вокругъ всего болота: нѣкоторые сидѣли даже на вѣтвяхъ деревьевъ. Выстрѣлъ раздавался за выстрѣломъ; синеватый дымъ, поднимавшійся изъ густой зелени, тянулся облаками далеко по водѣ. Камышъ и тростникъ раздвигались въ стороны отъ приближавшихся охотничьихъ собакъ. Бѣдный утенокъ въ ужасѣ повернулъ голову, чтобы спрятать ее подъ крылышко—передъ нимъ стояла большая собака. Глаза ея сверкали страшно, языкъ висѣлъ далеко изъ пасти! она протянула къ нему морду, ощерила зубы и—прошла мимо, не тронувъ его.

О, Боже, благодарю тебя! — прошепталъ онъ — я такъ гадокъ, что и собакѣ противно укусить меня.

И онъ лежалъ, притаившись, не шевелясь все время, пока продолжалась охота. И за тѣмъ, какъ все уже замолкло, не скоро осмѣлился поднять головку. Наконецъ, ободрившись, онъ осмотрѣлся и стремглавъ побѣжалъ изъ болотъ, куда глаза глядятъ. Поднявшаяся вскорѣ буря сильно затрудняла бѣгъ его, но онъ не останавливался.

Къ вечеру онъ добрался кое-какъ до небольшой крестьянской избушки. Избушка была такъ ветха, что не знала, на которую сторону упасть ей и только потому стояла. А между тѣмъ буря усилилась до того, что утеночку надобно

было присѣсть, чтобъ она не унесла его. Тутъ онъ замѣтилъ, что дверь, соскочившая съ одного крюка, висѣла такъ косо, что оставляла отверстіе, сквозь которое можно было протѣсниться внутрь, и онъ воспользовался этимъ и протѣснился.

Въ избушкѣ жила старушка съ котомъ и съ курочкой. Котъ, котораго она называла сынкомъ, умѣлъ выгибать спинку горбикомъ и мурлыкать; онъ издавалъ даже искры, но для этого его надобно было гладить противъ шерстки. У курочки же были очень маленькія, коротенькія ножки, и потому ее называли коротконожкой; она несла превкусныя яица и старушка любила ее, какъ бы собственное свое дѣтище.

Утромъ они тотчасъ же замѣтили забѣглаго утенка, и котъ началъ мурлыкать, а курочка клохтать.

— Что тамъ такое?—сказала старушка, осматриваясь: но глаза ея видѣли уже плохо и она приняла утенка за жирную утку.

— Вотъ какая славная добыча! — воскликнула она. — Теперь у меня будутъ и утиныя яица, если это только не селезень; но мы увидимъ.

И вотъ, чтобъ увидать это, она оставила утенка у себя на трехнедѣльное испытаніе. Три недѣли прошли, а яицъ всетаки нѣтъ. А котъ былъ господиномъ, курочка — госпожей въ домѣ, и у нихъ что ни слово, все «мы и цѣлый міръ,» потому-что они почитали себя по-крайней мѣрѣ половиной его, да еще и самой лучшей. Утенокъ же думалъ, что можно имѣть и свое собственное мнѣніе; но курочка никакъ не терпѣла этого.

— А ты умѣешь нести яица?—спрашивала она его.

— Нѣтъ.

— Такъ и не разѣвай же рта.

— А ты умѣешь выгибать спинку горбикомъ, мурлыкать, издавать искры? — спрашивалъ котъ.

— Нѣтъ.

— Такъ не суйся съ своимъ мнѣніемъ, когда говорятъ умные люди.

И утеночекъ сидѣлъ въ уголку, пригорюнившись. Вдругъ ему вспали на умъ свѣжій, открытый воздухъ, солнечное сіяніе, и въ немъ пробудилось такое сильное желаніе поплавать на водѣ, что онъ никакъ не могъ удержаться, чтобы не сказать объ этомъ курочкѣ.

— Вотъ новости!—воскликнула она. — Ты ничего не дѣ-

лаешь: оттого тебѣ и лѣзутъ въ голову всякіе вздоры. Неси яица, или мурлыкай, такъ тебѣ ничего такого и не вспадетъ на умъ.

— Но вѣдь плавать по водѣ такъ пріятно—говорилъ утенокъ.—И что за наслажденіе, когда нырнешь и вода сомкнется надъ головой твоей!

— Удивительное наслажденіе! Ты съ ума сошелъ! Спроси у кота — онъ умнѣйшій изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ,— онъ скажетъ тебѣ, какъ ему нравятся плаванье или нырянье. О себѣ самой я и говорить не хочу, Спроси у старушки, нашей госпожи—умнѣе ея нѣтъ никого въ мірѣ. Вѣрно и она не скажетъ тебѣ, чтобъ ей хотѣлось плавать, чтобы вода сомкнулась надъ головой ея.

— Вы не понимаете меня!—сказалъ утенокъ.

— Мы не понимаемъ тебя? Ну да, конечно, кому же и понимать тебя? Не уже ли ты воображаешь, что ты умнѣе и кота и нашей госпожи—о себѣ я не хочу и упоминать?—Полно, выкинь вздоръ изъ головы и благодари Создателя за все доброе, что тебѣ оказали. Тебя приняли въ теплую комнату, въ общество, въ которомъ можешь кой чему научиться; но ты пустой болтунъ, съ тобой даже и разговаривать противно. Повѣрь мнѣ, я желаю тебѣ добра; я говорю тебѣ непріятности — но именно поэтому истинные друзья и познаются. Учись нести яица, или мурлыкать, или издавать искры.

— Я думаю лучше будетъ, если я оставлю васѣ, пойду странствовать по міру—сказалъ утенокъ.

— И хорошо сдѣлаешь — молвила курочка.

И утенокъ оставилъ ихъ. Онъ плавалъ по водѣ, онъ нырялъ въ глубь; но всѣ птицы чуждались его, и все потому, что онъ былъ очень некрасивъ.

А между тѣмъ наступила и осень. Листья въ лѣсахъ пожелтѣли, вѣтеръ срывалъ ихъ и они, кружась, сыпались на землю; въ воздухѣ было очень холодно, по небу ходили тучи, готовые разразиться градомъ и снѣгомъ; на заборѣ сидѣлъ воронъ и кричалъ: «корръ, корръ!» потому-что и ему было холодно. Каково же было бѣдному утенку! Разъ вечеромъ, когда солнце величественно закатывалось уже за небосклонъ, изъ лѣса вылетѣло цѣлое стадо чудныхъ, большихъ птицъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ, съ длинными стройными шеями. Такихъ утенокъ никогда не видывалъ еще. Это были лебеди; испустивъ совершенно особенный крикъ, они расширили прекрасныя, длинныя крылья, взвились высоко, высоко, и полетѣли изъ страны холодной, далеко въ страны теплѣйшія, на моря

широкія. Появленіе ихъ пробудило въ гаденькомъ утенкѣ престранное чувство: онъ кружился въ водѣ, какъ колесо, около своей оси, сильно топорщилъ шейку свою къ нимъ вверхъ, и, наконецъ, закричалъ такъ громко и чудно, что и самъ испугался. Когда они скрылись, онъ нырнулъ на дно, самъ не зная для чего, и за тѣмъ, вынырнувъ, все еще не могъ придити въ себя. Онъ не зналъ ни какъ зовутъ этихъ прекрасныхъ птицъ, ни куда онѣ летятъ; но онъ видѣлъ, что имъ было такъ хорошо, какъ никому. Онъ не завидовалъ имъ: куда ему желать быть также красивымъ! для него уже и расположеніе утокъ было бы величайшимъ счастіемъ.

А холода все увеличивались. Вотъ и вода начала покрываться льдомъ; свободнымъ отъ него оставалось уже только небольшое пространство, гдѣ плавалъ утенокъ: но и оно становилось все меньше и меньше, потому-что къ ночи морозило такъ, что трещалъ и самый ледъ. Чтобъ и это отверстіе не закрылось совершенно, бѣдный утенокъ долженъ былъ работать ножками безпрестанно; наконецъ, онъ совсѣмъ выбился изъ силъ, и ледъ крѣпко охватилъ его со всѣхъ сторонъ.

Рано утромъ увидалъ его въ этомъ положеніи проходившій мимо мужичекъ, разбилъ ледъ деревянными башмаками своими, взялъ утеночка и отнесъ его къ женѣ. Тутъ онъ ожилъ.

Дѣти захотѣли поиграть съ нимъ, но утенокъ подумалъ, что они замышляютъ не доброе, и потому, вспорхнувъ, отъ страха попалъ прямо въ кринку съ молокомъ и расплескалъ его по всей комнатѣ. Жена мужичка всплеснула руками и вскрикнула; утенокъ, испугавшійся еще болѣе, попалъ изъ кринки въ горшокъ съ масломъ, а оттуда въ кадку съ мукой, изъ которой вылетѣлъ ни на что непохожимъ. Хозяйка кричала и старалась ударить его ухватомъ; дѣти, желая поймать его, бѣгали, съ страшнымъ хохотомъ, толкая другъ друга. По счастью, дверь была отворена — утенокъ бросился въ нее, пробрался сквозь наваленный по близости хворостъ и упалъ, совершенно обезсилѣвъ, на снѣгъ, только-что напавшій.

Но пересказывать все, что вытерпѣлъ бѣдный утенокъ въ эту зиму, слишкомъ грустно. Онъ лежалъ въ камышахъ болота, когда солнце снова начало нагрѣвать всю природу. Жаворонки заливались громкими пѣснями; зима смѣнилась чудеснѣйшею весною.

Тутъ утенокъ почувствовалъ вдругъ, что онъ снова мо-

жетъ махать крылышками; они двигались гораздо уже сильнѣе, уносили его гораздо далѣе, и, прежде чѣмъ онъ замѣтилъ это, онъ очутился въ прекраснѣйшемъ саду, въ которомъ яблоки стояли въ полномъ цвѣтѣ, бузина благоухала и длинныя зеленыя вѣтви ея склонялись къ самой водѣ большаго, извилистаго пруда. Здѣсь все было такъ прекрасно, такъ весенне-радостно. Но вотъ изъ-за рощи показались три бѣлыхъ лебедя; они весело помахивали крыльями, плавали такъ легко. Глядя на нихъ, какъ-то грустно стало бѣдному утенку.

— Полечу къ нимъ, къ этимъ царственнымъ птицамъ — шепталъ онъ про себя. — Онѣ убьютъ меня за то, что я, такой гадкій, осмѣлился приблизиться къ нимъ; но ужъ такъ и быть: лучше умереть отъ нихъ, чѣмъ переносить щипанье утокъ, побои куръ, толчки птичницы и страшную нужду зимою.

И онъ слетѣлъ на воду и поплылъ прямо къ лебедямъ, которые, увидавъ его, замахали крыльями, и бросились прямо къ нему.

— Убейте меня!—простоналъ бѣдняжка и, въ ожиданіи смерти, склонилъ головку, но, — о чудо! что увидалъ онъ въ свѣтломъ зеркалѣ воды? Самого себя, но уже не гаденькой, уродливой, темносѣрой птицей, а лебедемъ.

И ему стало такъ легко и весело. Большіе лебеди плавали вокругъ и, ласкаясь, гладили его своими носиками.

Въ это самое время, къ берегу пруда прибѣжали дѣти и начали бросать въ воду кусочки хлѣба.

— Ахъ, еще новый!—закричалъ вдругъ самый маленькій изъ нихъ.

— Новый, новый прилетѣлъ! подхватили другія, и всѣ запрыгали и захлопали въ ладоши и наконецъ побѣжали за отцомъ и за матерью. Они тотчасъ же возвратились съ ними и снова принялись бросать въ воду хлѣбъ и пироги, и всѣ говорили: «Новый-то лучше всѣхъ, такой молоденькій, такой славный!» и старые лебеди склонялись передъ нимъ.

И отъ всего этого ему стало такъ стыдно, что онъ спряталъ головку подъ крылышко. Онъ не зналъ, что ему и дѣлать; онъ былъ такъ счастливъ, но нисколько не возгордился тѣмъ, потому что доброе сердце не знаетъ гордости. Онъ думалъ о томъ, какъ его гнали, какъ всѣ насмѣхались надъ нимъ, и теперь слышалъ, какъ его называли прекраснѣйшей изъ всѣхъ прекрасныхъ птицъ. Даже бузина склоняла къ нему свои зеленыя вѣточки, и солнышко пригрѣвало его яр-

кими лучами своими такъ радушно. И вотъ перышки его зашумѣли, стройная шейка поднялась, и онъ воскликнулъ въ восторгѣ: «Могъ ли я ожидать такого счастія, когда былъ еще гаденькимъ утенкомъ!»

13. БѢГСТВО ЛОМОНОСОВА.

Зима 1728 года на Руси была жестокая. Путешественники отмораживали себѣ лица, а волки безбоязненно приходили въ деревни распѣвать свои жалобы на голодъ. Замѣтливые люди увѣряли даже, что въ эту зиму птицы на лету падали мертвыя, и что ласточки густыми клубками скрывались на самомъ днѣ рѣкъ, гдѣ, видно, искали онѣ пріюта отъ холода. А рѣки задымились рано, и скоро толстая кора льду покрыла ихъ. Русскіе люди однакожъ не боялись этого: они какъ будто рады были своей обычной гостьѣ, которая на полгода превращаетъ въ камень все окружающее ихъ. Русскій человѣкъ безъ зимы, точно какъ Итальянецъ безъ огненнаго лѣта. Русскіе сѣверяне особенно любовались бѣлыми равнинами и проложили по нимъ свои любимыя зимнія дороги. По этому естественному шоссе они дѣятельно летали въ легкихъ кибиткахъ, и терпѣливо двигались длинными обозами.

Въ одну лунную ночь, когда утренняя заря уже боролась со свѣтомъ потухавшаго спутника нашей старой земли, обозъ съ рыбою тянулся верстахъ въ семидесяти отъ Холмогоръ къ Москвѣ. Подлѣ одного изъ возовъ шелъ, припрыгивая и постукивая руками, закутанный въ овчинный тулупъ и въ поярковой армякъ, обозный прикащикъ. Сдѣлавъ еще одно выразительное антрша, онъ повернулъ къ шедшему послѣ него извощику и примолвилъ:

«Ну, брать Тереха, жарко!»

— Да, Пименъ Никитичъ, благодаренье Богу, морозецъ.

«Кажись ужъ и деревня на виду?»

— Версты три осталось еще, родимый.

«Видно, много нашего брата ѣдетъ этою зимой; смотри, сколько полозьевъ проѣхало послѣ вчерашняго снѣгу: разъ, два, три.... Да, что это? Аль кто изъ вашихъ отсталъ?»

— А что? кажись, кому быть!

«Да, вишь, позади насъ: такъ кто-то рысью и улепетываетъ?»

—Нѣтъ, родимый, наши всѣ тутъ: не вѣдаю кто, а только не нашъ. Ванькъ! а что, яго-таго, ктойтъ?

«Ай-та?» закричалъ вопросительно другой мужикъ, шедшій подлѣ задняго воза. «А что-йтъ?»

— Вишь яго: кто-йта догоняйтъ?

«А Христосъ его зная!»

Въ это время, то бѣгомъ, то шагомъ, приблизился къ самому обозу парень, лѣтъ семнадцати, пріятный наружностью, высокій, стройный и полукоченѣвшій отъ холода, потому что онъ былъ одѣтъ въ одинъ нагольный тулупъ, совсѣмъ не по дорожному. На головѣ его была ветхая шапка; на ногахъ, сверхъ онучь, надѣты коты; онъ былъ даже не опоясанъ. Поровнявшись съ заднимъ возомъ, онъ пошелъ обыкновеннымъ шагомъ, и, какъ гусь въ чужомъ стадѣ, казалось, не смѣлъ ни къ кому обратиться. Пименъ Никитичъ оглянулся раза два, но видя, что отъ этого любопытству его не легче и что молодой человѣкъ не говоритъ ничего ни съ кѣмъ, остановился, и, дождавшись того воза, подлѣ котораго шелъ новый сопутникъ, пошелъ съ нимъ рядомъ.

«А что, братъ, тебѣ надобно?» спросилъ онъ у молодаго человѣка.

— Мнѣ? ничего.

«Какъ ничего! Да куда ты идешь?»

— Коли ваша милость позволитъ, такъ иду въ Москву....

«Въ Москву? Да кто ты таковъ? откуда?»

— Я Денисовскій крестьянинъ. Вы чай и батюшку моего знаете.

«Денисовскій крестьянинъ? Мы третьяго дня изъ Денисовскаго. А какъ зовутъ отца твоего?»

— Василій Ломоносовъ. Я видѣлъ, какъ вы нагружали рыбу въ нашей деревнѣ, и съ батюшкой моимъ говорили.

«Ну, Василья Ломоносова я знаю. Да зачѣмъ-же ты идешь въ Москву? и какъ дойдешь туда?»

— Ваша милость! позвольте мнѣ идти подлѣ вашего обоза! Я вамъ буду служить дорогой, и въ Москвѣ готовъ работать: только позвольте идти съ вами!

«Да ты, братъ, не ряхнулся-ли. Что тебѣ за надобность въ Москву? Отецъ что-ли послалъ? Только этому быть нельзя. Говори правду: зачѣмъ ты идешь въ Москву?»

— Да.... такъ.... мнѣ хочется посмотрѣть Москву....

«Э, э, братъ, такъ ты, видно, безъ отцовскаго позволенія махнулъ! ты убѣжалъ отъ отца?»

— Сказать правду, такъ убѣжалъ.... Но, право, я не за худымъ дѣломъ иду въ Москву.

«А кто тебя знаетъ! Безъ отцовскаго позволенія на добрыя дѣла не ходятъ. Вижу, братъ, я, что ты малый шалунъ, забулдыга. Дѣлать тебѣ въ Москвѣ нечего — есть тамъ много вашей братьи! Воротись-ка добромъ къ отцу, а не то я тебя турну инымъ порядкомъ.»

— Ваша милость!.... не гоните меня! право, я заслужу вамъ!

«Пошелъ ты, негодяй, съ своими услугами! Да что я за сумасшедшій, что возьму съ собой въ Москву бѣглаго мальчишку! Пошелъ!»

— Ахъ, г. купецъ! право я не какой нибудь негодникъ!

Тутъ грозный прикащикъ хотѣлъ поворотить бѣднаго мальчика назадъ толчками, но, замѣтивъ у него подъ мышкой узелокъ, спросилъ:

«А это что у тебя подъ мышкой»?

—Это.... да это я взялъ съ собой....

«Вижу, что ты это взялъ съ собой, а по просту сказать укралъ! Да.... а говори: что у тебя въ узелкѣ?»

— Господинъ купецъ! Я не укралъ этого, потому что это столько-же мое, какъ моя голова. Только голову даетъ человѣку Богъ, а это мнѣ отдали добрые люди.

«Ахъ, ты, краснобай деревенскій! Видно, у тебя голова-то начинена такъ-же, какъ этотъ узелъ? Да что въ немъ? чья казна? или изъ отцовскаго сундучка мошня?»

У незнакомаго парня сверкнули въ глазахъ слезы. Видно было, что ихъ не морозъ выжалъ; горе стѣснило его дыханіе. Онъ остановился и былъ такъ изумленъ словами прикащика, что въ недоумѣніи глядѣлъ на него и не говорилъ ни слова.

Казалось, это сдѣлало впечатлѣніе на допросчика; но, какъ человѣкъ опытный, Пименъ Никитичъ скрылъ свою тайную мысль, и, также остановившись, вскричалъ на парня:

«Ну? не правду-ли я говорилъ, что ты воришка? Что-же ты оторопѣлъ!»

— Не оторопѣлъ, а одурѣлъ отъ твоихъ словъ, г. купецъ! Я воръ? я укралъ деньги, казну?.... Господи Боже мой! — Съ этими словами онъ зарыдалъ, и, бросивъ свой узелокъ къ ногамъ прикащика, сказалъ сквозь слезы:

«На, посмотри что я несу, и Богъ съ тобой! Не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ: дойду и безъ тебя до Москвы.

Желая вполнѣ выдержать роль человѣка осторожнаго, Пименъ Никитичъ поднялъ узелокъ, и, развернувъ его, пробормоталъ съ удивленіемъ:

«Что это? книги? Да на какой прахъ ты несешь въ Москву такую дрянь? Тамъ, братъ, не дадутъ гроша за это.»

— Да я и не возьму за нихъ тысячи рублей! Эти книги мнѣ дороже всего твоего обоза.... Тебѣ чудно это, г. купецъ? Видно, что милы онѣ мнѣ, когда я для нихъ-то оставилъ отца и родимую сторону!

«Чудно,» сказалъ Пименъ Никитичъ. «Ну, пойдемъ до первой упряжки, и тамъ увидимъ.»

Хотя вся эта схватка прикащика съ незнакомымъ юношею кончилась въ немного минутъ, однакожъ возы, передразнивая своимъ движеньемъ время, ушли довольно далеко впредъ. Прикащикъ пошелъ за ними скорымъ шагомъ въ догонку, а молодой человѣкъ сталъ завертывать въ узелокъ свои книги, и невольно отсталъ отъ него. Вскорѣ однакожъ они опять поровнялись. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе; наконецъ прикащикъ заговорилъ снова:

«Теперь вижу я, что ты не таковъ, какъ думалъ я сначала; но я все-таки не догадаюсь: зачѣмъ ты идешь въ Москву?«

Въ глазахъ юноши стало свѣтло, хоть и не весело.

— Не знаю и самъ — отвѣчалъ онъ — что со мной станется въ Москвѣ, но мнѣ тошно стало жить въ нашей нелюдной сторонѣ, гдѣ не съ кѣмъ поговорить, какъ-бы мнѣ хотѣлось, и не у кого спросить, о чемъ-бы подумалось. По этимъ книгамъ, которыя видѣла ваша милость, выучился я грамотѣ, да Ариѳметикѣ; хочется знать еще больше, а отъ кого и какъ узнаешь? Вотъ я и рѣшился идти въ Москву: тамъ, говорятъ, много людей ученыхъ, и есть училища, для всякаго кто вздумаетъ учиться. Заговорилъ я объ этомъ отцу своему, да онъ никакъ не могъ смекнуть чего я хочу, еще началъ поносить книги и книгочіевъ. Я рѣшился убѣжать, когда увидѣлъ, что съ нимъ не сговорить. Хочу въ Москвѣ учиться.

«Я, дружокъ, самъ человѣкъ, не хвастовски сказать, грамотный,» отвѣчалъ Пименъ Никитичъ. «Спросилъ-бы ты у меня, такъ я-бы тебѣ далъ толкъ. Ну, да ужъ теперь поздно: видно, такова твоя часть. Все Богъ!»

— Богъ меня и не оставитъ! — примолвилъ юноша съ робкою довѣренностью. — Позвольте же спросить вашу милость: гдѣ вы обучались?

«Какъ гдѣ?.... у людей.... у духовныхъ. Гдѣ же еще на-

шему брату учиться? Да вѣдь и въ вашемъ селѣ есть дьячекъ: что же ты не учился у него?»

— Я у него учился, да онъ кромѣ церковной грамоты ничего не знаетъ.

«А что же еще тебѣ надобно? Развѣ ты въ попы хочешь? или хочешь читать на нѣмецкихъ языкахъ?»

— Да, мнѣ бы хотѣлось этого.

«О, о, дружище! такъ вотъ какой ты гусь!.... Взялъ бы тебя, да отвалялъ хорошенько лозами, такъ дурь-то изъ головы и вышла бы. Въ нѣмецкіе языки пускаться!»....

Послѣ такого объясненія у молодаго человѣка отпала охота разговаривать съ ученымъ его спутникомъ. Мальчикъ зналъ по опыту, до чего доводятъ съ подобными грамотѣями разговоры объ ученьѣ. Однакожъ спутникъ вызвалъ его на отвѣтъ, воскликнувъ:

«Вѣдь заберется же въ голову такая блажь, прости меня Господи! Мужикъ, охреянъ, задумалъ въ ученые!»....

— Я думаю, г. купецъ—отвѣчалъ юноша—что ученымъ никто не родится; а кто учится, да хорошо, такъ тотъ и будетъ ученый.

«Да тебѣ-то что до ученья? На то есть дворянскія дѣтки, да поповичи. Однимъ надо быть грамотнымъ, чтобы читать приказныя бумаги, да толковать государскіе законы, а другимъ, чтобы говорить проповѣди, да знать что поютъ и читаютъ. А тебѣ на что такая ученость?»

— Да я не такой учености хочу.... Молодой человѣкъ не зналъ какъ выразить свою мысль, хотя очень понималъ, о чемъ говоритъ. Онъ по неволѣ остановился на неконченной рѣчи.

«Ну, что? то-то, братъ! зналъ бы ты отцовскій неводъ, да счетъ въ рыбѣ! А деньгу-то сосчитать можно и безъ московскаго ученья.

Прикащикъ думалъ, что онъ своимъ сужденіемъ какъ громомъ поразилъ бѣднаго парня. Тотъ молчалъ и тѣмъ больше заставлялъ своего сопутника вѣрить, что въ словахъ его заключалась вся премудрость опытности.

Въ это время одинъ изъ возовъ закатился въ глубокій ухабъ: лошадь затаращилась съ нимъ и вся эта нестройная громада съ трескомъ остановилась.

— Та-та, ай-та?-закричало нѣсколько голосовъ мужицкихъ со всѣхъ сторонъ.—Э-а-та, Терехъ, Ванькъ!

Всѣ бросились подымать лошадь и вытаскивать возъ.

Пименъ Никитичъ, какъ человѣкъ, который хочетъ до-

казать свою философію на дѣлѣ, бросился, впрочемъ безъ всякой нужды, помогать другимъ, и тутъ-же, крехтя и крича, терся около воза. Онъ думалъ найти въ этомъ доказательство, какъ должно сохранять возы и заботиться о рыбѣ, и практически пояснить молодому безумцу, въ чемъ заключается мудрость жизни. Когда порядокъ былъ возстановленъ и возы пошли впередъ, онъ обернулся къ юношѣ, также помогавшему другимъ во время суматохи, и, отряхивая снѣгъ съ своего армяка, сказалъ:

— Вотъ, братъ! не пойдетъ на умъ ученость. А?

«Да, правда!» отвѣчалъ тотъ.

Безъ дальнѣйшихъ событій пріѣхали на мѣсто роздыха. Сѣверное нарѣчіе зашумѣло, когда извощики, а съ ними и обозный прикащикъ, сѣли за столъ и начали работать за горячими щами. Новый сопутникъ ихъ, удалившись въ уголъ и вынувъ изъ кармана кусокъ самаго нероскошнаго хлѣба, хотѣлъ имъ пообѣдать. Добрая Русь не вытерпѣла этого.

Одинъ изъ мужиковъ, котораго лицо уже горѣло, какъ на огнѣ, отъ множества проглоченныхъ имъ щей, возвысилъ голосъ:

«А что-жъ ты, родимой, не поѣшь съ нами? Садись-ка благословясь!»

Молодой человѣкъ раздумывалъ.

«Садись, голубчикъ, садись! Отъ хлѣба-соли не отнѣкиваются», примолвилъ Піменъ Никитичъ.

Дѣло сладилось. Робкій юноша присоединился къ другимъ и не отсталъ отъ нихъ.

«Ну, вотъ, оно-тко и повеселѣе!» сказалъ одинъ изъ извощиковъ, помолясь Богу и раскланиваясь со всѣми стѣнами.

— Да вотъ, ребята!—началъ Піменъ Никитичъ.—Малый идетъ въ Москву, Христосъ его знаетъ зачѣмъ, а ѣсть у него нечего. Возьмемъ, что-ли, его!»

«Почто нѣтъ!» отвѣчалъ одинъ извощикъ.

— Вѣстимо! пускай себѣ идетъ!-примолвилъ другой.

«Да я одинъ платить за него не буду!» поспѣшилъ сказать Піменъ Никитичъ.

— Ну, съобча заплатимъ! — проговорилъ еще одинъ извощикъ.

«Съ ортели заплатимъ!» примолвилъ другой. «Пожалуй, ты хоть и не плати.»

— Нѣтъ, и я съ вами!—сказалъ прикащикъ.

— Ну, вотъ.... какъ тебя зовутъ, пріятель?.... продолжалъ онъ.

«Михайломъ!» отвѣчалъ юноша.

— Ну, вотъ, Михайло, теперь пожалуй иди съ нами. Только уговоръ лучше денегъ: въ Москвѣ, братъ, все дорого; ищи себѣ хлѣбъ гдѣ хочешь. Мы тамъ за тебя не плательщики.

К. Полевой.

(*М. В. Ломоносовъ*).

14. ВЫГОДНАЯ ПОТЕРЯ.

Филандръ занималъ значительную должность на службѣ отечества своего, почему и принужденъ былъ жить открыто и дѣлать многія издержки. Онъ принималъ гостей, давалъ праздники и воспитывалъ дочерей своихъ блистательнымъ образомъ, какого требовало званіе его. Жена Филандрова давала балы и посѣщала всѣ модныя собранія. Проведя такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, отъ внезапной перемѣны судьбы Филандръ низвергся съ той высокой степени, которую онъ занималъ, и всѣ планы его о будущемъ разстроились. Хотя, по занимаемому имъ мѣсту, онъ и получалъ большое жалованье, но его было недостаточно для всѣхъ расходовъ, такъ, что онъ не только не увеличилъ имѣнія во время службы, но еще и вошелъ въ большіе долги. Заимодавцы, узнавъ о случившейся съ нимъ перемѣнѣ, неотступно требовали скорѣйшей уплаты, и, чтобы удовлетворить ихъ, онъ принужденъ былъ продать за безцѣнокъ большую часть своего имѣнія, не оставя для себя ничего, кромѣ одной маленькой деревеньки. Филандръ имѣлъ довольно твердости, чтобы, не теряя времени, избрать родъ жизни, приличной теперешнимъ его обстоятельствамъ. Онъ не докучалъ друзьямъ своимъ, чтобы заставить ихъ хлопотать о возвращеніи ему прежней должности; но продалъ немедленно всѣ богатыя домашнія убранства и перевезъ семейство въ маленькую свою деревню, гдѣ началась для него жизнь совершенно новая. Онъ самъ работалъ неусыпно, и всѣ они должны были жить чрезвычайно бережливо, не позволяя себѣ никакой прихоти. Жена и дѣти не скоро могли привыкнуть къ такой перемѣнѣ и отказаться отъ всего того, что прежде казалось имъ необходимостію. Напослѣдокъ, взаимная привязанность и благоразуміе, а болѣе всего необходимость, заставили ихъ не только покориться своей

участи, но даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ исправлять новыя, совершенно неизвѣстныя имъ должности. Однако невольно обращались онѣ мыслями къ прошедшему счастію и подъ часъ тяжелый подавляемый вздохъ обличалъ ихъ сожалѣніе.

Филандръ замѣтилъ все, но молчалъ, боясь безвременными представленіями или упреками еще болѣе раздражить огорченныя сердца. Наконецъ прошелъ цѣлый годъ съ тѣхъ поръ, какъ они переселились въ деревню. Филандръ собралъ всѣхъ домашнихъ своихъ подъ тѣнь развѣсистаго дуба, растущаго въ саду его. Лѣтнее солнце позлащало всю окрестность, и Филандръ говорилъ слѣдующимъ образомъ семейству, его окружающему:

«Милые участники судьбы моей! если въ теченіе этого года и въ вашихъ умахъ произошла такая же перемѣна, какъ въ моемъ, то я поздравляю васъ отъ всего сердца. Теперь я съ твердостію могу спросить у самого себя, потерялъ ли я что нибудь. И вмѣсто горести, которую въ другое время возбудилъ бы во мнѣ такой вопросъ, я чувствую сладостное спокойствіе. Взгляните на это величественное свѣтило, разливающее жизнь и свѣтъ на все твореніе: не лучше ли оно, не тысячу ли разъ блестящѣе освѣщенной для праздника залы? Воздухъ, растворенный благовоніемъ цвѣтовъ и травъ, не пріятнѣе ли, не здоровѣе ли того, которымъ мы дышали въ душныхъ гостиныхъ посреди толпы, насъ окружащей, и дыма благовонныхъ куреній? Такъ ли вкусенъ казался намъ обѣдъ нашъ, приготовленный Французскимъ поваромъ, когда множество дорогихъ приправъ едва могли возбудить аппетитъ нашъ, — какъ теперь, когда онъ возбужденъ дѣятельностію и трудомъ, когда пища наша проста, но здорова? Такъ ли сладокъ былъ сонъ, когда, проведя день въ пустыхъ забавахъ или за карточнымъ столомъ, мы долго спустя послѣ полуночи ложились спать? Теперь же, проведя день въ занятіяхъ полезныхъ, мы идемъ отдыхать, какъ скоро ночь покроетъ землю. Можемъ ли мы жаловаться на простоту одежды нашей, которая совершенно соотвѣтствуетъ своей цѣли? Она грѣетъ насъ во время холода и защищаетъ отъ лучей палящаго солнца. Если кто изъ насъ вздумаетъ сожалѣть о прежнихъ блестящихъ нарядахъ, то пускай вспомнитъ о всѣхъ непріятностяхъ, сопровождавшихъ этотъ пустой, суетный блескъ. Сколько разъ каждый изъ насъ жаловался то на неисправность портныхъ, то на неловкость, дерзость и невѣрность слугъ! Теперь мы все приготовляемъ для себя сами; никто не крити-

куетъ нашихъ нарядовъ. Мы могли бы сожалѣть о недостаткѣ пріятнаго общества, но можно ли назвать обществомъ толпу посѣтителей, которые пріѣзжали къ намъ за тѣмъ только, чтобы убивать время, къ которымъ и мы ѣздили точно съ такою же цѣлью, не принимая другъ въ другѣ ни малѣйшаго участія? Живши въ свѣтѣ, мы заботились о пріобрѣтеніи талантовъ блестящихъ, но пустыхъ, которое помогали намъ проводить кое-какъ наши праздные часы. Теперь, не лучше ли мы проводимъ время въ занятіяхъ полезныхъ для себя и для другихъ? Нравственныя наши способности совершенствуются, умъ образуется, и мы теперь только можемъ постигать истинныя наслажденія душевныя. Чтоже мы потеряли? развѣ мы не здоровѣе прежняго? Если мы не имѣемъ никакихъ излишествъ, то не терпимъ также и недостатка. Мы любимъ другъ друга, мы полезны другъ другу: развѣ это несчастіе? Правда, мы лишились нашего званія въ свѣтѣ; но развѣ мы не занимаемъ другой степени гораздо почтеннѣйшей! Мы лишились блестящихъ надеждъ въ будущемъ; но если мы довольны теперешнимъ нашимъ состояніемъ, то на что желать перемѣны? Надѣюсь, что когда пройдетъ еще одинъ годъ, мы всѣ болѣе привыкнемъ къ настоящему нашему положенію и будемъ еще довольнѣе. Друзья мои! смотрите весело впередъ: буря миновалась, мы претерпѣли кораблекрушеніе и не погибли, — мы только перемѣнили большой корабль на легкій челнъ, который принесъ насъ въ тихую пристань! Большая часть нашего груза пропала, но у насъ осталось все нужное.» Сказавъ это, Филандръ обнялъ жену и дочерей. Въ глазахъ ихъ блистали слезы, но утѣшеніе исполнило сердца ихъ.

Анна Зонтагъ.

---

15. СВѢТЯЩІЙСЯ ЖУЧОКЪ.

Однажды вечеромъ, послѣ душнаго лѣтняго дня, Марія, бѣдная вдова, сидѣла у открытаго окна и смотрѣла на садикъ, окружающій ея хижину. Трава была подкошена, и она, не взирая на сильный жаръ, цѣлый день сгребала ее и сложила въ копны. Легкій вѣтерокъ вносилъ въ маленькую комнату освѣжительный, благовонный запахъ сѣна. Вечерняя заря потухала на безоблачномъ небѣ, и полумѣсяцъ свѣтилъ въ открытое окно, рисовалъ на чистомъ полу ра-

му и стекла другаго закрытаго окна и виноградную бесѣдку, находящуюся подлѣ него. Маленькій ея Фердинандъ, шестилѣтній мальчикъ, стоялъ облокотившись на окно; его цвѣтущее личико, свѣтлорусые кудри, бѣлый воротъ рубашки и красный камзольчикъ также были освѣщены луною.

Бѣдная женщина сѣла отдохнуть; но она забыла и о трудѣ дневномъ, и объ усталости, и о палящемъ зноѣ прошедшаго дня: печальная мысль тяготила ее. Для ужина была проготовлена большая чашка молока съ накрошеннымъ хлѣбомъ: но она до него не дотрогивалась. Маленькій Фердинандъ, видя горесть матери, стоялъ передъ нею неподвижно; и онъ положилъ свою ложку и пересталъ ѣсть, замѣтя что мать его, вмѣсто того, чтобы ужинать, горько плакала. Глиняная чашка стояла почти полною, мѣсяцъ свѣтилъ на нее и ясный кругъ отражался на потолкѣ.

Марія овдовѣла въ исходѣ прошедшей весны. Покойный мужъ ея былъ честнѣйшій молодой человѣкъ изъ всей деревни; бережливостію своею и трудолюбіемъ онъ собралъ столько денегъ, что могъ купить маленькую хижину съ огородомъ; конечно, онъ не могъ этого сдѣлать, не войдя въ долгъ. Онъ насадилъ деревьев въ своемъ огородѣ, и они приносили уже прекраснѣйшіе плоды. Марія была бѣдная сирота, родители не оставили ей ничего, кромѣ хорошаго воспитанія; но онъ выбралъ ее предпочтительно передъ другими потому, что во всей деревнѣ она слыла самою набожною, скромною и трудолюбивою дѣвушкой. Они жили очень счастливо; но въ деревнѣ сдѣлалась заразительная горячка, отъ которой добрый этотъ человѣкъ умеръ. Она ходила за больнымъ мужемъ своимъ съ нѣжнѣйшею попечительностію, и сама заразилась тою же болѣзнію, отъ которой съ величайшимъ трудомъ была избавлена.

Болѣзнь мужа и ея собственная привели Марію въ крайнюю бѣдность; но теперь она предвидѣла, что должна будетъ лишиться даже и домика своего. Покойный мужъ ея долго служилъ у богатѣйшаго крестьянина, арендатора ихъ деревни, который, будучи доволенъ его вѣрностію и честностію, далъ ему въ займы триста гульденовъ на покупку домика съ садомъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ ежегодно уплачивалъ ему по двадцати пяти гульденовъ чистыми деньгами, и еще другіе двадцать пять гульденовъ у него заработывалъ. Іоганъ Блумъ (такъ назывался Маріинъ мужъ) до сего года со всею исправностію исполнялъ таковое условіе, и передъ смертію своею оставался должнымъ

всего только пятьдесятъ гульденовъ. Марія знала обо всемъ этомъ.

Въ это время и арендаторъ, заразившись тою же самою болѣзнію, умеръ. Наслѣдниками его были дочь и зять; они нашли между бумагами покойнаго росписку отъ Іогана Блума въ триста гульденовъ, но ничего не знали объ уплатѣ, сдѣланной по сей роспискѣ, потому что покойникъ никогда не говорилъ съ ними объ этомъ дѣлѣ. Они требовали отъ бѣдной вдовы полной уплаты по роспискѣ. Марія, приведенная въ ужасъ, брала въ свидѣтели самого Бога, что мужъ ея уплатилъ все, кромѣ пятидесяти гульденовъ; но ей не вѣрили. Молодой крестьянинъ называлъ ее безстыдною лгуньею и просилъ на нее въ судѣ; а какъ она не имѣла никакихъ доказательствъ, что долгъ былъ уплаченъ, то и рѣшено было, чтобы она по роспискѣ заплатила все сполна. Наслѣдники требовали скорѣйшей уплаты, и бѣдная Марія, не имѣя ничего, кромѣ хижины и сада, видѣла необходимость продать ихъ. Она бросилась къ ногамъ наслѣдниковъ, умоляла ихъ не лишать ее убѣжища; маленькій Фердинандъ стоялъ на колѣняхъ возлѣ своей матери — но все было тщетно! Въ слѣдующій день назначена была продажа домика. Она узнала объ этомъ уже по окончаніи своей дневной работы, отъ сосѣда, который черезъ заборъ прокричалъ ей эту новость.

Вотъ почему она сидѣла подъ окномъ въ такой горести, смотрѣла то на небо, то на своего маленькаго Фердинанда, и проливала горячія слезы.

И такъ, думала она, я въ послѣдній разъ убрала сѣно въ моемъ садикѣ! Первыя бѣлыя сливы, которыя я собрала съ этого дерева для моего Фердинанда, будутъ послѣдними плодами, которыми будетъ онъ лакомиться съ деревьевъ, посаженныхъ для него отцемъ. Такъ, можетъ статься, мы проводимъ здѣсь послѣднюю ночь. Завтра объ эту пору домикъ мой будетъ принадлежать другому и, можетъ быть, насъ тотчасъ изъ него выгонятъ. Богъ знаетъ, гдѣ найдемъ мы пристанище для будущей ночи! Быть можетъ, мы проведемъ ее подъ открытымъ небомъ!

Въ это время Фердинандъ, стоявшій неподвижно, подошелъ къ матери и сказалъ ей, рыдая: «Матушка! не плачь, пожалуйста! Право, я не смѣю даже и говорить съ тобою! Развѣ ты забыла о томъ, что говорилъ намъ батюшка, умирая? Не плачьте!—говорилъ онъ: — Богъ есть отецъ бѣдныхъ вдовъ и сиротъ. Призывайте Его въ печали, и

Онъ поможетъ. — Вотъ что онъ говорилъ; развѣ ты не помнишь?»

— «Точно такъ, сынъ мой! я это очень помню!» отвѣчала мать. — «Ну, какъ же ты можешь такъ долго плакать!» воскликнулъ малютка. «Лучше помолись Богу, Онъ тебѣ поможетъ! О, когда, бывало, батюшка пойдетъ въ лѣсъ рубить дрова и меня возьметъ съ собою, и со мною случится какая нибудь бѣда: или проголодаюсь, или заножу себѣ руку, бывало я никогда не плачу долго! Пойду къ батюшкѣ — онъ тотчасъ положитъ топоръ, дастъ мнѣ хлѣба, или вынетъ занозу! И Богъ также помогаетъ Своимъ дѣтямъ! Онъ благъ и совсѣмъ не таковъ, какъ тотъ богатый человѣкъ, котораго, стоя на колѣняхъ, мы просили сжалиться надъ нами, и который насъ оттолкнулъ ногою и прогналъ отъ себя. Или, можетъ статься, ты думаешь, что Богъ недовольно богатъ! О, Онъ гораздо богатѣе арендатора. Посмотри въ окно: Ему принадлежатъ и мѣсяцъ, и звѣзды. Батюшка часто говаривалъ, что весь свѣтъ принадлежитъ Богу. Зачѣмъ же намъ горевать и плакать? Пойдемъ! Лучше станемъ молиться: Богъ, конечно, поможетъ намъ! Начинай ты, матушка! Я пособлю тебѣ молиться! Богъ лучше приметъ нашу просьбу, нежели богатый арендаторъ!»

— Ты правъ, милое, доброе дитя мое!» сказала мать, и слезы ея были уже не столь горестны; сладостное утѣшеніе тѣснилось въ ея душу. Она сложила руки, возвела глаза на небо, также и малютка, и свѣтлый мѣсяцъ, отражаясь, блисталъ въ слезахъ ихъ. Мать читала вслухъ молитву, а сынъ повторялъ за нею каждое слово.

«Отецъ небесный!» говорила она: «призри на бѣдную вдову и на безпомощнаго сироту, молящихся Тебѣ! Насъ постигло величайшее несчастіе, и мы кромѣ Тебя одного не имѣемъ ни защиты, ни прибѣжища! Ты милосердъ, помилуй насъ! Ты самъ, Господи, сказалъ устами святаго Своего: *воззоветъ ко мнѣ и услышу его!* О, я взываю къ Тебѣ, не отвергни меня, не допусти изгнать насъ изъ бѣдной нашей хижины, не допусти отнять у несчастнаго сироты наслѣдства, оставленнаго ему отцемъ! Но если Ты положилъ въ премудромъ непостижимомъ совѣтѣ Своемъ лишить насъ бѣднаго нашего убѣжища, то дай намъ въ пространной вселенной Твоей одинъ спокойный уголокъ, и пошли утѣшеніе сердцамъ нашимъ; не дай намъ придти въ отчаяніе, когда, взошедъ на холмъ, мы бросимъ послѣдній прощальный взглядъ на нашу хижину!»

Голосъ Маріинъ былъ прерванъ рыданіями; она не могла продолжать молитвы, и въ молчаніи смотрѣла на небо. Малютка, стоявшій еще съ подъятыми рученками, вскрикнулъ и, указывая пальцемъ, сказалъ: «Матушка! посмотри, посмотри, что это такое, что это блеститъ? къ намъ летитъ звѣздочка! Вотъ она подлѣ окна! вотъ влетѣла! О, посмотри, какая свѣтленькая! какой зеленоватый огонекъ! почти прекраснѣе вечерней звѣзды! Теперь онъ летаетъ подъ самымъ потолкомъ! Какое чудо!»

— «Это свѣтящійся жучокъ, милый мой Фердинандъ,» отвѣчала мать. «Днемъ онъ кажется ничего незначащею козявкою, а ночью отъ него свѣтится прекрасно.»

— «Можно ли мнѣ поймать его?» спросилъ мальчикъ: «не обожгусь ли я этимъ огонькомъ?»

— «Этотъ огонекъ не жжется,» отвѣчала мать съ улыбкою, хотя слезы катились по щекамъ ея. «Поймай этого жучка и посмотри на него вблизи. И это маленькое твореніе есть также одно изъ чудесъ всемогущества Божія.»

Малютка, забывъ печаль свою, бѣгалъ за жучкомъ, который, летая по комнатѣ, спустился и садился то подъ столъ, то подъ стулъ. Фердинандъ старался поймать его.

«Ахъ, онъ пропалъ!» вскричалъ малютка. Въ ту самую минуту, когда онъ хотѣлъ уже схватить блестящее насѣкомое, оно залетѣло за сундукъ, стоявшій возлѣ стѣны. Фердинандъ посмотрѣлъ за сундукъ и сказалъ: «теперь я его опять вижу! Онъ подлѣ самой стѣны, и такъ свѣтится, что около него и бѣлая стѣна и полъ освѣщены. Можно разглядѣть каждую пылинку! Но мнѣ никакъ нельзя достать его; рука моя слишкомъ коротка!»

— «Подожди,» отвѣчала мать: «онъ вылетитъ изъ-за сундука.»

Мальчикъ ждалъ нѣсколько времени, потомъ подошелъ къ матери и сказалъ ласковымъ, просительнымъ голосомъ: «Матушка! достань мнѣ его, или отодвинь немножко отъ стѣны сундукъ, чтобы мнѣ самому можно было поймать жучка!»

Мать встала и отодвинула сундукъ; малютка поймалъ спокойно отдыхающаго жучка, и разсматривалъ его съ такимъ удовольствіемъ, какое врядъ ли чувствуютъ принцы и принцессы, любуясь своими драгоцѣнными каменьями.

Между тѣмъ, мать занята была совсѣмъ другимъ предметомъ. Отдвигая сундукъ, она слышала, что какая-то вещь, завязнувшая между сундукомъ и стѣною, упала на полъ. Поднимая ее, она громко воскликнула: «Великій Боже! какъ

скоро Ты ниспослалъ мнѣ помощь Свою! Это прошлогоднiй календарь! я искала его такъ долго и все напрасно! Я думала, что во время моей болѣзни, когда я лежала въ безпамятствѣ, кто нибудь изъ постороннихъ людей, приходившихъ смотрѣть за мною, бросилъ его какъ вещь ненужную. Теперь я могу доказать, что мужъ мой заплатилъ большую часть тѣхъ денегъ, которыхъ съ меня требуютъ! Кто бы могъ догадаться, что этотъ календарь завязъ за сундукомъ, который мы купили вмѣстѣ съ домомъ, и котораго никогда не сдвигали съ мѣста!

Она зажгла свѣчу и пересматривала календарь съ радостными слезами. Въ началѣ года было записано, сколько покойный мужъ ея оставался должнымъ арендатору изъ числа трехъ сотъ гульденовъ; въ теченiе года было внесено, по скольку онъ заработывалъ и уплачивалъ; въ концѣ же года было написано, собственною рукою покойнаго арендатора, слѣдующее: «Въ день святаго Мартына, я расчитался съ Iоганомъ Блумомъ, который остается мнѣ должнымъ «не болѣе какъ пятьдесятъ гульденовъ, изъ числа тѣхъ денегъ, которыя онъ у меня занималъ. *Пятьдесятъ гульденовъ.*»

Марiя отъ радости не знала, что дѣлать. Она обнимала своего сына, и съ восхищенiемъ восклицала: «О Фердинандъ, благодари Бога! теперь мы не будемъ принуждены покидать нашего жилища. Теперь насъ отсюда не выгонятъ!»

«Право?» сказалъ мальчикъ: «а все это отъ меня! Если бы я не попросилъ тебя отодвинуть сундукъ, то ты никогда бы не нашла этой книги!»

Мать стояла нѣсколько времени, погруженная въ размышленiя; потомъ сказала: «О сынъ мой! все это устроено самимъ Богомъ! Я чувствую благоговѣйный ужасъ, помышляя объ этомъ! Въ самое то время, когда мы со слезами молились, влетѣла эта блестящая птичка, и освѣтила мѣсто, гдѣ надобно было искать книгу. О! конечно промыслъ Божiй ведетъ насъ ко благу и малѣйшiя вещи обращаетъ въ нашу пользу. Безъ власти Божiей не упадетъ и власъ главы нашей. Не забывай никогда этого случая и уповай на Бога всегда, а особливо во время скорби. Ему не всегда нужно ниспосылать къ намъ свѣтлыхъ ангеловъ; и маленькое насѣкомое равно возвѣститъ намъ волю Его.

Марiя не могла спать отъ радости. Какъ скоро разсвѣло, она пошла къ судьѣ, который послалъ за наслѣдниками а-

рендатора. Сіи послѣдніе признали справедливость росписки покойнаго отца, и стыдились того, что обидѣли бѣдную вдову и обвиняли ее въ судѣ какъ безчестную женщину. Судья сказалъ, что за причиненную ей обиду и горесть они должны сдѣлать бѣдной вдовѣ какое нибудь вознагражденіе.

Но когда Марія разсказала, какъ она вмѣстѣ съ сыномъ своимъ молилась прошедшею ночью и какъ влетѣлъ къ нимъ свѣтящійся жучокъ, то судья сказалъ: «Здѣсь виденъ перстъ Божій! Самъ Богъ ниспослалъ вамъ помощь!»

Молодой арендаторъ былъ очень тронутъ ея повѣствованіемъ и говорилъ со слезами на глазахъ: «Богъ не только помогаетъ сиротамъ и вдовамъ, но и мститъ за нихъ! Простите мнѣ, что я поступилъ съ вами такъ жестокосердо! Это произошло отъ незнанія! Въ вознагражденіе за горесть, которую я причинилъ вамъ, я дарю вамъ тѣ пятьдесятъ гульденовъ, которые еще не уплачены, и если вы будете въ чемъ либо нуждаться, приходите ко мнѣ: я всегда готовъ помогать вамъ, потому что вижу теперь ясно, что Богъ печется о тѣхъ, кто на Него уповаетъ. Упованіе на Бога есть лучшее богатство! Когда я буду въ нуждѣ, или жена моя останется вдовою, а дѣти сиротами, да поможетъ и намъ Отецъ Милосердый, такъ какъ Онъ помогъ вамъ!»

«Уповайте на Него также, какъ эта бѣдная вдова, и будьте столь же благочестивы, какъ она,» сказалъ судья: «тогда и вамъ Господь Богъ будетъ прибѣжищемъ и защитою!»

Анна Зонтагъ.

---

16. ГОРОДОКЪ ВЪ ТАБАКЕРКѢ.

Папенька поставилъ на столѣ табакерку. «Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка,» сказалъ онъ. Миша былъ послушный мальчикъ; тотчасъ оставилъ свои игрушки и подошелъ къ папенькѣ. Да ужъ и было чего посмотрѣть. Какая прекрасная табакерка! пестренькая, изъ черепахи. А что на крышкѣ-то! Ворота, башенки, домикъ, другой, третій, четвертый — и счесть нельзя; и все малъ-мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотыя, а листики на нихъ серебряные; а за деревьями встаетъ солнышко и отъ него розовые лучи по всему небу.

«Что это за городокъ?» спросилъ Миша.

— Это городъ *Динь-динь* — отвѣчалъ папенька и тронулъ пружинку.... и чтоже? вдругъ невидимо гдѣ заиграла музыка. — Откуда слышна эта музыка, Миша не могъ понять; онъ ходилъ и къ дверямъ — не изъ другой ли комнаты? и къ часамъ — не въ часахъ-ли? и къ бюро, и къ горкѣ; прислушивался то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ; смотрѣлъ и подъ столъ.... наконецъ Миша увѣрился, что музыка точно играла въ табакеркѣ. Онъ подошелъ къ ней, смотритъ, а изъ-за деревьевъ солнышко выходитъ, крадется тихонько по небу, а небо и городокъ все свѣтлѣе, да свѣтлѣе, окошки горятъ яркимъ огнемъ и отъ башенокъ будто сіяніе; вотъ солнышко перешло черезъ небо на другую сторону, все ниже, да ниже, и наконецъ за пригоркомъ совсѣмъ скрылося — и городокъ потемнѣлъ, ставни закрылись и башенки померкли, только ненадолго; вотъ затеплилась звѣздочка, вотъ другая; вотъ и мѣсяцъ рогатый выглянулъ изъ-за деревьевъ и въ городкѣ стало опять свѣтлѣе, окошки засеребрились и отъ башенокъ пошли синеватые лучи.

«Папенька! папенька! нельзя ли войти въ этотъ городокъ? куда бы мнѣ хотѣлось!«

— Мудрено, мой другъ,—этотъ городокъ тебѣ не по росту.

«Ничего, папенька, я такой маленькій — только пустите меня туда; — мнѣ такъ бы хотѣлось узнать, что тамъ дѣлается«....

— Право, другъ мой, тамъ и безъ тебя тѣсно.

«Да кто же тамъ живетъ?»

— Кто тамъ живетъ? Тамъ живутъ *колокольчики*.—Съ сими словами папенька поднялъ крышку на табакеркѣ, и что же увидѣлъ Миша? и колокольчики, и молоточки, и валикъ, и колеса. — Миша удивился. «За чѣмъ эти колокольчики? за чѣмъ молоточки? за чѣмъ валикъ съ крючками?» спрашивалъ Миша у папеньки.

А папенька отвѣчалъ: «Не скажу тебѣ, Миша; самъ посмотри попристальнѣе, да подумай; авось-либо отгадаешь. Только вотъ этой пружинки не трогай, а иначе все изломается.«

Папенька вышелъ, а Миша остался надъ табакеркой: вотъ онъ сидѣлъ, сидѣлъ надъ нею, смотрѣлъ, думалъ, думалъ: отъ чего звенятъ колокольчики?

Между тѣмъ музыка играетъ, да играетъ; вотъ все тише да тише, какъ будто что-то цѣпляется за каждую ножку, какъ будто что-то отталкиваетъ одинъ звукъ отъ другаго; вотъ Миша смотритъ: въ низу табакерки подъ шалнеромъ

отворяется дверца и изъ дверцы выбѣгаетъ мальчикъ съ золотою головкою и въ стальной юбочкѣ, останавливается на дорогѣ и манитъ къ себѣ Мишу.

«Да отъ чего же,» подумалъ Миша, «папенька сказалъ, что въ этомъ городкѣ и безъ меня тѣсно; нѣтъ, видно въ немъ живутъ добрые люди—видите, зовутъ меня въ гости; извольте, господа, извольте, съ величайшею радостію.»

Съ сими словами Миша побѣжалъ къ дверцѣ и съ чрезвычайнымъ удивленіемъ замѣтилъ, что дверца ему пришлась точь въ точь по росту. Какъ хорошо воспитанный мальчикъ, онъ почелъ долгомъ прежде всего обратиться къ своему провожатому:

«Позвольте узнать,» сказалъ Миша: «съ кѣмъ я имѣю честь говорить?»

— Динь, динь, динь,—отвѣчалъ незнакомецъ, — *я Мальчикъ - колокольчикъ* — житель этого городка. — Мы слышали, что вамъ очень хочется побывать у насъ въ гостяхъ, и потому рѣшились просить васъ сдѣлать намъ честь къ намъ пожаловать — динь, динь, динь; динь, динь, динь.

Миша учтиво поклонился; *Мальчикъ-колокольчикъ* взялъ его за руку и они пошли. — Тутъ Миша замѣтилъ, что надъ ними былъ сводъ, сдѣланный изъ пестрой тисненой бумажки съ золотыми краями; передъ ними былъ другой сводъ, только поменьше; потомъ третій еще меньше; четвертый еще меньше, и такъ всѣ другіе своды, чѣмъ дальше тѣмъ меньше, такъ что въ послѣдній, казалось, едва могла пройти головка его провожатаго.

«Я вамъ очень благодаренъ за ваше приглашеніе,» сказалъ ему Миша, «но не знаю: можно ли будетъ мнѣ имъ воспользоваться;—правда, здѣсь я свободно прохожу, но тамъ дальше, посмотрите, какіе у васъ низенькіе своды; тамъ я, позвольте сказать откровенно, тамъ я и ползкомъ не пройду; я удивляюсь, какъ и вы подъ ними проходите»....

— Динь, динь, динь! — отвѣчалъ мальчикъ — пройдемъ, не безпокойтесь, ступайте только за мною.

Миша послушался. Въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ ихъ шагомъ, казалось, своды подымались и они всюду свободно проходили; когда же они дошли до послѣдняго свода, тогда *Мальчикъ-колокольчикъ* попросилъ Мишу оглянуться назадъ. Миша оглянулся и что же увидѣлъ? Теперь тотъ первый сводъ, подъ который онъ подошелъ, входя въ дверцы, казался ему маленькимъ, какъ будто, пока они шли, онъ опустился.

Миша былъ очень удивленъ. «Отъ чего это?» спросилъ онъ у своего проводника.

Динь, динь, динь! — отвѣчалъ проводникъ со смѣхомъ— издали всегда такъ кажется; видно вы ни на что въ даль со вниманіемъ не смотрѣли: въ дали все кажется маленькимъ, а подойдешь—большое.

«Да, это правда,» отвѣчалъ Миша, «я до сихъ поръ не подумалъ объ этомъ и отъ того вотъ что со мною случилось: третьяго дня я хотѣлъ нарисовать, какъ маменька возлѣ меня играетъ на фортепьяно, а папенька на другомъ концѣ комнаты читаетъ книжку; только этого мнѣ никакъ не удавалось сдѣлать; тружусь, тружусь, рисую какъ можно вѣрнѣе, а все на бумагѣ у меня выдетъ, что папенька возлѣ маменьки сидитъ и кресла его возлѣ фортепьяно стоятъ,—а между тѣмъ я очень хорошо вижу, что фортепьяно стоитъ возлѣ меня у окошка, а папенька сидитъ на другомъ концѣ у камина. Маменька мнѣ говорила, что папеньку надобно нарисовать маленькимъ, — но я думалъ, что маменька шутитъ, потому что папенька гораздо больше ея ростомъ; но теперь вижу, что маменька правду говорила; точно, папеньку надобно было нарисовать маленькимъ, потому что онъ сидѣлъ вдалекѣ. Очень вамъ благодаренъ за объясненіе, очень благодаренъ.»

Мальчикъ-колокольчикъ смѣялся изо всѣхъ силъ. «Динь, динь, динь, какъ смѣшно! Динь, динь, динь, какъ смѣшно! Не умѣть нарисовать папеньку съ маменькой. Динь, динь, динь; динь, динь, динь.»

Мишѣ показалось досадно, что *Мальчикъ-колокольчикъ* надъ нимъ такъ немилосердно насмѣхается и очень вѣжливо сказалъ ему: «Позвольте мнѣ спросить у васъ, за чѣмъ вы къ каждому слову все говорите: динь, динь, динь?»

— Ужъ у насъ поговорка такая — отвѣчалъ *Мальчикъ-колокольчикъ.*

«Поговорка? замѣтилъ Миша, «а вотъ папенька говоритъ, что очень не хорошо привыкать къ поговоркамъ.»

Мальчикъ-колокольчикъ закусилъ губы и не сказалъ болѣе ни слова.

Вотъ передъ ними еще дверцы; онѣ отворились и Миша очутился на улицѣ — что за улица! что за городокъ! мостовая вымощена перламутромъ; небо пестренькое черепаховое, по небу ходитъ золотое солнышко; поманишь его — оно съ неба сойдетъ, вкругъ руки обойдетъ и опять поднимется; а домики-то стальные, полированные, крытые разноцвѣтными раковинками, и подъ каждою крышкою си-

дитъ *мальчикъ-колокольчикъ*, съ золотою головкою, въ серебряной юбочкѣ, и много ихъ, много, и все малъ-мала меньше.

«Нѣтъ, теперь ужъ меня не обманутъ,» сказалъ Миша: «это такъ только мнѣ кажется изъ дали, а колокольчики-то всѣ одинакіе.»

— Анъ вотъ и неправда—отвѣчалъ провожатый — колокольчики не одинакіе. Если бы мы всѣ были одинакіе, то и звенѣли бы мы всѣ въ одинъ голосъ, одинъ какъ другой; а ты слышишь, какія мы пѣсни выводимъ; это отъ того, что кто изъ насъ побольше, у того и голосъ потолще; неужъ ли ты и этого не знаешь? Вотъ видишь-ли, Миша, это тебѣ урокъ; впередъ не смѣйся надъ тѣми, у которыхъ поговорка дурная; иной и съ поговоркою, а больше другаго знаетъ, и можно отъ него кое-чему научиться.»

Миша въ свою очередь закусилъ язычекъ.

Между тѣмъ ихъ окружили *мальчики-колокольчики*, теребили Мишу за платье, звенѣли, прыгали, бѣгали....

«Весело вы живете!» сказалъ имъ Миша.» Вѣкъ бы съ вами остался; цѣлый день вы ничего не дѣлаете, у васъ ни уроковъ, ни учителей — да еще и музыка цѣлый день.»

— Динь, динь, динь! — закричали колокольчики — ужъ нашелъ у насъ веселье! Нѣтъ, Миша, плохое намъ житье. Правда, уроковъ у насъ нѣтъ — да что же въ томъ толку? мы бы уроковъ не побоялись! Вся наша бѣда именно въ томъ, что у насъ никакого нѣтъ дѣла; нѣтъ у насъ ни книжекъ, ни картинокъ, — нѣтъ ни папеньки, ни маменьки — нечѣмъ заняться; цѣлый день играй, да играй, а вѣдь это, Миша, очень, очень скучно. Повѣришь ли? Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко и золотыя деревья, — но мы — мы насмотрѣлись на нихъ вдоволь и все это очень намъ надоѣло; изъ городка мы ни пяди, а ты можешь себѣ вообразить, каково цѣлый вѣкъ, ничего не дѣлая, просидѣть въ табакеркѣ съ музыкою. «Да» отвѣчалъ Миша, «вы говорите правду; это и со мною случается. Когда послѣ ученья примешься за игрушки, то такъ весело; а когда въ праздникъ цѣлый день все играешь, да играешь, то къ вечеру сдѣлается скучно; и за ту и за другую игрушку примешься — все не мило. Я долго не понималъ, отъ чего это, а теперь понимаю.»

— Да сверхъ того на насъ есть другая бѣда, Миша — у насъ есть дядьки.

«Какіе же дядьки?» спросилъ Миша.

— *Дядьки-молоточки* — отвѣчали колокольчики — ужъ какіе злые! то и дѣло что ходятъ по городу, да насъ постукиваютъ; которые побольше, тѣмъ еще рѣже *тукъ-тукъ* бываетъ, а ужъ маленькимъ куда больно достается.

Въ самомъ дѣлѣ Миша увидѣлъ, что по улицѣ ходили какіе-то господа на тоненькихъ ножкахъ, съ предлинными носами и шептали между собою: тукъ, тукъ, тукъ! тукъ, тукъ, тукъ!

И въ самомъ дѣлѣ *Дядьки-молоточки* безпрестанно то по тому, то по другому колокольчику *тукъ* да *тукъ*, индо бѣдному Мишѣ жалко стало. Онъ подошелъ къ этимъ господамъ, очень вѣжливо имъ поклонился и съ добродушіемъ спросилъ: за чѣмъ они безъ всякаго сожалѣнія колотятъ бѣдныхъ мальчиковъ? А молоточки ему въ отвѣтъ: «Прочь ступай, не мѣшай. Тамъ въ палатѣ и въ халатѣ Надзиратель лежитъ и стучать намъ велитъ. Все ворочается, прицѣпляется. Тукъ, тукъ, тукъ! тукъ, тукъ, тукъ!

«Какой-это у васъ Надзиратель?» спросилъ Миша у колокольчиковъ.

— А, это г. *Валикъ* — зазвенѣли они; — прелобрый человѣкъ, день и ночь съ дивана не сходитъ — на него мы не можемъ пожаловаться.

Миша къ Надзирателю — смотритъ: онъ въ самомъ дѣлѣ лежитъ на диванѣ въ халатѣ и съ боку на бокъ переворачивается, только все лицемъ къ верху. А по халату-то у него шпильки, крючечки видимо-невидимо; только что попадется ему молоточикъ, онъ его крючкомъ сперва зацѣпитъ, потомъ спуститъ, а молоточикъ-то и стукнетъ по колокольчику.

Только что Миша къ нему подошелъ, какъ Надзиратель закричалъ: Шуры муры! кто здѣсь ходитъ? кто здѣсь бродитъ? Шуры муры! кто прочь нейдетъ? кто мнѣ спать не даетъ? шуры муры, шуры муры!

«Это я,» храбро отвѣчалъ Миша, «я, Миша»....

— А что тебѣ надобно? — спросилъ Надзиратель.

«Да мнѣ жаль бѣдныхъ *мальчиковъ-колокольчиковъ;* они всѣ такіе умные, такіе добрые, такіе музыканты, а по вашему приказанію дядьки ихъ безпрестанно постукиваютъ.»

— А мнѣ какое дѣло — шуры муры — не я здѣсь набольшій — пусть себѣ дядьки стукаютъ мальчиковъ — мнѣ что за дѣло — я Надзиратель добрый, все на диванѣ лежу и ни за кѣмъ не гляжу.... шуры муры — шуры муры....

«Ну многому же я научился въ этомъ городкѣ!» сказалъ про себя Миша, «вотъ еще иногда мнѣ бываетъ досадно, за

чѣмъ надзиратель меня съ глазъ не спускаетъ! Экой злой! думаю я — вѣдь онъ мнѣ не папенька и не маменька: что ему за дѣло, что я шалю—зналъ бы сидѣлъ въ своей комнатѣ.—Нѣтъ, теперь вижу, что бываетъ съ бѣдными мальчиками, когда за ними никто не смотритъ.

Между тѣмъ Миша пошелъ далѣе — и остановился. Смотритъ: золотой шарикъ съ жемчужною бахрамою, на верху золотой флюгеръ вертится будто вѣтреная мельница, а подъ шатромъ лежитъ *Царевна-пружинка* и какъ змѣйка то свернется, то развернется, и безпрестанно Надзирателя подъ бокъ толкаетъ.

— Зицъ, зицъ — отвѣчала Царевна — глупый ты мальчикъ! неразумный мальчикъ! на все смотришь, ничего не видишь! кабы я валикъ не толкала, валикъ бы не вертѣлся; кабы валикъ не вертѣлся, то онъ за молоточки бы не цѣплялся; кабы за молоточки не цѣплялся, молоточки бы не стучали; кабы молоточки на стучали, колокольчики бы не звенѣли; кабы колокольчики не звенѣли, и музыки бы не было! зицъ, зицъ, зицъ.

Мишѣ захотѣлось узнать, правду ли говоритъ Царевна: наклонился и прижалъ ее пальчикомъ — и что же? въ одно мгновеніе пружинка съ силою развилась, валикъ сильно завертѣлся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень — и вдругъ пружинка лопнула, все умолкло, валикъ остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались... тогда Миша вспомнилъ, что папенька не приказывалъ ему трогать пружинки, и.... проснулся.

«Что во снѣ видѣлъ, Миша?» спросилъ папенька.

Миша долго не могъ опамятоваться—смотритъ: таже папенькина комната, таже передъ нимъ табакерка, возлѣ него сидятъ папенька и маменька и смѣются.

«Гдѣ же *Мальчикъ-колокольчикъ?* гдѣ *Дядька-молоточикъ?* гдѣ *Царевна-пружинка?»* — спрашивалъ Миша: «такъ это былъ сонъ?»

— Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты здѣсь порядочно вздремнулъ; разскажи же намъ по крайней мѣрѣ, что тебѣ приснилось?

«Да видите, папенька», сказалъ Миша, протирая глаза, «мнѣ все хотѣлось узнать, отъ чего музыка въ табакеркѣ играетъ; вотъ я принялся на нее прилежно смотрѣть и разбирать, что въ ней движется и отъ чего движется; думалъ, думалъ и сталъ уже добираться—какъ вдругъ, смотрю, дверца въ та-

бакеркѣ растворилась....» Тутъ Миша разсказалъ весь свой сонъ по порядку.

— Ну, теперь вижу — сказалъ папенька, — что ты въ самомъ дѣлѣ почти понялъ, отъ чего музыка въ табакеркѣ играетъ, но ты это еще лучше поймешь, когда будешь учиться *Механикѣ*.

Дѣдушка Ириней.

IV.

Драматическія піесы.

17. Отрывокъ изъ комедіи:

ПОДАРОКЪ НА НОВЫЙ ГОДЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Машенька и Анюта *сидятъ за прялками и прилежно работаютъ. На столѣ горитъ ночникъ. Рано поутру.*

Анюта. Чу! Вотъ уже пробило и семь часовъ! Теперь уже не долго до разсвѣта! Но гдѣ же матушка? Вѣдь она давно уже встала!

Машенька. Да, она встала раненько, и чтобы насъ не разбудить, потихоньку прокралась въ другую горницу. Я не спала уже и видѣла, какъ она взяла батюшкину большую библію и вошла въ его кабинетъ. Съ тѣхъ поръ она тамъ читаетъ и молится. Добрая маменька. Она молится за насъ!

Анюта. И сегодня такъ рано встала. Все это для насъ! Она готовитъ намъ подарки на новый годъ! Милая, добрая маменька! Все думаетъ только объ насъ, а сама еще и чаю не кушала; а самоваръ уже кипитъ!

Машенька. Чѣмъ заплатить намъ за любовь ея! О! помоги намъ Господи утѣшить ее! — Какъ ты думаешь, Анюта, какіе подарки она приготовила для насъ къ новому году? Конечно, всякой даръ ея для меня драгоцѣненъ, но все таки мнѣ хотѣлось бы знать, что будетъ такое.

Анюта. Почему же мнѣ знать, что для насъ приготовлено! А вотъ бы хорошо было, если бы маменька подарила намъ этой полушелковой матеріи, что мы намедни видѣли въ лавкахъ! Какія бы у насъ были прекрасныя праздничныя платья! — Но что объ этомъ и думать! Это слишкомъ дорого! — Вѣроятно достанется намъ по ленточкѣ на кушакъ, по парѣ башмаковъ, по платочку. — Ахъ, какъ весело! Съ какимъ нетерпѣніемъ я жду вечера!

Машенька. Можетъ статься, маменька прибавитъ къ этому псалтирь и библію, чтобы намъ было что читать по праздникамъ. — О, какъ намъ благодарить ее!

Анюта. А вотъ сосѣдка наша, Сашенька, не намъ чета! Для той, въ ея великолѣпныхъ палатахъ, я чаю, готовится чудный праздникъ, чтобы встрѣтить новый годъ! — О! къ ней пріѣзжаетъ новый годъ въ богатой колесницѣ — а къ намъ онъ приходитъ пѣшкомъ.

Машенька. А все таки не съ пустыми руками! Всякому свое! Въ палаты, въ хижины, Господь всюду посылаетъ радости дѣтямъ! Каждому по его состоянію. Развѣ ты забыла, что говаривалъ покойный батюшка: «Богъ любитъ всѣхъ людей, какъ нѣжная мать любитъ дѣтей своихъ! Онъ не забываетъ никого! Не всякому достается золото и драгоцѣнные камни, но всякій изъ насъ участвуетъ въ Его отеческой любви! Солнце грѣетъ и свѣтитъ всѣмъ равно, богатымъ и бѣднымъ.»

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣже и госпожа Шахова.

Г-жа Шахова. Здравствуйте, мои дѣтушки! Ужъ и за работою! Вотъ что прекрасно! Колеса вашихъ прялокъ вертятся проворно, какъ на почтовыхъ скачутъ на встрѣчу новому году. Покажите-ка свою работу.

Обѣ дѣвочки вмѣстѣ. Ахъ, маменька! Здравствуйте, милая маменька! (*Обнимаютъ мать*).

Анюта. Мы ужъ давно васъ ждемъ!

Машенька. Безъ васъ, маменька, какъ-то страшно. Мы объ васъ безпокоились.

Г-жа Шахова. Напрасно, дѣти! Мнѣ было очень весело. Я молилась, читала Евангеліе и думала объ отцѣ вашемъ.

Машенька. И плакали. — Ахъ! Я и сама часто думаю о папенькѣ и всегда плачу.

Анюта. И я также. — Но, милая маменька, перестаньте плакать. Пожалуйста, не плачьте.

Г-жа Шахова. Нѣтъ, друзья мои, я не плачу. — Я готова переносить все, что Господь ни пошлетъ мнѣ. Да будетъ воля Его святая! Хотя сердце мое и глубоко уязвлено, однако я не хочу ни жаловаться, ни роптать. — О, я такъ нѣжно, такъ горячо любила отца вашего! Станемъ безпрестанно вспоминать объ немъ, о его добродѣтеляхъ, будемъ молиться объ немъ, и утромъ и вечеромъ, съ утѣшительною вѣрою, что и онъ молится за насъ предъ престоломъ Всевышняго. (*Всѣ стоятъ нѣсколько времени въ задумчивости*).

Машенька. Маменька! Я пойду принесу вамъ чай; самоваръ давно уже кипитъ (*уходитъ*).

Г-жа Шахова. Поди, душа моя. А я между тѣмъ посмотрю вашу работу. Увидимъ, которая-то изъ васъ лучше напряла! — (*Разсматриваетъ пряжу*). Очень хорошо! Машенька прядетъ хоть куда: нитка у нея ровна какъ струнка! А ты, Анюта, прядешь хорошо, ровно: только пряжа твоя недовольно ссучена; надобно сучить покруче. (*Машенька приноситъ самоваръ; обѣ дѣвочки накрываютъ столъ, ставятъ на него самоваръ, чайникъ, сливки, сахаръ и чашки. Мать придвигаетъ себѣ къ столу кресло, дѣти берутъ стулья, всѣ садятся вокругъ стола и пьютъ чай*).

Ну, дѣти, для васъ наступаетъ веселый день! Наканунѣ новаго года у насъ обычай дарить, чѣмъ Богъ послалъ; и я изготовила уже для васъ подарки, какіе могла.

Анюта. Ахъ! маменька, пожалуйста хорошенькіе и побольше.

Машенька. Особливо, чтобы между этими подарками не было для которой изъ насъ розги!

Г-жа Шахова. Вы всегда были добрыми дѣтьми; розги не были нужны даже и тогда, какъ вы были гораздо меньше, а теперь и подавно въ нихъ нѣтъ надобности; и я стыдилась-бы употреблять это средство къ вашему исправленію. Однако не ждите того, что бывало при покойномъ вашемъ отцѣ: тогда средства у насъ были другія! Его дѣятельность и заботливая любовь приводили изобиліе въ нашъ домъ. Теперь, если нѣтъ прежняго изобилія, надобно благодарить Бога, что мы не терпимъ недостатка. Сколько могу, стараюсь отвратить его отъ васъ. Я приготовила для васъ подарки по достатку моему; мнѣ весело награждать васъ за добронравіе, послушаніе и прилежность; до наступленія вечера, вы должны показать мнѣ всѣ ваши пожитки; я хочу видѣть, все ли у васъ бережно и въ порядкѣ; вы также дол-

жны разсказать мнѣ о себѣ все, съ величайшею искренностію, какъ бы на исповѣди.

Машенька. О маменька! Я съ радостію покажу вамъ мой ларчикъ; вы увидите, все ли у меня въ порядкѣ и сохранности. И мнѣ такъ весело разсказать вамъ все, что у меня на душѣ.

Анюта. И мнѣ также. Совѣсть моя чиста.

Г-жа Шахова. Однако я должна предупредить васъ, что та, которая въ училищѣ получила лучшія отмѣтки, та, которая и дома была добронравнѣе и прилежнѣе; однимъ словомъ, та изъ васъ, которая во всемъ была лучше другой, получитъ отъ меня такой подарокъ, съ которымъ никакой иной сравниться не можетъ.

Машенька. А если мы обѣ равно хорошо вели себя, тогда кому изъ насъ достанется этотъ драгоцѣнный подарокъ?

Г-жа Шахова. Тогда я стану благодарить за васъ Бога, и мой драгоцѣнный подарокъ будетъ общимъ для васъ обѣихъ. — Но, милыя дѣти, подумайте: сколько на свѣтѣ бѣдныхъ, которымъ новый годъ не приноситъ никакой радости! Для богатыхъ веселья, лакомства, обновки — а бѣднымъ: слезы, сухія корки хлѣба и рубище! Думайте объ этомъ, и какъ ни малы дары мои, примите ихъ съ благодарностію къ Богу, Который послалъ мнѣ возможность доставить вамъ хотя небольшую радость. Между тѣмъ не забывайте бѣдныхъ и отдавайте имъ свое излишество.

Машенька. О, если бы у меня было побольше излишества! Дарить гораздо еще веселѣе, нежели получать подарки!

Анюта. Это правда, маменька! Подумаемъ-те вмѣстѣ: что бы намъ отдать бѣднымъ.

Г-жа Шахова. Хорошо, душа моя, подумаемъ. Но я — бѣдная вдова, а вы — сироты! Слава Богу, что, по смерти отца вашего, мы не впали еще въ совершенную нищету! Мы не можемъ давать много, но должны давать съ благоразуміемъ. Будьте бережливы, потому что у бережливаго всегда останется что нибудь на долю бѣднаго. Давайте съ разборчивостію; давать во время есть истинное благодѣяніе; и пословица говоритъ: дорога милостыня во время скудости. Однако прибирайте чай и ваши самопрялки. Вотъ, Сашенька сей часъ прошла мимо окна; вѣрно она идетъ къ намъ.

(Дѣти все въ горницѣ прибираютъ.)

ЯВЛЕНІЕ 5.

Машенька и Сашенька (*садятся за самопрялки*).

Сашенька. Маша, добрая моя Маша! Еслибъ бъ ты знала, какъ нынче мнѣ весело! Я рада и тому, что мы остались съ тобою однѣ! Я такъ люблю тебя!

Машенька. И я люблю тебя всѣмъ сердцемъ, милая Сашенька.

Сашенька. Я очень люблю Анюту, и мнѣ всегда весело играть съ нею, но тебя люблю гораздо больше! Ты какъ-то ближе къ моему сердцу. Ты всегда умѣешь отгадывать, когда мнѣ бываетъ грустно; умѣешь съ такою кротостью исправлять меня отъ моихъ недостатковъ и наставлять на доброе.

Машенька. А ты, милая Сашенька, всегда обо мнѣ думаешь. Ты раздѣляешь со мною всѣ свои чувства. Вѣрная твоя дружба исправила меня отъ многаго и доставила мнѣ много счастія.

Сашенька. О, замолчи! Перестань хвалить меня; не то я и въ самомъ дѣлѣ повѣрю, что я очень добра. — Лишь бы далъ Богъ, чтобъ я была похожа на тебя! Я больше ничего не желаю! (*Онѣ встаютъ и обнимаются. Сашенька, посмотрѣвъ Машенькѣ въ глаза очень пристально, говоритъ:*) Маша! Что съ тобою сдѣлалось? Отъ чего ты какъ печально на меня смотришь!

Машенька. Я хотѣла было утаить отъ тебя, но чувствую, что мнѣ это невозможно.

Сашенька. Нѣтъ, Маша, не скрывай отъ меня ничего! Я не изъ пустаго любопытства желаю знать все, что до тебя касается. Ты знаешь, какъ я тебя люблю! Не могу ли я помочь тебѣ?

Машенька. Можешь, конечно можешь! Послушай, я все разскажу тебѣ; но мнѣ надобно начать издалека: вѣдь ты ничего не знаешь.

Сашенька. Ну, скорѣе! Сказывай мнѣ все.

Машенька. Въ нашемъ приходѣ, вотъ въ угольномъ большомъ домѣ, въ самомъ нижнемъ жильѣ, которое до половины въ землѣ, жилъ одинъ ткачъ съ семействомъ — съ матерью, женою и дочерью. Онъ и жена его работали на Фабрикѣ и тѣмъ безъ нужды содержали себя и семью. Съ полгода тому назадъ умеръ отъ горячки сперва ткачъ, а въ слѣдъ за нимъ и жена его. Осталась старуха мать и тринадцати-лѣтняя дочь Катерина. Страшно было видѣть это пе-

счастное семейство! Въ одинъ день вынесли два гроба! Мы были на погребеніи. Какъ теперь вижу бѣдную Катерину возлѣ могилы отца и матери! Какъ теперь слышу, съ какимъ отчаяніемъ она звала ихъ! Потомъ, несчастная, пошла прочь отъ безотвѣтной могилы и, воротясь домой, стала молиться со слезами. Она читала про себя: *Отче нашъ*, только громко и съ рыданіемъ воскликнула: *да будетъ воля Твоя*! — Долго она ничего не видала, не замѣчала; наконецъ, пришедъ нѣсколько въ себя, увидѣла, что я стою возлѣ нея; она бросилась ко мнѣ на шею и мы долго плакали обнявшись. (*Отираетъ слезы*).

Сашенька. Для чего же ты мнѣ объ этомъ не сказала ни слова? Пошлемъ за нею: я хочу подарить ей что нибудь къ новому году.

Машенька. Нѣтъ, это можетъ обидѣть ее! Она очень бѣдна, но работаетъ—милостыни ни отъ кого не приметъ.

Сашенька. Надѣюсь, что эта бѣдная сирота живетъ не одна, а съ своею бабушкою.

Машенька. Да, она живетъ съ бабушкою, и съ величайшею любовью ходитъ за дряхлою старухой. Но слушай еще: намедни я носила имъ кушанье, которое посылала имъ маменька. Бѣдная Катерина плакала, но не хотѣла сказать мнѣ, о чемъ плачетъ; однако я приступала до тѣхъ поръ, что она подвела меня къ стану покойнаго отца своего и указала на него со слезами. Я увидѣла основу холстинки бѣлой съ голубыми полосками. «Батюшка хотѣлъ выткать для меня обнову къ празднику,» сказала Катерина печально: «матушка все это сама и пряла и красила. Какъ прилежно-было они принялись работать для меня! Теперь оба отдыхаютъ въ сырой землѣ. Куда ни погляжу, вездѣ дѣти встрѣчаютъ праздники и новый годъ съ весельемъ, а для меня нѣтъ ни праздниковъ, ни радостей!» продолжала она рыдая: «а мнѣ на часть достались слезы! Да я радостей и не хочу! О, если бы мнѣ возможно было поднять ихъ изъ могилы и привесть домой опять!» — Ахъ, Сашенька! Я не говорила тебѣ о Катеринѣ, но она ни на минуту не выходила изъ ума моего! Я часто навѣщала ее и выдумывала, чѣмъ бы можно было ее обрадовать. — Наконецъ вотъ что мнѣ пришло въ голову: я пошла въ лавки, купила у знакомаго купца точно такой холстинки бѣлой съ голубыми полосками, какъ та, которую я видѣла на станѣ, и отдала портному сшить платье для Катерины по своей мѣркѣ. Она хотя годомъ старѣе меня, но точно одного со мною роста. Нынче принесутъ это платье и мнѣ надобно расплатиться съ купцомъ и портнымъ. Я нынче обѣщала отнесть имъ деньги.

Сашенька. У тебя нѣтъ денегъ?—Займи у меня; я дамъ тебѣ съ радостью!

Машенька. О, нѣтъ! Я занимать не хочу; но прошу тебя, размѣняй мнѣ это!

Сашенька. Какъ! у тебя есть золото! Ну Машенька, я не знала, что ты такъ богата!

Машенька. Ахъ! съ этимъ полуимперіаломъ я разстаюсь какъ съ душею! Но возьми его, и не говори объ этотъ ни маменькѣ, ни Анютѣ.

Сашенька. Теперь я узнаю его. Это старинный тотъ полуимперіалъ, который подарилъ тебѣ твой покойный батюшка.—О, конечно онъ предвидѣлъ, что ты употребишь его на доброе дѣло!—И не ошибся. Однако я не стану его размѣнивать. Скажи, сколько тебѣ нужно денегъ?—Я сей часъ принесу.

Машенька. Нѣтъ, Сашенька, не отнимай у меня моей радости! Размѣняй мой полуимперіалъ! Если ты не хочешь этого сдѣлать, то я отнесу его купцу и размѣняю въ лавкѣ, потомъ пойду къ портному и возьму платье и отнесу его Катеринѣ. Но мнѣ бы не хотѣлось, чтобъ этотъ полуимперіалъ попался въ чужія руки.

Сашенька. Изволь, изволь, ангелъ мой Машенька! Подай мнѣ свое золото; я принесу тебѣ серебра. Объ одномъ только прошу тебя: возьми меня съ собою, когда ты понесешь Катеринѣ платье. Мнѣ хочется видѣть ея радость.

Машенька. Но Катерина, ни подъ какимъ видомъ, не должна знать, кто подарилъ ей платье; иначе разрушится весь мой планъ и вся радость моя будетъ отравлена. Видишь ли: послѣ обѣда Катерина съ бабушкой пойдутъ за дровами, которыя онѣ купили на трудовыя деньги; въ это время прокрадусь къ нимъ на квартиру и положу на столъ платье съ записочкою, въ которой должно быть сказано: «*Сиротъ въ семействѣ Бога нѣтъ!* Начатое отцемъ твоимъ довершено: Господь посылаетъ тебѣ радость къ новому году!» — Вотъ что будетъ написано въ записочкѣ!

Сашенька. Не понимаю, почему бы Катеринѣ не знать, кто даритъ ее! — Она бы такъ была тебѣ благодарна! И тебѣ было бы такъ весело видѣть ея благодарность!

Машенька. Того-то я и не хочу. Я не хочу, чтобы знали о томъ, что я сдѣлала. Въ Евангеліи сказано: «Да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя! Да будетъ милостыня твоя въ тайнѣ и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, Той воздастъ тебѣ явѣ!» — Сашенька! уже лишнее

и то, что ты знаешь; но мнѣ нужна твоя помощь. Мнѣ гораздо веселѣе будетъ думать про себя, что я обрадовала бѣдную Катерину, и что она не подозрѣваетъ, кто подарилъ ее. Мнѣ такъ весело будетъ, когда она станетъ показывать мнѣ свое платье и говорить о своемъ удивленіи.

Сашенька. Ты настоящій ангелъ. Мнѣ стыдно смотрѣть на тебя. О, какъ я тщеславна! Я люблю давать; но люблю также, чтобы знали, что я даю, и хвалили меня! Если я сдѣлаю что нибудь доброе, то всегда первая о томъ разсказываю. — Ты же потихоньку вкрадываешься въ жилище нищеты, отираешь слезы горести, слушаешь съ участіемъ жалобы несчастныхъ и утѣшаешь ихъ. Я могу горстями сыпать милостыню, не чувствуя отъ того никакого лишенія, а ты — отдаешь послѣднее. — Какая разница между нами! — но не переставай любить меня! Я хочу быть на тебя похожею, хочу во всемъ слѣдовать твоимъ совѣтамъ, перенимать у тебя все доброе! Машенька, наставляй меня.

Машенька. Полно, перестань! Я не заслуживаю всѣхъ этихъ похвалъ.—Однако, послушай, у меня есть еще просьба до тебя. — Зная, что мы съ тобою дружны, Катерина тотчасъ вообразитъ, что я говорила съ тобою объ ней, и увѣрится, что подарокъ присланъ ей отъ тебя. Она непремѣнно придетъ благодарить тебя.... Сашенька, сдѣлай мнѣ милость, прими ея благодарность! — между друзьями не должны быть расчеты; пускай мое доброе дѣло считаютъ твоимъ! Благотворительность твоя извѣстна всѣмъ! натурально, и въ этомъ случаѣ подозрѣнія падутъ на тебя! не выводи никого изъ заблужденія.

Сашенька. Ты требуешь отъ меня слишкомъ много. — Но пусть будетъ по твоему! Я стану молчать, приму Катеринину благодарность; но въ глубинѣ души буду смиряться предъ тобою, какъ предъ ангеломъ, который гораздо выше меня.

Машенька. Я также готова все раздѣлять съ тобою. Готова умереть за тебя. Теперь пойдемъ за Катерининымъ платьемъ (*Уходятъ*).

Анна Зонтагъ.

(*Три комедіи для дѣтей*).

V.

Письма.

18. ИЗЪ ПИСЕМЪ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Рига, 31 моя 1789 года.

Вчера, любезнѣйшіе друзья мои, пріѣхалъ я въ Ригу, и остановился въ *Hôtel de Pétersbourg*. Дорога меня измучила. Не довольно было сердечной грусти, которой причина вамъ извѣстна: надлежало еще идти сильнымъ дождямъ; надлежало, чтобы я вздумалъ, къ несчастію, ѣхать изъ Петербурга на *перекладныхъ*, и нигдѣ не находилъ хорошихъ кибитокъ. Все меня сердило. Вездѣ, казалось, брали съ меня лишнее; на каждой перемѣнѣ держали слишкомъ долго. Но нигдѣ мнѣ не было такъ горько, какъ въ Нарвѣ. Я пріѣхалъ туда весь мокрый, весь въ грязи; насилу могъ найти купить двѣ рогожи, чтобы сколько нибудь закрыться отъ дождя, и заплатилъ за нихъ по крайней мѣрѣ какъ за двѣ кожи. Кибитку дали мнѣ негодную, лошадей скверныхъ. Лишь только отъѣхали съ полверсты, переломилась ось; кибитка упала въ грязь, и я съ нею. Илья мой поѣхалъ съ ямщикомъ назадъ за осью, а бѣдный вашъ другъ остался на сильномъ дождѣ. Этого еще мало: пришелъ какой-то полицейской, и началъ шумѣть, что кибитка моя стояла середи дороги. Спрячь ее въ карманъ! сказалъ я съ притворнымъ равнодушіемъ, и завернулся въ плащъ. Богъ знаетъ, каково мнѣ было въ эту минуту! Всѣ пріятныя мысли о путешествіи затмились въ душѣ моей. О если бы мнѣ можно было тогда перенестись къ вамъ, друзья мои!

Есть всему предѣлъ: волна, ударившись о берегъ, назадъ возвращается, или, поднявшись высоко, опять внизъ упадаетъ—и въ самый тотъ мигъ, какъ сердце мое стало полно, явился хорошо одѣтый мальчикъ лѣтъ тринадцати, и съ милою, сердечною улыбкою сказалъ мнѣ по-нѣмецки: «У васъ изломалась кибитка? Жаль, очень жаль! Пожалуйте

къ намъ — вотъ нашъ домъ — батюшка и матушка приказали васъ просить къ себѣ.» — Благодарю васъ, государь мой! только мнѣ нельзя отойти отъ своей кибитки; къ тому же я одѣтъ слишкомъ по-дорожному, и весь мокръ.—«Къ кибиткѣ приставимъ мы человѣка; а на платье дорожныхъ кто смотритъ! Пожалуйте, сударь, пожалуйте!»— Тутъ улыбнулся онъ такъ убѣдительно, что я долженъ былъ стряхнуть воду съ шляпы своей — разумѣется, для того, чтобы съ нимъ идти. Мы взялись за руки и побѣжали бѣгомъ въ большой каменный домъ, гдѣ въ залѣ перваго этажа нашелъ я многочисленную семью, сидящую вокругъ стола: хозяйка разливала чай и кофе. Меня приняли такъ ласково, подчивали такъ сердечно, что я забылъ все свое горе. Хозяинъ, пожилой человѣкъ, у котораго добродушіе на лицѣ написано, съ видомъ искренняго участія распрашивалъ меня о моемъ путешествіи. Молодой человѣкъ, племянникъ его, недавно возвратившійся изъ Германіи, сказывалъ мнѣ, какъ удобнѣе ѣхать изъ Риги въ Кенигсбергъ. Я пробылъ у нихъ около часа. Между тѣмъ привезли ось, и все было готово. «Нѣтъ, еще постойте!» сказали мнѣ — и хозяйка принесла на блюдѣ три хлѣба. «Нашъ хлѣбъ, говорятъ, хорошъ: возьмите его.» *Богъ съ вами!* примолвилъ хозяинъ, пожавъ мою руку; *Богъ съ вами!* Я сквозь слезы благодарилъ его и желалъ, чтобы онъ и впредь своимъ гостепріимствомъ утѣшалъ печальныхъ странниковъ, разставшихся съ милыми друзьями. — Гостепріимство, священная добродѣтель, обыкновенная во дни юности рода человѣческаго и столь рѣдкая во дни наши! Если я когда нибуду тебя забуду, то пусть забудутъ меня друзья мои!

Штаргардъ, 26-го іюня.

Я видѣлъ одинъ изъ древнихъ разбойничьихъ замковъ. Онъ лежитъ на возвышеніи, и обведенъ со всѣхъ сторонъ широкими рвами, которые прежде были наполнены водою. Тутъ, въ высокомъ теремѣ, сидѣли мать и дочь за пяльцами, и поглядывали въ окно, когда мужъ и отецъ, какъ голодный левъ, рыскалъ по лѣсамъ и полямъ, ища добычи. «Ѣдетъ! ѣдетъ!» кричали онѣ, и мосты гремѣли и опускались — гремѣли и опять подымались, и грабитель былъ безопасенъ въ объятіяхъ своей жены и дочери. Тутъ рас-

кладывались похищенныя богатства, и женщины отъ радости ахали. Тутъ несчастные путешественники, которые въ тотъ день попались въ руки злодѣю, заключались въ подземную темницу, въ двадцат семь сажень глубиною, гдѣ густой воздухъ спирался и тяготилъ дыханіе, и гдѣ громъ цѣпей былъ имъ первымъ привѣтствіемъ. Иногда бѣдный отецъ прибѣгалъ къ симъ широкимъ рвамъ, и, смотря на сіи острыя башни, восклицалъ: «Отдайте мнѣ сына, и возьмите все, что имѣю! Несчастная мать день и ночь крушится; печальная невѣста всякой часъ слезами обливается. Отдайте матери сына и невѣстѣ жениха!»

Потсдамъ, іюня 4-го.

Въ Потсдамѣ есть русская церковь подъ надзираніемъ стараго русскаго солдата, который живетъ тамъ со временъ царствованія императрицы Анны. Мы насилу могли сыскать его. Дряхлый старикъ сидѣлъ на большихъ креслахъ и слыша, что мы Русскіе, протянулъ къ намъ руки и дрожащимъ голосомъ сказалъ: *Слава Богу! Слава Богу!* Онъ хотѣлъ сперва говорить съ нами по-русски, но мы съ трудомъ могли разумѣть другъ друга. Намъ надлежало повторять почти каждое слово; а что мы съ товарищемъ между собою говорили, того онъ никакъ не понималъ, и даже не хотѣлъ вѣрить, что мы говорили по-русски. «Видно, что у насъ на Руси языкъ очень перемѣнился, сказалъ онъ, или я, можетъ быть, забываю его.» И то и другое правда, отвѣчали мы. «Пойдемте въ церковь Божію, сказалъ онъ, и помолимся вмѣстѣ, хотя нынѣ и нѣтъ праздника.» Старикъ насилу могъ передвигать ноги. Сердце мое наполнилось благоговѣніемъ, когда отворилась дверь въ церковь, гдѣ столько времени царствуетъ глубокое молчаніе, едва перерываемое слабымъ вздохами и тихимъ голосомъ молящагося старца, который по воскресеньямъ приходитъ туда читать святѣйшую изъ книгъ, приготовляющую его къ блаженной вѣчности. Въ церкви все чисто. Церковная утварь и книги хранятся въ сундукѣ. Отъ времени до времени старикъ перебираетъ ихъ съ молитвою. «Часто отъ всего сердца, сказалъ онъ, сокрушаюсь я о томъ, что по смерти моей, которая отъ меня конечно уже недалеко, некому будетъ смотрѣть за церковью.» Съ пол-

часа пробыли мы въ семъ священномъ мѣстѣ, простились съ почтеннымъ старикомъ и пожелали ему—тихой смерти.

Дрезденъ, іюля 12-го.

Нынѣ по-утру вошелъ я въ придворную католическую церковь во время обѣдни. Великолѣпіе храма, громкое и пріятное пѣніе, сопровождаемое согласными звуками органа, благоговѣніе молящихся, къ небу воздѣтыя руки священниковъ—все сіе вмѣстѣ произвело во мнѣ нѣкоторый восхитительный трепеть. Мнѣ казалось, что я вступилъ въ міръ ангельскій и слышу гласы блаженныхъ духовъ, славословящихъ Неизреченнаго. Ноги мои подогнулись; я сталъ на колѣни и молился отъ всего сердца.

Лейпцигъ, іюля 14-го.

Въ 11 часовъ ночи. Я остановился въ трактирѣ у Мемеля противъ почтоваго двора. Комната у меня чиста и свѣтла, а хозяинъ услужливъ и говорливъ до крайности. Между тѣмъ, какъ я разбиралъ своей чемоданъ, разсказывалъ онъ мнѣ о порядкѣ заведенномъ въ его домѣ,—о своемъ безкорыстіи, честности и проч. «Всѣ тѣ, которое жили у меня»—говорилъ онъ—«были мною довольны. Я получаю конечно немного барыша, да за то идетъ обо мнѣ добрая слава, за то у меня совѣсть чиста и спокойна — а у кого покойна совѣсть, тотъ счастливъ въ здѣшней жизни, и ничего не боится, и ни отъ чего не блѣднѣетъ.» — Въ самую сію секунду грянулъ громъ, и г. Мемель испугался и поблѣднѣлъ. Что съ вами сдѣлалось? спросилъ я. «Ничего, отвѣчалъ онъ запинаясь, ничего; только надобно затворить окно, чтобъ не было сквознаго вѣтру.»

Въ нынѣшнее лѣто я еще не видалъ и не слыхалъ такой грозы, какая была сегодня. Въ нѣсколько минутъ покрылось небо тучами; заблистала молнія, загремѣлъ громъ, буря съ градомъ зашумѣла, и — черезъ полчаса все прошло; солнце снова освѣтило небо и землю, и трактирщикъ мой опять началъ говорить о неустрашимости того, кто беретъ за все умѣренную цѣну и, подобно ему, имѣетъ чистую совѣсть.

Базель.

Нынѣ за обѣдомъ былъ я свидѣтелемъ трогательнаго явленія. Пожилой человѣкъ, кавалеръ Св. Людовика, сидѣлъ на концѣ стола съ пожилою дамою. На лицахъ ихъ изображалась горесть и блѣдность изнеможенія. Они не брали участія въ общемъ разговорѣ; взглядывали иногда другъ на друга, и утирали платкомъ покраснѣвшіе глаза свои. Всѣ смотрѣли на нихъ съ почтительнымъ сожалѣніемъ и съ видомъ скрываемаго любопытства. Молодой Женевецъ, сидѣвшій подлѣ меня, сказалъ мнѣ на ухо: «*это знатный французскій дворянинъ съ своею женою, который по нынѣшнимъ обстоятельствамъ долженъ былъ бѣжать изъ Франціи.*» Въ то время, какъ подавали намъ десертъ, вошли въ залу молодой человѣкъ и молодая дама въ дорожномъ платьѣ. «*Mon père! ma mère; mon fils! ma fille!*» и при сихъ восклицаніяхъ кавалеръ Св. Людовика и сидѣвшая подлѣ него дама вдругъ очутились на срединѣ комнаты въ объятіяхъ молодыхъ людей. Глубокое молчаніе въ залѣ—всѣ мы, сидѣвшіе за столомъ, казались оцѣпенѣвшими: одинъ держалъ въ рукѣ бисквитъ, другой рюмку и остался неподвиженъ въ семъ положеніи; тѣ, которое говорили и замолчали, не успѣли затворить рта, устремивъ взоры свои на обнимающуюся группу. Ты пролетѣла, минута молчанія и тишины, но глубокія черты оставила ты въ моемъ сердцѣ, которыя всегда будутъ воспоминать мнѣ чувствительность людей, ибо она превратила насъ въ камень, когда мы увидѣли отца и мать, сына и дочь, съ жаромъ, съ восторгомъ обнимающихъ другъ друга! Наконецъ кавалеръ Св. Людовика, отирая ліющіяся слезы свои, оборотился къ намъ и сказалъ прерывающимся голосомъ: «*Простите, государи мои, простите радостному изступленію нѣжныхъ родителей, которые трепетали о жизни милыхъ дѣтей своихъ; но, благодаря Всевышняго, видятъ ихъ въ цѣлости и прижимаютъ къ своему сердцу! мы лишились своего имѣнія и отечества; но когда живъ сынъ нашъ, когда жива дочь наша, то мы забываемъ все прочее горе!*» Потомъ, держа другъ друга за руки, вышли они изъ залы. Всѣ мы встали, пошли за ними, и, нашедши на крыльцѣ слугу ихъ, окружили его и требовали, чтобы онъ объяснилъ намъ видѣнную нами сцену. — «Я могу вамъ сказать единственно то,» отвѣчалъ онъ, «что бунтующіе поселяне хотѣли убить моего господина; что онъ принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ, оставивъ замокъ своей въ огнѣ и въ пламени и не зная объ участи дѣтей своихъ, ко-

торые были въ гостяхъ у брата его и которые теперь, по его письму, благополучно сюда пріѣхали.

———

Цирихъ.

Я болѣе и болѣе удивляюсь Лафатеру, любезные друзья мои. Вообразите, что онъ часа свободнаго не имѣетъ и дверь кабинета его почти никогда не затворяется; когда уйдетъ нищій, придетъ печальный, требующій утѣшенія, или путешественникъ, не требующій ничего, но отвлекающій его отъ дѣла. Сверхъ того, посѣщаетъ онъ больныхъ, не только живущихъ въ его приходѣ, но и другихъ. Нынѣ въ семь часовъ, отправивъ на почту нѣсколько писемъ, схватилъ онъ шляпу, побѣжалъ изъ комнаты и сказалъ мнѣ, что я могу идти съ нимъ вмѣстѣ. Посмотримъ, куда? думалъ я, и пошелъ за нимъ изъ улицы въ улицу, и наконецъ совсѣмъ вонъ изъ города, въ маленькую деревеньку и на крестьянскій дворъ. «*Жива ли она?*» спросилъ онъ у пожилой женщины, которая встрѣтила насъ въ сѣняхъ. «*Чуть душа держится,*» отвѣчала она со слезами, и отворила намъ дверь въ горницу, гдѣ увидѣлъ я старую, изсохшую и блѣдную женщину, лежащую на постелѣ. Два мальчика и двѣ дѣвочки стояли подлѣ постели и плакали; но, увидѣвъ Лафатера, бросились къ нему и схватили его за обѣ руки и начали цѣловать ихъ. Онъ подошелъ къ больной, и ласковымъ голосомъ спросилъ у нея: какова она? «*Умираю — умираю,*» отвѣчала старушка, и болѣе не могла сказать ни слова, устремивъ глаза на грудь свою, которая страшнымъ образомъ вверхъ подымалась. Лафатеръ сѣлъ подлѣ нея, и началъ приготовлять ее къ смерти. «Часъ твой приблизился», сказалъ онъ, «и Спаситель нашъ ожидаетъ тебя. Не страшись гроба и могилы; не ты, но только бренное тѣло твое въ нихъ заключится. Въ самую ту минуту, когда глаза твои закроются на-вѣки для здѣшняго міра, возсіяетъ тебѣ заря вѣчной и лучшей жизни. Благодаря Бога, ты дожила здѣсь до глубокой старости, видѣла дѣтей и внучать своихъ, возросшихъ въ добронравіи и благочестіи. Они будутъ всегда благословлять память твою и наконецъ съ лицемъ свѣтлымъ обнимутъ тебя въ жилищѣ блаженныхъ. Тамъ, тамъ составимъ мы всѣ одно счастливое семейство!» — При сихъ словахъ прервался Лафатеровъ голосъ; онъ утерся бѣлымъ платкомъ, и, прочитавъ молитву, благословилъ умирающую, простил-

ся съ нею, поцѣловалъ маленькихъ дѣтей, сказалъ, чтобы они не плакали, и, давъ имъ по нѣскольку копѣекъ, ушелъ. Мнѣ было очень тяжело, однакожъ слезы не хотѣли литься изъ глазъ моихъ; на-силу могъ я свободно вздохнуть на чистомъ вечернемъ воздухѣ.

Гдѣ вы берете столько силъ и столько терпѣнія? сказалъ я Лафатеру, удивляясь его дѣятельности. «Другъ мой!» отвѣчалъ онъ съ улыбкою: «человѣкъ можетъ дѣлать много, если захочетъ; и чѣмъ болѣе онъ дѣйствуетъ, тѣмъ болѣе находитъ въ себѣ силы и охоты къ дѣйствію».

Не думаете ли вы, друзья мои, что Лафатеръ, помощникъ бѣдныхъ, очень богатъ? нѣтъ, доходы его весьма не велики. Но онъ продаетъ многія изъ своихъ сочиненій, и печатныя и письменныя, въ пользу неимущихъ братій, и собирая такимъ образомъ изрядную сумму денегъ, раздаетъ ее просящимъ.

Долина Гасли.

Я пришелъ въ маленькую горную деревеньку, которой жители ведутъ пастушью жизнь во всей простотѣ ея, не зная ничего, кромѣ скотоводства, и питаясь однимъ молокомъ. Они дѣлаютъ большіе сыры, и черезъ Валисцовъ отправляютъ ихъ въ Италію. Сырные анбары построены изъ тонкихъ бревенъ на высокихъ столбахъ или подпорахъ, для того, чтобы воздухъ могъ отвсюду проходить въ нихъ. Жажда меня томила. Я остановился подлѣ одной хижины, на берегу чистаго ручья, и, видя молодаго пастуха у дверей сидящаго, попросилъ у него стакана. Онъ не скоро понялъ меня; но, понявъ, тотчасъ бросился въ свой домикъ и вынесъ чашку. «*Она чиста,*» сказалъ онъ худымъ нѣмецкимъ языкомъ, показывая мнѣ дно ея; побѣжалъ къ ручью, зачерпнулъ воды, и опять вылилъ ее назадъ — посмотрѣлъ на меня и улыбнулся — зачерпнулъ въ другой разъ, и опять вылилъ — взглянулъ на меня и засмѣялся — почерпнулъ въ третій разъ, и принесъ мнѣ, говоря: «*пей, добрый человѣкъ, пей нашу воду!*» Я взялъ чашку, и если бы не побоялся пролить воды, то конечно бы обнялъ добродушнаго пастуха съ такимъ чувствомъ, съ какимъ обнимаетъ братъ брата: столь любезенъ казался онъ мнѣ въ эту минуту!

Женева.

На сихъ дняхъ познакомился я съ господиномъ Ульрихомъ, цирихскимъ уроженцемъ, который природно-глухихъ и нѣмыхъ учитъ говорить, читать и писать. Онъ живетъ здѣсь въ домѣ одного богатаго человѣка, у котораго есть нѣмая дочь, дѣвушка лѣтъ тринадцати, прекрасная собою. Посредствомъ его искуства и стараній начинаетъ она уже изъясняться и разумѣть другихъ. Сперва показывая ей, какъ для всякаго слова надобно растворять ротъ, двигать языкъ и губы, научаетъ онъ ее произношенію тоновъ, а потомъ знаками изъясняетъ ей смыслъ ихъ. Когда другіе люди говорятъ нескоро и произносятъ извѣстныя ей слова, то она по движенію губъ понимаетъ ихъ. Все это чудно. Сколько есть отвлеченныхъ идей, которыхъ, кажется, никакъ нельзя изъяснить знаками! Третьяго дни былъ я въ гостяхъ у сего Ульриха. При мнѣ говорилъ онъ съ своей ученицею, и такъ свободно, какъ со всякимъ другимъ. Она разумѣла и нѣкоторыя изъ моихъ словъ, и отвѣчала мнѣ довольно хорошо; только въ голосѣ ея есть нѣчто дикое и непріятное, чего уже никакъ нельзя поправить. Она пишетъ чисто, и съ наблюденіемъ орѳографіи. Мать ея велитъ ей записывать, что съ нею всякій день случается. Ульрихъ показывалъ мнѣ этотъ журналъ, писанный складно, но только слишкомъ отрывисто. Она чрезвычайно любитъ своего учителя, и ласкается къ нему болѣе, нежели къ отцу и къ матери. Въ журналѣ ея между прочимъ замѣтилъ я слѣдующее: «Госпожа *N. N.* звала меня къ себѣ въ гости — я не пошла къ ней — она не звала моего учителя.» — Ульрихъ ѣздилъ въ Парижъ за тѣмъ только, чтобы видѣться съ Аббатомъ л'Епе, который завелъ тамъ особливое училище для нѣмыхъ. Чему дивиться болѣе: разуму ли учителя или понятію учениковъ? Конечно сему послѣднему; но все вмѣстѣ заставляетъ меня удивляться способностямъ души человѣческой.

Лондонъ, 1790.

Я хотѣлъ идти за городъ, въ прекрасную деревеньку Гамстетъ; хотѣлъ взойти на холмъ *Примрозъ*, гдѣ благоухаетъ скошенное сѣно; хотѣлъ оттуда посмотрѣть на Лондонъ, возвратиться къ ночи въ городъ и ѣхать въ воксалъ.... но нигдѣ не былъ, и не жалѣю. День не пропалъ: сердце мое было тронуто.

Подлѣ самаго *Cavendisch Sqvare* встрѣтился мнѣ старый, слѣпой нищій, котораго вела... собачка, привязанная на снуркѣ. Собачка остановилась, начала ко мнѣ ласкаться, лизать ноги мои; нищій сказалъ томнымъ голосомъ: «добрый господинъ! сжалься надъ бѣднымъ и слѣпымъ!»—Я отдалъ ему шилингъ. Онъ поклонился, тронулъ снурокъ, и собака побѣжала. Я пошелъ за ними. Собачка вела его срединою *тротуара*, какъ можно далѣе отъ края и всѣхъ отверстій, чтобы слѣпой старикъ не упалъ; часто останавливалась, лаская людей (но не всѣхъ, а по выбору: она казалась физіогномистомъ!), и почти всякой давалъ нищему. Мы прошли двѣ улицы. Собачка остановилась подлѣ женщины, не молодой, но миловидной и очень бѣдно одѣтой, которая противъ одного дому сидѣла на стулѣ, играла на лютнѣ и пѣла жалобнымъ голосомъ. Прекрасный мальчикъ, также бѣдно одѣтый, держалъ въ рукахъ нѣсколько печатныхъ листочковъ, стоялъ прислонившись къ стѣнѣ и умильно смотрѣлъ на поющую. Увидѣвъ старика, онъ подбѣжалъ къ нему и сказалъ: «добрый Томасъ! здоровъ ли ты?» — *Слава Богу! а мать твоя?.... Какъ она хорошо поетъ! послушаю.* — Сынъ началъ ласкать собачку; а мать, поговоривъ съ старикомъ, снова заиграла и запѣла.... Я долго слушалъ и положилъ ей на колѣни нѣсколько пенсовъ. Мальчикъ взглянулъ на меня благодарными глазами и подалъ мнѣ печатный листокъ. Это былъ гимнъ, который пѣла мать его. Вмѣсто того, чтобы идти за городъ, я воротился домой и перевелъ гимнъ. Вотъ онъ:

Господь есть бѣдныхъ покровитель
И всѣхъ печальныхъ утѣшитель.
Всевышній зритъ, что нужно намъ,
И двумъ тоскующимъ сердцамъ
Пошлетъ въ свой часъ отраду.
Отдастъ ли насъ Онъ въ жертву гладу?
Забудетъ ли Отецъ дѣтей?
Прохожій сжалится надъ ними
(Есть сердце у людей!),
А мы молитвой и слезами
Заплатимъ долгъ ему.

Въ словахъ нѣтъ ничего отмѣннаго; но если бъ вы, друзья мои, слышали, какъ бѣдная женщина пѣла, то не удивились бы, что я переводилъ ихъ—со слезами.

Карамзинъ.

VI.

Статьи изъ естественныхъ наукъ.

19. Теченіе, засыпаніе и линяніе животныхъ.

а) теченіе животныхъ (*).

Нельзя не замѣтить, при самомъ поверхностномъ наблюденіи, что у насъ зимою животныхъ и особенно птицъ гораздо менѣе, нежели лѣтомъ, и это временное исчезаніе животныхъ можно объяснить только двоякимъ образомъ: или животныя оставляютъ насъ и переходятъ въ другія страны, или онѣ скрываются въ нашихъ странахъ, засыпая спячкою: дикія утки отлетаютъ, а медвѣдь засыпаетъ.

Такъ сѣверные олени, на которыхъ ѣздятъ Лапландцы и другіе сибирскіе народы, совершаютъ, въ теченіе одного года, двѣ тяги: лѣтомъ, когда въ сѣверной полосѣ Сибири, покрытой тундрами, размножаются до невѣроятности мелкія насѣкомыя, извѣстныя подъ общимъ именемъ мошкары, и тревожатъ оленей, они подымаются выше, въ болѣе сѣверныя полосы; когда же здѣсь наступающій сильный холодъ лишаетъ ихъ нужной пищи, состоящей преимущественно изъ разныхъ мховъ, они спускаются опять въ тундровыя полосы, покрытыя мелкими растеніями, и эта тяга оленей составляетъ важный періодъ въ жизни туземцевъ, которые проводятъ большую часть года посреди снѣговъ и имѣютъ только два средства пропитанія, чтобы влачить жалкую жизнь свою: или они расчитываютъ на уловъ рыбы, когда она весною изъ морей стадами заходитъ въ устья рѣкъ для метанія икры, или же стерегутъ стада текущихъ оленей; и кто не у-

---

(*) Періодическое перехожденіе животныхъ изъ одной страны въ другую и таковое же возвращеніе ихъ въ первую издавна называютъ у насъ книжнымъ терминомъ *путешествія*, переводя его съ языковъ западныхъ: voyage, Wanderung; но наши звѣроловы и птицеловы, которые по необходимости болѣе другихъ обращаютъ вниманіе на сіе явленіе, имѣющее существенное вліяніе на ихъ промыслъ, говорятъ въ такомъ случаѣ, что звѣрь или птица *течетъ*, напр. на югъ и т. д. Мы рѣшились употребить это выраженіе тѣмъ охотнѣе, что оно удачно передаетъ соединенное съ нимъ явленіе.

спѣлъ запастись рыбою въ количествѣ достаточномъ до времени тяги оленей, или кто не набьетъ оленей, во время ихъ теченія, столько, чтобы прожить до будущаго приплыва рыбы весною въ рѣки, тотъ обреченъ на неминуемую смерть. Путешественники разсказываютъ съ ужасомъ, какъ цѣлыя поселенія, изнемогая на снѣгу, умираютъ среди мученій голодной смерти отъ того только, что уловъ ихъ рыбы или оленей былъ несчастливъ.

Бѣлка въ Европейской Россіи передъ зимой изъ сѣверной ея части *течетъ* въ болѣе умѣренныя полосы, изъ Архангельской губерніи въ Олонецкую и Новогородскую, что, конечно, твердо помнятъ звѣроловы.

Пеструшка, особый родъ пестрыхъ полевыхъ мышей, водящаяся въ Лапландіи, размножившись въ иные годы до изумительнаго количества и поѣвъ на корню весь хлѣбъ, оставляетъ эту страну и отправляется отыскивать другую, гдѣ встрѣтитъ достаточную пищу.

Всѣ на водѣ живущія птицы, каковы — дикіе лебеди, гуси, утки, гагары, всѣ птицы, питающіяся насѣкомыми — соловьи, пѣночки, малиновки, травнички, оставлютъ насъ на зиму и отлетаютъ въ болѣе южныя страны, на острова Средиземнаго моря, въ Сѣверную Африку, а возвращаются къ намъ весною, когда и воды открыты, и пищу онѣ могутъ найти въ достаточномъ количествѣ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что два обстоятельства, преимущественно предъ прочими, заставляютъ животныхъ мѣнять періодически одну мѣстность на другую: годичное или періодическое измѣненіе температуры и вообще климата, и уменьшеніе пищи. Оба эти условія дѣлаютъ жизнь животнаго невозможною долѣе, въ извѣстной мѣстности, и заставляютъ его предпринимать теченія нерѣдко въ далекія страны. Имѣя въ виду эти обстоятельства, мы легко поймемъ и главныя явленія, которыя сопутствуютъ *теченію* животныхъ.

Очевидно, что главное теченіе животныхъ совершается по направленію отъ сѣвера къ югу и обратно. Передъ зимою животныя приближаются къ экватору, а весною они же возвращаются ближе къ полюсамъ, а такъ какъ, по различному положенію солнца относительно земли, на сѣверномъ полушаріи бываетъ зима въ то время, когда на южномъ бываетъ лѣто, и обратно, то и понятно, почему на первомъ полушаріи животныя *текутъ* къ экватору въ то время, когда на второмъ они отъ него удаляются, и на

оборотъ, когда на южномъ полушаріи животныя приближаются къ экватору, тогда къ сѣверу отъ него животныя возвращаются къ полюсу. Почти ни одно изъ нихъ не переходитъ экватора. Такимъ образомъ на земной поверхности совершается непрерывно *теченіе животныхъ* отъ одного полюса къ другому, и тѣмъ самымъ съ одной стороны поддерживаетъ жизнь отдѣльныхъ особей (*), а съ другой въ разныхъ мѣстностяхъ одни животныя смѣняются другими, или, какъ выражаются ученые, одна *фауна* смѣняется другою, и человѣкъ встрѣчаетъ непрестанное разнообразіе въ твaряхъ. Такъ осенью, когда отъ насъ отлетѣли наши пернатые пѣвуны, къ намъ на зиму прилетаютъ зимніе гости, которыхъ напрасно вы стали бы искать въ московской губерніи лѣтомъ. Лишь только земля покроется ледянымъ черепомъ и выпадетъ порядочный снѣгъ, что случается обыкновенно около половины ноября, къ намъ прилетаютъ стадами *чечетки*, пестрые *подорожники*, и красивѣйшія изъ московскихъ птицъ — *свиристѣли*, и отлетаютъ отъ насъ весною, когда къ намъ вереницею возвращаются различныя пташки.

Животныя умѣренныхъ странъ не *текутъ*. Соловей въ московской губерніи птица *отлетная* и *прилетная*; напротивъ, онъ же въ Греціи, южной Италіи и южной Испаніи, принадлежитъ къ *осѣдлымъ* птицамъ. Однакожъ въ каждой мѣстности, не исключая и самой сѣверной, есть животныя, которыя никогда ея не оставляютъ. Не говоря уже о китахъ, тюленяхъ и моржахъ, которые все болѣе уходятъ къ сѣверу отъ преслѣдованій промышленниковъ, въ сѣверныхъ полосахъ всегда живетъ бѣлый медвѣдь. Въ губерніи московской постоянно живутъ, кромѣ домашнихъ птицъ, по городамъ и деревнямъ, сѣрыя куропатки и бѣлыя куропатки, большіе и малые тетерева и другія.

Кромѣ упомянутаго, болѣе общаго направленія пути, есть и другія теченія, которымъ слѣдуютъ животныя и которыя столь же строго опредѣлены, какъ и первое.

На высокихъ горахъ замѣчаютъ два теченія животныхъ, подобныя теченіямъ между полюсами и экваторомъ. Передъ наступленіемъ зимы, когда вершины горъ начинаютъ покрываться снѣгомъ, или когда, по крайней мѣрѣ, холодъ

(*) Особью называютъ каждое животное въ частности, въ отличіе отъ *особы*, *лица*, которыя относятъ только къ человѣку.

на нихъ начинаетъ усиливаться, всѣ нагорныя животныя приближаются къ подошвѣ горъ, а весною опять восходятъ на горы. Замѣчено также, что сельди и другія рыбы уходятъ иногда въ глубину морскую и возвращаются въ болѣе холодное время.

Многіе морскіе раки и черепахи изъ открытаго моря приближаются къ островамъ и выходятъ изъ берега, отыскивая болѣе мелкія мѣста для метанія своихъ яицъ. Въ устья всѣхъ рѣкъ Сѣверной Сибири и Камчатки входятъ вереницы морскихъ рыбъ и мечутъ тамъ икру. Такъ два раза въ годъ, лѣтомъ и зимою, осетры, бѣлуга, шипы и вообще вся цѣнная рыба, которую называютъ красною, и которая употребляется въ такомъ большомъ количествѣ во всей Россіи, уходитъ изъ Каспійскаго моря въ Волгу, Каму и другія, изливающіяся въ него рѣки, и промышленники при ловлѣ рыбъ пользуются преимущественно этими двумя *теченіями*.

Теченіе животныхъ, совершающееся всегда на значительномъ пространствѣ, требуетъ отъ нихъ напряженія всѣхъ силъ; чтобы преодолѣть на пути предстоящія трудности, животное принимаетъ всѣ, зависящія отъ него предосторожности, и, не взирая на то, часто погибаетъ. Оставляя насъ осенью, всѣ животныя уже перелиняли, оправились отъ этого труднаго для нихъ времени, и возвращаются въ новой весенней одеждѣ. Передъ началомъ самаго теченія они собираются въ стада, часто весьма многочисленныя, какъ будто зная, что имъ въ такомъ случаѣ легче преодолѣть трудности, нежели каждому отдѣльно; потомъ, взвѣшивая свои силы, они пускаются нѣсколько разъ въ путь и опять возвращаются, какъ будто не довѣряя имъ. Самцы и старшія особи уходятъ прежде самокъ и вообще слабыхъ животныхъ, и текущій караванъ принимаетъ именно ту форму, которая всего удобнѣе разсѣкаетъ воздухъ: гуси летаютъ нитью, журавли треугольникомъ, обращеннымъ вершиною впередъ и т. д.; при чемъ сильнѣйшія особи помѣщаются во главѣ каравана, такъ однакоже, что передовой, послѣ нѣкотораго пути, уходитъ назадъ, а на мѣсто его выдвигается второй, и такимъ образомъ всѣ равно раздѣляютъ трудности теченія.

То мѣсто, гдѣ птица вьетъ гнѣздо, называютъ ея отечествомъ. Мы называемъ соловья, жаворонка московскими птицами, но не можемъ назвать таковыми свиристѣли, подорожника и др.

Путь такого теченія есть возможно кратчайшій, слѣдовательно прямолинейный, и многія животныя скорѣе по-

гибнутъ, нежели совратятъ съ него. Такъ единственное средство избавиться отъ разрушительнаго дѣйствія текущихъ пеструшекъ состоитъ въ вырытіи канавъ, въ раскладываніи огня на пути ихъ, отчего большая часть ихъ погибаетъ и т. д.

При всѣхъ сихъ условіяхъ, облегчающихъ *теченіе*, птицы къ намъ являются совершенно истощенными, худыми. Но за то для нихъ настала лучшая пора жизни, время витія гнѣздъ, кладки яицъ и ухода за птенцами, и мелкія пташки, веселыя божія созданія, переливаютъ и въ окружающую ихъ природу радость свою гармоническимъ, разнообразнымъ пѣніемъ. Забыты, понесенные труды и лишенія, забыто все до будущаго линянія и новаго теченія.

Сколько теченіе животныхъ ни кажется на первый взглядъ дѣйствіемъ разсудительнымъ, но оно совершается однакожъ по инстинкту. Заприте какую-либо птицу отлетную, напримѣръ журавля, въ клѣтку, кормите его въ волю, содержите въ тепломъ мѣстѣ, и не смотря на то, что птица не будетъ имѣть ни въ чемъ недостатка, что она въ продолженіи года вывела уже птенцовъ, она будетъ сильно безпокоиться во время отлета подругъ своихъ. Почему же птица такъ хорошо знаетъ время отлета и слѣдуетъ неизмѣнно извѣстному направленію, даже въ томъ случаѣ, когда течетъ въ первый разъ? Чтобы объяснить себѣ это обстоятельство, стоитъ только обратить вниманіе на то, что такъ часто происходитъ передъ нашими глазами. Каждому извѣстно, что піявка или угорь, сохраняемые въ водѣ, всплываніемъ на поверхность ея или погруженіемъ въ нее, лягушка кваканьемъ, ласточка летаніемъ надъ водою или въ верхнихъ слояхъ воздуха и т. д. указываютъ человѣку будущія перемѣны атмосферы—наступающую дождливую или ясную погоду, и слѣд. могутъ служить ему живымъ барометромъ; конечно, должно согласиться, что сіи животныя предсказываютъ ее не въ слѣдствіе какихъ-либо соображеній, основанныхъ на знаніи метеорологіи и астрономіи, а безсознательно указываютъ потому, что они одарены большою чувствительностію или воспріимчивостію, нужною для сохраненія своей жизни, и чувствуютъ малѣйшія перемѣны въ атмосферѣ, пріятныя для нихъ или непріятныя, которыя человѣкъ замѣчаетъ только тогда, когда уже онѣ достигли значительной степени. Здѣсь, какъ и вездѣ, видна премудрость Творца, давшаго каждому произведенію своему нужныя средства для охраненія себя: животныя, надѣленныя слабымъ разсудкомъ, чувствуютъ малѣйшія враждебныя для нихъ вліянія, и удаляются отъ

нихъ часто безсознательно, подобно младенцу, отнимающему руку свою отъ пламени свѣчи, о которое обжегся; напротивъ человѣкъ, пользующійся всѣми преимуществами разума, легче оградитъ себя отъ тѣхъ же условій, оставаясь посреди ихъ. Птица, почувствовавъ какую-либо для нея непріятную перемѣну въ атмосферѣ, убѣгаетъ ее, направляетъ путь свой въ ту сторону, въ которой эта непріязненная перемѣна уменьшается, и останавливается только тогда, когда встрѣтитъ совершенно пріятную для нея атмосферу. Этимъ только можно объяснить удовлетворительно, почему птицы начинаютъ свои теченія въ разныя времена года, то ранѣе, то позднѣе, почему они зимою текутъ именно къ экватору, а лѣтомъ на сѣверъ, а не обратно, почему, наконецъ, онѣ въ разные года отлетаютъ то ближе, то далѣе. И поэтому не то удивительно, что птица знаетъ время отлета и направленіе теченія, а было бы напротивъ удивительно, если бы она не знала ихъ.

Отъ правильнаго теченія птицъ должно отличать залетаніе ихъ: часто застигаетъ ихъ на пути сильный вѣтеръ, даже буря, и заноситъ въ мѣста, гдѣ обыкновенно онѣ неизвѣстны даже въ пролетѣ. Такъ въ послѣдніе годы были пойманы подъ Москвою великанъ и бурый грифъ, которымъ путь совсѣмъ не лежитъ на нашу губернію, но эти птицы были занесены къ намъ сильною бурею во время пролета своего осенью изъ нижнихъ волжскихъ губерній въ Южную Россію. Случалось даже, что въ Европѣ излавливали птицъ, водящихся въ Африкѣ и Америкѣ.

Одинакое значеніе съ этимъ послѣднимъ явленіемъ имѣютъ и другія насильственныя перемѣщенія животныхъ, причинами коихъ бываютъ иногда физическіе дѣятели — воздухъ, вода, иногда самъ человѣкъ. Часто облака летающей саранчи заносятся изъ колыбели ихъ — Египта и Малой Азіи — въ Крымъ и Турцію; часто вѣтеръ относитъ далеко въ открытое море стада мелкихъ, на сушѣ живущихъ пташекъ, которыя по необходимости садятся изнеможенными на плавающіе корабли; наконецъ, только движеніемъ воздуха можно пояснить явленіе падающихъ изъ атмосферы лягушекъ, рыбъ, червей и другихъ животныхъ: безъ сомнѣнія, во время бури эти животныя, движимыя воздухомъ, поднимаются, вмѣстѣ съ водою или и безъ нея, съ поверхности земли, и относятся на болѣе или менѣе отдаленное разстояніе, куда иногда не простиралась самая буря. Замѣчали по-

стоянно, что эти падающія животныя (*) принадлежатъ тѣмъ самыхъ породамъ, которыя живутъ на землѣ, и притомъ встрѣчаются чаще прочихъ. Въ 1842 году замѣтили такое явленіе въ Оренбургской и Курской губерніяхъ, и въ текущемъ году — въ Англіи. Вода также перемѣщаетъ животныхъ. Нѣсколько разъ уже замѣчали мореплаватели, какъ малые острова, съ находящимися на нихъ растеніями и небольшими животными, оторванные отъ материка Сѣверной Америки, плыли въ море по направленію къ Камчаткѣ; только теченіемъ воды и особенно большихъ ледяныхъ глыбъ можно объяснить себѣ, почему Америка, имѣющая вообще животныхъ, совершенно отличныхъ отъ Азіи и Европы, въ сѣверной части своей имѣетъ нѣсколько общихъ животныхъ съ сими частями свѣта; вѣроятно, медвѣдь, ракунъ, бобръ, бѣлка, куница, и нѣкоторыя птицы были переносимы посредствомъ льда, или переходили по немъ изъ одного материка въ другой; въ южныхъ же частяхъ тѣхъ же материковъ, между которыми нѣтъ сообщенія посредствомъ льдовъ, нѣтъ и общихъ животныхъ.

Наконецъ, самъ человѣкъ, иногда волею, иногда противъ воли, заноситъ животныхъ изъ одной мѣстности въ другую. Удовлетворяя расчетамъ своимъ, онъ привезъ въ Европу шелковаго червя изъ Китая и Японіи, мексиканскаго червеца, доставляющаго цѣнную краску (кошениль, кармазинную краску, канцелярское сѣмя) изъ Мексики; съ тою же цѣлію перевезли въ Америку изъ Европы домашній рогатый скотъ, лошадь, свинью, кролика, собаку, гдѣ ихъ всѣхъ замѣняла, до пришествія Европейцевъ, одна *лама*, которую въ послѣдніе годы стараются переселить въ Шотландію. Но человѣкъ дорого бы далъ, если бы не перевезъ, вмѣстѣ съ кораблями и товарами, мурашку, изъ мѣстъ, гдѣ разводятъ сахарный тростникъ, и малаго таракана въ Европу; если бы не перевезъ мыши изъ Европы въ Африку и Новую Голландію.

Оканчивая обзоръ явленій, относящихся къ перемѣщенію животныхъ, упомянемъ о тѣхъ изъ нихъ, которыя постоянно бродятъ или *блуждаютъ* по нѣкоторому пространству, и тѣхъ, которыя изъ одного мѣста постепенно *расходятся* въ сосѣднія, и не рѣдко значительно удаляются отъ первоначальнаго мѣста своего обитанія. Къ первымъ принадлежатъ всѣ животныя хищныя, которыя, питаясь мясомъ, не рѣдко должны рыскать на значительныхъ пространствахъ для отыс-

---

(*) По общенародному выраженію — *дожди животныхъ*.

канія себѣ пищи; имъ прямо противоположны травоядныя животныя, которыя находятъ ее повсюду, и особенно тѣ изъ нихъ, которыя живутъ въ норахъ: это животныя *осѣдлыя*. Ко вторымъ, къ животнымъ *расходящимся*, должно отнести въ Европѣ большаго, чернаго таракана и черную крысу. Во время царя Іоанна Васильевича, первый изъ нихъ былъ еще неизвѣстенъ въ западной Россіи, и тѣмъ менѣе въ западной Европѣ. Впрочемъ, въ самой Россіи (Великой) онъ былъ нерѣдокъ, такъ что Таннеръ, находившійся при польскомъ посольствѣ, разсказываетъ съ ужасомъ, что въ Россіи есть ужасное животное, *караканъ*, водящееся въ домахъ, не безпокоящее хозяевъ ихъ, но за то съ жадностію нападающее на гостей, и что онъ самъ съ товарищами былъ почти заѣденъ этимъ чудовищемъ во время ночлега въ деревенской избѣ. До конца прошедшаго столѣтія, во всей Европѣ знали только одну *сѣрую крысу*; въ это же время, начала заходить изъ южной Азіи, вмѣстѣ съ тараканомъ, и *большая черная крыса*, распространялась постепенно къ западу Европы, размножилась уже въ большомъ количествѣ въ Москвѣ, но весьма еще рѣдка въ западной Россіи и прочей части Европы; на пути своемъ она изгоняетъ сѣрую крысу, которая, уступая ей жилища свои, удаляется болѣе на западъ и въ Москвѣ даже сдѣлалась нынѣ рѣдкостію.

b) Засыпаніе животныхъ спячкою.

Каждому извѣстно, что многія животныя на зиму засыпаютъ *спячкою*, погружаются въ глубокій (летаргическій) сонъ, отъ котораго пробуждаются только съ приближеніемъ весны; таковы: медвѣдь, бѣлка, хомякъ, барсукъ, сурокъ, летучая мышь, змѣя, лягушка, и вообще всѣ гады и всѣ насѣкомыя.

Не подлежитъ сомнѣнію, что одна изъ главныхъ наружныхъ причинъ погруженія въ это близкое къ смерти состояніе, есть холодъ, потому что достаточно зимою внести въ теплую комнату заснувшую (или, какъ говорятъ неправильно, замерзшую) лягушку, ужа, летучую мышь, и они оживаютъ; нужно только не забывать главной предосторожности отогрѣвать животное постепенно, подобно тому, какъ и замерзшаго человѣка возвращаютъ къ жизни, согрѣвая его постепенно все болѣе и болѣе. Въ послѣднее время, путешественники, находившіеся въ Гренландіи, нарочно замораживали лягушекъ, и, обливая водою, окружали ихъ отвсюду толстымъ слоемъ льда; возвратившись же во Францію, они уда-

чно оживляли сихъ животныхъ. Наконецъ животныя, которыя засыпаютъ въ полосахъ болѣе теплыхъ — медвѣдь, летучая мышь, бобры въ теченіи всего года въ Италіи и въ Греціи.

Но холодъ не единственная причина спячки; это видно изъ того, что не всѣ наши животныя подвергаются этому состоянію; требуются, слѣдовательно, со стороны животнаго нѣкоторыя условія въ устройствѣ его, которыхъ доселѣ не удалось намъ подмѣтить. Полагаютъ обыкновенно, что только тѣ животныя засыпаютъ, которыя имѣютъ мало собственной теплоты — *хладнокровныя*, каковы: гады, насѣкомыя, у которыхъ теплота тѣла не превышаетъ теплоты окружающаго воздуха; но это очевидно несправедливо: не всѣ хладнокровныя животныя засыпаютъ спячкою — рыбы, раки не подлежатъ ей, и притомъ многія животныя теплокровныя погружаются въ нее, каковы упомянутые звѣри; даже животныя, у которыхъ кровь теплѣе, нежели у всѣхъ другихъ животныхъ и самаго человѣка, — птицы, и тѣ засыпаютъ; нынѣ не сомнѣваются уже болѣе, что народное повѣрье, будто бы нѣкоторыя ласточки у насъ остаются на зиму, погружаясь въ воду или скрываясь въ дупла, справедливо.

Наконецъ, есть и другое наружное условіе, которое погружаетъ животныхъ въ это состояніе: сильный жаръ, соединенный съ такою же сухостью въ атмосферѣ, слѣдовательно условіе совершенно противоположное сильному холоду. Только въ наше время замѣтили путешественники, что гады жаркой полосы Африки и Америки засыпаютъ спячкою на самое жаркое и сухое время лѣта. Слѣд. очевидно, что спячку животныхъ употребляетъ природа какъ средство для охраненія ихъ отъ губительнаго дѣйствія сильнаго холода или сильнаго жара.

Привезенныя къ намъ изъ жаркихъ странъ змѣи, крокодилы, черепахи засыпаютъ также спячкою или по крайней мѣрѣ погружаются въ весьма близкое къ тому состояніе. Этимъ вполнѣ объясняется, почему упомянутыя животныя такъ смирны, сонливы, почему содержатели звѣринца обходятся съ ними такъ смѣло, почему ихъ кормятъ, наконецъ, такъ рѣдко; въ самомъ дѣлѣ, спящая змѣя, даже давно ничего не ѣвшая, почти не чувствуетъ голода, а если и чувствуетъ, то не имѣетъ достаточной силы напасть на подставляемую ей жертву. Если умираетъ у насъ змѣя изъ жаркихъ странъ, то умираетъ или оттого, что не хочетъ принимать пищи, или оттого, что принявъ, не можетъ переварить ее.

Передъ погруженіемъ въ спячку всѣ животныя принима-

ютъ особыя предосторожности; всѣ они *скрываются въ такія мѣста, гдѣ трудно найти ихъ хищному звѣрю:* гады углубляются въ илъ, въ тину; летучія мыши скрываются въ трещины строеній, въ дупло стараго дерева, хомякъ въ норы и т. д.

Многія животныя, изъ числа засыпающихъ спячкою, пробуждаются зимою на короткое время; въ такомъ случаѣ эти животныя запасаютъ себѣ, до начала спячки, нужное на зиму количество пищи. У *бурундука* находятъ большіе запасы кедровыхъ орѣховъ, и звѣроловы не столько отыскиваютъ его ради шкурки, которая не цѣнна и употребляется на легкія мѣха, а иногда идетъ даже за границу подъ именемъ l'ecureuil de Moscou, сколько ради собранныхъ имъ орѣховъ. *Сурокъ* стаскиваетъ въ норы свои растительныя вещества, *бѣлка*—орѣхи, корки и проч.; въ восточной части Сибири водится небольшая мышь (mus economus), которая заготовляетъ на зиму огромное количеетво зеренъ.

Наконецъ, всѣ спячкою засыпающія животныя охраняются отъ непріязненнаго дѣйствія холода теплѣйшимъ покровомъ, которыя они получаютъ при осеннемъ линяніи.

c) **ЛИНЯНІЕ.**

Въ сѣверныхъ и среднихъ полосахъ гдѣ въ теченіе года бываютъ двѣ рѣзкія перемѣны въ температурѣ, всѣ животныя перемѣняютъ два раза свой наружный покровъ, охраняющій ихъ отъ дѣйствій природы, особенно холода. Лѣтомъ они покрыты легкимъ, болѣе цвѣтнымъ покровомъ; осенью же они его сбрасываютъ, и получаютъ болѣе теплый, одноцвѣтный, бѣлый или сѣрый. Зимой у звѣрей *ость* (*) шерсти дѣлается болѣе густою и длинною, и при корняхъ ся выростаетъ особый, мягкій, рыхлый и весьма частый волосъ — *подшерстокъ*, подобно тому, какъ у нѣкоторыхъ птицъ и звѣрей на зиму показывается пухъ, котораго у нихъ лѣтомъ почти нѣтъ. Всѣ животныя, на сѣверѣ живущія, имѣютъ *подшерстокъ* и пухъ, въ теченіи цѣлаго

(*) На шкуркѣ животныхъ, волосъ бываетъ одинъ короче и чаще, другой длиннѣе и рѣже; первый называется *подшерсткомъ*, а второй *остью*, которая обыкновенно отличается и самымъ цвѣтомъ; она особенно замѣтна на животныхъ водяныхъ, какъ напр. на бобрѣ, выдрѣ и пр., и чѣмъ ость на шкурахъ этихъ животныхъ чаще и длиннѣе, тѣмъ шкурка дороже.

года; у многихъ же, имѣющихъ лѣтомъ шерсть яркаго цвѣта, напр. рыжаго, сѣраго, зимой—покровъ сплошнаго бѣлаго цвѣта; таковы: песцы, горностаи, бѣлки, зайцы, сѣверные олени.

Для промышленниковъ, собирающихъ шкурки звѣрей и птицъ на *пушной товаръ* или *мягкую рухлядь*, особенно важно знать время этого линянія. Звѣроловы (также и птицеловы, ибо птичьи шкурки употребляются тоже иногда на мѣха) ловятъ звѣрей, шкурками которыхъ мы охраняемъ себя отъ холода, постоянно зимою, когда животныя получили уже свой теплый покровъ, цѣнимый гораздо дороже лѣтняго. Соболи, куницы, медвѣди, горностаи, зайцы, бѣлки, ловятся или избиваются зимою; послѣдніе три звѣря также и потому, что зимняя шкурка ихъ бѣлаго или сѣроватаго цвѣта только и идетъ въ торговлю, а лѣтняя, рыжеватаго, вовсе не употребляется. Изъ этого правила исключается только песецъ, у котораго лѣтній покровъ, сѣровато-голубаго цвѣта, особенно высоко цѣнится, а зимній бѣлаго — весьма низко.

Отсюда уже видно, что охота на пушнаго звѣря должна производиться исключительно въ странахъ холодныхъ: сѣверной полосѣ Европы, Азіи и Америки. Есть только одинъ собственно пушной звѣрь, живущій въ жаркой полосѣ — *хинхила*, но его мѣхъ за то вовсе не тепелъ, а только красивъ.

К. Рулье.

---

20. СѢРНЫЕ ДОЖДИ.

Какъ въ древнія, такъ и новѣйшія времена часто утверждали, что вмѣстѣ съ дождемъ выпадаетъ иногда сѣра, большею частію въ видѣ *сѣрнаго цвѣта*. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ сильныхъ дождей нерѣдко находили, что воды покрыты были весьма тонкою желтою пылью, которая легко воспламенялась, и потому самому, что она могла горѣть, имѣла желтый цвѣтъ и не имѣла ни съ деревомъ, ни съ соломою никакого сходства, необходимо принимаема была за сѣру, хотя при горѣніи своемъ она не обнаруживала ни малѣйшаго сходства съ нею. Почти ежегодно въ газетахъ встрѣчаются извѣстія о такомъ явленіи. Впрочемъ точныя изслѣдованія показали, что этотъ желтый порошокъ есть не что иное, какъ цвѣтная пыль растеній, разносимая вѣтромъ и падающая вмѣстѣ съ дождемъ на землю, что утверждалъ

еще и *Эльсгольцъ* въ 1676 году. Свойства этой пыли конечно зависятъ отъ того, какія растенія цвѣтутъ въ то время въ окрестностяхъ. *Шмидеръ* полагаетъ, что эта пыль происходитъ въ мартѣ или апрѣлѣ отъ ольховыхъ или орѣховыхъ кустарниковъ, въ маѣ и іюнѣ отъ различныхъ породъ сосны, можжевельника и березы, въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ отъ папоротниковъ (Lycopodium clavatum), рогозы (Typha angustifolia) и отъ различныхъ породъ хвоща (Equisetum). Когда пруды послѣ сильныхъ дождей покрываются означеннымъ желтымъ порошкомъ, въ это время почти всегда въ окрестностяхъ цвѣтутъ эти растенія. Въ лѣсахъ встрѣчается всегда необыкновенное множество этой, такъ называемой, сѣры въ тѣхъ мѣстахъ, которыя открыты для вѣтра.

21. КРОВАВЫЕ ДОЖДИ.

Въ древнихъ сочиненіяхъ, и именно въ хроникахъ среднихъ вѣковъ, встрѣчаются многія извѣстія *о кровавыхъ дождяхъ*; частію на поверхности земли, частію же на стоячихъ водахъ показывались красныя (кровянаго цвѣта) пятна, изъ которыхъ суевѣріе выводило различныя предзнаменованія касательно будущаго. Эти явленія повторяются тамъ и сямъ и въ настоящее время. Точныя изслѣдованія доказываютъ, что эти красныя пятна происходятъ частію отъ микроскопическихъ растеній и именно отъ грибовъ и поростовъ, частію же отъ безчисленнаго множества весьма малыхъ водяныхъ животныхъ. Впрочемъ нерѣдко вмѣстѣ съ дождемъ выпадала красная пыль, содержащая неорганическія вещества, которой цвѣтъ, по видимому, зависѣлъ частію отъ желѣзнаго окисла, частію же отъ солянокислаго кобальта, и которая вѣроятно приносима была вѣтромъ.

Весьма много шума надѣлалъ въ новѣйшее время красный цвѣтъ, замѣчаемый иногда на снѣгѣ. Уже *Соссюръ*, *Рамондъ* и прежніе естествоиспытатели замѣчали это явленіе частію въ Альпахъ и Пиринеяхъ, частію же на Шпицбергенѣ; но на эти факты весьма мало обращаемо было вниманія, пока наконецъ *Россъ* не замѣтилъ того же явленія во время перваго своего плаванія въ полярныхъ странахъ въ *Баффиновомъ заливѣ*, и не обратилъ на него общаго вниманія. Снѣгъ, покрывающій здѣсь скалы, лежащія у самаго моря, имѣлъ темнокрасный, карминный цвѣтъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ проникнутъ былъ до глубины 10 или 12 футовъ окрашивающимъ веществомъ. Въ Альпахъ этотъ красный цвѣтъ замѣчается у подошвы склоновъ, покрытыхъ снѣгомъ, но

онъ проникаетъ обыкновенно до глубины немногихъ дюймовъ. Когда такой снѣгъ растаетъ, въ то время образующійся на днѣ осадокъ является подъ микроскопомъ въ видѣ малыхъ круглыхъ зеренъ; точныя изслѣдованія показываютъ, что это суть микроскопическія растенія, прозябающія на снѣгѣ; но въ разсужденіи ближайшихъ ихъ свойствъ мнѣнія ботаниковъ еще различны.

22. Хлѣбныя зерна, выпадающія съ дождемъ.

Нерѣдко послѣ сильныхъ дождей находимы бываютъ тѣла, которыя по внѣшнему своему строенію имѣютъ отдаленное сходство съ хлѣбными зернами и подобно послѣднимъ большею частію состоятъ изъ крахмала. Впрочемъ уже и въ прежнія времена нерѣдко доказано было, что эти тѣла не суть хлѣбныя зерна и не падаютъ изъ воздуха; особенно же въ новѣйшее время этотъ предметъ подробно былъ изслѣдованъ *Гeппертомъ* и *Тревирaномъ*.

Такимъ образомъ въ іюнѣ 1730 въ *Грейзау* (деревня въ Силезіи), послѣ сильнаго дождя съ грозою, найдено было множество растительныхъ тѣлъ различнаго вида на мѣстахъ, покрытыхъ травою. Эти тѣла были снаружи желтобураго цвѣта, внутри бѣловаты, роговаго сложенія и нѣсколько просвѣчивали, округлены, рѣдко цилиндрической формы, отъ 2 до 8 линій въ длину и отъ 1 до 2 линій въ поперечникѣ. Они имѣли мучной вкусъ, сначала сладковатый, а послѣ нѣсколько острый, такъ что на языкѣ всегда оставалась нѣсколько времени нѣкоторая жгучесть. Когда они были скоро высушены, то острый, жгучій вкусъ исчезалъ и уступалъ мѣсто миндальному. Точными изслѣдованіями доказано, что эти зерна были корневыя шишки лютика (Ranunculus ficaria L.), который въ Силезіи растетъ вездѣ въ большомъ изобиліи. Въ срединѣ іюня листья и стебель этого весенняго растенія совершенно засыхаютъ и отъ него не остается ничего, кромѣ корня, который состоитъ изъ множества (6—20) шишечекъ, слабо прикрѣпленныхъ къ подземному стеблю въ томъ мѣстѣ, гдѣ выходитъ надземный стебель; сильными дождями шишечки легко отдѣляются отъ подземнаго стебля, вымываются наружу и приносятся водою въ удобныя мѣста. Поэтому хотя ихъ находятъ почти всегда послѣ дождя, однако же никто не видалъ, чтобы онѣ упадали вмѣстѣ съ дождемъ.

Еще и прежде такія же зерна находимы были въ различныхъ мѣстахъ и опредѣлены точнымъ образомъ. Подобнымъ же образомъ и сѣмяна нѣкоторыхъ растеній бываютъ скопляемы дѣйствіемъ дождя въ удобныхъ къ тому мѣстахъ и часто принимаются за атмосферныя явленія, на пр. сѣмяна Ивана-да-Марьи (Melampirum nemorosum), Вероники (Veronica hederaefolia) и т. д. Впрочемъ нѣтъ надобности доказывать, что вѣтры въ состояніи бываютъ разносить плоды и зерна растеній, которыя послѣ того могутъ упадать на землю вмѣстѣ съ дождемъ. Тоже самое надобно замѣтить о животныхъ, падающихъ на землю во время дождя.

23. ЖИВОТНЫЯ, ПАДАЮЩІЯ ВМѢСТѢ СЪ ДОЖДЕМЪ.

Утверждаютъ, что иногда малыя животныя, какъ напр. лягушки, рыбы, гусеницы и т. д. падаютъ на землю во время сильнаго дождя; по крайней мѣрѣ послѣ дождя находили ихъ на поляхъ въ большомъ количествѣ. Впрочемъ и эти животныя или подняты были вверхъ дѣйствіемъ вѣтра, или принесены были въ одно мѣсто теченіемъ воды, или, наконецъ, въ слѣдствіе дождя вышли изъ своихъ норъ. Хотя и въ новѣйшее время часто защищаемо было мнѣніе, что животныя падали изъ воздуха и нѣкоторые очевидцы утверждали даже, что такое явленіе происходило въ ихъ глазахъ при тихой погодѣ; однакоже я не могу дать на это лучшаго отвѣта, какъ тотъ, который данъ былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ нѣмецкихъ естествоиспытателей подобному очевидцу, который утверждалъ, что онъ самъ это видѣлъ: «хорошо, что вы это видѣли, потому что теперь я вѣрю; «если бы я самъ видѣлъ, то никакъ бы не повѣрилъ.»

24. ОСНОВНЫЯ ПОНЯТІЯ О РАСТЕНІЯХЪ.

Земной шаръ, который самъ состоитъ изъ веществъ не одушевленныхъ и не живыхъ (*ископаемыхъ*), раститъ и питаетъ на своей поверхности неодинаковаго вида и свойства *растенія* и *животныхъ;* все это вмѣстѣ называется *земною природою,* которая раздѣляется на *три* такъ называемыя *царства:* на царство *ископаемое, растительное* и *животное*, а къ послѣднему причисляется и человѣкъ. Воздухъ, окружающій шаръ земной, и вода, занимающая болѣе двухъ третей его поверхности, могли-бы быть причислены къ ископаемому царству, потому что не принадлежатъ ни къ растительному

ни къ животному; но такъ какъ самое названіе *ископаемаго* не идетъ для воздуха, то его и воду нѣкоторые ученые признали *четвертымъ* царствомъ, *стихійнымъ*, или просто называютъ *стихіями*.

Наука объ ископаемыхъ называется *Минералогіею*, наука о растеніяхъ *Ботаникою*, а наука о животныхъ *Зоологіею;* всѣ же три вмѣстѣ извѣстны подъ общимъ названіемъ *Естественной Исторіи*.

Ископаемыя вещества, которыя мы находимъ въ видѣ твердомъ, каменистомъ (алмазъ, кремень, гранитъ) или рыхломъ, землянистомъ (песокъ, глина, охра), металлическомъ (золото, серебро, желѣзо) или въ жидкомъ видѣ (ртуть, нефть), а иногда даже въ паровомъ (сѣра, испаренія огнедышащихъ горъ), — называются *безорудными* веществами, потому что во внутренности ихъ нѣтъ никакого оруднаго строенія, которое собственно отличаетъ высшія два царства, растительное и животное, и даетъ имъ названіе *орудныхъ*. По этому устройству, въ которомъ мы видимъ различныя орудія или снаряды, служащіе главнѣйше для *питанія*, растенія называются *живыми* тѣлами, а животныя, сверхъ того еще, *одушевленными*.

Жизнь состоитъ собственно въ питаніи; всѣ растенія всасываютъ въ себя, изъ земли и воздуха, влагу, перерабатываютъ ее во внутренности своей и, усвояя себѣ нѣкоторыя частицы ея, претворяютъ ихъ въ самое вещество растенія; ненужныя же частицы пищи этой, негодные для усвоенія остатки, выдыхаются. Мы привыкли слышать и говорить, что дерево *выросло*; но мы должны уяснить себѣ это слово: что значитъ выросло? Срубивъ дерево, мы получаемъ бревно, которое можемъ распилить на доски, а изъ досокъ сдѣлать столъ или шкафъ; это понятно, потому что столъ нашъ деревянный; мы обработываемъ одно и то же вещество, давая ему только иной наружный видъ; но откуда берется самое дерево, съ корой, листьями, цвѣтами и плодами, со всѣмъ тѣмъ, что къ нему принадлежитъ, когда на этомъ мѣстѣ не было этого самаго вещества, т. е. ни древесины, ни коры, ни листьевъ!

Положенное въ землю сѣмечко пьетъ вокругъ себя влагу, въ которой бываютъ растворены различныя частицы — это пища сѣмечка; передѣлывая и усвояя ее себѣ, претворяя ее въ свой составъ, сѣмечко пускаетъ ростокъ (прорастаетъ) и продолжаетъ расти; такимъ образомъ растеніе вырабатываетъ собственное тѣло свое само, изъ частицъ посто-

ронних, изъ пищи. Въ этомъ усвоеніи посторонних частицъ состоитъ различіе всего живаго или двухъ орудныхъ царствъ. Ископаемыя растутъ *наружнымъ* накопленіемъ частицъ, а растенія и животныя *внутреннимъ* претвореніемъ и усвоеніемъ пищи.

И такъ *расти* значитъ *питаться*, а питаться значитъ принимать въ себя снаружи пищу, усвоивать ее себѣ и вырабатывать изъ нея иное новое вещество, т. е. свое тѣло. Такимъ образомъ, изъ той-же, общей земляной влаги выдѣлывается и древесина, и кора, и листья, и цвѣты съ плодами. Выработка эта, производимая живыми силами растенія, устроена такъ премудро, что человѣкъ, со всѣми познаніями своими, можетъ только удивляться ей и благоговѣть передъ Творцомъ.

Растенія держатся корнями своими за землю, врастаютъ въ нее, а стволъ и сучья пускаютъ вверхъ.

Растенія не могутъ двигаться свободно, какъ животныя, и не могутъ по произволу шевелить частями своими, напр., сучьями и листьями, какъ животное двигаетъ ногами, перстами или крыльями. Изъ этого общаго правила есть только мнимыя изъятія: многія растенія къ ночи измѣняютъ положеніе листьевъ своихъ; у иныхъ цвѣтъ распускается днемъ, а ночью смыкается, или на-оборотъ; у другихъ листочки обвисаютъ, если къ нимъ прикоснуться, почему одно изъ такихъ растеній и названо *недотрогой*; опять у инаго, створчатый листокъ смыкается плотно, если его тронуть, или когда на него сядетъ насѣкомое, за что растеніе это названо *мухоловкой*. Но все это дѣлается не по произволу растенія, а по вложенному въ него разъ навсегда свойству; въ движеніяхъ этихъ нѣтъ ни *свободной воли*, ни *сознательности*, потому что растеніе есть, хотя и живое, но неодушевленное твореніе. Животное можетъ шевелиться безъ всякой наружной причины, и потому только, что ему самому такъ захотѣлось; растеніе этого не можетъ, у него нѣтъ ни воли, ни хотѣнія, а шевелится оно только отъ наружнаго раздраженія, отъ прикосновенія, отъ солнечныхъ лучей, тепла и холода, и проч. Въ немъ нѣтъ также никакого чувства: оно не знаетъ боли; оно усыхаетъ и умираетъ отъ чрезмѣрной стужи или зноя, равно отъ засухи или недостатка пищи, или отъ избытка влаги; но это дѣлается по законамъ растительной природы, и безъ всякой сознательности о томъ самаго растенія.

Мы видѣли, что растенія принимаютъ въ себя пищу,

усвояютъ себѣ часть ея, а другую удаляютъ (испаряютъ, выдыхаютъ), и этимъ-то собственно растенія отличаются отъ ископаемыхъ и сходствуютъ съ животными; но у растеній нѣтъ для этого, какъ у животныхъ, рта, желудка и кишокъ: пріемъ пищи и изверженіе остатковъ дѣлаются у нихъ всею поверхностію тѣла, а соки обработываются въ снарядцахъ гораздо простѣйшаго устройства. По этой причинѣ, растенія не могутъ принимать твердой пищи, а только распущенную въ какой-либо влагѣ, въ водѣ, и дѣлаютъ это невидимымъ для глаза образомъ, самомалѣйшими частицами.

Все живое *родится*, а все что родится *умираетъ*—слѣдовательно, и растенія; они родятся изъ сѣмени, которое происходитъ отъ другаго растенія того же вида, и умирая, усыхаютъ: они перестаютъ питаться, набирать въ себя посторонніе соки, зелень вянетъ, сохнетъ, осыпается, и все растеніе постепенно разрушается, или, какъ мы говоримъ, гніетъ. Живое растеніе гнить не можетъ; но оно можетъ умирать и гнить по частямъ. Оно умираетъ, либо одряхлѣвъ и отживъ вѣкъ свой, либо отъ болѣзней, которыя происходятъ отъ наружныхъ, вредныхъ для него причинъ, или отъ недостатка питанія. Есть растенія, кои живутъ одно только лѣто: они всходятъ отъ сѣмени весной, вырастаютъ, цвѣтутъ, приносятъ сѣмена, и осенью засыхаютъ; у другихъ вянетъ и сохнетъ одна зелень (ботва), стебель и листья, а корень живетъ нѣсколько лѣтъ, и каждую весну вновь пускаетъ отростки; опять иныя роняютъ по временамъ только листья, а лѣсина и корни живутъ нѣсколько вѣковъ, и растутъ въ длину и толщину.

Кромѣ сѣмени, новое растеніе зараждается также иногда отъ частей стараго: корни пускаютъ вверхъ отростки, и отъ этого мы видимъ, что старая береза или осина бываютъ окружены молодыми: часть корня, отдѣленная отъ растенія и пересаженная въ иное мѣсто, также можетъ произвести молодое растеніе, и такимъ образомъ, напр., обыкновенно разводится картофель. Даже другія части нѣкоторыхъ приживчивыхъ растеній, какъ сучья, будучи отрѣзаны и посажены въ сырую почву, принимаются, т. е. сами пускаютъ корни и сучья и образуютъ новое растеніе: ива и тополь напр. очень приживчивы. Можно даже пересаживать и приращать части одного растенія къ другому, однородному, и на этомъ основаны *прививка* и *прищепъ*. Нѣкоторыя растенія до того приживчивы, что если

ихъ вырыть, обратить корнями вверхъ, а вершину съ сучьями закопать въ землю, то растеніе принимается: изъ сучьевъ мало-по-малу образуются корни, а изъ корней сучья, кои пускаютъ вѣточки и листья.

Растенія растутъ вообще на землѣ, которой верхній слой въ этомъ отношеніи называется *почвой*, а лежащій подъ этимъ верхнимъ слоемъ пластъ — *подпочвой*. Земля эта, или почва, есть смѣсь разсыпчатыхъ ископаемыхъ частицъ разнаго рода, съ перегнившими остатками растеній и животныхъ: такимъ образомъ, смерть и разрушеніе одного поколѣнія, животнаго и растительнаго, служатъ для нарожденія, или пропитанія и распространенія другаго. Перегнившіе остатки орудныхъ тѣлъ называются *тукомъ* земли, а верхній слой земли, который состоитъ изъ смѣси ископаемаго рыхляка съ тукомъ, есть *черноземъ*. Онъ бываетъ, смотря по богатству почвы, толщиною въ нѣсколько вершковъ, а изрѣдка даже въ аршинъ и болѣе; искуственно же производятъ его посредствомъ *удобреній* или наземовъ, для коихъ служитъ большею частію скотскій навозъ, а иногда и другіе животные и растительные остатки: зола, болотная грязь, кровь, и кости, и пр.

Правило, относительно природной почвы растеній, также не безъ изъятій. Нѣкоторыя растенія не любятъ тучной земли, а растутъ на глинѣ, на пескахъ, на солонцахъ, даже на каменьяхъ; но не менѣе того и они питаются, хотя самыми ничтожными остатками орудныхъ тѣлъ, на этой, свойственой такимъ растеніямъ, почвѣ. Есть растенія, которымъ мало для питанія одного, обыкновеннаго корня: они стелются вверхъ и въ бокъ, по пнямъ деревьевъ или по другимъ близкимъ предметамъ, и прирастаютъ къ нимъ во многихъ точкахъ, пуская повсюду для этого особыя корневые ростки (плющъ). Есть лишаи и мхи, которые даже никогда не растутъ на землѣ, а садятся на старое дерево, на деревянныя кровли, или на пни живыхъ деревъ, и притомъ на самыя сырыя, тѣнистыя мѣста ихъ, почему въ лѣсу, по расположенію на пняхъ лишаевъ и поростовъ, можно узнать страны свѣта: съ южной стороны дерево бываетъ одѣто чистою корою, а съ сѣверной, обрастаетъ. Такія растенія называются вообще *тунеядами*, потому что питаются чужимъ достояніемъ, соками другимъ растеній, кои даже нерѣдко отъ этого усыхаютъ. Есть нѣсколько пловучихъ растеній, у которыхъ даже корни плаваютъ

въ водѣ; морскія же водоросли присасываются корнями къ каменьямъ и раковинамъ на днѣ моря.

Растенія, какъ тѣла живыя, могутъ жить на свойственной имъ почвѣ только при извѣстныхъ условіяхъ: имъ нужна извѣстная степень *сырости, тепла и свѣта*, а также *воздухъ*, который окружаетъ весь Земной Шаръ и называется атмосферой.

Главнѣйшія части каждаго растенія: *корень, стебель, листья, цвѣтокъ, плодъ и сѣмя.*

Корень бываетъ различнаго вида, растетъ къ низу въ землю и распространяется по сторонамъ, пуская отъ себя тончайшія нити для всасыванія питательныхъ соковъ. Немногія водяныя растенія плаваютъ съ корнями своими въ водѣ, или присасываются ими къ каменьямъ на днѣ моря (водоросли); есть и земляныя растенія, кои не врастаютъ корнями своими въ землю, а цѣпляются за щели въ пняхъ и каменьяхъ (кактусы, орхидеи); есть даже лишай, въ видѣ шарика (земляной хлѣбъ), растущій въ песчаныхъ степяхъ Азіи и Африки, вовсе безъ корней! онъ свободно перекатывается вѣтромъ, всасывая всею поверхностію своею нужную ему пищу (*) Нѣкоторыя растенія (кресъ) могутъ даже расти, до извѣстной степени, при достаточной сырости, въ войлокѣ, хлопчатой бумагѣ, и пр.

Стебель, стволъ или пень, а въ деревѣ также лѣсина, растетъ отъ самаго корня вверхъ, бываетъ весьма различной длины, толщины и крѣпости, отъ едва видимой нити и до вѣковаго дуба или каштана, въ нѣсколько обхватовъ толщины. Назначеніе стебля состоитъ въ томъ, чтобы пропускать въ трубчатыхъ сосудцахъ своихъ или ячейкахъ соки отъ корня, а отчасти и перерабатывать ихъ и усвоять. Стебель пускаетъ изъ себя *сучья* и *вѣтки.* У нѣкоторыхъ растеній нѣтъ вовсе стебля (лишаи), у другихъ онъ едва замѣтенъ (папоротники), потому что листья выходятъ почти прямо изъ корня.

Листья, весьма различнаго вида и величины, вообще образуются изъ *очка*, или глазка, и выростаютъ отъ вѣтокъ. Листья вбираютъ въ себя тѣ частицы изъ воздуха, какія

(*) Землянымъ-хлѣбомъ прозвали замѣчательный лишай этотъ Уральскіе казаки, потому что въ немъ содержится нѣсколько питательнаго для человѣка вещества, какъ и въ исландскомъ мхѣ, а во время крайности, въ степныхъ походахъ, казакамъ случается употреблять лишай этотъ въ пищу. Его отваривают и разминаютъ.

нужны растенію, а испаряютъ изъ себя то, что ему не нужно.

Цвѣтокъ, также весьма различнаго вида и величины, иногда едва замѣтный, содержитъ въ себѣ тѣ части, кои необходимы для зарожденія новаго растенія того-же вида; въ цвѣткѣ образуется *плодъ*, а по мѣрѣ того какъ плодъ зрѣетъ, цвѣтокъ вянетъ и осыпается; въ плодѣ же зараждается и дозрѣваетъ *сѣмя*, а въ сѣмени *зародышъ*, изъ котораго должно развиться такое-же новое растеніе. Есть впрочемъ растенія безцвѣтковыя.

Нѣкоторыя части растеній, отъ случайныхъ обстоятельствъ, легко перерождаются, переходя изъ одного званія и значенія въ другое: такимъ образомъ не только тычинки обращаются въ лепестки, но сучья могутъ превратиться въ коренья, колючки въ вѣтки и самый цвѣтокъ въ вѣтку съ листьями.

Ботаника В. Даля.

25. МОЯ ЛАСТОЧКА.

Любопытно слѣдить за постепеннымъ развитіемъ смысла и разсудка въ различныхъ классахъ животныхъ. Птицы, конечно, менѣе смышлены, нежели звѣри. Однакожъ есть между первыми и такія, которыя обнаруживаютъ признаки довольно развитаго смысла. Вспомнимъ только о попугаяхъ, которые, сближаясь съ человѣкомъ, могутъ до нѣкоторой степени воспитаться и стать тѣмъ самымъ на относительно высшую степень развитаго смысла. За примѣрами дѣло не станетъ.

Я намѣренъ вамъ разсказать о моей ласточкѣ.

Я живу нѣсколько лѣтъ въ запущенномъ виноградникѣ, который своею дикостью и пространствомъ представляетъ чрезвычайно выгодное мѣсто для наблюденій надъ животными, что вблизи многолюднаго города, каковъ нашъ Дрезденъ, чрезвычайно рѣдко. Между другими птицами есть у меня въ саду и *деревенская ласточка*, вьющая гнѣзда въ конюшняхъ и холодныхъ строеніяхъ. Въ 1814 году вылетѣлъ выводокъ ласточекъ въ іюнѣ при дождливой погодѣ, продолжавшейся довольно долго, такъ что отцы не могли найти достаточной пищи для своихъ птенцовъ. Послѣдніе размѣстились на акаціи предъ моимъ окномъ; приподнятое перо, нахохленный видъ и повислыя крылья показывали, что пташки терпятъ голодъ: и въ самомъ дѣлѣ одна изъ нихъ

лежала уже мертвою на землѣ. Это побудило меня сдѣлать попытку спасти остальныхъ. Я наловилъ мухъ и комаровъ, скрывавшихся въ моей комнатѣ, отворилъ ближайшее къ ласточкамъ окно, и выпускалъ по одному насѣкомому. Вслѣдъ за тѣмъ, проголодавшіеся птенцы ловили насѣкомое и тревожно обращались къ окошку, чтобъ оно вновь растворилось. Съ трудомъ могъ я наловить еще насѣкомыхъ, которыхъ едва оказалось достаточное число, чтобъ прокормить моихъ птенцовъ въ дни непогоды. Послѣдовавшее за тѣмъ ведро доставило имъ обильную пищу. Но птенцы уже замѣтили, откуда пришла имъ сторонняя помощь, и лишь только отворялись окно или двери, какъ пташки влетали въ комнату. Это продолжалось до осени; настало время отлета, исчезли мои быстрокрылыя щебетуньи.

Однажды — это было слѣдующею весною, — замѣтилъ я, что въ затворенное окно моей спальни бьется ласточка; я отворилъ окно — пташка влетѣла въ комнату, сѣла на шкапъ и защебетала свою незатѣйливую пѣсенку. Признаюсь, я на нее налюбовался вдоволь. По ея перу было ясно видно, что она живетъ только другое лѣто, и нельзя было не догадаться, что это была пташка изъ семьи моего выводка. Она порхала по комнатѣ до вечера; я затворилъ ставни и двери и забылъ про нее. Когда внесли огонь, ласточка вспорхнула и, пораженная свѣтомъ, упала на полъ. Я ее поднялъ, погасилъ свѣчку и посадилъ пташку на свое мѣсто. Утромъ она вылетѣла какъ ни въ чемъ не бывало, и возвращалась ежедневно. Послѣ нѣсколькихъ дней она привела съ собою подругу, которая сначала меня пугалась, но потомъ онѣ обѣ усѣлись на мѣсто своего ночлега. Вскорѣ свѣчка перестала ихъ тревожить, когда я ее не ставилъ прямо передъ ними.

Наступила опять дождливая погода, а съ нею настало и время нужды для моихъ пернатыхъ гостей; я ловилъ мухъ и пускалъ ихъ въ спальню, и пташки схватывали ихъ, лишь только онѣ взлетали. Потомъ я по необходимости, прибѣгнулъ къ паукамъ, пускалъ ихъ по стѣнѣ и ласточки схватывали ихъ. Далѣе давалъ я имъ ночныхъ бабочекъ, муравьиныя яйца, и пташки все ѣли. Вскорѣ онѣ даже приучились брать пищу изъ моихъ рукъ, въ особенности самчикъ—*моя ласточка*.

Ласточки оправились и начали гнѣздиться, но не могли найти удобнаго мѣста въ моей комнатѣ, оклеенной обоями. Нѣсколько разъ онѣ пытались повѣсить свое гнѣз-

до, но напрасно. Тогда я взялъ изъ сарая нѣсколько пустыхъ гнѣздъ, укрѣпилъ ихъ на доскѣ, и внесъ въ комнату. Мой трудъ не пропалъ: ласточки избрали одно изъ гнѣздъ и самка усѣлась въ немъ, а самецъ леталъ за иломъ и грязью, которымъ скоро смазали гнѣздо. Онѣ охотно брали съ полу положенную мною глину, соломенки, перья и т. д.

Самка снесла пять яицъ и вывела дѣтей; самецъ весело порхалъ около нихъ. Въ это время я обыкновенно вставалъ не ранѣе пяти часовъ, и самецъ покойно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ его соплеменники давно уже разрѣзали воздухъ своими крыльями. Мнѣ случалось засыпаться; тогда самецъ начиналъ слегка свою пѣсню и пѣлъ ее все громче до тѣхъ поръ, пока я наконецъ вставалъ и открывалъ окно.

Привязанность моей ласточки не ограничивалась посѣщеніемъ моего жилья: она очевидно старалась быть близь меня. По моимъ занятіямъ, я ежедневно ходилъ въ городъ и возвращался около полудни. На пути въ городъ ласточка сопутствовала мнѣ, извиваясь около меня или на большихъ кругахъ, или же разстилаясь почти по землѣ, при чемъ она весело щебетала и пропархивала близь меня нѣсколько разъ. Ея голосъ былъ громче другихъ ласточекъ, почему я легко ее могъ отличить. Когда я возвращался, моя ласточка встрѣчала меня на половинѣ пути. Иногда, занятый дѣломъ, я не замѣчалъ ея; моя ласточка тревожно летала близь моей головы и успокоивалась тогда только, когда замѣчала, что я обращалъ на нее вниманіе. Потомъ ласточка исчезала, и когда я входилъ въ комнату, пташка меня весело привѣтствовала своимъ щебетаніемъ. Мнѣ случалось работать въ виноградникѣ вдали отъ жилья, но и тутъ меня находила моя гостья, садилась на близкую вѣтвь или бревно, и показывала тѣмъ, что она отыскивала моего сосѣдства. Признаюсь, мнѣ это льстило. Я нѣсколько разъ старался украдкою скрыться въ чащу деревъ, но и здѣсь находила меня ласточка и давала о себѣ знать усиленнымъ щебетаніемъ. Мнѣ стоило только произнести громко нѣсколько привычныхъ для ласточки словъ и она, порхавшая по воздуху, вскорѣ спускалась къ моей головѣ. Я часто ходилъ въ сосновую рощу, примыкавшую къ моему саду; ласточка слѣдила за мной поверхъ деревьевъ и лишь только я выходилъ на просѣку, быстрокрылая спускалась ко мнѣ и давала о себѣ знать щебетаньемъ. По моей болѣзни, я нѣкоторое время не могъ открывать окна и по-

тому оставилъ незакрытымъ только малое отверстіе форточки: пташки все-таки влетали и выкормили своихъ птенцовъ. Я отправился на воды и возвратился поздно осенью. Моя ласточка уже отлетѣла на югъ. Въ слѣдующемъ году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, утромъ, гулялъ я въ саду и услышалъ громкій голосъ *моей ласточки*, летавшей высоко въ воздухѣ; она была одна изъ первыхъ, возвратившихся въ нашу сторону, и спустилась скоро на мой призывъ, но всѣ подруги ея семьи исчезли, и она вечеромъ влетѣла одинокою въ мою комнату. Извѣстно, что многія ласточки во время пролета въ Южной Европѣ излавливаются, въ особенности близь стоячихъ водъ, и употребляются на пищу. Вообще прилетѣло немного ласточекъ. Изъ сорока приблизительно птицъ, жившихъ на моемъ дворѣ, едва возвратилось пять. Моя ласточка вновь пыталась заманить въ комнату подругу, но напрасно: ласточки или не влетали въ окно, или скоро вылетали изъ комнаты. Моя ласточка провела въ одиночествѣ все лѣто, летала съ другими, но не забывала и меня. Однажды она влетѣла вечеромъ особенно безпокойною и защебетала громче обыкновеннаго; я принялъ ея щебетаніе за прощальную пѣснь, и въ самомъ дѣлѣ, на другое утро ласточки отлетѣли длинною верепицею.

Весною 1844 году моя ласточка опять прилетѣла одною изъ первыхъ вѣстницъ весны, просилась въ закрытое окно и весело защебетала въ комнатѣ. Пташка вполнѣ возмужала: сине-фіолетовая спинка, буро-красный нагрудникъ и длинныя хвостовыя косицы показывали, что пташка достигла всей красы своего пера. Голосъ сталъ еще громче и чище. Было чѣмъ полюбоваться! Она прилетѣла съ двумя другими, посѣщавшими мой садъ. Однажды я не видалъ ихъ цѣлый день; на ночь не возвратилась моя ласточка. Я уже началъ за нее опасаться; на третій день она возвратилась и привела съ собой еще пару прошлогоднихъ ласточекъ, которыхъ она тревожно старалась ввести въ комнату. Въ особенности хлопотала моя ласточка около молодой самки. Но она предпочла сарай и сѣла на гнѣздо. Казалось, она привыкла къ своему ночлегу, и моя ласточка проводила около нея часть дня, а вечеромъ, когда самка возвращалась въ гнѣздо, моя прилетала въ комнату. Но и днемъ она меня не забывала, и когда ея выводокъ началъ летать, она его ввела въ мою комнату, гдѣ они въ послѣдствіи проводили ночь. Со вторымъ выводкомъ того же лѣта моя ласточка поступила также, и, къ концу лѣта, въ моей комнатѣ ночевала

многочисленная семья ласточекъ, пока наконецъ въ началѣ осени всѣ ласточки околодка начали передъ отлетомъ собираться на общій ночлегъ. Однажды моя ласточка ночевала въ моей комнатѣ, привела на другое утро свою семью, запѣла пѣснь громко и продолжительно, и напомнила, что это, можетъ быть, послѣдняя. Кто любитъ, тотъ тревожится, и мнѣ казалось, что я не увижу болѣе моей прелестной гостьи.

На другое утро ласточки уже отлетѣли. Прошелъ годъ, раскрылась роскошно весна, но моя ласточка не прилетала. Я ее искалъ нѣсколько дней сряду, но напрасно. Что-то съ нею сталось?

Мнѣ невольно сгрустнулось.

Изъ Тинемана, перев. К. Рулье.

---

26. ОХОТА ЗА СЛОНАМИ.

(Изъ путешествія въ южную африку, совершеннаго въ 1838 — 1844 г. г. Дельгоргомъ).

Охота за слонами есть самая интересная изъ всѣхъ. Слоны пасутся иногда стадами по нѣскольку сотъ штукъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растетъ плодъ *макано*, который они очень любятъ. Подходить къ нимъ надобно съ чрезвычайною осторожностію, потому-что слонъ имѣетъ необыкновенно чуткое обоняніе: онъ слышитъ человѣка за версту, если только вѣтеръ ему благопріятствуетъ, и тогда неосторожный охотникъ навѣрное рискуетъ жизнію. Слонъ, опьянѣвшій отъ дѣйствія плодовъ макано, кидается съ слѣпою яростію за человѣкомъ, осмѣлившимся потревожить его уединеніе, и преслѣдуетъ его неутомимо, съ ужасающею быстротою. Тутъ одно спасеніе: уйти изъ-подъ вѣтра, чрезъ лѣсъ, траву и кустарники, или, если возможно, взобраться на такую крутизну, которая была бы для слона недоступною.

Сперва Дельгоргъ не вѣрилъ этимъ разсказамъ кафровъ; но вскорѣ ему удалось увидѣть дѣйствіе плодовъ макано надъ слонами и надъ самимъ собой. Плодъ отзывается скипидарнымъ или смолистымъ запахомъ и бываетъ яблочно-зеленаго цвѣта, съ прозрачною кожею и мясомъ, какъ у сквозныхъ наливныхъ яблоковъ. Форма его слегка сплюснутая и нѣсколько овальная; мясо кислое и внутри содержащее косточку, которую невозможно раскусить зубами. Десятокъ этихъ плодовъ опьяняетъ человѣка быстрѣе, чѣмъ двѣ или три бутылки шампанскаго; а слонъ такъ любитъ эти плоды, что

пожираетъ ихъ сотнями. Немудрено, что послѣ такого десерта онъ забываетъ свою необыкновенную важность и дѣлается бѣшенымъ. Охота за слонами, наѣвшимися плодовъ макано, вдесятеро опаснѣе, чѣмъ обыкновенная.

Однажды Дельгоргъ, съ нѣсколькими кафрами, набрелъ вовремя охоты на рощу изъ макано. Охотники спѣшили освѣжиться кислымъ сокомъ, производящимъ такое быстрое опьяненіе. Не прошло получаса, и наши кафры хохотали въ-запуски, разсказывая во хмѣлю самыя безалаберныя вещи. То одинъ клялся, что видитъ, какъ два слона, наѣвшись макано и опьянѣвъ, ведутъ другъ друга, поддерживаясь взаимно хоботами; то другой божился, что при встрѣчѣ съ слономъ непремѣнно отрѣжетъ у живаго хвостъ; третій увѣрялъ, что вдали лежитъ цѣлое стадо слоновъ, совершенно лишившихся чувствъ отъ макано. Но вдругъ посреди этой безтолковой болтовни, какъ электрическій ударъ, пронеслось вполголоса сказанное слово: *слоны*! Какъ ни часто слышалось это слово въ разговорѣ, но на этотъ разъ оно было произнесено съ такимъ выраженіемъ, что всѣ невольно вздрогнули и замолчали. Подъ ногами охотниковъ тянулось глубокое ущеліе, примыкавшее къ равнинѣ, въ которую они шли. Тамъ, среди желто-зеленой травы, доходившей человѣку по поясъ, но не хватавшей до колѣнъ слона, паслись три гиганта самаго большого роста. Мѣстность давала слонамъ большое превосходство предъ охотниками; но такъ-какъ вѣтеръ былъ въ пользу послѣднихъ, то Дельгоргъ немедленно составилъ планъ нападенія. Въ долинѣ было мало деревьевъ и кустарниковъ, но за то въ высокой травѣ можно было хорошо спрятаться. «Впередъ, ребята! — сказалъ онъ вполголоса — и чтобъ ни травка не хрустнула, ни камень не скатился подъ ногою!»

Сдѣлавъ обходъ, для того, чтобы спуститься въ долину, въ мѣстѣ, невидимомъ для пасущихся слоновъ, охотники осторожно поползли въ высокой травѣ. До слоновъ оставалось еще около 500 шаговъ, какъ вдругъ кафръ Кочобана, ползшій передъ Дельгоргомъ, спугнулъ зайца, притаившагося въ травѣ: это обратило на себя вниманіе чуткихъ колоссовъ, которые отодвинулись шаговъ на двѣсти подалѣе. Пришлось ползти еще. Приблизившись на 35 шаговъ къ самому большому изъ слоновъ, Дельгоргъ обернулся, и увидѣлъ, что за нимъ ползутъ только двое — Кочобана да Буланче. Безмолвный знакъ послужилъ сигналомъ: три человѣка мгновенно выросли изъ травы, и почти разомъ грянули три выстрѣла въ голову ближайшаго слона; эхо загрохотало отъ могучихъ сотрясеній,

произведенныхъ ружьями, заряженными каждое пулею въ 20 золотниковъ вѣсомъ. Почти въ тоже мгновеніе что-то колоссальное промчалось вихремъ въ двухъ шагахъ отъ охотниковъ: то были два слона, бѣжавшіе съ поля сраженія. Если бы они взяли на два аршина правѣе, то стоптали бы смѣльчаковъ.

Опомнившись отъ перваго впечатлѣнія ужаса, охотники увидѣли гиганта, лежавшаго въ 30 шагахъ отъ нихъ. «Пуля моя на пять дюймовъ выше праваго глаза!» закричалъ Дельгоргъ — не то слонъ вашъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, огромная пуля пробила мозгъ въ сказанномъ мѣстѣ.

Слонъ былъ 11 футовъ вышиною и каждый изъ его клыковъ вѣсилъ полтора пуда.

Вотъ одинъ изъ сотни эпизодовъ охоты за слонами, разсказанныхъ Дельгоргомъ, и, притомъ, не самый драматичестій, а взятый на удачу. Битва съ слономъ похожа на дуэль съ человѣкомъ, и какъ бы ни былъ хладнокровенъ охотникъ, какъ бы ни былъ вѣренъ его выстрѣлъ, онъ все-таки рискуетъ поплатиться жизнію. Слонъ бѣгаетъ чрезвычайно проворно, и если только завидитъ нападающаго врага, то идетъ на него. Всего труднѣе бить самку, когда она ходитъ съ своимъ дѣтенышемъ и бываетъ очень сердита. На охоту за слонами пускаются только самые неустрашимые; и такъ-какъ стада слоновъ попадаются далеко отъ человѣческихъ жилищъ, то для этой охоты нужно совершать путешествіе, продолжающееся по нѣскольку мѣсяцевъ.

Слоны рѣдко пасутся одиноко, а чаще по нѣскольку десятковъ и сотенъ вмѣстѣ. Приступъ къ нимъ не легокъ, потому-что слоны, какъ мы говорили, очень чутки. Надобно доползти нечувствительно и вдругъ, какъ бы выросши изъ земли, стрѣлять колосса между глазомъ и ухомъ, на одну треть разстоянія ближе къ послѣднему. Осѣчка или промахъ стоятъ жизни. Остальное стадо, испуганное выстрѣломъ и воображая опасность гораздо важнѣе, чѣмъ она въ самомъ дѣлѣ, кидается бѣжать. Хорошо, если при этой титанической ретирадѣ охотникъ останется въ сторонѣ. А что, если одинъ изъ колоссовъ, завидя врага, пойдетъ на него прямо? Пулею въ грудь слона не убьешь; но это единственное средство спасенія, потому-что иногда ошеломленное чудовище даетъ время охотнику спрятаться. Раздраженный слонъ не щадитъ ни праваго, ни виноватаго; онъ не любитъ тѣхъ, кто нарушаетъ его уедине-

ніе, и многіе кафры, мужчины и женщины, вовсе не помышлявшіе о сосѣдствѣ слоновъ, дѣлались жертвою ихъ гнѣва.

Напоръ слоновъ страшенъ особенно, когда они бѣгутъ стадомъ: ураганъ не производитъ такихъ опустошеній. Дельгоргъ собственными глазами видѣлъ деревья, въ 60 футовъ вышины и 9 футовъ въ окружности, сломанныя напоромъ слоновъ такъ, какъ трость переломленная человѣкомъ на колѣнѣ. Черезъ двадцат лѣтъ еще видны слѣды той дороги, по которой бѣжало стадо, и старыя деревья хранятъ еще слѣды ранъ, нанесенныхъ имъ въ молодости.

Какое же можно вывести изъ всего этого заключеніе?

Слонъ великъ, силенъ, проворенъ, уменъ и мстителенъ. — Человѣкъ малъ, слабъ, медленъ въ движеніяхъ; но онъ обладаетъ умомъ, предъ которымъ сокрушается сила слона. Стадо изъ пятидесяти слоновъ по десяти въ рядъ, несущееся какъ вихрь, въ состояніи смять любую изъ нашихъ рощей. Но пусть смѣлый человѣкъ, обладающій невозмутимымъ хладнокровіемъ, станетъ въ 60 шагахъ предъ этимъ бѣгущимъ стадомъ и выстрѣлитъ въ него: почти всегда вся масса остановится и побѣжитъ назадъ. Это не сказка, а фактъ, неоднократно случавшійся. Кафры иногда безъ ружей, съ однимъ ассагаемъ (*), идутъ на слона. Подкравшись сзади, они кидаютъ свой ассагай такъ искусно, что перерѣзываютъ въ задней ногѣ животнаго ахиллесову жилу: звѣрь, лишенный возможности бѣжать, добивается сотнями дротиковъ. Король амазулуевъ Дингаанъ часто травилъ слоновъ цѣлыми полками своего войска, вооруженнаго бѣлымъ оружіемъ, и смотрѣлъ на эту травлю съ вершины скалы, неприступной для слоновъ.

Вотъ какъ совершались и по-нынѣ совершаются эти травли.

За нѣсколько дней до назначеннаго для великой охоты времени, посланцы отправляются по всему протяженію земли кафровъ-амазулуевъ, отъ береговъ Омпанганы до Тунгуены и отъ морскаго берега до горъ Кватламбенскихъ, повелѣвая именемъ короля, чтобы всѣ кафрскіе воины собирались въ назначенный день въ долину Омфилосъ-Омшлопу, къ пирамидальной скалѣ Омгрооти.

На-канунѣ великаго дня, тысячъ двадцать вооруженныхъ

(*) Родъ копья съ широкимъ, закругленнымъ остріемъ.

людей собираются у подошвы скалы, на вершинѣ которой, воздымающейся на 800 футовъ, совѣтъ вождей, присѣвъ на корточки, выслушиваетъ приказанія владыки, сидящаго на тронѣ, изсѣченномъ изъ одного куста гранита.

Вся армія раздѣляется на отряды или полки, по 1,000 человѣкъ въ каждомъ, и, растянувшись необозримою цѣпью, окружаетъ окрестности Омфилосъ-Омшлопу и Омплати-Омкулу. Эта облава съ дикими воплями гонитъ стада слоновъ къ подножію скалы, на которой сидитъ король, вооруженный телескопомъ, подаркомъ англичанъ. Съ вершины неприступнаго слонамъ утеса наблюдаетъ онъ за движеніями колоссовъ, кажущихся ему такими малютками, и разсылаетъ приказанія своей арміи, которая кишитъ дѣятельностью какъ муравьи въ своемъ гнѣздѣ и съ неустрашимою смѣлостію движется по мановенію гордаго повелителя.

При этихъ маневрахъ соблюдаются величайшая правильность и порядокъ. Стада мало-по-малу сгоняются въ кучу и сжимаются безпрерывно уменьшающимся кругомъ облавы. У амазулуевъ, на охотѣ и на войнѣ, вся тактика состоитъ въ томъ, чтобы окружить непріятеля.

Испуганные крикомъ и звуками оружія, слоны тѣснятся къ подножію скалы, и прямыя сообщенія между сидящими на ней и арміею въ долинѣ становятся невозможными чрезъ посредство гонцевъ. Тогда начинаются телеграфическіе знаки: красная шаль распахнулась вѣтромъ на вершинѣ Омгроо-ти, и дикій вопль двадцати тысячъ голосовъ смѣшался съ ревомъ слоновъ, поражаемыхъ ассагаями. Разъяренные звѣри, чувствуя боль отъ ранъ, забываютъ испугъ и кидаются въ свою очередь на нападающихъ. Люди, щиты, дротики перемѣшиваются въ кровавую кучу, но за десяткомъ падшихъ храбрецовъ слѣдуетъ другой десятокъ; мѣсто истребленной сотни занимаетъ новая сотня воиновъ, и слоны, разбитые врозь, окружаются каждый отдѣльно со всѣхъ сторонъ. Усталый и испуганный слонъ защищается отъ стоящихъ напереди враговъ, а между тѣмъ одинъ смѣльчакъ, поднятый другимъ на плечи, подкрался сзади, лѣвою хватается за хвостъ, а правою рубитъ его съ одного разу. Проворный какъ молнія, онъ оставляетъ слона вымѣщать свою ярость на другихъ, а самъ летитъ къ повелителю амазулуевъ съ кровавымъ трофеемъ, отрѣзаннымъ у живаго звѣря и служащимъ у кафровъ знакомъ побѣды.

— Хорошо! восклицаетъ довольный травлею повелитель,

и даетъ знакъ убивать звѣрей, истощенныхъ уже потерею крови.

Однажды Дингаанъ приказалъ привести къ себѣ дикаго слона живымъ. Шесть тысячъ человѣкъ отправились и исполнили его приказаніе. Конечно, оно стоило жизни трехъ сотъ человѣкъ, но должно вспомнить, что нагой кафръ вооруженъ однимъ только ассагаемъ, а слонъ страшенъ и для толпы, закованной въ желѣзо. Но кафры знаютъ, что лучше идти на сомнительную опасность отъ звѣря, чѣмъ на вѣрную смерть, ожидающую всякаго бѣглеца съ королевской охоты.

Что значитъ предъ этою охотою охота бошесмана, достигающая, впрочемъ, той же цѣли! Дикарь ползетъ къ колоссу, вооруженный лукомъ и стрѣлами, съ широкимъ остріемъ, намазаннымъ черною ядовитою смолою. Приблизившись къ звѣрю, онъ ожидаетъ минуты, когда тотъ станетъ такимъ образомъ, что возможно пустить стрѣлу въ животъ: слонъ едва почувствуетъ рану, но если изъ ней вытекла хоть одна капля крови, то дѣло сдѣлано. Ядъ течетъ по жиламъ гиганта: онъ ложится и околѣваетъ. Одинъ бошесманъ небольшою стрѣлою достигаетъ той же цѣли, которая стоитъ амазулуямъ столькихъ трудовъ и крови.

Слоновъ бьютъ почти только изъ-за ихъ клыковъ, потому что мясо ихъ невкусно, а кожа далеко хуже и слабѣе гиппопотамовой и даже носороговой.

27. О ГОРѢНІИ.

Теплота всего сильнѣе обнаруживается отъ *горѣнія.* Разсмотримъ же, что такое горѣніе, т. е. разберемъ его явленія, и потомъ постараемся опредѣлить его сущность.

Явленія горѣнія, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, извѣстны каждому. Каждый видалъ ихъ и въ тлѣющемъ углѣ, и въ пылающемъ деревѣ, и въ страшномъ пожарѣ. Стало быть намъ остается только всмотрѣться въ нихъ пристальнѣе.

1. Чтобы тѣло горѣло, надобно зажечь его. А чтобы зажечь, надобно нагрѣть такъ или иначе. Такимъ образомъ натирая кусокъ дерева другимъ кускомъ, мы сжимаемъ ихъ, нагрѣваемъ и наконецъ зажигаемъ. Тѣмъ же способомъ мы зажигаемъ фосфорную спичку, только съ меньшимъ трудомъ. Ударъ кремня объ сталь служитъ причиною сжатія малѣйшей частицы стали и отсѣченія ея отъ куска. Эта частица, сильно нагрѣвшаяся отъ сжатія, загарается и является въ видѣ искры. И такъ первый способъ зажиганія есть *сжатіе,*

уменьшеніе объема тѣла. Искра, попавши на трутъ, зажигаетъ самый трутъ; попавши на сажу, зажигаетъ сажу; попавши на сѣру, воспламеняетъ сѣру, и т. д. Стало быть второй способъ зажиганія есть *соприкосновеніе негорящаго тѣла съ горящимъ,* нагрѣваніе посредствомъ сообщенія теплоты.

Не всѣ тѣла загараются съ одинаковою легкостію. Одни требуютъ большаго, другія меньшаго нагрѣванія; нѣкоторыя не загараются и не горятъ вовсе, по крайней мѣрѣ въ обыкновенномъ значеніи горѣнія. Фосфоръ загарается при температурѣ очень незначительной (40); сѣра при температурѣ 150 ; дерево для зажиганія требуетъ температуры гораздо большей; обыкновеннаго кремня нельзя зажечь въ воздухѣ никакимъ нагрѣваніемъ. И такъ мы раздѣлимъ тѣла на *негорючія* (наприм. кремень, вода, благородные металлы, многія соли и пр.) и *горючія*; послѣднія, сверхъ того, на *трудно зажигаемыя* и *легко зажигаемыя.* Къ послѣднимъ относятся напр. сѣра, фосфоръ и пр. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ легко зажигаются, что достаточно малѣйшаго прикосновенія другаго тѣла, или даже соприкосновенія съ воздухомъ, для того чтобъ зажечь ихъ. Они загараются или со взрывомъ (вещества гремучія) или безъ взрыва (вещества пирофорическія, огненосныя). Примѣромъ первыхъ веществъ можетъ служитъ *пистонъ,* или лучше, вещество, изъ котораго дѣлаются пистоны. Изъ пирофорическихъ веществъ укажемъ особенно *пирофоръ Гомберга* и *пирофорическое желѣзо Магнуса.*

Гомберговъ пирофоръ приготовляется слѣдующимъ образомъ. Берутъ обыкновенные квасцы и накаливаютъ на угольяхъ. Квасцы разсыпаются въ порошокъ и называются *жжеными квасцами.* Три части жженыхъ квасцовъ смѣшиваютъ съ одной частью сажи и всыпаютъ въ стклянку. Стклянку ставятъ въ песокъ, и песокъ нагрѣваютъ по немногу до тѣхъ поръ, пока надъ горломъ стклянки покажется синее пламя. Тогда стклянку затыкаютъ плотно. Если этого порошка высыпать немного изъ стклянки, то въ соприкосновеніи съ воздухомъ онъ тотчасъ загарается.

Отъ горѣнія надобно отличать *раскаленіе*. Тѣло можетъ быть накалено до-красна, до-бѣла, и не горѣть. Наоборотъ другое тѣло можетъ горѣть и не достигши такого жара. Если охладимъ раскаленное тѣло, оно снова приметъ свой прежній видъ; если потушимъ горящее тѣло, оно не получитъ уже своего прежняго вида — *измѣнится.* Раскаливъ *кирпичъ* и охладивъ его, мы получимъ тотъ же кирпичъ;

но *дерево* послѣ горѣнія превращается въ *уголь* и *дымъ*, желѣзо въ *окалину*.

2. Зажженное тѣло можетъ горѣть только при извѣстныхъ условіяхъ, иначе оно *тухнетъ*, *угасаетъ*. Эти условія суть:

a) *Достаточная температура*. Если на горящую свѣчку будемъ надувать холодный воздухъ, свѣчка тухнетъ. Но тотъ же воздухъ, надуваемый на тѣло сильно пылающее, не только не тушитъ огня, но усиливаетъ. Причина потуханія въ первомъ случаѣ есть *охлажденіе*, *пониженіе температуры*.

b) *Свободный доступъ воздуха*. (*) Возьмемъ два обыкновенные плавильные горшка и наполнимъ ихъ угольями. Одинъ закроемъ, а другой оставимъ открытымъ, и будемъ накаливать оба. Угли въ открытомъ горшкѣ сгорятъ и останется одна зола; въ закрытомъ, напротивъ, они будутъ цѣлы, хотя и сильно раскалены. Здѣсь воздухъ не могъ имѣть доступа къ раскаленному тѣлу. На этомъ свойствѣ основано тушеніе огня посредствомъ засыпанія горящаго тѣла пескомъ, даже соломенною сѣчкою, посредствомъ закрыванія его мѣхомъ, холстомъ и пр., даже посредствомъ обливанія его водою, хотя въ послѣднемъ случаѣ главное дѣйствіе надобно приписать *охлажденію*. На этомъ же свойствѣ основано усиленіе горѣнія посредствомъ усиленія притока воздуха, посредствомъ трубъ, мѣховъ и пр.

c) *Надлежащее качество воздуха*. Зажжемъ маленькую восковую свѣчку и накроемъ ее стекляннымъ колпакомъ. Свѣчка горитъ слабѣе и слабѣе и наконецъ потухаетъ. Это произошло отъ того, что воздухъ подъ колпакомъ сперва былъ способенъ поддерживать горѣніе, потомъ измѣнился и потерялъ эту способность. Уголья горятъ въ самоварѣ. Закройте трубу крышкою, они тухнутъ—опять отъ того, что воздухъ измѣнился и потерялъ способность поддерживать горѣніе.

Въ измѣненіи воздуха можно убѣдиться обоняніемъ. Онъ получаетъ особенный запахъ и становится удушливымъ. Чтобы еще яснѣе показать, что свойство воздуха дѣйствуетъ на горѣніе, сдѣлаемъ простой опытъ. Возьмемъ три графина значительной величины. Пусть одинъ будетъ наполненъ воздухомъ. Зажженная спичка, опущенная въ этотъ графинъ, сперва горитъ, потомъ угасаетъ, также какъ и подъ колпакомъ. Въ другой графинъ я кладу небольшое количество чернаго порошка, извѣстнаго подъ именемъ марганца или пиролизита, и обливаю его сѣрной кислотой,

---

(*) Смотр. прим. въ концѣ статьи.

Тлѣющая спичка, опущенная въ этотъ графинъ, тотчасъ загарается яркимъ пламенемъ. Въ третій графинъ я кладу мѣлъ и обливаю также сѣрной кислотой. Горящая спичка, опущенная въ этотъ графинъ, мгновенно потухаетъ. Явленіе произошло отъ того, что въ трехъ графинахъ находятся три различные воздуха или газа, именно въ первомъ обыкновенный атмосферный воздухъ, имѣющій способность поддерживать горѣніе въ извѣстной степени, во второмъ кислородъ имѣющій способность сильно поддерживать горѣніе, въ третьемъ угольная кислота, не имѣющая вовсе способности поддерживать горѣнія. Этотъ послѣдній газъ образуется при самомъ горѣніи, а частію находится и въ атмосферномъ воздухѣ. Подобно многимъ другимъ газамъ, онъ не мѣшаетъ горѣнію, если количество его въ воздухѣ незначительно: но если оно велико, то горѣніе прекращается. Кислородъ также находится въ воздухѣ, и отъ него единственно зависитъ способность воздума поддерживать горѣніе. Очевидно, горѣніе будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше количество кислорода въ воздухѣ, тѣмъ слабѣе, чѣмъ меньше. Но количество его уменьшается по мѣрѣ горѣнія, тогда какъ количество угольной кислоты увеличивается.

Отсюда ясно, что мы можемъ усилить горѣніе, надувая на горящее тѣло вмѣсто воздуха кислородъ, что и употребляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и ослабить или совершенно уничтожить его, надувая угольную кислоту или другой газъ, который бы не поддерживалъ горѣнія. На этомъ основано обыкновенно тушеніе пожаровъ внутри зданій. Если комнату, въ которой сдѣлался пожаръ, затворить на-глухо, такъ чтобы ни въ двери, ни въ окна, ни въ трубы не могъ проходить воздухъ снаружи, то кислородъ воздуха, находящагося въ комнатѣ, скоро потребится, и на мѣсто его отъ самаго горѣнія образуется угольная кислота, которая тотчасъ потушитъ огонь. Этимъ же объясняется замѣчательное явленіе тушенія сажи въ трубахъ посредствомъ выстрѣловъ изъ ружья или пистолета. Порохъ состоитъ изъ угля, сѣры и селитры, а въ селитрѣ находится почти $47\frac{1}{20}$ кислорода. При вспышкѣ уголь соединяется съ кислородомъ и составляетъ газъ угольной кислоты, а сѣра съ кислородомъ—газъ сѣрнистой кислоты. Ни тотъ, ни другой не имѣютъ свойства поддерживать горѣніе, а потому загорѣвшаяся въ трубѣ сажа мгновенно потухаетъ.

3. Горѣніе можетъ быть или *съ пламенемъ*, или *безъ пламени*. Такъ мы видимъ, что дрова, спиртъ, сѣра, горятъ

съ пламенемъ; уголь при незначительномъ жарѣ, желѣзо, трутъ, горятъ безъ пламени. Вообще вещества, легко превращающіяся въ газы, горятъ съ пламенемъ, не превращающіяся безъ пламени. Самое пламя есть не что иное, какъ газъ, снаружи горящій, внутри раскаленный. Только не всякій газъ можетъ горѣть, и не всякій горитъ съ одинаковою силою и съ одинаковымъ цвѣтомъ. Воздухъ, водяной паръ, угольная, сѣрнистая кислота и многіе другіе газы не горятъ вовсе; водородъ, пары сѣры, фосфора, виннаго спирта, масла, газъ, отдѣляющійся изъ смолы или дерева, горятъ пламенемъ различнаго цвѣта и блеска. Всякому извѣстенъ цвѣтъ пламени горящей свѣчи, сѣры, виннаго спирта, масла. Всякому также случалось замѣчать синеватое пламя при догораніи дровъ, происходящее отъ горѣнія особаго газа, состоящаго почти изъ 56 процентовъ кислорода и 44 процентовъ углерода и называемаго *окисломъ углерода* или *угаромъ*. Привычный глазъ по одному цвѣту пламени можетъ различить составъ горящаго тѣла. Примѣсь къ горящему веществу другаго вещества нерѣдко измѣняетъ цвѣтъ пламени. Такъ если къ винному спирту мы прибавимъ кали, или одну изъ его солей, напр. поташъ, селитру, глазерову соль, то пламя окрасится въ синій или фіолетовый цвѣтъ;

Натръ или одну изъ его солей, напр. поваренную соль, соду, глауберову соль, то пламя окрасится въ желтый цвѣтъ;

Аммоніакъ или одну изъ его солей, напр. нашатырь, пламя окрасится въ синій или фіолетовый цвѣтъ;

Соли литина, стронціаны, извести, производятъ красный, карминный цвѣтъ;

Фосфоръ, зажженный въ кислородѣ, горитъ яркимъ, бѣлымъ пламенемъ, очень похожимъ на солнечный свѣтъ.

По цвѣту пламени нельзя судить о степени жара. Самый сильный жаръ есть жаръ водорода, горящаго въ кислородѣ. Но пламя въ этомъ случаѣ синеватое и почти безъ блеска. Напротивъ, пламя обыкновеннаго газа, которымъ освѣщаютъ комнаты или улицы и который отдѣляется изъ горящихъ дровъ, свѣчъ, масла, яркое бѣлое, хотя жаръ далеко не имѣетъ такой силы. Газъ этотъ состоитъ почти изъ 86 процентовъ углерода и 14 процентовъ водорода.

4. Что дѣлается съ тѣломъ во время горѣнія, можемъ узнать легко, разсматривая его послѣ горѣнія. Самый простой отвѣтъ состоитъ въ томъ, что оно сгараетъ, т. е. уничтожается. Такъ и думали долго, пока величайшій дѣлатель въ химіи, безсмертный Лавуазье не доказалъ противнаго поло-

жительными опытами, и не рѣшилъ такимъ образомъ вполнѣ вопроса о горѣніи.

Раскаленное желѣзо горитъ на воздухѣ. Сгорѣвши, оно не исчезаетъ, а превращается въ *окалину*, новое вещество, не похожее или мало похожее на желѣзо. Взвѣсивъ желѣзо и окалину, мы найдемъ что вѣсъ ихъ не одинаковъ, и именно, что окалина вѣсомъ больше, чѣмъ желѣзо. Значитъ, здѣсь не только ничто не исчезло, но еще прибавилось вещества. Сожигая цинкъ, мы получаемъ новое, бѣлое, легкое вещество, которое алхимики окрестили страннымъ именемъ *бѣлое ничто* (nihilum album) или *философская шерсть* (lana philosophorum). Изъ 400 золотниковъ цинка получается почти 500 золотниковъ этого новаго вещества. Отъ сожиганія водорода получается вода, а именно $12\frac{1}{2}$ золотниковъ водорода даютъ $112\frac{1}{2}$ золотниковъ воды. Отъ сожиганія дерева получаются уголь и дымъ. Дымъ состоитъ изъ воды, угольной кислоты и сажи. Если напередъ взвѣсимъ дерево и потомъ уловимъ образовавшійся дымъ и взвѣсимъ его вмѣстѣ съ углемъ, то найдемъ, что вѣсу прибыло, и притомъ много. Стало быть, ни въ какомъ случаѣ вещество не истребляется, а только измѣняется горѣніемъ, получаетъ новый видъ и новыя свойства, и вообще увеличивается въ вѣсѣ. Откуда же происходитъ эта прибыль въ вѣсѣ? Вопросъ этотъ можно рѣшить простымъ опытомъ. На маленькой чашечкѣ положимъ кусочикъ фосфора, въ который воткнута проволока, проходящая сквозь стеклянный колпакъ, опрокинутый надъ водою. Соединивъ проволоку съ электрической машиной или раскаливъ ее, мы зажжемъ фосфоръ. Фосфоръ сгараетъ и отъ горѣнія образуется новое вещество, падающее подобно хлопьямъ снѣга. Въ тоже время вода подъ колпакомъ поднимается; значитъ — уменьшается количество содержавшагося подъ колпакомъ воздуха, и именно убываетъ его $\frac{1}{5}$ по объему. Слѣдовательно прибыль вѣса въ сгорѣвшемъ тѣлѣ происходитъ отъ воздуха и на счетъ воздуха. Если будемъ разсматривать оставшійся за тѣмъ воздухъ, то мы уже не найдемъ въ немъ прежнихъ свойствъ. Онъ не горитъ и не поддерживаетъ болѣе горѣнія: маленькія животныя въ немъ умираютъ; по вѣсу онъ легче обыкновеннаго воздуха. Если вмѣсто обыкновеннаго воздуха подъ колпакомъ будетъ другой, именно тотъ, который получается при обливаніи марганца сѣрной кислотой (купоросньмъ масломъ), то горѣніе будетъ сильнѣе, и послѣ горѣнія вовсе не останется воздуха, а вода наполнитъ весь колпакъ.

Очевидно, что обыкновенный воздухъ состоитъ изъ двухъ веществъ, изъ двухъ газовъ. Одинъ изъ нихъ есть тотъ самый газъ, который отдѣляется при обливаніи марганца сѣрной кислотой и который имѣетъ въ высшей степени свойство поддерживать горѣніе, а также свойство поддерживать дыханіе и жизнь. Его назвали жизненнымъ воздухомъ (aër vitalis) или кислородомъ (oxygenium), потому что многія вещества, соединившись съ нимъ, становятся кислыми; другой газъ названъ безжизненнымъ воздухомъ, азотомъ или селитрородомъ (nitrogenium), поелику онъ входитъ въ составъ селитряной кислоты или крѣпкой водки. Дальнѣйшія изысканія показали, что въ 100 частяхъ воздуха находится 79 частей по объему азота и 21 кислорода, или по вѣсу 77 частей азота и 23 кислорода.

5. Такимъ образомъ мы естественно приходимъ къ тому самому заключенію, къ которому пришелъ Лавуазье, — именно, что *горѣніе есть соединеніе горючаго вещества съ кислородомъ*. Продукты горѣнія суть вещества сложныя, состоящія изъ горючаго вещества и кислорода и называемые то окислами, то кислотами. Такимъ образомъ отъ горѣнія угля получится окислъ углерода (угаръ), или угольная кислота; отъ горѣнія сѣры — сѣрнистая кислота; отъ горѣнія фосфора — фосфорная кислота; отъ горѣнія цинка — окислъ цинка (бѣлое ничто); отъ горѣнія желѣза — окислъ желѣза или окалина; отъ горѣнія мѣди — окислъ мѣди; отъ горѣнія водорода—окислъ водорода или *вода* и т. д. Дерево состоитъ изъ угля, водорода и кислорода. Очевидно, что, сгорѣвши, оно даетъ и угольную кислоту и воду, также какъ воскъ, сало, стеаринъ и подобныя.

6. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что не одинъ кислородъ поддерживаетъ горѣніе. Желѣзо горитъ въ парахъ сѣры, мѣдь въ хлорѣ (особенномъ газѣ, входящемъ въ составъ поваренной соли, хлорной извести, сулемы и пр.); многія вещества, особенно металлы, могутъ горѣть въ парахъ фосфора, брома, іодія (особенныя вещества, изъ которыхъ фосфоръ находится между прочимъ въ костяхъ, а бромъ и іодій въ составѣ морскихъ растеній). И такъ опредѣленіе Лавуазье не полно; надобно перемѣнить его такъ: *горѣніе есть соединеніе горючаго вещества съ веществомъ, поддерживающимъ горѣніе*, т. е. съ кислородомъ, сѣрой, хлоромъ, бромомъ, іодіемъ и подобными. Отсюда происходятъ двойныя вещества, соотвѣтствующія кислотамъ и окисламъ и называемыя сѣрнистыми, хлористыми, іодистыми, бромис-

тыми металлами и неметаллическими веществами. Такимъ образомъ мы имѣемъ сѣрнистый водородъ, сѣрнистый углеродъ, сѣрнистый потассій (сѣрная печень), сѣрнистое желѣзо и пр. Такъ мы имѣемъ хлористый водородъ (соленая кислота), бромистый, іодистый, хлористый натрій (поваренная соль), хлористое, іодистое, бромистое желѣзо, хлористую ртуть (каломель, сулема), и пр. Въ смыслѣ химическомъ всякое соединеніе горючаго тѣла съ веществомъ, поддерживающимъ горѣніе, есть дѣйствительное горѣніе; но въ смыслѣ обыкновенномъ—горѣніемъ называютъ только такое соединеніе, которое происходитъ быстро и сопровождается значительнымъ жаромъ и свѣтомъ. Такимъ образомъ гніеніе, тлѣніе веществъ безъ значительнаго жара и свѣта, химики называютъ медленнымъ горѣніемъ; но въ смыслѣ обыкновенномъ ихъ отличаютъ отъ горѣнія, хотя въ сущности они также не что иное, какъ соединеніе тлѣющихъ или гніющихъ веществъ съ кислородомъ.

Примѣчаніе. Что такое воздухъ, газъ, паръ? Это тѣла, большею частію невидимыя, но въ существованіи которыхъ легко убѣдиться изъ разсмотрѣнія простыхъ явленій. Говорятъ, графинъ или другой сосудъ *пустъ*, т. е. въ немъ нѣтъ ничего. Вставимъ въ него воронку и для вѣрности опыта облѣпимъ горло графина воскомъ. Нальемъ въ воронку воды. Вода нейдетъ въ графинъ, а остается въ воронкѣ. Значитъ, графинъ не пустъ, наполненъ чѣмъ-нибудь, мѣшающимъ водѣ въ него литься. Приподнимите немного воронку — вода польется въ графинъ. Значитъ, вещество, мѣшавшее водѣ литься въ графинъ, нашло себѣ дорогу и вышло вонъ. Это вещество и есть *воздухъ обыкновенный атмосферный*. Имъ мы дышимъ, отъ него зависитъ безконечное множество явленій въ природѣ. Есть и другія вещества, также невидимыя, какъ воздухъ, и въ этомъ отношеніи сходныя съ нимъ, хотя и различныя въ другихъ отношеніяхъ. Вещества эти называются *газами* и *парами*. Въ сильно нагрѣтой комнатѣ, напр. въ банѣ, вы льете воду на раскаленные камни. Вода исчезла, но въ то же время вы чувствуете, что въ воздухѣ явилось что-то новое. Войдите въ баню по охлажденіи ея, напр. на другой день послѣ топки. Вы найдете, что она наполнена туманомъ. Этотъ туманъ есть вода. И такъ вода не уничтожилась, а превратилась въ паръ, сперва невидимый, потомъ явившійся въ видѣ тумана. Раскупоривши бутылку шампанскаго, зельтерской воды или кислыхъ щей, вы видите, что въ жидкости поднимаются пузырьки. Это

особенный газъ, — особенный воздухъ, называемый угольной кислотой. Налейте въ стклянку воды, положите въ воду желѣзныхъ опилокъ и потомъ прибавьте туда хоть уксусу. Вы тотчасъ замѣтите поднимающіеся пузырьки и притомъ почувствуете особенный, непріятный запахъ. Пузырьки и запахъ происходятъ отъ другаго газа, называемаго водородомъ и между прочимъ употребляемаго для наполненія воздухоплавательныхъ шаровъ. Всякій запахъ показываетъ присутствіе въ воздухѣ того или другаго газа. Такъ при горѣніи сѣры образуется газъ сѣрнистой кислоты; запахъ гнилыхъ яицъ доказываетъ присутствіе *водосѣрнаго* газа; запахъ нашатырнаго нюхательнаго спирта происходитъ отъ газа *аммоніака*. Изъ этого ясно, что газовъ очень много, но важнѣйшіе изъ нихъ суть слѣдующіе:

1. *Кислородъ* или *жизненный воздухъ*, находящійся въ воздухѣ, въ водѣ и въ большей части другихъ тѣлъ. Получается при обливаніи марганца купоросным̃ масломъ. Не имѣетъ ни цвѣта, ни вкуса, ни запаха; сильно поддерживаетъ горѣніе и дыханіе, а слѣдов. и жизнь животныхъ.

2. *Водородъ*. Газъ составляющій съ кислородомъ воду. Сильно горючъ. Отличается необыкновенною легкостью. Входитъ въ составъ всѣхъ растеній и животныхъ.

3. *Азотъ* или *безжизненный воздухъ*. Съ кислородомъ онъ составляетъ атмосферный воздухъ и другія соединенія, изъ которыхъ важнѣйшее есть селитряная кислота или крѣпкая водка. Съ водородомъ составляетъ аммоніакъ или летучій нашатырный спиртъ. Входитъ въ составъ всѣхъ животныхъ и большей части растеній. Ни вкуса, ни цвѣта, ни запаха не имѣетъ; ни горѣнія, ни дыханія не поддерживаетъ.

4. *Хлоръ*. Особенный, сильно пахучій удушливый газъ зеленоватаго цвѣта, добываемый посредствомъ обливанія смѣси поваренной соли и марганца сѣрной кислотой. Входитъ въ составъ поваренной соли, каломели, сулемы и проч. Употребляется для бѣленія тканей и для очищенія воздуха, потому что имѣетъ свойство уничтожать краску и пятна и разлагать пахучіе газы.

Это простыя газообразныя вещества; но есть еще множество сложныхъ. Напр. отъ соединенія кислорода съ углемъ происходятъ угольная кислота (газъ шипучихъ жидкостей) и углеродный окислъ (угаръ). Отъ соединенія водорода съ углемъ образуются *болотный газъ* и *газъ служащій для освѣщенія*. Отъ соединенія сѣры съ кислородомъ происходитъ *сѣрнистая кислота*, сильно удушливый газъ, запахъ котораго из-

вѣстенъ каждому, кто зажигалъ сѣрныя спички. Отъ соединенія сѣры съ водородомъ получается *водосѣрный газъ*, отличающійся запахомъ гнилыхъ яицъ. Подобнымъ образомъ происходятъ и другіе газы, болѣе или менѣе замѣчательные. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ-то: кислородъ, водородъ, азотъ, атмосферный воздухъ, до сихъ поръ извѣстны только въ видѣ газовъ; они называются газами *постоянными*. Другіе посредствомъ холода и сильнаго давленія могутъ быть приведены въ состояніе жидкости и нѣкоторые даже могутъ быть заморожены. Таковы: водяной паръ, хлоръ, угольная и сѣрнистая кислоты и пр. Для наблюденія свойствъ газовъ, ихъ собираютъ въ стклянки, въ пузыри и пр.

А. Студитскій.

28. НЕБО.

Когда мы станемъ на открытомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ни одного предмета, препятствующаго зрѣнію простираться до его предѣловъ, и устремимъ глаза къ небесному своду, то увидимъ разстилающійся надъ нами впалый полушаръ, котораго по видимому занимаемъ мы центръ и который, понижаясь, кажется соединяющимся съ землею.

Окружность, въ которой небо какъ будто упирается на землю, ограничиваетъ предѣлъ нашего зрѣнія и называется видимый горизонтъ или небосклонъ.

Днемъ неизмѣримый сводъ неба освѣщенъ блестящимъ свѣтиломъ, которое, явившись изъ подъ горизонта на востокѣ, величественно протекаетъ твердь небесную и нисходитъ, чтобы исчезнуть на западѣ.

Когда солнце скроется подъ горизонтъ, постепенно являются блестящія точки, сперва на той сторонѣ горизонта, которая противоположна мѣсту заката солнца, т. е. на востокѣ, потомъ съ другихъ сторонъ и наконецъ весь видимый сводъ покрывается звѣздами; онѣ свѣтятъ разноцвѣтными лучами, расположены разнообразными купами, многія изъ нихъ едва примѣтны, другія же прельщаютъ зрѣніе необыкновеннымъ блескомъ, переливами цвѣтовъ, красотою и великолѣпіемъ группъ. Движеніе этихъ тѣлъ придаетъ еще болѣе красоты этому величественному зрѣлищу.

Между тѣмъ, какъ однѣ звѣзды двигаясь въ одинакомъ направленіи съ солнцемъ, подобно ему, погружаются на за-

падѣ подъ горизонтомъ, другія являются на востокѣ, протекаютъ небесный сводъ и въ свою очередь исчезаютъ къ той же сторонѣ, гдѣ солнце скрылось отъ нашихъ взоровъ.

Не всѣ однакожъ звѣзды скрываются подъ горизонтъ: есть такія, которыя никогда не достигаютъ этого круга и мы можемъ слѣдить ихъ теченіе въ продолженіе цѣлой ночи. Одна изъ нихъ, полярная, кажется неподвижною. Въ то время, какъ многія свѣтила описываютъ неизмѣримый кругъ въ небѣ, другія пробѣгаютъ малую дугу сверхъ горизонта, а нѣкоторыя только являются и тотчасъ исчезаютъ. Разсматривая эти блестящія точки въ продолженіи многихъ ночей, увѣряемся, что взаимное ихъ положеніе и разстояніе не перемѣняются и что всѣ они движутся по тому же направленію и съ совершеннымъ однообразіемъ. Это однообразное движеніе увеличиваетъ обманъ нашего зрѣнія: намъ кажется, что звѣзды прикрѣплены къ небесному своду и что самый сводъ обращается равномѣрно около земли, отъ лѣвой руки къ правой, или отъ востока къ западу, тогда какъ земля остается неподвижною.

Ежели мы по захожденіи солнца замѣтимъ на востокѣ звѣзды близь горизонта и потомъ чрезъ нѣсколько дней въ то же время обратимъ вниманіе на тѣ же звѣзды, то увидимъ, что онѣ удалились отъ горизонта; продолжая эти наблюденія, замѣтимъ чрезъ нѣкоторое время, что звѣзды, восходившія при захожденіи солнца, будутъ скрываться подъ горизонтъ, вскорѣ послѣ заката солнца; изъ этого должны заключить, что или звѣзды, двигаясь отъ лѣвой руки къ правой, приближаются къ солнцу, или солнце, кромѣ общаго движенія со всею небесною сферою, отъ востока къ западу, имѣетъ еще собственное движеніе отъ запада къ востоку, отъ котораго оно приближается къ звѣздамъ находящимся по лѣвую его сторону.

Наблюденія показываютъ, что звѣзды, при общемъ движеніи неба, сохраняютъ свои относительныя положенія и каждая изъ нихъ восходитъ и заходитъ всегда въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Такъ на примѣръ, если бы однажды, при восхожденіи звѣзды, навели на нее трубу и оставили инструментъ въ этомъ положеніи, то увидѣли бы, что всякой день наблюдаемая звѣзда при своемъ восхожденіи являлась бы въ трубѣ. Тоже явленіе повторилось бы и при закатѣ звѣзды. И притомъ она оставалась бы всегда одинаковое время сверхъ горизонта. Это насъ убѣждаетъ, что звѣзды не могутъ имѣть еще особеннаго движенія, кромѣ равномѣрнаго

общаго движенія неба. Напротивъ того солнце ежедневно перемѣняетъ свое положеніе относительно звѣздъ, перемѣняетъ мѣста своего восхожденія и захожденія и притомъ бываетъ сверхъ горизонта различное время, а потому должны заключить, что солнце движется между звѣздами отъ правой руки къ лѣвой, переходя отъ одной звѣзды къ другой. И такъ сверхъ общаго движенія отъ востока къ западу, принадлежащаго всѣмъ свѣтиламъ, солнце имѣетъ еще собственное движеніе отъ запада къ востоку.

Луна, это прекрасное украшеніе ночи, подобно всѣмъ свѣтиламъ являясь на востокѣ, обтекаетъ сводъ небесный и скрывается на западѣ. Достаточно одной ночи, чтобъ видѣть, какъ это свѣтило, повинуясь общему движенію неба отъ лѣвой руки къ правой, перемѣняетъ свое мѣсто между звѣздами, приближается къ тѣмъ, которыя находятся по лѣвую сторону, и удаляется отъ тѣхъ, которыя на правой сторонѣ. Слѣдовательно луна также, сверхъ общаго движенія, принадлежащаго всѣмъ свѣтиламъ, имѣетъ еще, подобно солнцу, собственное движеніе.

Сверхъ этого, по внимательномъ разсмотрѣніи, открываемъ, что и между блестящими звѣздами есть такія, которыя также независимо отъ общаго движенія перемѣняютъ свои мѣста, переносясь отъ одного созвѣздія къ другому. Собственное движеніе этихъ свѣтилъ неправильно: иногда онѣ двигаются отъ правой руки къ лѣвой, иногда отъ лѣвой руки къ правой, а иногда кажутся неподвижными между звѣздами, почему и называютъ ихъ *планетами*, т. е. блуждающими. Еще въ древности было извѣстно пять такихъ планетъ: Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ, а въ послѣдствіи открыто еще одиннадцать. Къ этому роду свѣтилъ принадлежитъ Земля. Возлѣ нѣкоторыхъ планетъ замѣчаемъ другія меньшія свѣтила, слѣдующія всегда за планетою, которыя потому и называются спутниками. Юпитеръ имѣетъ такихъ спутниковъ четыре, Сатурнъ семь, Уранъ шесть. Луна есть спутникъ земли.

Всѣ прочія свѣтила, которыя всегда сохраняютъ между собою одинакія положенія и разстоянія, называются *неподвижными звѣздами*. Они имѣютъ живой сверкающій свѣтъ, и этимъ отличаются отъ планетъ, которыя свѣтятъ спокойно и однообразно.

Кромѣ всѣхъ упомянутыхъ свѣтилъ, которыя мы безпрестанно видимъ на небѣ, иногда взоръ нашъ поражается свѣтилами страннаго вида, движущимися по различнымъ напра-

вленіямъ и съ различною скоростію. Эти свѣтила, которыя необыкновеннымъ видомъ и нечаяннымъ появленіемъ возбуждали нѣкогда страхъ, даже отчаяніе въ цѣлыхъ народахъ, а нынѣ служатъ предметомъ ожиданія и любопытства, представляются по большей части въ видѣ звѣзды съ блестящимъ хвостомъ, почему и названы *кометами*, т. е. хвостатыя, волосатыя или косматыя свѣтила.

Вотъ различное названіе великихъ тѣлъ, видимыхъ нами на небѣ и составляющихъ вселенную.

29. ВИДЪ ЗЕМЛИ.

Съ перваго взгляда земля намъ кажется плоскостію, безконечно распростертою во всѣ стороны, подъ которою кажется все твердо и надежно, и надъ которою небо съ своими облаками и свѣтилами образуетъ видъ полушара. Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая съ самыхъ высокихъ башенъ и горъ всю часть земли, которую съ нихъ можемъ обозрѣть, видимъ ее, исключая нѣкоторыя возвышенія и углубленія, всегда какъ плоскость. Это явленіе, обнаруживающееся гораздо яснѣе на открытомъ морѣ, заставляетъ съ перваго взгляда почитать всю землю за такую плоскость, надъ которою распростерто небо подобно своду. Такое мнѣніе конечно было господствующимъ въ Астрономіи первыхъ людей и нынѣ служитъ основаніемъ астрономіи дикихъ въ Африкѣ и Америкѣ. Но достаточно небольшаго вниманія, чтобы примѣтить несправедливость вышесказаннаго мнѣнія, будто земля во всѣ стороны до самыхъ ея предѣловъ плоска и покоится на безопасномъ основаніи. Ежедневно видимъ солнце восходящимъ на востокѣ и заходящимъ на западѣ. Умъ нашъ не позволитъ намъ послѣдовать Лукрецію, который нѣкогда училъ, что Солнце составляется каждое утро изъ земныхъ испареній; но, по правильному періодическому движенію этого свѣтила, должны заключить, что всегда одно и тоже солнце открываетъ это зрѣлище. Гдѣ же оно было въ продолженіе ночи? Что происходитъ съ луною и со всѣми другими небесными свѣтилами, которыя также для насъ ежедневно скрываются на западѣ, чтобъ вскорѣ потомъ опять явиться на востокѣ? Очевидно они тѣже, которыя мы видѣли вчера и всякой день. Слѣдовательно они должны проходить подъ нами, подъ землею, такъ что мы видимъ только ту часть круговъ, ими около насъ описываемыхъ, которая стоитъ

надъ землею, между тѣмъ какъ другая часть ихъ, лежащая на другой сторонѣ подъ землею, для насъ закрыта самою землею и потому намъ невидима. И такъ земля, вопервыхъ, не можетъ быть тѣломъ до безконечности распростертымъ, но она должна быть заключена въ опредѣленныхъ границахъ: въ противномъ случаѣ небесныя свѣтила должны бы были въ безконечномъ множествѣ мѣстъ пробивать землю, что очевидно допустить невозможно. Во вторыхъ, мы должны перестать вѣрить и тому, что земля лежитъ на твердой подставкѣ, не смотря на то, что мы привыкли принимать землю символомъ твердости и себя почитать безопасными только тогда, когда стоимъ на землѣ неподвижной, лежащей на твердомъ основанiи. Какова должна быть эта подставка, поддерживающая всю тяжесть земли? и не имѣетъ ли она нужды сама въ другой опорѣ, и на чемъ утверждена послѣдняя изъ нихъ? Наконецъ свѣтила, продолжающiя свой путь подъ землею, обходятъ ли эту подставку, или каждый разъ пробиваютъ ее, или пролагаютъ себѣ путь чрезъ нея по безчисленнымъ каналамъ? Вотъ вопросы, на которые можно отвѣчать только тѣмъ, что подставки у земли быть не можетъ и потому принуждены принять смѣлую мысль, что земля или находится свободною въ пространствѣ мiра, или что какая нибудь невидимая, намъ неизвѣстная, сила удерживаетъ ее на этомъ мѣстѣ неба.

Теперь остается ближе опредѣлить внѣшнюю форму земли, имѣетъ ли она видъ ограниченной плоскости, или видъ куба, цилиндра или другаго какого нибудь тѣла?

Мореплаватели первые убѣдились, что земля не плоскость, первые точно постигнули и практически доказали истинный видъ земли, и извлекли изъ этого вещественную пользу. А потому обратимся къ ихъ путешествiямъ: вступимъ на корабль, поплывемъ отъ берега, избравъ на немъ для своихъ наблюденiй какой нибудь предметъ, преимущественно какую нибудь высокую колокольню, которой основанiе обширно и которая вверху оканчивается шпицомъ. Мы увидимъ, что она начнетъ скрываться постепенно: сначала скроется основанiе, потомъ средина и наконецъ вершина. Ежели бы замѣченное скрытiе предмета могло происходить отъ дальности разстоянiя, т. е. отъ того, что свѣтъ отражаемый избраннымъ предметомъ сдѣлался слабъ, то въ такомъ случаѣ предметъ, имѣющiй одинаковую обширность отъ вершины до основанiя скрылся бы вдругъ, а предметъ подобный избранному нами долженъ бы постепенно скрываться съ вершины, какъ тѣла

меньшей поверхности; но мы замѣчаемъ совершенно противное. Притомъ, чтобъ вполнѣ убѣдиться, что замѣченное скрытіе произошло не отъ дальности разстоянія, стоитъ только подняться на мачту корабля и мы увидимъ тѣ предметы, которыя съ палубы уже невидимы. И такъ видимое нами явленіе происходитъ не отъ дальности разстоянія, а единственно отъ того, что выпуклость земли, находящаяся между наблюдателемъ и предметомъ, закрываетъ предметы постепенно: сначала основаніе, потомъ средину и наконецъ вершину. Подобнымъ образомъ, при приближеніи къ берегу, сначала открываются вершины предметовъ, потомъ ихъ средины и наконецъ уже основанія.

Такъ какъ подобныя явленія примѣчаютъ во всѣхъ мѣстахъ земли, то изъ этого должно заключить, что земля во всѣхъ мѣстахъ *выпукла*.

Продолжая плаваніе и потерявъ берегъ изъ виду, обратимъ взоры наши на небо, на звѣзды, и направляя постоянно путь къ той сторонѣ, въ которой солнце достигаетъ на небѣ наибольшей высоты въ продолженіе дневнаго обращенія, изберемъ одну изъ звѣздъ на сѣверномъ небѣ предметомъ продолжительныхъ наблюденій. Чрезъ нѣсколько сутокъ замѣтимъ, что звѣзда эта приближается къ горизонту и наконецъ совсѣмъ скроется вмѣстѣ со многими окружающими ее звѣздами; на противуположной же сторонѣ явятся новыя для насъ звѣзды и будутъ возвышаться до надглавныхъ точекъ съ совершенной постепенностію. Притомъ скрытіе большихъ звѣздъ дѣлается безъ уменьшенія ихъ свѣта, а появленіе безъ постепеннаго увеличенія его; они скрываются и являются такими, какими мы всегда ихъ видимъ сверхъ горизонта; но этого бы не должно было быть, ежели бы скрытіе и появленіе звѣздъ происходило отъ увеличенія или уменьшенія ихъ разстоянія отъ наблюдателя. Описанныя нами явленія можно только изъяснить тѣмъ, что земля имѣетъ *выпуклость*, которая постепенно закрываетъ однѣ звѣзды и позволяютъ видѣть другія. Перемѣнивъ плаваніе и устремившись постоянно къ той сторонѣ, гдѣ солнце обыкновенно скрывается подъ горизонтъ, чрезъ нѣсколько времени съ удивленіемъ замѣтимъ, что приближаемся къ началу своего путешествія, и такимъ образомъ убѣдимся, что земля сомкнутое *выпуклое* тѣло. Эти явленія подтверждены многочисленнѣйшими наблюдателями. Первый изъ нихъ былъ Фердинандъ Магелланъ, который, вышедъ въ 1519 году въ океанъ изъ одного испанскаго порта, направилъ свое плаваніе

къ западу, приставалъ къ Молукскимъ островамъ и хотя былъ убитъ дикими, однако одинъ изъ его кораблей, продолжая путь все къ западу, въ 1522 году вошелъ въ тотъ самый портъ, отъ котораго былъ начатъ великій и смѣлый опытъ.

Наконецъ, находясь въ открытомъ морѣ на кораблѣ, обратимъ свой взоръ на море: поверхность его не кажется въ дали теряющеюся какъ бы въ туманѣ; она оканчивается тонкою, хорошо окрашенною линіею, называемою горизонтъ и образующею кругъ, въ центрѣ котораго находится зритель. Но если поверхность земли вездѣ, гдѣ мы разсматриваемъ ее изъ точки возвышенной надъ нею, является намъ ограниченною кругомъ; то очевидно, что самая земля должна имѣть видъ *шара*, ибо только на шарѣ во всѣхъ его частяхъ можетъ происходить это явленіе.

Кромѣ предложенныхъ явленій для доказательства, что земля имѣетъ видъ подобный шару, находимъ подтвержденіе этой истины въ лунныхъ затмѣніяхъ, въ шарообразномъ видѣ другихъ небесныхъ свѣтилъ, который признанъ любимою формою природы, и наконецъ въ теоріи всеобщаго тяготѣнія. Но кажется достаточно и изложенныхъ явленій, чтобъ, не сомнѣваясь, признать землю за *шаръ*, т. е. за тѣло, котораго всѣ точки, лежащія на его поверхности, находятся въ равномъ разстояніи отъ одной точки внутри его, которую называютъ центромъ шара или земли.

Лекціи популярной Астрономіи С. Зеленаго.

---

30. РАЗНООБРАЗІЕ И РАЗДѢЛЕНІЕ ЖИВОТНЫХЪ.

Пристально всматриваясь въ природу животныхъ, возможно ли не удивляться безконечному разнообразію ихъ устройства? Инымъ изъ нихъ дано немного жизни, немного способностей и очень ограниченный кругъ дѣятельности; имъ немного дѣла на землѣ, почти только ѣсть, и больше ничего; у другихъ напротивъ, множество разныхъ способностей и дѣятельность очень большая и разнообразная: дѣла имъ гораздо больше; чтобы выражать это различіе между животными, часто говорятъ, что одни животныя выше, совершеннѣе другихъ. — Напримѣръ окунь гораздо выше, совершеннѣе улитки или гидры, потому что у него гораздо больше признаковъ жизни, больше самой жизни, его дѣйствія не такъ однообразны, какъ дѣйствія улитки; но соба-

ка еще несравненно выше, совершеннѣе окуня, потому что жизнь ея еще сложнѣе, кругъ дѣйствій еще обширнѣе, чѣмъ у него; наконецъ человѣкъ еще совершеннѣе собаки, потому что у него такія способности, какихъ у нея нѣтъ, и дѣйствія его еще разнообразнѣе.

Животное обыкновенно тѣмъ совершеннѣе, тѣмъ выше, чѣмъ больше у него различныхъ органовъ, такъ что ежели у какого нибудь животнаго нѣтъ ушей, то очень понятно, что у него одною способностью меньше, нежели у того, у котораго есть уши, и очень естественно, что животныя безъ слуху ниже тѣхъ, которыя хорошо слышатъ.

У иныхъ животныхъ есть множество такихъ орудій, или органовъ, которыхъ у другихъ нѣтъ, и вообще животное тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе частей, изъ которыхъ оно состоитъ. Напримѣръ въ морѣ, около Молукскихъ острововъ, водится особеннаго рода ракъ; у него ротъ обставленъ со всѣхъ сторонъ ногами, которыя въ тоже время и руки для хватанія пищи, и челюсти для пережевыванія пищи тѣми мѣстами ногъ, которыя приходятся около самаго рта. Само собою разумѣется, что какъ не хорошо въ одно время дѣлать два дѣла, потому что оба будутъ не совсѣмъ хорошо сдѣланы, такъ и здѣсь всѣ шесть паръ ногъ Молукскаго рака ни очень хорошія ноги, ни совсѣмъ удобныя руки, ни хорошія челюсти, потому что онѣ должны и ходить, и брать, и жевать. Нашъ обыкновенной рѣчной ракъ гораздо совершеннѣе, потому что у него есть особые члены для всѣхъ этихъ трехъ нуждъ. Около самаго рта у него помѣщено шесть паръ челюстей; есть особенная пара членовъ, клещи, которыя устроены только для того, чтобы брать ими пищу или добычу; кромѣ того есть четыре пары ногъ, усики, усы, глаза, слуховыя отверстія, хвостъ.

Не смотря на огромную разницу между различными животными, невозможно не замѣтить однакоже, что въ природѣ нигдѣ нѣтъ рѣзкаго перехода отъ одного вида животнаго къ другому; напримѣръ между ящерицей и сигомъ — огромная разница и по виду, и по жизни. У ящерицы четыре ноги, круглое тѣло и длинный, круглый хвостъ; живетъ она на землѣ, а не въ водѣ; и отъ формы и отъ жизни ящерицы природа сдѣлала совершенно незамѣтный переходъ къ формѣ и къ жизни сига, именно: есть животное саламандра, у которой хвостъ уже не такой круглый, какъ у ящерицы, а плоскій, напоминающій нѣсколько хвостъ рыбы; но у саламандры еще четыре но-

ги. Аксолотль еще болѣе похожъ на рыбу своимъ сплющеннымъ видомъ; есть наконецъ ящерица, которая называется двуручкой, потому что у нея только одна передняя пара ногъ, а заднихъ вовсе нѣтъ; наконецъ есть лепидосиренъ, родъ рыбы, у которой вмѣсто ногъ, составляющихъ принадлежность ящерицы, — около головы и среди тѣла — по парѣ простыхъ отростковъ; у миноги, похожей на лепидосирена, и очень близкой ко всѣмъ остальнымъ рыбамъ, вовсе уже нѣтъ ничего, напоминающаго ноги. Такого рода переходъ замѣчается не только при сравненіи различныхъ животныхъ, но часто даже въ одномъ и томъ же животномъ въ различные его возрасты. Возьмемъ въ примѣръ лягушку. Она несетъ въ водѣ множество яичекъ, которыя опускаются на дно и лежатъ тамъ нѣсколько дней, потомъ поднимаются на поверхность; изъ каждаго яичка выходитъ маленькій червячекъ, и скоро превращается въ головастика. Вѣрно всякому, кто только живалъ въ деревнѣ, случалось видать гдѣ нибудь въ болотѣ, или въ грязной, болотистой канавѣ, или въ лужѣ, — маленькое вертлявое животное, почти черное, съ большой головой, съ маленькимъ, тонкимъ хвостикомъ, которое плаваетъ съ удивительною быстротой. Мѣсяца черезъ два послѣ того, какъ изъ перваго червячка сдѣлался головастикъ, то есть около половины іюня, у него показываются заднія ножки; переднія развиваются въ тоже самое время, только сначала онѣ скрываются подъ кожей и пробиваются наружу гораздо позже. При видѣ головастика нельзя и подумать, что онъ не что иное, какъ молоденькая лягушка; но только что у него покажутся переднія ноги, хвостикъ его начинаетъ уменьшаться и наконецъ совсѣмъ пропадетъ; тогда остается только обыкновенная маленькая лягушка, которая однако же скоро выростаетъ.

Такъ въ природѣ все измѣняется постепенно; природа не дѣлаетъ скачковъ, какъ говорятъ ученые, которые, примѣтивъ указанную нами сей часъ постепенность, построили цѣлую цѣпь или лѣстницу животныхъ, начиная съ самаго простаго, хоть напримѣръ съ гидры, и кончая человѣкомъ. Они разставили въ своемъ спискѣ всѣхъ животныхъ въ такомъ порядкѣ, что самое совершенное изо всѣхъ, человѣкъ, стоитъ на верху этой лѣстницы; а за нимъ, по мѣрѣ подобія и близости устройства, по мѣрѣ большаго или меньшаго совершенства животнаго, всѣ остальныя.

Кромѣ того, ученые распредѣлили всѣхъ животныхъ на

отдѣленія, эти отдѣленія на классы, потомъ на колѣна, семейства, роды и наконецъ виды, такъ что говорятъ, напримѣръ, что нашъ обыкновенный конь — видъ изъ рода лошадей, семейства однокопытныхъ, разряда толстокожихъ, класса млекопитающихъ, отдѣленія позвоночныхъ животныхъ.

Что же за раздѣленія животныхъ придумали ученые? Надо замѣтить, что ученые раздѣленій не придумывали; они открыли только, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, въ природѣ, животныя замѣтнѣе всего отличаются одни отъ другихъ. Ежели внимательно разсматривать всѣхъ животныхъ, какія только есть на свѣтѣ, то нельзя не замѣтить, что всѣ они подходятъ подъ четыре разные образца съ тысячами измѣненій при каждомъ изъ нихъ. Этими образцами можно принять животныхъ, очень хорошо всѣмъ извѣстныхъ: собаку, рака, улитку и звѣздчатку. Поэтому всѣ животныя раздѣляются на четыре большія отдѣленія: на позвоночныхъ, кольчатыхъ, мягкотѣлыхъ и на животно-растенія.

Позвоночныя животныя — тѣ, у которыхъ есть позвонки. Позвонки, это — особаго рода кости, которыя въ тѣлѣ животнаго идутъ отъ головы до начала ногъ, или даже до конца хвоста цѣлымъ столбомъ, который такъ и называется — столбомъ позвоночнымъ. Чрезъ весь этотъ столбъ, въ каждомъ позвонкѣ есть отверстіе, которое всякій легко можетъ видѣть, напримѣръ очистивши хорошенько одну изъ косточекъ вареной куриной шейки. Отверстіе одного позвонка приходится прямо противъ отверстія другаго; такимъ образомъ составляется цѣлая трубка, наполненная особеннымъ мозгомъ. Но кромѣ позвоночнаго столба въ тѣлѣ животнаго есть еще много другихъ костей въ груди, въ рукахъ, въ ногахъ, въ пальцахъ рукъ и ногъ и, главное, въ головѣ. Въ костяхъ головы или въ черепѣ, внизу, противъ отверстія верхняго позвонка на шеѣ — также есть отверстіе, сквозь которое головной мозгъ сообщается съ спиннымъ. Этотъ нѣжный мозгъ и эти кости, устроенныя премудрой природой для того, чтобы покрывать и предохранять мозгъ отъ какого нибудь наружнаго поврежденія,—самыя важныя части въ тѣлѣ животнаго, потому что на нихъ-то прежде всего основывается самое различіе животнаго отъ растенія. Еслибы тѣло состояло изъ одного мяса, безъ какой нибудь твердой и прочной основы, оно не могло бы двигаться; а теперь мягкія части прикрѣплены къ костямъ, къ скелету.

Но, кромѣ движенія, позвоночный столбъ еще особенно важенъ для чувствительности, которая также составляетъ

главное отличіе животнаго отъ растенія. Въ мозгу черепа и позвоночнаго столба соединяются тысячи бѣлыхъ жилокъ, покрывающихъ все тѣло и извѣстныхъ подъ именемъ нервовъ, посредствомъ которыхъ животное чувствуетъ и приводитъ въ движеніе свое тѣло. У животныхъ позвоночныхъ всѣ нервы и все ихъ сцѣпленіе, называемое нервной системой, гораздо полнѣе, лучше, совершеннѣе, нежели у всѣхъ остальныхъ животныхъ, и потому позвоночныя неоспоримо занимаютъ первое мѣсто въ цѣпи творенія.

Но позвоночныхъ животныхъ много; у большей части самыхъ обыкновенныхъ изъ извѣстныхъ намъ животныхъ внутри тѣла есть кости, позвонки, скелетъ; они есть и у слона, и у курицы, и у корюшки, у змѣи, у лошади, у гуся, у лягушки; такъ что мало еще одного такого раздѣленія: мы сами видимъ, что въ немъ есть и птицы, и рыбы, и пресмыкающіяся, и гады, и млекопитающія животныя.

Млекопитающія, то есть тѣ, которыя молокомъ кормятъ своихъ дѣтей, ближе всѣхъ къ человѣку по своему устройству, совершеннѣе всѣхъ, потому что у нихъ и движеній разныхъ больше, и чувства острѣе, и способности болѣе развиты; они любопытнѣе всѣхъ для насъ тѣмъ, что животныя, самыя полезныя для пищи, работъ и торговли человѣка—по большей части млекопитающія.

Всегда легко съ перваго взгляду отличить млекопитающее отъ рыбы, отъ птицы, и отъ всякаго другаго животнаго по наружному его виду, именно потому, что тѣло его всегда покрыто волосами или шерстью. Этого рода животныя всегда нѣсколько похожи на тѣхъ, которыя у насъ всегда передъ глазами: на лошадь, на собаку, на корову, и т. п. Только немногія породы отличаются тѣмъ, что живутъ въ водѣ и похожи нѣсколько на рыбъ, на примѣръ, китъ, тюлень: по этому простой народъ, да и всякій, кто не знаетъ хорошенько дѣла, считаетъ кита и подобныхъ ему млекопитающихъ животныхъ — рыбами, тогда какъ они и дышатъ иначе, нежели рыбы, и кормятъ своихъ дѣтенышей молокомъ, тогда какъ рыбы выводятся изъ икры, и тотчасъ пускаются плавать, сами себѣ доставая пропитаніе, отыскивая червячковъ, и т. д.

Но и этотъ классъ, млекопитающихъ, слишкомъ еще великъ: въ немъ слишкомъ много различныхъ животныхъ, такъ что легко сбиться; къ этому классу причисляются и человѣкъ, и олень, и кангуру, и китъ, и обезьяна, и мышь,

и слонъ, и баранъ, и кошка, и лошадь, и левъ, и собака, и тюлень, и медвѣдь.

Чтобы ясно различить между собою всѣхъ этихъ животныхъ, ученые натуралисты начали сравнивать ихъ и нашли особенно большую и постоянную разницу въ ногахъ, въ рукахъ и зубахъ; на этомъ основаніи они раздѣлили весь классъ млекопитающихъ еще на девять разрядовъ.

Къ первому принадлежатъ животныя двурукія, то есть одинъ человѣкъ. Всякій знаетъ, что пальцы у человѣка на рукахъ и на ногахъ не одинакіе; на ногахъ они коротки и, главное, всѣ сгибаются въ одну сторону, а на рукахъ они длиннѣе и кромѣ того четыре сгибаются къ ладони, а пятый, большой, гнется не въ одну съ ними сторону, а почти навстрѣчу; поэтому рука и можетъ служить для того, чтобы ею брать, придерживая большимъ пальцемъ то, что захвачено четырьмя другими.

Другой признакъ, отличающій одинъ отъ другаго разряды— зубы человѣка, устроены природой удивительно удобно для всего, что приходится ими дѣлать. Впереди, сверху и снизу у насъ по двѣ пары зубовъ, рѣзцы широкіе, довольно острые, чтобы откусывать хлѣбъ или всякую другую пищу. По обѣ стороны этихъ четырехъ паръ, сверху и снизу, по одному клыку, который къ верху оканчивается небольшимъ остріемъ, чтобы раздирать иную волокнистую пищу, или раскусывать что нибудь твердое: остальные зубы, по пяти съ каждой стороны, сверху и снизу, коренные, крошатъ, толкутъ и мелютъ нашу пищу. Такимъ образомъ мы насчитали двадцать коренныхъ зубовъ, четыре клыка и восемь рѣзцовъ, такъ что у человѣка, значитъ, всего—тридцать два зуба.

Второй разрядъ млекопитающихъ составляютъ животныя четырерукія. У нихъ такіе же зубы, какъ у человѣка, но въ ногахъ большая разница: у нихъ на ногахъ пальцы расположены точно такъ же какъ на рукахъ, то есть четыре пальца сгибаются къ ладони, а пятый, большой, почти къ нимъ на встрѣчу, отъ того ихъ и называютъ четырерукими. Ходить имъ обыкновенно довольно трудно, и потому они ходятъ иногда на всѣхъ четырехъ рукахъ, иногда на однихъ заднихъ, только все это имъ неудобно, — и большая часть четырерукихъ, обезьяны, живутъ всегда почти на деревьяхъ и лазятъ по вѣтвямъ съ удивительною ловкостію, помогая себѣ своимъ цѣпкимъ хвостомъ.

Третій разрядъ составляютъ животныя хищныя, то есть такія, которыя питаются мясомъ другихъ животныхъ. При

этомъ само собою разумѣется, что они должны нападать на другихъ животныхъ, убивать ихъ и потомъ съѣдать, а для этого имъ нужно сильное оружіе, крѣпкіе зубы, большіе клыки, чтобы разрывать свѣжее, сырое мясо, и твердые, острые коренные зубы, чтобы пережевывать кости. Лапы большей части этихъ животныхъ имѣютъ пальцы, вооруженные острыми когтями, — оружіе, также необходимое въ ихъ разбойничьей жизни, какъ и острые крѣпкіе зубы.

Четвертый разрядъ млекопитающихъ составляютъ грызуны, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ клыковъ: за то у грызуновъ особенно велики рѣзцы, и инымъ неосторожнымъ дѣтямъ случалось на себѣ испытать, какіе острые зубы у бѣлки, которая вертится на колесѣ. Природа во всемъ и вездѣ распоряжается такъ премудро, что ни одинъ благоразумный человѣкъ не найдетъ, что можно бы перемѣнить въ томъ, что ею создано. Если пища животнаго состоитъ изъ однихъ мягкихъ плодовъ, то ему даны рѣзцы, чтобы откусывать, и коренные зубы его оканчиваются небольшими скругленными возвышеніями.

Пятый разрядъ составляютъ животныя беззубыя, которыя питаются муравьями или другими насѣкомыми. Медвѣдь, называемый муравьятникомъ или муравьѣдомъ, не ѣстъ ничего, кромѣ муравьевъ; онъ обыкновенно отъискиваетъ муравейникъ и опускаетъ въ него свой длинный, клейкій языкъ, и когда чувствуетъ, что на него насѣло довольно муравьевъ, втягиваетъ его себѣ опять въ ротъ, спокойно глотаетъ муравьевъ, и потомъ опять опускаетъ языкъ въ муравейникъ. При такомъ способѣ питанія, муравьѣду вовсе не нужно зубовъ, и въ самомъ дѣлѣ ихъ у него нѣтъ; но такъ какъ природа не хотѣла оставить никакого животнаго безъ защиты, и оленю дала проворныя ноги, быку рога, льву и тигру зубы и когти, бѣлкѣ — способность взбираться на деревья отъ преслѣдованій непріятельскихъ, то муравьѣду дала взамѣнъ зубовъ огромные когти. У другихъ животныхъ, питающихся насѣкомыми, рѣзцовъ или вовсе нѣтъ, или есть очень небольшіе и тупые, а коренные зубы устроены такимъ образомъ, что насѣкомое, которое попадается между ними, непремѣнно бываетъ раздавлено, потому что они сжимаются совершенно плотно и между ними вовсе не остается ни малѣйшей пустоты: острые концы верхнихъ зубовъ входятъ во впадины нижнихъ, и наоборотъ, острые концы нижнихъ приходятся прямо во впадины верхнихъ зубовъ.

Шестой разрядъ позвоночныхъ животныхъ составляютъ

сумчатки или двуутробки, которыя водятся по большей части въ Австраліи. У нихъ подъ грудью есть особеннаго роду сумка, въ которую они проворно прячутъ своихъ маленькихъ дѣтенышей, когда они еще такъ малы, что сами не могутъ спасаться отъ опасности.

Седьмой разрядъ, заключающій въ себѣ животныхъ толстокожихъ, состоитъ большею частію изъ породъ крупныхъ: слонъ, бегемотъ, носорогъ, лошадь, и т. д. Всѣ они питаются растеніями, и потому зубы у нихъ, сообразно этой цѣли, широкіе, почти плоскіе, точно жернова, для того чтобы молоть ими траву, листья и даже молодыя вѣтви деревьевъ и кустарниковъ. Пальцы у нихъ на ногахъ оканчиваются не ногтями и не когтями, а копытами. Къ этому же разряду принадлежитъ и кабанъ, у котораго хотя коренные зубы и плоски, какъ у всѣхъ остальныхъ животныхъ этого разряда, однакоже клыки такъ велики, что ужъ не помѣщаются во рту, а выходятъ наружу и составляютъ такимъ образомъ сильное и страшное для охотниковъ оружіе.

Осьмой разрядъ млекопитающихъ составляютъ животныя жвачныя или двукопытныя, которыхъ самый извѣстный и обыкновенный образецъ—корова. Они отличаются тѣмъ, что въ верхней челюсти у нихъ вовсе нѣтъ рѣзцовъ, въ нижней ихъ шесть или восемь, и ими-то животное срѣзываетъ траву, листья или вѣтки, загребая ихъ языкомъ и зажимая верхней губой. Коренные зубы у нихъ такіе же, какъ у всѣхъ травоядныхъ. Ноги у нихъ съ двумя пальцами; иногда повыше и позади этихъ двухъ пальцевъ бываетъ еще два, на которые однакоже животное не ступаетъ. Особенно замѣчательны у жвачныхъ желудокъ и пищевареніе. Желудокъ у нихъ раздѣляется на четыре части перехватами и цѣль этого раздѣленія очень любопытна: наскоро пережеванная пища проглатывается, идетъ прямо въ первое отдѣленіе желудка, и остается тамъ до тѣхъ поръ, пока животное ходитъ и продолжаетъ ѣсть свѣжую пищу. Но потомъ, на досугѣ, остающаяся въ первомъ отдѣленіи желудка пища входитъ опять назадъ въ ротъ и снова пережевывается окончательно; отъ этой особенности этотъ разрядъ животныхъ и называется жвачными.

Девятый и послѣдній разрядъ млекопитающихъ животныхъ составляютъ рыбообразныя. Они живутъ въ водѣ, однако же дышатъ воздухомъ, для чего выплываютъ на поверхность моря. Зубы у нихъ не у всѣхъ одинакіе: у кита напримѣръ, вмѣсто зубовъ — длинныя роговыя пластинки

которыми пищу нельзя жевать, а можно только захватывать мелкую рыбу и процѣживать воду. Эти-то роговыя, гибкія пластинки, называемыя китовымъ усомъ, играютъ такую важную роль въ туалетѣ. У другихъ рыбообразныхъ есть и зубы, очень острые, конической формы; у другихъ, немногихъ, есть даже и клыки.

Съ перваго взгляду покажется, что и скучно, и безполезно знать, какіе зубы и какія ноги у какого животнаго; но ежели попристальнѣе всмотрѣться въ устройство животныхъ, то невозможно не примѣтить и не удивиться гармоніи и точности, съ какими природа надѣлила каждое существо именно такими орудіями, какія необходимы для поддержанія его существованія. И въ самомъ дѣлѣ, тѣло животнаго никогда не бываетъ скопленіемъ различныхъ органовъ, собранныхъ въ одно существо какъ будто нечаянно, на удачу; всегда части его тѣсно зависятъ одна отъ другой, и между образованіемъ каждой отдѣльной части и всѣмъ животнымъ всегда есть неизмѣнная гармонія. Иной разъ такъ легко примѣтить эту гармонію устройства, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ натуралисты по одному только органу могутъ угадать устройство остальнаго тѣла, вывести нѣкоторыя необходимыя слѣдствія и такимъ образомъ составить почти всю исторію животнаго. Такъ на примѣръ, смотря на коренной зубъ льва, мы можемъ сказать, что животное, которому принадлежалъ этотъ органъ, должно было имѣть костяную основу для укрѣпленія этого зуба и поддерживанія всѣхъ остальныхъ частей тѣла: и такъ у него былъ скелетъ. Но эта внутренняя основа бываетъ у животныхъ для того, чтобы предохранять и защищать мозгъ головной и спинной; такимъ образомъ, потому только, что у животнаго былъ этотъ зубъ, мы заключаемъ, что у него былъ и мозгъ и, слѣдовательно, множество нервовъ. Этотъ мозгъ и эти нервы заставляютъ думать, что у животнаго было множество органовъ чувствъ для сообщенія съ внѣшнимъ міромъ; по виду этого зуба можно навѣрное сказать, что онъ принадлежалъ животному съ очень полнымъ и совершеннымъ кровообращеніемъ, и что кости его были такъ сильно развиты, что образовали глубокія ямы для помѣщенія корней зуба, а это замѣчается только у извѣстныхъ четвероногихъ; можно даже навѣрное сказать, что это животное принадлежало къ разряду млекопитающихъ. По виду же этого зуба легко заключить, что онъ былъ назначенъ для разрыванія сыраго мяса и жеванія костей; значитъ, онъ

принадлежалъ животному хищному. По величинѣ зуба надо полагать, что и самое животное было велико.... и такъ далѣе, и такъ далѣе, отъ вывода къ выводу, легко найти всѣ главнѣйшіе признаки животнаго, именно потому, что всѣ части его тѣла созданы природой не кое-какъ, не на удачу, а сообразно съ цѣлью, и каждая часть въ строгой сообразности и зависимости отъ всего остальнаго. Поэтому не должно пренебрегать изученіемъ зубовъ; по нимъ и по другимъ остаткамъ, точно такъ же зависящимъ отъ устройства тѣла, ученые показали устройство многихъ животныхъ, которыя теперь уже не существуютъ, и по одной кости строили у себя въ воображеніи цѣлыхъ звѣрей, которыхъ никто никогда не видалъ.

Другой отдѣльный классъ позвоночныхъ животныхъ составляютъ птицы. Ихъ всегда легко отличить ото всѣхъ остальныхъ животныхъ тѣмъ, что тѣло ихъ покрыто перьями, и что вмѣсто рукъ, или переднихъ ногъ, или лапъ, у нихъ крылья. Все прочее устройство тѣла измѣнено сообразно съ ихъ назначеніемъ: скелетъ не такой прочный, какъ у млекопитающихъ, за то очень удобный для главной нужды птицы, для летанія, и все въ ихъ тѣлѣ приспособлено для этой важной потребности. Легкія у птицы необыкновенно большія, потому что имъ надо вмѣщать въ себѣ какъ можно больше воздуха, для легкости полета; кромѣ того большая часть костей и перья въ крыльяхъ и въ хвостѣ наполняются воздухомъ въ ту минуту, когда птица хочетъ летѣть. Такимъ образомъ она становится очень легка: такъ ей ужъ не много надо силы, чтобы поддерживать себя въ воздухѣ. Но самая замѣчательная особенность птицъ, которая отличаетъ ихъ отъ млекопитающихъ, состоитъ въ томъ, что дѣти у птицъ выводятся изъ яицъ, и мать кормитъ ихъ не молокомъ своимъ, потому что птичьяго молока не бываетъ на свѣтѣ, а тою самою пищей, которую ѣстъ сама.

Въ этомъ классѣ позвоночныхъ животныхъ столько, однако же, различныхъ породъ: и орловъ, и жаворонковъ, и кукушекъ, и голубей, и страусовъ, и бекасовъ, и утокъ, и совъ, и ласточекъ, и попугаевъ, и павлиновъ, и журавлей, и гусей, что надо непремѣнно раздѣлить ихъ на нѣсколько разрядовъ.

Первый разрядъ составляютъ хищныя птицы. Они питаются сырымъ мясомъ животныхъ млекопитающихъ или другихъ птицъ; поэтому природа имъ дала большія, сильныя крылья, крѣпкіе когти и быстрый полетъ, для того

чтобы догонять животныхъ, которыя спасаются отъ нихъ бѣгствомъ, и уносить ихъ далеко, куда нибудь на дерево или на скалу, чтобы тамъ спокойно съѣсть свою добычу. Кромѣ того природа имъ дала сильный, острый, загнутый на концѣ клювъ, которымъ онѣ раздираютъ свою кровавую добычу. Къ этому разряду принадлежатъ орлы, коршуны, соколы, совы, ястребы, которые такъ часто въ деревняхъ уносятъ цыплятъ у насѣдки, не смотря на кудахтанье всѣхъ домашнихъ птицъ задняго двора.

Второй разрядъ птицъ составляютъ воробьи, не тѣ птички, которыя стаями налетаютъ на вишни, или такъ смѣло клюютъ кормъ вмѣстѣ съ курами, или въ хорошую погоду такъ рано будятъ насъ въ деревнѣ своимъ чириканьемъ: нѣтъ, въ разрядѣ воробьевъ заключаются всѣ птицы, которыя на нихъ похожи тонкими, слабыми ногами, съ однимъ пальцемъ обращеннымъ назадъ, слабымъ прямымъ или почти прямымъ клювомъ, небольшимъ ростомъ и легкими формами; тутъ разумѣются свиристели, иволги, дрозды, соловьи, пѣночки, трясохвостки, ласточки, синицы, жаворонки, воробьи, зяблики, канарейки, снигири, скворцы, вóроны, ворóны, колибри, извѣстныя своею малостію и красивыми перьями, райскія птички, и еще множество другихъ птицъ.

Третій разрядъ составляютъ лазуны. Онѣ отличаются отъ воробьевъ тѣмъ, что два пальца на каждой ногѣ обращены у нихъ впередъ, а два назадъ, такъ что отъ этого имъ удобнѣе лазить на деревья и на вѣтки, помогая себѣ даже клювомъ. Сюда принадлежатъ кукушки, дятлы, попугаи.

Четвертый разрядъ птицъ — куры, то есть всѣ породы птицъ, больше или меньше похожихъ на куръ. Клювъ у нихъ небольшой, согнутый сверху немного внизъ, удобный только на то, чтобы ѣсть имъ зерна: крылья короткія, тѣло тяжелое, лапки небольшія, пальцы слабые. Большая часть этого рода птицъ, кромѣ голубей, летаетъ плохо, мало живетъ на деревьяхъ и почти всегда ищетъ своей пищи на землѣ. Сюда принадлежатъ голуби, горлицы, тетерева, рябчики, куропатки, цесарки, фазаны, павлины, индѣйки.

Пятый разрядъ — бѣгуны. У нихъ крылья такъ малы, что онѣ вовсе не летаютъ; за то проворно бѣгаютъ на своихъ высокихъ ногахъ и нѣсколько помогаютъ своему бѣгу, безпрестанно махая крыльями. Этотъ разрядъ невеликъ: въ немъ только страусы и казоары.

Шестой разрядъ — долгоногія, отличаются необыкновенно

длинными ногами, какъ будто онѣ на ходуляхъ; при этомъ шея у нихъ бываетъ такъ длинна, что, не сгибая ногъ, онѣ могутъ доставать съ земли свою пищу. Большая часть изъ нихъ питается травой, другія червяками, лягушками, мелкой рыбой и другими водяными животными, и поэтому живутъ по большой части возлѣ воды и легко ходятъ по болотамъ. Сюда принадлежатъ: журавль, цапля, ибисъ, куликъ, бекасъ, вальдшнепъ, допельшнепъ, гаршнепъ.

Седьмой и послѣдній разрядъ составляютъ плавуны, которыя отличаются тѣмъ, что ихъ коротенькія ножки оканчиваются пальцами съ широкой плавательной перепонкой. Ходятъ онѣ обыкновенно довольно плохо, потому что ноги у нихъ далеко отставлены назадъ; за то плаваютъ очень хорошо. Въ примѣръ этого разряда птицъ можно привести пингвина, съ такими короткими крыльями, что онъ вовсе не можетъ летать, чайку съ длинными крыльями и могучимъ полетомъ, наконецъ лебедя, гуся, утку, съ клювами одѣтыми мягкой кожей, а не роговой оболочкой.

Кромѣ млекопитающихъ и птицъ есть множество позвоночныхъ животныхъ низшихъ, не такъ совершенныхъ, съ меньшимъ кругомъ дѣйствія и болѣе ограниченными способностями, именно: пресмыкающіяся, гады и рыбы.

Изо всѣхъ животныхъ, о какихъ мы до сихъ поръ говорили, пресмыкающіяся — первыя, у которыхъ кровь холодная; кромѣ этого отличительнаго признака можно замѣтить, что тѣло у нихъ покрыто чешуей. По виду, пресмыкающіяся приближаются болѣе къ млекопитающимъ, нежели къ птицамъ; впрочемъ въ этомъ отношеніи они очень разнообразны, потому что къ числу пресмыкающихся принадлежатъ и черепахи, и ящерицы, и змѣи.

Эти три животныя представляютъ и разряды, на которые раздѣляется классъ пресмыкающихся. Первый разрядъ, черепахи, замѣчателенъ тѣмъ, что у нихъ позвонки на спинѣ и ребра срослись въ одинъ щитъ, покрывающій все тѣло; такъ однакоже, что по скелету черепахи легко отличить, что она принадлежитъ къ числу животныхъ позвоночныхъ. На груди у нихъ, также во все тѣло величиной, плоскій щитъ, приросшій къ верхнему почти во всѣхъ мѣстахъ, такъ что между ними остается только шесть отверстій, въ которыя высовываются четыре ноги, голова и хвостъ; надо замѣтить, что позвонки шеи и хвоста не срослись и остаются свободными, такъ что въ случаѣ опасности черепаха можетъ по-

чти совершенно спрятать подъ свой твердый щитъ всѣ свои конечности, и быть въ безопасности отъ всякаго нападенія.

Во второмъ разрядѣ пресмыкающихся, у ящерицъ, и въ третьемъ, у змѣй, позвонки и ребра очень подвижны, и ихъ гораздо больше, нежели у всѣхъ остальныхъ животныхъ позвоночныхъ; ящерицы отличаются отъ змѣй тѣмъ, что у первыхъ есть ноги, которыхъ у вторыхъ вовсе нѣтъ. У большей части ящерицъ, къ которымъ принадлежатъ и крокодилы, пасть вооружена острыми зубами, а у змѣи, кромѣ обыкновенныхъ зубовъ, въ верхней челюсти есть два большіе клыка, въ которые проведенъ особеннымъ каналомъ ядъ. Змѣиное жало, которое намъ часто случается видѣть на картинахъ раздвоеннымъ, вовсе не опасно и не что иное, какъ языкъ, которымъ змѣя пробуетъ свою добычу, не дѣлая ей этимъ никакого вреда. У нѣкоторыхъ породъ змѣй, именно у ужей, вся внутренняя верхняя часть рта, которая называется обыкновенно небомъ, усажена зубчиками, точно щетка.

Ежели станемъ внимательно разсматривать, какія животныя гдѣ живутъ на земномъ шарѣ, то прежде всего насъ поразитъ то обстоятельство, что одни изъ нихъ живутъ вѣчно въ водѣ и скоро умираютъ, какъ только вытащить ихъ на воздухъ, а другія, напротивъ, могутъ жить только въ воздухѣ и умираютъ въ ту самую минуту, какъ погрузятъ ихъ въ воду. Почему же одни могутъ жить только въ водѣ, а другія только въ воздухѣ?

Дыханіе необходимо животному для обновленія крови. Воздухъ снаружи проходитъ къ намъ въ легкое, и въ тоже самое время приходитъ въ легкое старая, черная, густая тяжелая кровь изъ обращенія по всему тѣлу: въ ту минуту, какъ прикоснется къ ней воздухъ, она очищается, становится красна и пріобрѣтаетъ разныя питательныя свойства, которыя, при новомъ обращеніи, опять могутъ приносить пользу. Когда мы будемъ учиться химіи, которая, также какъ и исторія животныхъ, составляетъ часть Естественной Исторіи, то увидимъ, что въ водѣ также есть тѣ самыя частицы, которыя служатъ для дыханія въ воздухѣ, именно кислородъ; только въ водѣ его гораздо меньше, разъ въ шестнадцать меньше, нежели въ воздухѣ. Для дыханія главное обстоятельство состоитъ въ томъ, чтобы кровь какъ нибудь прикоснулась къ этимъ животворнымъ частицамъ, къ кислороду, и потомъ опять продолжала свое обращеніе. Значитъ у животныхъ, которыя живутъ въ водѣ, легкое должно

быть устроено совсѣмъ иначе, нежели у тѣхъ, которыя живутъ въ воздухѣ, и въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что у всѣхъ живущихъ въ водѣ, вмѣсто мѣшка, состоящаго изъ безчисленнаго множества пузырьковъ, соединенныхъ вѣточками, то есть вмѣсто легкаго, находятся жабры. Легко разсмотрѣть жабры у рыбы; онѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ рядовъ мягкихъ вѣточекъ, въ которыя проходитъ кровь для того, чтобы освѣжиться, прикоснувшись къ водѣ или, вѣрнѣе сказать, къ тѣмъ живительнымъ частицамъ кислорода, которыя въ водѣ есть также какъ и въ воздухѣ, только въ гораздо меньшемъ количествѣ. Такимъ образомъ кровь въ жабрахъ обновляется точно такъ же, какъ въ легкомъ, не смотря на то, что животное дышитъ не воздухомъ собственно, а водою. Жабры помѣщаются у рыбъ позади головы, подъ особенными большими отростками чешуи, которые обыкновенно также называются жабрами; но есть еще множество животныхъ, у которыхъ жабры не прикрыты ничѣмъ, а свободно плаваютъ въ водѣ по сторонамъ головы, какъ напримѣръ у аксолотля.

Есть цѣлый классъ позвоночныхъ животныхъ, извѣстныхъ подъ именемъ гадовъ, потому что они въ самомъ дѣлѣ некрасивы, гадки, холодны, покрыты слизью на голой кожѣ: у нихъ жабры бываютъ только въ молодости, а потомъ, когда они пройдутъ всѣ свои превращенія, жабры исчезаютъ. Прежде мы говорили уже о превращеніяхъ лягушки; у головастика, кромѣ закрытыхъ жабръ, какъ у лягушки, въ первые дни существованія бываютъ еще и внѣшнія, которыя, точно вѣеръ, свободно плаваютъ позади его головки. Когда изъ него сдѣлается совершенная лягушка, исчезнутъ и внѣшнія и закрытыя жабры; потому что взрослая лягушка дышитъ одними легкими. У нѣкоторыхъ изъ гадовъ впрочемъ, какъ напримѣръ у аксолотля, жабры остаются на всю жизнь, не смотря на то, что въ тоже время у него есть и легкое.

Пятый и послѣдній классъ позвоночныхъ животныхъ, — рыбы, дышатъ однѣми жабрами и никогда во всю жизнь не имѣютъ легкихъ. На видъ онѣ бываютъ различны, но у всѣхъ почти голова одной толщины съ тѣломъ, безъ перехвата для шеи, и хвостъ не отличается толщиною отъ тѣла. У иныхъ рыбъ вовсе нѣтъ плавательныхъ перьевъ, но у большей части этихъ перьевъ много: на животѣ, на груди, на спинѣ, на бокахъ, за щеками; у нѣкоторыхъ плавательныя перья образуются изъ острыхъ иголъ, соеди-

ненныхъ перепонкой, у другихъ эти перья очень неполныя. Почти только по плавательнымъ перьямъ классъ рыбъ раздѣляется на десять разрядовъ: иглоперыя, животоперыя, подгрудоперыя, неполноперыя, пучкожаберныя, сросточелюстныя, свободножаберныя, поперечноротыя и наконецъ круглоротыя, которыхъ отличія понятны уже изъ самыхъ названій разрядовъ.

Исторія рыбъ, конечно, не можетъ интересовать насъ такъ, какъ исторія остальныхъ позвоночныхъ высшихъ разрядовъ, потому что жизнь ихъ для насъ совершенно чужда: наблюдать ихъ нравы и привычки трудно, потому что живутъ онѣ въ водѣ, гдѣ человѣкъ жить не можетъ, такъ что большая часть рыбъ для насъ важна только какъ пища, и интересна только по способу ея ловли и приготовленія, или потому, что нѣкоторыя породы ихъ отличаются страннымъ видомъ, или особенно опасны въ морѣ для несчастныхъ матросовъ, которые какимъ нибудь случаемъ падаютъ въ воду.

До сихъ поръ мы говорили только о такихъ животныхъ, у которыхъ внутри тѣла есть скелетъ, кости для прикрытія мозгу, основа для прикрѣпленія мяса: но природа такъ богата средствами, виды Создателя такъ сложны и для насъ непостижимы, что Премудрость Его создала еще безчисленныя миріады животныхъ безъ костей внутри тѣла, но съ оболочкой, которая жестче всѣхъ внутренностей.

Все тѣло этихъ животныхъ раздѣлено на части и состоитъ какъ будто изъ цѣпи колецъ, нанизанныхъ одно къ другому. У иныхъ есть нѣсколько поперечныхъ складокъ, которыя опоясываютъ все тѣло; другія вмѣсто кожи имѣютъ твердую оболочку, состоящую изъ ряда колецъ, твердо скрѣпленныхъ между собою, или такихъ, которыя позволяютъ имъ дѣлать движенія. Эта твердая оболочка и эти кольца устроены для того же, для чего въ позвоночныхъ животныхъ скелетъ: они прикрываютъ мягкія части тѣла. Къ нимъ изнутри прикрѣплены всѣ эти части, такъ что оболочку кольчатаго животнаго почти можно называть внѣшнимъ скелетомъ, тогда какъ внутреннимъ называется скелетъ животнаго позвоночнаго, не смотря на то, что кольца того отдѣленія животныхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не что иное, какъ отвердѣвшая кожа. Мозгу и становой жилы, такъ важныхъ у позвоночныхъ животныхъ, у кольчатыхъ вовсе нѣтъ; вмѣсто того у нихъ вдоль всей нижней стороны тѣла проходитъ двойная цѣпь мозговыхъ или нервныхъ узелковъ, соединенныхъ между собою небольшими жилками. Первый такого рода узе-

локъ помѣщается обыкновенно въ головѣ животнаго и можетъ быть названъ мозгомъ; далѣе, въ нижней части тѣла, въ каждомъ изъ колецъ, составляющихъ животное, есть по узелку такой же величины; отъ каждаго узелка идетъ множество нервныхъ вѣточекъ по всему кольцу, къ которому принадлежитъ узелокъ, и по членамъ, прикрѣпленнымъ къ этому кольцу. Большая часть колецъ этого отдѣленія животныхъ довольно похожи одно на другое.

Въ этомъ отдѣленіи, то есть въ отдѣленіи кольчатыхъ, членовъ, то есть ногъ, гораздо больше, нежели у позвоночныхъ, но за то чувствъ меньше, то есть у нихъ недостаетъ или зрѣнія, или слуха, или обонянія; но вѣроятно, у всѣхъ есть вкусъ, и навѣрное есть осязаніе, ежели не во всемъ тѣлѣ, иногда покрытомъ твердою роговою оболочкой, то по крайней мѣрѣ въ усикахъ.

Животныя этого отдѣленія очень разнообразны. У иныхъ, какъ напримѣръ у талитра или у рака, есть ноги, то есть, органы движенія суставчатые; у другихъ, какъ напримѣръ у піявки, вовсе нѣтъ суставчатыхъ ногъ. По этому все отдѣленіе кольчатыхъ животныхъ дѣлится на двѣ части: на суставчатыхъ и на червей.

Но тутъ наблюденія надъ животными и раздѣленіе ихъ на классы становится необыкновенно трудно. Обыкновенно, чтобы знать, до какой степени два животныя близки одно къ другому, довольно взглянуть на нихъ, на ихъ наружныя формы, потому что очень часто по виду животнаго легко угадать его жизнь; напримѣръ, чтобы увѣриться, какъ близки одна къ другому кошка и тигръ, довольно разсмотрѣть ихъ устройство. Съ животными кольчатыми совсѣмъ другое дѣло. У нихъ есть превращенія (а мы уже знаемъ, что такое превращеніе, по головастику и лягушкѣ), и потому не довольно разсматривать ихъ взрослыхъ, чтобы знать, до какой степени они родня или близки одно другому по устройству: надо знать еще, какія превращенія они проходятъ, чтобы дойти до своего настоящаго вида. Есть, напримѣръ, странное маленькое животное, лернея, чужеядное животное, которое иногда находятъ на рыбахъ, и другое, циклопъ, небольшое черепокожное, живущее въ прѣсной водѣ; между ними, кажется, никакого нѣтъ сходства, однакоже наблюденія показали, что они родня и очень близкая между собою, потому что ихъ зародыши такъ сходны, что трудно бываетъ ихъ различить.

Изъ кольчатыхъ, суставчатыя животныя дѣлятся на че-

тыре класса: къ первому принадлежатъ насѣкомыя, которыя намъ очень знакомы; тутъ и комары, и жуки, и мухи, и пчелы, и тараканы, и муравьи, и кузнечики, и шмели, и бабочки. Они отличаются отъ другихъ кольчатыхъ животныхъ тѣмъ, что у нихъ тѣло состоитъ изъ трехъ, явственно отличныхъ частей: головы, груди и живота; у нихъ бываетъ три пары ногъ, и почти всегда есть крылья.

Грудь и тѣло насѣкомыхъ явственно отдѣляются одно отъ другаго. Кромѣ того всегда есть у нихъ маленькіе усики, состоящіе изъ множества мелкихъ суставовъ, какъ можетъ разсмотрѣть всякій въ увеличительное стекло. Дышатъ они не ртомъ, а безчисленнымъ множествомъ трубочекъ или легочныхъ мѣшечковъ, расположенныхъ по всему тѣлу.

Другой классъ суставчатыхъ кольчатыхъ животныхъ — тысяченожки; только надо замѣтить, что у нихъ не въ самомъ дѣлѣ по тысячѣ ногъ, а гораздо меньше; но все таки много, какъ наприм. у юла, вообще до двадцати четырехъ паръ и больше. Тысяченожки отличаются отъ насѣкомыхъ тѣмъ, что у нихъ голова отдѣльная, но живота нельзя отличить отъ груди. У нихъ никогда не бываетъ крыльевъ и дышатъ они, какъ насѣкомыя, легочными мѣшечками или трубочками.

Третій классъ суставчатыхъ кольчатыхъ — пауки. Грудь ихъ, какъ у нашего обыкновеннаго домашняго паука, явственно отличается отъ живота, а голова вовсе не отдѣляется отъ груди. У нихъ обыкновенно четыре пары ногъ и вовсе нѣтъ ни крыльевъ, ни усиковъ. Всѣ они большею частію хищныя, то есть убиваютъ другихъ животныхъ, конечно такихъ же маленькихъ, какъ они сами, и съѣдаютъ ихъ или сосутъ изъ нихъ соки; для этого большей части изъ нихъ природа дала органы съ ядомъ, чтобы имъ удобнѣе и легче было убивать свою добычу: у иныхъ ядъ помѣщается около рта, у другихъ напротивъ, какъ напримѣръ у скорпіона, ядъ въ крайней части хвоста, и такой сильный, что отъ ужаленія скорпіона умираютъ животныя довольно большія, какъ на прим. собаки.

Четвертый и послѣдній классъ суставчатыхъ кольчатыхъ животныхъ — черепокожныя. У нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ у тельфюза, пять, у другихъ шесть или даже семь паръ ногъ, но у всѣхъ жесткая и твердая кожа, или вмѣсто кожи скорлупа. Всѣ они живутъ въ водѣ и дышатъ жабрами.

Есть еще кольчатыя животныя безъ суставчатыхъ ногъ;

этихъ мы будемъ называть просто червями. Они отличаются тѣмъ, что тѣло ихъ длинно и состоитъ изъ множества колецъ. Сюда принадлежать животныя кольцовыя, коловратки и спинножаберныя, и внутренностныя.

Классъ кольцовыхъ животныхъ (разряда кольчатыхъ) состоитъ изъ червей длинныхъ, мягкихъ, иногда имѣющихъ явственную голову, иногда нѣтъ; у большей части изъ нихъ вдоль всего тѣла, по обѣимъ сторонамъ, есть мягкія шипечки, служащія вмѣсто ногъ, иногда усаженныя пучками шелковистыхъ усиковъ, какъ напримѣръ у нереиды, иногда же вовсе безъ этихъ усиковъ, какъ у піявки.

У нѣкоторыхъ мѣсто ногъ обозначено только нѣсколькими жесткими волосками, и даже есть такія, у которыхъ нѣтъ никакого слѣда членовъ или ногъ. У иныхъ есть по нѣскольку пятнышекъ, въ родѣ глазъ; у большей части голова снабжена наростиками, похожими на тѣ, которые у нихъ вмѣсто ногъ, но служащими не для движенія, а для хватанія пищи. Кровь почти у всѣхъ красная; есть впрочемъ кольцовыя животныя и съ зеленою, и съ безцвѣтною, какъ вода, кровью.

Классъ животныхъ спинножаберныхъ и коловратокъ заключаетъ съ себѣ червей съ плоскимъ тѣломъ, съ едва примѣтными кольцами, усаженныхъ со всѣхъ сторонъ мельчайшими подвижными усиками. Нѣкоторыя изъ нихъ живутъ въ тѣлѣ другихъ животныхъ, а другія, именно круглятки, замѣчательны для насъ тѣмъ, что открываютъ намъ цѣлый міръ, совершенно новый, мало извѣстный. Силы природы такъ велики, непостижимы, что до открытія микроскопа никто не могъ и подозрѣвать животныхъ еще мельче, нежели мельчайшія изо всѣхъ намъ извѣстныхъ. Напримѣръ естъ животное ротиферъ, величиною въ тысячу разъ меньше булавочной головки, устроенное однакоже такъ мелко, такъ сложно и замысловато, что въ этомъ маленькомъ, непримѣтномъ тѣлѣ есть и ротъ, и желудокъ; и почти столько же различныхъ органовъ, сколько у всѣхъ остальныхъ кольцовыхъ. Эти мелкія, микроскопическія животныя водятся вообще въ стоячей водѣ; тѣло ихъ почти прозрачное, однако въ немъ ясно видны кольчатыя раздѣленія. Съ двухъ сторонъ, или даже вокругъ всего рта помѣщены у нихъ подвижные усики, которые безпрестанно вертятся; на противоположномъ концѣ тѣла есть вилкообразный хвостикъ, которымъ ротиферъ хватается за какой нибудь предметъ, для того чтобы отдохнуть. Жизнь ихъ до такой

степени сложна, что на маленькомъ ихъ тѣлѣ, около подвижныхъ усиковъ рта, примѣчены два красныя пятнышка, чрезвычайно малыя, которыя должны быть не что иное, какъ глаза. Эти микроскопическія животныя плаваютъ съ невѣроятной быстротой, и несутъ яички, которыя еще во сто разъ меньше ихъ маленькаго тѣла.

Послѣднiй классъ червей, отдѣленія животныхъ кольчатыхъ, черви внутренностные, у которыхъ на тѣлѣ вовсе нѣтъ органовъ движенія. Иные изъ нихъ видомъ похожи на обыкновенныхъ дождевыхъ червей, какъ напримѣръ лингатула; другія, напротивъ, длинны, плоски и похожи на измятую тесемку, наприм. тенія или такъ называемый солитеръ.

Есть еще два огромныя отдѣленія животныхъ, безконечно разнообразныхъ, удивительныхъ, не очень важныхъ для насъ, но любопытныхъ, какъ любопытно въ природѣ все. Одни изъ этихъ животныхъ — мягкотѣлыя, другія — животно-растенія.

У мягкотѣлыхъ нѣтъ ни внутренняго составнаго, ни внѣшняго кольчатаго скелета; отъ этого, движенія ихъ медленны и неопредѣленны; у иныхъ есть, правда, длинныя, гибкія приставки для движенія, но большая часть передвигается съ мѣста на мѣсто ползкомъ, съ удивительною медленностью; если же такія приставки и есть, то онѣ помѣщаются обыкновенно пучкомъ около одного мѣста, а не вдоль тѣла и попарно, какъ у животныхъ кольчатыхъ. Большею частію мягкая кожа мягкотѣлыхъ прикрыта еще раковиной, иногда двустворчатой, какъ у устрицы, иногда одностворчатой, завиткомъ, какъ напримѣръ у нашей обыкновенной болотки. Кровь у нихъ у всѣхъ безцвѣтная, или немножко синеватая; дышатъ изъ нихъ иныя сосудами, похожими на легкія, иныя просто жабрами. По наружному виду мягкотѣлыя животныя очень разнообразны и дѣлятся на шесть главныхъ классовъ, отличныхъ одинъ отъ другаго.

Первый классъ составляютъ головоногія, очень странной формы: голова у нихъ помѣщается между туловищемъ и ногами, или приставками, служащими для движенія, такъ что ползаютъ они по землѣ тѣломъ вверхъ, а головою внизъ, какъ пульпа или осьминогъ. Ноги ихъ прикрѣплены къ головѣ, вокругъ рта, потому они и называются головоногими; впрочемъ можно бы называть ихъ пожалуй и головорукими, потому что тѣже самыя приставки служатъ и ногами, и руками для схватыванія добычи. Головоногія мягкотѣлыя животныя водятся только въ морѣ и слѣдовательно дышатъ

жабрами. Всѣ они чрезвычайно прожорливы, питаются большею частію маленькими рыбками или черепокожными, которыхъ ловятъ своими гибкими и сильными руками.

Второй классъ отдѣленія мягкотѣлыхъ составляютъ крылоногія, небольшія животныя, которыя водятся въ водѣ, имѣютъ замѣтную голову и плаваютъ двумя плавательными веслами, похожими на крылья, помѣщенныя у нихъ по обѣ стороны шеи, какъ напр. гіалея. Нѣкоторыя изъ нихъ голыя, у другихъ есть раковина.

Третій классъ—чревоногія. Они, какъ напримѣръ болотная лимнея, могутъ двигаться только при помощи большаго мясистаго круга, помѣщеннаго у нихъ подъ животомъ. Раковина этихъ животныхъ завиткомъ; есть однако же такія, у которыхъ вовсе нѣтъ раковины, напримѣръ слизень, извѣстный подъ именемъ улитки. Къ этому классу принадлежитъ и та раковина, изъ которой дѣлаютъ перламутровыя вещи, называемая кипрея или просто перламутръ.

Четвертый классъ—животныя безголовыя. Не то, чтобы у нихъ вовсе не было головы, она только непримѣтна, а конечно есть; по крайней мѣрѣ есть ротъ, безъ котораго не можетъ обойтись и самое простое и несложное изо всѣхъ животныхъ, о какихъ мы только до сихъ поръ говорили. Безголовые всѣ живутъ въ двустворчатыхъ раковинахъ, которыя хорошо намъ знакомы по раковинамъ устрицъ.

Пятый классъ отдѣленія животныхъ мягкотѣлыхъ составляютъ мѣшковыя. Все тѣло ихъ заключено въ тонкомъ, слизистомъ мѣшкѣ, такъ что съ перваго взгляда трудно принять ихъ за животныя, однако же у нихъ есть все, что нужно для отличія животнаго отъ растенія: ротъ и желудокъ для питанія, сердце и всѣ необходимые сосуды для кровообращенія и внутреннія жабры для дыханія. Только въ кровообращеніи ихъ замѣчается очень странная особенность: въ ихъ жилахъ теченіе крови часто измѣняется, такъ что сначала кровь идетъ обыкновенно, какъ у всѣхъ животныхъ, изъ сердца въ большія жилы, потомъ въ маленькія, и потомъ возвращается черезъ другія жилы въ сердце; потомъ, вдругъ, черезъ нѣсколько минутъ, кровь начинаетъ выходить изъ сердца по тѣмъ жиламъ, по которомъ входила, и возвращается уже черезъ тѣ, которыя служили прежде для выхода. Черезъ нѣсколько минутъ порядокъ опять перемѣняется, потомъ опять, и такъ далѣе.

Шестой и послѣдній классъ мягкотѣлыхъ — моховидныя. Это животныя почти микроскопическія, однакоже замѣча-

тельны своимъ сложнымъ устройствомъ. Жабры у нихъ не скрыты, а напротивъ, образуютъ около рта вѣтвистые, очень красивые пучки, ежели только смотрѣть на нихъ въ микроскопъ, потому что простымъ или, какъ говорятъ, невооруженнымъ глазомъ тутъ ничего не увидишь. Нижняя часть обыкновенно твердѣетъ, обращается въ массу каменистую, такъ что у нихъ дѣлается ротъ каменной трубочки, въ которую легко можетъ спрятаться все животное, въ случаѣ опасности. Вообще эти мелкія твари живутъ вмѣстѣ большими кучами, такъ что вся ихъ колонія часто походитъ на мохъ: оттого и самое ихъ названіе—моховидныя.

Четвертое и послѣднее отдѣленіе животныхъ составляютъ существа гораздо менѣе совершенныя, нежели всѣ предъидущія; главныя части ихъ тѣла расположены не попарно вдоль животнаго, а пучками вокругъ одной точки или оси, отчего видомъ онѣ или круглыя, или лучистыя. Жизни въ нихъ такъ мало, такъ она ограниченна, видомъ они такъ похожи на растенія, что ихъ справедливо можно назвать столько же растеніями, сколько животными, то есть животно-растеніями. По виду они очень разнообразны; у иныхъ кожа колючая, какъ у звѣздчатки, о которой мы уже говорили; у другихъ кожи совсѣмъ нѣтъ, такъ что все тѣло ихъ точно кисель; третьи живутъ огромными колоніями на одномъ каменистомъ стволѣ какъ кораллъ; четвертыхъ невозможно увидать простыми глазами и можно различить только въ сильный микроскопъ; у пятыхъ, наконецъ, такъ мало жизни, что около ихъ колоніи можно различить одинъ кисель, который невозможно принять ни за что иное, кромѣ тѣлъ какихъ-то мелкихъ животныхъ.

Такимъ образомъ отдѣленіе животно-растеній раздѣляется на пять классовъ. Къ первому принадлежатъ колючекожія, такого рода лучистыя животно-растенія, у которыхъ кожа толстая, колючая, и внутреннее устройство довольно сложно. Они устроены такъ, что могутъ ползать по дну моря, и по большей части имѣютъ множество гибкихъ приставокъ, для того чтобы хвататься ими за песокъ или за скалы. У большей части этихъ колючекожихъ внутренность—не что иное, какъ трубка, открытая съ двухъ сторонъ и около рта усаженная нѣсколькими вѣтками жабръ, какъ напр. у голотурій; у звѣздчатки внутренность — простой мягкій мѣшокъ, окруженный у входа болѣе или менѣе гибкими и вѣтвистыми приставками; нѣкоторыя изъ нихъ совершенно круглы, какъ яблоко, и со всѣхъ сторонъ часто

усажены тупыми иглами по жесткому черепу. Колючекожія животно-растенія — самыя совершенныя изъ остальныхъ этого отдѣленія.

Второй классъ составляютъ безкожія. Они мягки, похожи на кисель или на какую-то слизь, и образованы для плаванія; у нихъ нѣтъ, какъ у предыдущихъ, никакой кожи, и устройство ихъ тѣла чрезвычайно просто: всего только желудокъ, съ однимъ наружнымъ отверстіемъ, а отъ него идетъ нѣсколько питательныхъ каналовъ во всѣ части тѣла. Сюда принадлежатъ медузы, которыхъ всегда много около морскихъ береговъ, и ризостомы, съ особенно-страннымъ устройствомъ рта. Онъ у нихъ не прямо открывается изъ желудка, какъ у остальныхъ животныхъ этого отдѣленія, а состоитъ изъ мельчайшихъ трубочекъ, сквозь которыя вода проходитъ въ желудокъ. Къ этому же классу принадлежатъ: бероя, похожая на маленькій мячикъ; цестъ, похожій на длинную слизистую тесемку, и физофора, похожая на гирлянду изъ цвѣтовъ и плодовъ, только, конечно, слизистую.

Гидры составляютъ часть третьяго класса, полиповъ. Тѣло у нихъ круглое, такого же точно простаго устройства, какъ палецъ перчатки, съ однимъ отверстіемъ вмѣсто рта и съ нѣсколькими гибкими приставками, для того чтобы ими ловить добычу, которую несетъ мимо ихъ текучая вода Нижняя часть полипа устроена такъ, что ею животному суждено прилѣпляться къ какому нибудь постороннему тѣлу и жить на немъ неподвижно; оболочка его мало по малу твердѣетъ, такъ что около него образуется роговое, или известковое помѣщеніе. Къ классу полиповъ также надо причислить актинію, съ мясистымъ тѣломъ, съ совершенно лучистымъ образованіемъ приставокъ около рта, которую часто можно видѣть около морскихъ береговъ, на камняхъ, не глубоко подъ водою.

Четвердый классъ животно-растенія — микроскопическія животныя, инфузоріи, которыхъ жизнь однако же очень полна, не смотря на ихъ малость. Для движенія или плаванія (потому что они живутъ только въ стоячей, гніющей водѣ) есть у нихъ на всемъ тѣлѣ подвижные усики, и особенно замѣчательно то, что у нихъ не одинъ, а нѣсколько желудковъ. Есть между ними такія маленькія, что въ самые лучшіе микроскопы не могли различить ничего, кромѣ малѣйшихъ движущихся шариковъ; это монады, трахеліи, энхеліи, парамеліи, прилипалы.

Пятый и послѣдній классъ животнорастеній — губки. Что

они животныя, это можно примѣтить только въ первое время ихъ существованія, а потомъ они скорѣе похожи на какія-то безобразныя растенія. При самомъ рожденіи, странныя эти существа похожи на нѣкоторыя инфузоріи: тѣло ихъ кругловатое и со всѣхъ сторонъ усажено подвижными усиками, посредствомъ которыхъ они плаваютъ. Но это не долго. Черезъ нѣсколько времени молодой зародышъ губки прилѣпляется къ какому нибудь постороннему тѣлу, становится совершенно неподвиженъ, не даетъ никакого признака ни движенія, ни чувствительности, и, выростая, такъ перемѣняетъ свою форму, что нельзя его узнать. Слизистое тѣло его дѣлается мѣстами жестко и образуетъ изъ себя трубочки роговидныя известковыя и даже кремнистыя: трубочки эти, одна возлѣ другой, во всѣхъ направленіяхъ, перекрещиваютъ и образуютъ то, что намъ очень хорошо извѣстно подъ именемъ грецкой губки, съ тою только разницей, что въ водѣ, на днѣ моря, онѣ покрыты и снутри и снаружи слизью, которая живетъ, но живетъ такъ мало и такъ бѣдно, что за этимъ, кажется, предѣлъ жизни и начало неодушевленнаго растенія.

Вотъ и всѣ главнѣйшіе виды, въ которыхъ природа воплотила жизнь. Но кто знаетъ? можетъ быть многое вовсе намъ еще неизвѣстно, многое, конечно, вовсе еще не попадалось на глаза человѣку, и потому никто изъ ученѣйшихъ натуралистовъ не скажетъ, что онъ знаетъ природу; нѣтъ, самый ученый изъ ученѣйшихъ знаетъ ее лишь на столько, чтобы благоговѣть передъ безчисленнымъ множествомъ ея тайнъ и передъ безконечною премудростію Того, Кто устроилъ все, что намъ извѣстно и неизвѣстно. И дѣлитъ ученый натуралистъ всѣхъ животныхъ на отдѣленія, отдѣленія на классы, классы на разряды, и такъ далѣе, размѣщаетъ по всѣмъ этимъ отдѣленіямъ, классамъ и разрядамъ всѣхъ животныхъ, — только для того, чтобы яснѣе видѣть ихъ безконечное разнообразіе, чтобы явственно и правильно представилась ему вся удивительная картина творенія, въ которой виднѣе всего выражается одна великая мысль: о безконечной благости Провидѣнія.

Анна Дараганъ.

(*Естеств. Ист. животныхъ,*)

СТИХИ.

1. СИРОТКА.

Едва она узрѣла свѣтъ,
Ужъ ей печаль знакома стала:
Веселье — спутникъ дѣтскихъ лѣтъ,
А ей судьба въ немъ отказала.

Въ семьѣ томилась сиротой;
Ее грядущее страшило....
Но Провидѣніе хранило
Младенца тайною рукой.

О ты, святое Провидѣнье!
Въ твоемъ владѣньѣ нѣтъ сиротъ!
Боязнь и ропотъ — заблужденье;
Всегда къ добру Твой путь ведетъ.

Среди неистовыхъ враговъ
Сиротка матерью забыта;
Сгорѣлъ ея родимый кровъ,
И ей невинность не защита.

Но бѣдный съ нищенской клюкой
Ей Богомъ посланъ во спасенье...
На краѣ бездны Провидѣнье
Сдружило слабость съ нищетой.

О Промыслъ, спутникъ невидимый
И сиротства и нищеты,
Сколь часто путь непостижимый
Къ спасенью избираешь Ты!

И, породнившися судьбой,
Сиротка и старикъ убогой,
Безъ трепета рука съ рукой,
Пошли погибельной дорогой.

Дорога бѣдныхъ привела
Въ гостепріимную обитель....
Имъ былъ Всевышній предводитель;
Ихъ Милость въ пристани ждала.

О Ты, святое Провидѣнье,
Сколь намъ Твой безопасенъ слѣдъ!
Творишь изъ гибели спасенье,
Ведешь къ добру стезею бѣдъ.

Играй, дитя, гроза прошла;
Ужасный громъ ударилъ мимо:
Тебя мать *добрая* нашла
На мѣсто матери *родимой*.

Дорога жизни предъ тобой
Цвѣтами счастія покрыта....
Молись же: чтобъ Творецъ защита
Былъ *той*, кто здѣсь хранитель твой.

Услышь младенца, Провидѣнье!
Прими *ее* подъ щитъ любви;
Она чужихъ дѣтей спасенье—
Ея дѣтей благослови.

Жуковскій.

2. МЛАДЕНЕЦЪ.

Въ бурю, въ легкомъ челнокѣ,
Окруженный тучи мглою,
Плылъ младенецъ по рѣкѣ,
И несло челнокъ волною.

Буря вкругъ него кипитъ,
Челнъ ужасно колыхаетъ —
Беззаботно онъ сидитъ
И весломъ своимъ играетъ.

Волны плещутъ на челнокъ
Онъ веселыми глазами
Смотритъ, бросивъ въ нихъ цвѣтокъ,
Какъ цвѣтокъ кружитъ волнами.

Челнъ, ударясь у береговъ
Объ утесы, развалился....
И на брегѣ межъ цвѣтовъ
Мореходецъ очутился.

Челнъ забытъ, а гибель? страхъ?
Ихъ невинность и не знаетъ....
Улыбаясь, на цвѣтахъ
Мой младенецъ засыпаетъ.

Вотъ примѣръ: безпечно въ свѣтъ!
Пусть гроза, пускай волненье,
Намъ погибели здѣсь нѣтъ:
Правитъ челнъ нашъ Провидѣнье.

Здѣсь твоя стезя вѣрна;
Менѣ чѣмъ другихъ опасна·
Жизнь красой души красна....
А твоя душа прекрасна!

Жуковскій.

3. СИРОТКА.

Мальчикъ.

Родимая, пойдемъ скорѣе!
Ужъ стало поздно; все темнѣе,
А намъ далеко вѣдь домой;
Мнѣ страшно здѣсь....

Поселянка.

Господь съ тобой!

Мальчикъ.

Кругомъ кладбище; по долинѣ
Однѣ могилы да кресты.

Поселянка.

Вотъ храмъ Господень по рединѣ.
Перекрестись.... Ну, что же ты?

Мальчикъ (*жмется къ ней*).

Потише! Видишь ли, родная,
Вонъ что-то черное встаетъ?....
Все пуще страхъ меня беретъ.
Мертвецъ....

Поселянка (*оглядывается*).

Гдѣ? Троица Святая,
Помилуй насъ!.... Пойдемъ.... Ахъ, нѣтъ,
Ты испугалъ меня, мой свѣтъ;
Навѣрное сиротка наша
Зашла сюда. И впрямь!

(*Подходитъ къ дѣвушкѣ, сидящей на могилѣ*).

Параша!

Дѣвушка.

Кто звалъ меня? мой братъ, не ты ли
Услышалъ плачъ мой и въ могилѣ?....
Нѣтъ, не дождусь отвѣта я!
Нажала грудь его земля! (*плачетъ*).

Поселянка.

Дитя мое!

Дѣвушка (*равнодушно*).

Кто здѣсь?

Поселянка.

Ужели
Узнать не можешь ты меня?

Дѣвушка.

Ахъ, это ты! узнала я.

Поселянка.

Ну! слышишь, пѣтухи пропѣли.

Вѣдь это полночь! спать пора.
Пойдемъ; пробудь хоть до утра
У насъ въ избѣ....

Дѣвушка.

Зачѣмъ отсюда?
Мнѣ хорошо и здѣсь покуда.
Идите съ Богомъ по домамъ;
Гостить здѣсь не у кого вамъ.

Поселянка (*горестно*).

А ты въ гостяхъ?

Дѣвушка.

Я здѣсь у брата.
Со мною онъ! одна отрада
Надъ нимъ проплакать день и ночь....

Поселянка.

Слезами горю не помочь.
Послушай.

Дѣвушка (*задумчиво*).

Въ утреннемъ туманѣ,
Нарву цвѣтовъ ему заранѣ,
И канетъ, прежде чѣмъ роса,
Къ нему на грудь моя слеза....

Поселянка

Пойдемъ!

(*Отрываетъ ее насильно отъ могилы и уводитъ.*)

И спутница младая
Идетъ, сама не понимая,
Куда, зачѣмъ. Ей все равно, —
Все горе на сердцѣ одно!
Пришли въ село; въ избушку вводятъ
Ее по темнымъ ступенямъ,
И вотъ покой: лучины тамъ
Горятъ, и свѣтъ кругомъ наводятъ.
Очнулась гостья.

Дѣвушка.

Гдѣ же я?

Поселянка.

Не бойся; ты въ избушкѣ нашей.

Садись поближе къ этой чашѣ.
Ты голодна?

Дѣвушка.

Пусти меня!
Мнѣ тяжко здѣсь; дышу насилу;
Пусти на братнину могилу,
Мнѣ легче тамъ, мнѣ лучше тамъ (*бѣжитъ къ дверямъ*).

Поселянка.

Напрасно рвешься ты къ дверямъ.
Не отопру. Хоть по неволѣ
Ты у меня пробудешь долѣ.
Дитя! повѣрь мнѣ, ты больна,
И день и ночь не знаешь сна....
Но вотъ постель тебѣ готова.
Ложись.

И болѣе ни слова.
Лучина вмигъ погашена.
Легла сиротка по неволѣ,
И о своей печальной долѣ
Опять задумалась она.
Мечты смѣшались: какъ ни больно
Ей было на сердцѣ, но сонъ
Смежилъ глаза ея невольно,
Хоть не принесъ отрады онъ;
И тѣ же думы обладали
Ея душою и во снѣ.
Уста лишь жалобы однѣ,
Да имя брата лепетали.
И тотъ, кто ей такъ дорогъ былъ.
Во снѣ явяся, говорилъ:
«Сестра не плачь, не плачь, сестра,
«По мнѣ отъ утра до утра.
«Мнѣ дорогъ даръ твоей любви,
«Но слезы въ тягость мнѣ твои;
«Огнемъ онѣ текутъ по мнѣ,
«И весь горю я какъ въ огнѣ.
«Взгляни на саванъ: видишь, онъ
«Слезами жаркими прожженъ!
«Сестра! въ залогъ своей любви,
«Ты Бога долѣ не гнѣви;

«Не плачь напрасно надо мной, —
«И сладокъ будетъ мой покой!»

Она проснулась. Смутный взоръ
Искалъ вокругъ любимой тѣни:
Ея мучительныя пени
Ей въ душу врѣзались. Съ тѣхъ поръ
Она томилась и вздыхала,
Возведши взоръ на небеса,
Но никогда ея слеза
На память брату не блистала.

И черезъ годъ она пошла
Опять на братнюю могилу.
Тамъ было тихо, и насилу
Ее узнать она могла:
По ней узорчатой грядою
Блистали яркіе цвѣты,
Да разрослися полосою
Травы заглохшіе кусты;
И безопасно въ ихъ срединѣ,
Въ надеждѣ мира и тепла,
На лѣто гостья въ той долинѣ,
Гнѣздо малиновка вила.

А. Подолинскій.

4. ХВАЛА БОГУ ЗА ЕГО НЕБЕСНЫЕ И ЗЕМНЫЕ ДАРЫ.

Когда гуляю лѣтомъ въ полѣ,
Какъ много бѣдныхъ вижу я!
Чѣмъ мнѣ воздать Тебѣ, о Боже,
За все, что сдѣлалъ для меня!

Я недостойнѣе другаго,
А милосердъ Ты какъ ко мнѣ!
Я сытъ, межъ тѣмъ какъ у инаго
Нѣтъ хлѣба и ломтя въ сумѣ.

На улицѣ дѣтей я вижу
Заброшенныхъ, полунагихъ,
А я одежду и защиту
Всегда имѣю отъ родныхъ.

Иной несчастный и не знаетъ,
Куда склонить ему главу!
Меня же дома ожидаетъ
Постель, въ которой сладко сплю.

Иной ребенокъ безъ надзора,
И по незнанію грѣшитъ;
Меня же учатъ имя Бога
Въ благоговѣніи твердить.

Вотъ каждый день чѣмъ надѣляетъ
Всемилосердый Богъ меня!
Дары Его да прославляетъ
Мольба сердечная моя.

Е. Тютчева.

5. ПТИЧКА.

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей;
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.

Она исчезла утопая
Въ сіяньи голубаго дня,
И такъ запѣла, улетая,
Какъ бы молилась за меня.

Ѳ. Туманскій.

6. ЗАЛИВЪ.

Скрылось солнце. Надъ заливомъ,
Въ блескѣ яркомъ и игривомъ,
Всходитъ вечера звѣзда;
Край небесъ зарей пылаетъ;
Какъ златая ткань, сіяетъ
Въ отдаленіи вода.

Рѣзвый мальчикъ сѣлъ въ челнокъ,
Въ парусъ превратилъ платокъ,
Молодую срѣзалъ иву,
Сладилъ мачту кое-какъ,
Взялъ весло, и вотъ смѣльчакъ
Разъѣзжаетъ по заливу.

Отплывая отъ земли,
Видитъ мальчикъ, что вдали
Яркимъ золотомъ свѣтлѣетъ
Темносиняя волна,
А вблизи, вокругъ челна,
Глубина одна чернѣетъ.

Поплыву же я туда,
Гдѣ такъ свѣтится вода,
Думалъ мальчикъ и принялся
Всею силой за весло;
Берегъ изъ виду терялся,
Но далеко, гдѣ свѣтло.

Плылъ онъ часъ, плыветъ другой;
Утомленною рукой
Онъ гребетъ весломъ сильнѣе;
Все вдали блеститъ волна,
А вкругъ лодки глубина
Всѣ чернѣе и чернѣе.

Ночь одѣла сводъ небесъ;
Моря дальній блескъ исчезъ.
Въ утомленьѣ, въ страхѣ, въ горѣ,
Бросилъ плаватель весло.

Вѣтеркомъ, вспорхнувшимъ въ морѣ,
Челнъ ко брегу принесло.

Въ морѣ жизни мы плывемъ,
Счастьемъ дальній блескъ зовемъ;
Но вотще къ нему стремленье;
Блескъ сей—неба отраженье!
Смертный, смертный, брось весло!
Небо лишь одно свѣтло.

Масальскій.

7. НАСЪ СЕМЕРО.

....Какъ счастливо дитя!
Какъ беззаботно, какъ рѣзво!
Въ немъ жизнь играетъ и кипитъ;
Смерть непонятна для него.

Я встрѣтилъ крошку близь села.
Ей былъ седьмой лишь годъ; она
(Хоть въ бѣдномъ платьицѣ) была
Какъ ангелъ, прелести полна.

У ней кудрявы волоса
Румяно личико у ней,
И что за яркіе глаза!
Отъ нихъ мнѣ стало веселѣй!

«Скажи, малютка, сколько васъ
Въ семействѣ братьевъ и сестеръ?»
— Да сколько? семеро всѣхъ насъ—
И на меня вперила взоръ.

«А гдѣ», спросилъ я: «гдѣ они?»
— Насъ семь у маменьки всего:
Живутъ два братца у родни,
Да двое въ морѣ.... далеко!

Да на кладбищѣ двое спятъ.
Лежитъ сестрица тамъ моя
И съ нею маленькой мой братъ;
Седьмая же у мамы—я! —

«Два у родни, ты говоришь;
Два на морѣ, да ты: вотъ пять;
А всѣхъ васъ семеро; скажи-жъ,
Какъ это, душенька, понять?»

Малютка снова начала:
— Насъ видишь, семь: сестра да братъ,
Что на кладбищѣ, вотъ ужъ два;
Они близь хижинки лежатъ.—

«Ты бредишь, свѣтикъ! мудрено
Твои мнѣ счеты разобрать:
Когда ужъ два схоронено,
Такъ стало быть васъ только пять?

—Могилы тамъ; хоть самъ взгляни,
Сказала дѣвочка: пойдемъ!
Вотъ отъ пути шагахъ въ пяти....
Тамъ положили ихъ рядкомъ.

Тамъ часто я чулокъ вяжу,
Или платочекъ свой рублю;
Тамъ подъ березкой я сижу
И братцамъ пѣсенки пою.

Какъ солнышко зайдетъ весной,
И вечеръ такъ прекрасенъ, тихъ,
Туда несу я ужинъ свой
И кушаю въ гостяхъ у нихъ....

Сначала Джени померла;
Она стонала день и ночь,
Потомъ утихла и легла....
И унесли сестрицу прочь....

Закрыли гробъ ея; надъ нимъ
Цвѣточки послѣ я рвала,
И съ братомъ маленькимъ моимъ
Все лѣто тамъ вѣнки плела.

Пришла зима: ужъ братъ не могъ
Играть по прежнему со мной;
Закрылъ глаза и въ гробикъ легъ.
И спитъ онъ также подъ землей.

«Двоихъ взялъ Богъ!» воскликнулъ я:
«Такъ сколько же васъ всѣхъ за тѣмъ?»
На это дѣвочка моя:
— Ахъ! семь насъ, право семь!—

«Но двое умерли, мой другъ:
Живетъ у Господа ихъ духъ;
Ужъ нѣтъ ихъ въ мірѣ.» Но ничѣмъ
Не убѣждался она
И все твердила: Нѣтъ, насъ семь!

Я. Гротъ.

8. МОЛИТВА.

Вечеръ былъ; сверкали звѣзды!
На дворѣ морозъ трещалъ;—
Шелъ по улицѣ малютка,
Посинѣлъ и весь дрожалъ.

«Боже!» говорилъ малютка,
«Я прозябъ и ѣсть хочу;
«Ктожъ согрѣетъ и накормитъ,
«Боже добрый, сироту?»

Шла дорогой той старушка —
Услыхала сироту,
Пріютила и согрѣла
И поѣсть дала ему;

Положила спать въ постельку —
«Какъ тепло!» промолвилъ онъ:

Заперъ глазки.... улыбнулся.....
И заснулъ.... Спокойный сонъ! —

Богъ и птичку въ полѣ кормитъ,
И кропитъ росой цвѣтокъ;
Безпріютнаго сиротку
Также не оставитъ Богъ!

К. Петерсонъ.

9. БѢДНОСТЬ И ТРУДЪ.

(народная сказка).

Что-то, утихла ль мятель? — Посмотри-ка ты, Лиза, въ окошко,
Бабушка, съ печки слѣзая, такъ внучкѣ сказала, — и Лиза
Порхъ, какъ синичка, къ окну — и окно отворя и защолкнувъ:
Бабушка! страшно мятетъ, и сугробы какъ горы, а съ крышекъ
Вихорь такъ клочья и рветъ и вертитъ! ни звѣзды нѣтъ!.... а мѣсяцъ
Въ мутную тучу уплылъ! Ахъ, какъ страшно, какъ холодно въ полѣ!
Какъ же въ свѣтлицѣ намъ быть-то? — Опять вы въ бирюльки? Аль вѣчно
Руки поджавши сидѣть, а работу подъ лавку? Нѣтъ, дѣти!
Боже спаси васъ! Вѣдь чуть залѣнишься, откуда возьмется
Гость нежеланный на дворъ, гость недобрый; зовется онъ — Бѣдность!
Бѣдность! охъ! бойтесь ее: то лихая колдунья съ клюкою,
Ходитъ въ отрепьяхъ: на ней закоптѣлая старая шуба,
Вѣтеръ пустую суму и лохмотья хлобыщетъ.... Злодѣйка
Бродитъ по селамъ, какъ волкъ, и грызетъ поселянъ; а мальчишекъ
Гонитъ на снѣгъ босикомъ, чтобъ кричали проѣзжимъ: «подайте!»
Чѣмъ же Бѣдность гонять? — спросила сонливая Соня. —
«Только Трудомъ, да Трудомъ!» прибодрясь отвѣчала старушка.
«Трудъ хоть-куда молодецъ! и какое село онъ залюбитъ,
Тамъ и житье.... Отъ его богатырскаго посвиста Бѣдность,
Злобясь, бѣжитъ и, назадъ озираясь, зубами щелкаетъ!»—

«Чтожъ то за Трудъ молодецъ? да откуда приходитъ та Бѣдность?
Бабушка, семъ раскажи намъ объ этомъ получше!» Такъ съ печи
Спрыгнувъ и рѣчь перебивъ, подхватила вертлявая Катя. —
«Вотъ ужъ я вижу, опять мнѣ придется васъ сказкой потѣшить:
«Въ сказкѣ, какъ въ зеркалѣ, все!» — Ахъ, чего же намъ лучше? всѣ въ голосъ:
«Вечеръ вѣдь только насталъ, и ночникъ прогоритъ еще долго.
Сядь же, родная, за столъ, хоть въ почетномъ углѣ подъ божницей! —
Сѣла, а внучки кругомъ, такъ и ластятся, вьются къ старушкѣ —
Ждутъ не дождутся; — но вотъ и безъ дѣла остаться не смѣютъ:
Лиза взялась за чулокъ, а работу полегче — то Сонѣ,
Катенька-жъ, съ донцемъ подсѣвъ, вертеномъ, какъ игрушкой вертѣла. —
«Чтожъ начинать ли?» спросила старушка. — «Скорѣе! скорѣе!. . . . »
«Ну, такъ сидите-жъ!»—Сидимъ. — «Ну, да слушайте-жъ!» Слушаемъ.» Тихо!
Богъ вѣсть, давно ли и гдѣ, только жили да были крестьяне
Всѣ на лѣнтяѣ лѣнтяй! — вотъ придетъ ли пора, чтобъ посѣять,
Пахоты нѣтъ!.... Стрекоза ужъ юлитъ, и козелецъ во цвѣтѣ,
Сыплетъ и рожь. Эй! пора, имъ твердятъ, яровое подъ соху!
Лѣто летитъ и не ждетъ; а лѣнивцы все тары да бары.
Тихо, вяло, плугомъ нивы слегка чуть поранятъ....
Нивы злонцомъ заросли, и покрылося волчцемъ все поле.
Что имъ до поля?.... Еще-жъ, на бѣду, искушенье въ сосѣдствѣ:
Пиво и пѣнникъ и медъ!.... Вотъ и пьютъ и шумятъ и гуляютъ.
Время-жъ бѣжитъ да бѣжитъ!.... «Ну, а что же жены и дѣти?»—
Малый за старымъ идетъ.... Ихъ и жены и дѣти лѣнились;
Все, чтобъ попить, поплясать, да на ярмарку.... коней избили;

Домы свели!.... а къ зимѣ, какъ сурки по норамъ западали....
Страшно къ нимъ въ избу войти; поутру, лишь затопится печка,
Хлынетъ вдругъ дымъ; — и давай тутъ и двери и окна всѣ настежь!....
Копотно, сине вверху!—а съ полать, угорѣвъ, ребятишки
На полъ, да на полъ скорѣй!.... полегли на соломѣ.... а тутъ же
Гость къ нимъ — козелъ бородатый вдругъ шасть.... и овца по привычкѣ
Въ избу; и ну теребить изъ-подъ нихъ, аль изъ люльки солому....
Горе имъ въ горькомъ дыму!.... Гдѣ ни взглянешь, все скудно.... лѣнивцы
Терпятъ отъ лѣности всѣ и чернѣютъ, коптясь тихомолкомъ.
Глухо въ ихъ гумнахъ, кругомъ ни гугу!.... да чему-жь у лѣнивцевъ
Рано и поздно стучать?—Аль цѣпамъ по токамъ? Въ подовинахъ
Спятъ ихъ цѣпы,—а въ снопахъ воробьи лишь, воруя, щебечутъ;
Въ житницахъ вѣтеръ живетъ; про запасъ селянинъ не молотитъ;
Что-жъ молотилъ, то и съѣлъ..... а въ рекрутскую складку, а подать
Чѣмъ же платить, какъ придетъ къ нимъ съ высокою палкой десятникъ?
«Вынь да положь, а не то».... Ну, казна-то не свой братъ, не шутитъ!
То-то лѣнивыхъ житье! вѣдь ни ложки, ни плошки въ деревнѣ;
Вѣкъ по чужимъ все угламъ ихъ волочитъ съ заплечной котомкой
Бѣдность злодѣйка — съ клюкой впереди, а за нею лѣнивцы
Тихо, уныло и робко, скрыпучей тропою по снѣгу,
Скорчась, подъ окна бредутъ и насилу прошепчутъ осипло:
«Дайте намъ, ради Христа!».... И въ селѣ ихъ ко храму Господню
Снѣгомъ и слѣдъ замело!.... Хоть звоны и звонятъ и трезвонятъ

Рѣзко имъ въ уши, но звонъ улетаетъ на вѣтеръ..... Когда же
Къ церкви пойдутъ, такъ смотрѣть на оборванныхъ стыдно!—Ну, дѣти,
Вотъ вамъ и Бѣдность!—«А Трудъ?» — Погодите немного, — у старыхъ
Память тупѣетъ,—а вамъ не сидится? — ну, тихо-жъ!—да слушать:
Посланъ къ лѣнивцамъ былъ Трудъ, и то знать за мольбы ужъ отцовски:
Ловкій дѣтина пришелъ къ нимъ, и Богъ вѣсть и какъ и откуда,
Гоголемъ парень идетъ, и рѣчистъ и уменъ и привѣтливъ,
Ростомъ высокъ онъ, плечистъ и въ подбитомъ овчиной кафтанѣ,
Статенъ, пригожъ молодецъ!.... По бедрамъ коломенковый поясъ;
Шапка съ заломомъ; лице — словно кровь съ молокомъ; взглядъ — соколій!....
Онъ-то былъ Трудъ;—и въ село чуть вошелъ—закричалъ на лѣнивцевъ:
«Что? аль не видите вы, что грозитъ вамъ бѣда неминуча?
Бѣдность васъ всѣхъ загрызетъ!—Такъ вставай, не зѣвай, за работу!»
Вотъ какъ бы кто растолкалъ всѣхъ лѣнивцевъ: лѣнивцы проснулись!
Тотъ за топоръ, а другой съ долотомъ, съ молоткомъ, да съ обухомъ.
Стукъ по деревнѣ и гукъ!.... Закружась, жернова заревѣли;
По клину клинъ зазвенѣлъ.... и пила, расходясь, засипѣла....
Скрыпнули створы, коней всякъ выводитъ, и кони чуть бродятъ!—
Всѣ собрались и гужемъ потянулися въ путь во дорогу....
Жены-жъ, оставшись, межъ тѣмъ ужъ досужи и падки къ работѣ;
Только пѣтухъ кукарекнулъ — лучина горитъ ужъ по избамъ:
Ярко горитъ и трещитъ, только искры, какъ блестки, сверкаютъ!....
Вьется кудель, — и, вертясь, 'вертено промежъ пальцевъ играетъ;
Пряжа прядется; а тамъ — скрыпучія, шаткія кросны

Ходятъ: проворный челнокъ то туда, то сюда все шныряетъ,
Берда бренчатъ!.... Такъ зима пролетѣла, какъ сутки.... Знать стало
Близко къ веснѣ, что вдругъ клокотъ, кудахтанье куръ; тутъ откуда
Утки, трюшкомъ, ковылькомъ, шепелявыя, плещутся въ лужахъ;
Говорныхъ гордыхъ гусей долгошейна ватага гогочетъ,
Сипло шипя на прохожихъ.... вдругъ клокчутъ, курлычутъ индѣйки....
Каркаетъ черный вранъ, грахаетъ грачъ, и сорока стрекочетъ,
Свищетъ и гаркаетъ чижъ, и все въ рощѣ чиликаетъ, чуя
Весну и красные дни.... Такъ все было.—Вдругъ утромъ, однажды,
Что-то чернѣетъ въ дали.... и всѣ смотрятъ и слышатъ—все ближе;
Съ топотомъ шумъ!.. и въ селѣ, что за крикъ, что за скрыпъ, что за шелестъ?
Кони заржали.... И вотъ воротился обозъ нашъ! и всякій
Сытъ и одѣтъ и коня откормилъ, а притомъ и копѣйку
Всякій зашибъ.... И пошли поживать, попивая, крестьяне. —
Съ той-то поры въ томъ селѣ старики молодымъ говорили:
Дѣти! живите съ Трудомъ, и не будетъ опасна вамъ Бѣдность!»—

Ѳ. Глинка.

---

10. ОБЕЗЬЯНЫ.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать,
И Боже сохрани, какъ худо!
Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.
Кто обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,
Какъ жадно все онѣ перенимаютъ.
Такъ въ Африкѣ, гдѣ много обезьянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла,
По сучьямъ, по вѣтвямъ на деревѣ густомъ,

И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.
Подруга каждая тихонько толкъ подругу,
И шепчутъ всѣ другъ другу:
«Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у него такъ, право, нѣтъ конца:
То кувыркнется
То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,
Что не видать ни рукъ ни ногъ.
Ужъ мы ль на все не мастерицы,
А этого у насъ искуства не видать.
Красавицы сестрицы!
Не худо бы намъ это перенять.
Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ;
Авось уйдетъ, тогда мы тотчасъ....» Глядь,
Онъ подлинно ушелъ, и сѣти тутъ оставилъ.
«Что жъ,» говорятъ онѣ, «и время намъ терять:
Пойдемъ-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей
Разостлано внизу премножество сѣтей.
Ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться,
Кричать, визжать, веселье хоть куда!
Да вотъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться!
Хозяинъ между тѣмъ стерегъ,
И видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками.
Онѣ, чтобъ на утекъ,
Да ужъ никто распутаться не могъ;
И всѣхъ ихъ побрали руками.

Крыловъ.

11. ДОБРАЯ ЛИСИЦА.

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое;
Но нѣтъ, за ней должно погибнуть трое:
Онъ бѣдныхъ трехъ птенцовъ осиротилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смысла и безъ силъ,
Малютки терпятъ голодъ,

И холодъ,
И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.
«Какъ можно не страдать,
Малютокъ этихъ видя?
И сердце чье объ нихъ не заболитъ?»
Лисица птицамъ говоритъ,
На камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сидя:
«Не киньте, милыя, безъ помощи дѣтей!
Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите,
Хоть по соломенкѣ къ ихъ гнѣздышку приткните,
Вы этимъ жизнь ихъ сохраните.
Что дѣла добраго святѣй!
Кукушка! посмотри, вѣдь ты и такъ линяешь:
Не лучше ль дать себя немножко ощипать
И перьемъ бы твоимъ постельку ихъ устлать:
Вѣдь попустужъ его ты растеряешь.
Ты жавронокъ, чѣмъ по верхамъ
Тебѣ кувыркаться, кружиться,
Ты бъ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,
Чтобъ съ сиротами подѣлиться;
Ты, горлинка, твои птенцы ужъ подросли;
Промыслить кормъ они и сами бы могли:
Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,
Да вмѣсто матери къ малюткамъ сѣла;
А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ
Берегъ.
Ты бъ ласточка ловила мошекъ,
Полакомить безродныхъ крошекъ.
А ты, мой милый соловей,—
Когда птеняточекъ ко сну потянетъ,
Межъ тѣмъ какъ съ гнѣздышкомъ зефиръ качать ихъ станетъ,
Ты бъ прибаюкивалъ ихъ пѣсенкой своей.
Такою нѣжностью, я твердо вѣрю,
Вы бъ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.
Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ
Есть добрыя сердца, и что...» При сихъ словахъ
Малютки бѣдныя всѣ трое,
Не могши съ голоду сидѣть въ покоѣ,
Попадали къ лисѣ на низъ.
Что жъ кумушка?—Тотчасъ ихъ съѣла!
И поученья не допѣла.
Читатель, не дивись!
Кто добръ поистиннѣ, не распложая слова,

Въ молчаньи тотъ добро творитъ;
А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ,
Тотъ часто только добръ на счетъ другова,
За тѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакова.
На дѣлѣ же почти такіе люди всѣ —
Сродни моей лисѣ.

12. ВЕЧЕРЪ НА РОЖДЕСТВО (*).

Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ;
Голодный звѣрь въ ущельѣ вылъ;
Въ селѣ далекомъ лаялъ песъ;
Въ ту пору путникъ шелъ чрезъ лѣсъ
Въ пустыню, гдѣ былъ кровъ его.
Морозитъ; завтра Рождество.

Глухою снѣжною тропой,
Усталый, онъ спѣшитъ домой
Къ женѣ, къ малюткамъ дорогимъ,
И хлѣбъ для праздника роднымъ
Несетъ онъ съ барскаго двора;
Имъ въ пищу служитъ лишь кора.

Но меркнетъ, меркнетъ въ вышинѣ;
Вдругъ отрокъ виденъ въ сторонѣ:
Къ сугробу молча прислоненъ,
Дыханьемъ руки грѣетъ онъ,
И, мнится, пламя жизни въ немъ
Погаснуть хочетъ вмѣстѣ съ днемъ.

«Куда твой путь, бѣдняжка мой?
Приди погрѣться къ намъ домой.»
И онъ озябшаго беретъ,
Вотъ наконецъ онъ у воротъ!
Вотъ онъ вошелъ на пиръ къ роднымъ,
Съ гостинцемъ, съ другомъ молодымъ.

У печки тамъ жена его
Младенца кормитъ своего:
«Какъ ты себя заставилъ ждать!
Приди-жъ къ огню, поближе сядь!
Ты также!» Ласкова, нѣжна,
Дитя къ огню ведетъ она.

И черезъ мигъ, послушно ей,
Взвивалось пламя ужъ рѣзвѣй;
Не помня нужды, весела,
Тогда свой хлѣбъ она взяла,
На столъ снесла его, потомъ
И кринку съ жидкимъ молокомъ.

(*) У Шведовъ, Норвежцевъ и нашихъ Финляндцевъ.

Ихъ полъ, для жданнаго денька,
Соломой былъ прикрытъ слегка.
Съ него всталъ рой ребятъ къ столу;
Одинъ лишь гость еще въ углу.
Хозяйка бѣднаго беретъ
И также къ ужину ведетъ.

Когда молитва отошла,
Хозяйка хлѣбецъ почала.
«Благословенъ убогихъ даръ!»
Промолвилъ отрокъ: Дивный жаръ
Съ слезой въ очахъ его сіялъ,
Когда свою онъ долю взялъ.

Мат рѣжетъ хлѣбъ и для дѣтей,
Но хлѣбъ все цѣлъ да цѣлъ у ней.
На гостя юнаго она
Вперяетъ взоръ изумлена!
И смотритъ, смотритъ: что же съ нимъ?
Внезапно сталъ онъ весь другимъ.

Въ очахъ, какъ на небѣ, свѣтло;
Блеститъ таинственно чело;
Слетаетъ съ нѣжныхъ плечъ покровъ,
Какъ передъ утромъ паръ съ луговъ.
Привѣтный Ангелъ обнаженъ;
Какъ Божій рай прекрасенъ онъ.

Денница радости взошла;
Въ сердцахъ надежда расцвѣла,
И незабвенъ былъ вечеръ сей
Подъ кровомъ набожныхъ людей.
Гдѣ пиръ прекраснѣе бывалъ?
Здѣсь доброй Ангелъ пировалъ.

Чрезъ много зимъ, на мѣстѣ томъ,
И я былъ ночь предъ Рождествомъ.
Еще стоялъ смиренный кровъ,
И жилъ тамъ правнукъ тѣхъ жильцовъ.
И онъ ужъ старъ былъ, ужъ сѣдѣлъ,
Но у того-жъ стола сидѣлъ.

Такъ чудно было, такъ свѣтло!
Жена сидѣла близь него,
И рядъ дѣтей ихъ окружалъ,
Молитвой воздухъ тамъ дышалъ:
И вѣрилось — обитель та
Какъ нѣкій храмъ была свята.

Горѣла свѣчка на столѣ
(Одна лишь и была въ семьѣ!)
Тамъ бѣлый хлѣбъ и молоко;
Но ихъ не трогаетъ никто.
«Чье это мѣсто?» я спросилъ.
«Тамъ», мнѣ сказали, «Ангелъ былъ».

Я. Гротъ.

13. ХВАЛИ ТВОРЦА.

Хвали Творца, лишь день начнется!
Хвали, когда земля проснется!
Съ восходомъ солнечнымъ хвали!
Хвалу пріемлетъ Богъ любви.

Хвали Творца цвѣтовъ съ сіяньемъ,
Съ жужжаньемъ пчелъ, птицъ щебетаньемъ;
Съ ихъ общимъ хоромъ слей твой духъ:
Богъ близко, Божій всюду слухъ.

Хвали Творца, какъ полдень свѣтитъ,
Хвали и ночью; Онъ замѣтитъ
И въ ночь и въ день твой чистый жаръ: —
Молитвы шопотъ, сердца даръ.

---

14. ИЗЪ СКАЗКИ — ОБЪ ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ И СѢРОМЪ ВОЛКѢ.

ПОѢЗДКА КЪ БАБѢ-ЯГѢ.

Иванъ царевичъ,
Оборотившись на востокъ лицемъ,
Пошелъ впередъ. Идетъ онъ день; идетъ
Другой; на третій онъ приходитъ къ лугу
Зеленому; на томъ лугу три дуба
Растутъ; межъ тѣхъ дубовъ находитъ онъ
Чугунную съ кольцемъ желѣзнымъ дверь;
Онъ подымаетъ дверь; подъ тою дверью
Крутая лѣстница; по ней онъ внизъ
Спускается, и передъ нимъ внизу
Другая дверь, чугунная жъ, и крѣпко
Она замкомъ висячимъ заперта.
И вдругъ, онъ слышитъ, конь заржалъ; и ржанье
Такъ было сильно, что, съ петлей сорвавшись,
На землю дверь упала съ громкимъ стукомъ;
И видитъ онъ, что вмѣстѣ съ ней упало
Еще одиннадцать дверей чугунныхъ;
За этими чугунными дверями
Давнымъ давно конь богатырскій запертъ
Былъ колдуномъ. Иванъ царевичъ свистнулъ;

Почуявъ сѣдока, на молодецкій
Свистъ, богатырскій, конь изъ стойла прянулъ
И прибѣжалъ, легокъ, красивъ,
Глаза какъ звѣзды, пламенныя ноздри,
Какъ туча грива, словомъ—конь не конь,
А чудо. Чтобъ узнать, каковъ онъ силой,
Иванъ царевичъ по спинѣ его
Повелъ рукой; и подъ рукой могучей
Конь захрапѣлъ и сильно пошатнулся,
Но устоялъ, копыта втиснувъ въ землю,
И человѣчьимъ голосомъ Ивану
Царевичу сказалъ онъ: добрый витязь,
Иванъ царевичъ, мнѣ такой, какъ ты,
Сѣдокъ и надобенъ; готовъ тебѣ
Я вѣрою и правдою служить:
Садися на меня, и съ Богомъ въ путь нашъ
Отправимся; на свѣтѣ всѣ дороги
Я знаю; только прикажи, куда
Тебя везти, туда и привезу.
Иванъ царевичъ въ двухъ словахъ коню
Все объяснилъ, и сѣвши на него,
Прикрикнулъ; и взвился могучій конь,
Отъ радости заржавши, на дыбы.
Бьетъ по крутымъ бедрамъ его сѣдокъ,
И конь бѣжитъ, подъ нимъ земля дрожитъ;
Несется выше онъ деревъ стоячихъ,
Несется ниже облаковъ ходячихъ
И прядаетъ черезъ широкій долъ,
И застилаетъ узкій долъ хвостомъ,
И грудью всѣ заграды пробиваетъ,
Летя стрѣлой, и легкими ногами
Былиночки къ землѣ не пригибая,
Пылиночки съ земли не подымая.
Но такъ скакавъ день цѣлый, наконецъ
Конь утомился; потъ съ него бѣжалъ
Ручьями; весь былъ окруженъ, какъ дымомъ,
Горячимъ паромъ онъ. Иванъ царевичъ,
Чтобъ дать ему вздохнуть, поѣхалъ шагомъ.
Ужъ было подъ вечеръ; широкомъ полемъ
Иванъ царевичъ ѣхалъ и прекраснымъ
Закатомъ солнца любовался. Вдругъ
Онъ слышитъ дикій крикъ; глядитъ—и что же?
Два лѣшіе дерутся на дорогѣ,

Кусаются, брыкаются, другъ друга
Рогами тычутъ. Къ нимъ Иванъ царевичъ
Подъѣхавши, спросилъ: за что у васъ,
Ребята, дѣло стало? Вотъ за что,
Сказалъ одинъ: три клада намъ досталось —
Драчунъ-дубинка, скатерть-самобранка
Да шапка-невидимка; насъ же двое;
Какъ поравну намъ раздѣлиться? Мы
Заспорили и вышла драка. Ты
Разумный человѣкъ; подай совѣтъ намъ,
Какъ поступить? А вотъ какъ, имъ Иванъ
Царевичъ отвѣчалъ, пущу стрѣлу,
А вы за ней бѣгите; съ мѣста жъ, гдѣ
Она на землю упадетъ, обратно
Пуститесь взапуски ко мнѣ; кто первый
Здѣсь будетъ, тотъ возьметъ себѣ на выборъ
Два клада; а другому взять одинъ.
Согласны ль вы? Согласны, закричали
Рогатые, и стали рядомъ. Лукъ
Тугой свой натянувъ, пустилъ стрѣлу
Иванъ царевичъ. Лѣшіе за ней
Помчались выпуча глаза, оставивъ
На мѣстѣ скатерть, шапку и дубинку.
Тогда Иванъ царевичъ взявъ подъ мышку
И скатерть и дубинку, на себя
Надѣлъ спокойно шапку-невидимку,
Сталъ невидимъ и самъ и конь, и далѣ
Поѣхалъ, глупымъ лѣшіимъ оставивъ
На произволъ, начать ли снова драку,
Или мириться.
Богатырскій конь
Поспѣлъ еще до захожденья солнца
Въ дремучій лѣсъ, гдѣ обитала Баба
Яга. И, въѣхавъ въ лѣсъ, Иванъ царевичъ
Дивится древности его огромныхъ
Дубовъ и сосенъ, тускло освѣщенныхъ
Зарей вечернею; и все въ немъ тихо:
Деревья всѣ, какъ сонныя, стоятъ;
Не колыхнется листъ, не шевельнется
Былинка; нѣтъ живаго ничего
Въ безмолвной глубинѣ лѣсной, ни птицы
Между вѣтвей, ни въ травкѣ червяка;
Лишь слышится въ молчаньѣ повсемѣстномъ

Гремучій топотъ конскій. Наконецъ
Иванъ царевичъ выѣхалъ къ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ. Онъ сказалъ: избушка,
Избушка, къ лѣсу стань задомъ, ко мнѣ
Стань передомъ. И передъ нимъ избушка
Перевернулась; онъ въ нее вошелъ;
Въ дверяхъ остановясь, перекрестился,
На всѣ четыре стороны потомъ,
Какъ должно, поклонился, и, глазами
Избушку всю окинувши, увидѣлъ,
Что на полу ея лежала Баба
Яга.... Услышавъ стукъ,
Въ дверяхъ она забормотала: фу!
Фу! фу! донынѣ Русскаго здѣсь духу
Еще слыхомъ не слыхано, видомъ
Не видано, а нынѣ Русскій духъ
Въ очахъ ужъ совершается. За чѣмъ
Пожаловалъ сюда, Иванъ царевичъ?
Неволею, иль волею? Донынѣ
Здѣсь ни дубравный звѣрь не проходилъ,
Ни богатырь лихой не проѣзжалъ;
Тебя какъ Богъ сюда занесъ, Иванъ
Царевичь!

ПОЕДИНОКЪ ДРАЧУНА-ДУБИНКИ СЪ ЗМѢЕМЪ.

Конь поскакалъ, и скоро прискакалъ
Къ крутой горѣ, на высотѣ которой
Кащеевъ замокъ былъ. Ея подошва
Обведена была стѣной желѣзной;
И у воротъ желѣзной той стѣны
Двѣнадцатиголовый змѣй лежалъ;
И изъ его двѣнадцати головъ
Всегда шесть спали, а другія шесть
Не спали (по два раза днемъ и ночью
Смѣняясь); а насупротивъ воротъ
Никто и вдалекѣ остановиться
Не смѣлъ; змѣй подымался, и отъ зубъ
Его ужъ не было спасенья; онъ
Былъ невредимъ и только самъ себя
Могъ умертвить; чужая жъ сила сладить
Съ нимъ никакая не могла. Но конь
Былъ остороженъ. Онъ подвезъ Ивана

Царевича къ горѣ со стороны
Противной воротамъ, въ которыхъ змѣй
Лежалъ и караулилъ. Потихоньку
Иванъ царевичъ въ шапкѣ-невидимкѣ
Подъѣхалъ къ змѣю. Шесть его головъ
Во всѣ глаза по сторонамъ глядѣли,
Разинувъ рты, оскаливъ зубы; шесть
Другихъ головъ на вытянутыхъ шеяхъ
Лежали на землѣ, не шевелясь,
И сномъ объятыя, храпѣли. Тутъ
Иванъ царевичъ, подтолкнувъ дубинку,
Висѣвшую спокойно на сѣдлѣ
Шепнулъ ей: начинай!
Не стала долго
Дубинка думать; тотчасъ прыгъ съ сѣдла,
На змѣя кинулась, и ну его
По головамъ и спящимъ и неспящимъ
Гвоздить. Онъ зашипѣлъ, озлился, началъ
Туда-сюда бросаться; а дубинка
Его себѣ-колотитъ да колотитъ;
Лишь только онъ одну разинетъ пасть,
Чтобы ее схватить—анъ нѣтъ, прошу
Не торопиться, ужъ она
Ему другую чешетъ морду; всѣ онъ
Двѣнадцать ртовъ откроетъ, чтобъ ее
Поймать—она по всѣмъ его зубамъ,
Оскаленнымъ какъ будто напоказъ,
Гуляетъ, и всѣ зубы чиститъ; взвывъ
И всѣ носы наморщивъ, онъ зажметъ
Всѣ рты и лапами схватить дубинку
Попробуетъ—она тогда его
Честитъ по всѣмъ двѣнадцати затылкамъ.
Змѣй, въ изступленіи какъ одурѣлый,
Кидался, вылъ, кувыркался, отъ злости
Дышалъ огнемъ, грызъ землю—все напрасно.
Не торопясь, отчетливо, спокойно,
Безъ промаховъ, надъ нимъ свою дубинка
Работу продолжаетъ, и его,
Какъ на току усердный цѣпъ, молотитъ.
Змѣй наконецъ озлился такъ, что началъ
Грызть самого себя и когти въ грудь
Себѣ вдругъ запустивъ, рванулъ такъ сильно,
Что разорвался на двое и, съ визгомъ

На землю грянувшись, издохъ, Дубинка
Работу и надъ мертвымъ продолжать
Свою, какъ надъ живымъ, хотѣла; но
Иванъ царевичъ ей сказалъ: довольно!
И вмигъ она, какъ будто не бывала
Ни въ чемъ, повисла на сѣдлѣ.

СПЯЩЕЕ ЦАРСТВО.

Царство все отъ самыхъ
Его границъ до царскаго дворца
Объято было сномъ непробудимымъ;
И гдѣ они ни проѣзжали, все
Тамъ спало: на полѣ передъ сохой
Стояли спящіе волы; близь нихъ
Съ своимъ бичемъ, взмахнутымъ и заснувшимъ
На взмахѣ, пахарь спалъ; среди большой
Дороги спалъ ѣздокъ съ конемъ, и пыль,
Поднявшись, сонная недвижнымъ клубомъ
Стояла. Въ воздухѣ былъ мертвый сонъ:
На деревахъ листы дремали молча;
И въ вѣтвяхъ сонныя молчали птицы.
Въ селеньяхъ, въ городахъ все было тихо,
Какъ будто въ гробѣ: люди, по домамъ,
На улицахъ, гуляя, сидя, стоя,
И съ ними все—собаки, кошки, куры,
Въ конюшняхъ лошади, въ закутахъ овцы,
И мухи на стѣнахъ, и дымъ въ трубахъ —
Все спало.

ПРІѢЗДЪ СѢРАГО ВОЛКА НА СВАДЬБУ ИВАНА ЦАРЕВИЧА.

Когда, наполнивъ
Виномъ заздравный кубокъ, царь Демьянъ
Даниловичъ хотѣлъ провозгласить
Самъ многолѣтье новобрачныхъ, громко
На площади раздался трубный звукъ;
Всѣ изумились, всѣ оторопѣли;
Царь съ молодыми самъ идетъ къ окну;
И что же ихъ является очамъ?
Карета въ восемь лошадей (трубачъ
Съ трубою впереди) къ крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачетъ;
И та карета золотая; козлы
Съ подушкою и бархатнымъ покрыты

Наметомъ; назади шесть гайдуковъ;
Шесть скороходовъ по бокамъ; ливреи
На нихъ изъ сѣраго сукна; по швамъ
Бассаны; на каретныхъ дверцахъ гербъ:
Въ червленомъ полѣ волчій хвостъ подъ графской
Короною. Въ карету заглянувъ,
Иванъ царевичъ закричалъ: да это
Мой благодѣтель Сѣрый Волкъ! Бѣгомъ
Онъ побѣжалъ его встрѣчать. И точно
Сидѣлъ въ каретѣ сѣрый волкъ. Иванъ
Царевичъ, подскочивъ къ каретѣ, дверцы
Самъ отворилъ, подножку самъ откинулъ
И гостя высадилъ; потомъ онъ съ нимъ
Поцѣловавшись, взялъ его за лапу,
Ввелъ во дворецъ, и самъ его царю
Представилъ. Сѣрый Волкъ, отдавъ поклонъ
Царю, осанисто на заднихъ лапахъ
Всѣхъ обошелъ гостей, мужчинъ и дамъ,
И всѣмъ, какъ слѣдуетъ, по комплименту
Пріятному сказалъ. Онъ былъ одѣтъ
Отлично: красная на головѣ
Ермолка съ кисточкой, подъ морду лентой
Подвязанная; шелковой платокъ
На шеѣ; куртка съ золотымъ шитьемъ;
Перчатки лайковыя съ бахрамою;
Перепоясанныя тонкой шалью
Изъ алаго атласа шаравары;
Сафьянныя на заднихъ лапахъ туфли
И на хвостѣ серебряная сѣтка
Съ жемчужной кистью. Такъ былъ сѣрый волкъ
Одѣтъ. И всѣхъ своимъ онъ обхожденьемъ
Очаровалъ.

Жуковскій.

15. БОГАТЫРСКАЯ ГОЛОВА.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
Надъ усыпленною землей;
Дымятся синіе туманы,
И всходитъ мѣсяцъ золотой.
Померкла степь. Тропою темной,
Задумчивъ, ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ сквозь ночной туманъ —
Вдали чернѣетъ холмъ огромной
И что-то страшное храпитъ.

Онъ ближе къ холму, ближе, слышитъ,
Чудесный холмъ какъ будто дышитъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ,
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ; смотритъ храбрый князь —
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова!
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объяты;
Храпитъ, качая шлемъ пернатый;
И перья въ темной высотѣ
Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь, —
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь.
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безъимянной,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Объѣхалъ голову кругомъ,
И сталъ предъ носомъ молчаливо,
Щекотитъ ноздри копіемъ;
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула....
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвилася пыль, съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая совъ;
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ, —
Едва самъ рыцарь усидѣлъ;
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
«Ступай назадъ, я не шучу;
Какъ разъ нахала проглочу!»
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
«Чего ты хочешь отъ меня?»
Нахмурясь голова вскричала:
«Вотъ гостя мнѣ судьба послала!
«Послушай, убирайся прочь;
«Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
«Прощай.» Но витязь знаменитый,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью сердитый:
«Молчи, пустая голова!
«Слыхалъ я истину бывало:
«Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало;
«Я ѣду, ѣду, не свищу,
«А какъ наѣду, не спущу.»
Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова. Какъ жаръ,
Кровавы очи засверкали;
Напѣнясь, губы задрожали;

Изъ устъ, ушей поднялся паръ;
И вдругъ она, что было мочи,
На встрѣчу князю стала дуть.
Напрасно, конь, зажмуря очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь.
Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь, изнеможенный,
Далече въ полѣ отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ,
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ;
А голова ему во слѣдъ,
Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Гремитъ: «Ай, вятязь! ай, герой!
«Куда ты? тише, тише, стой!
«О витязь! шею сломишь даромъ;
«Не трусь, наѣздникъ, и меня
«Порадуй хоть однимъ ударомъ,
«Пока не заморилъ коня.»
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
Грозитъ ей молча копіемъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодной
Вонзился въ дерзостный языкъ;
И кровь изъ бѣшенаго зѣва
Рѣкою побѣжала вмигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва
Въ минуту дерзости лишась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла,
Въ спокойномъ духѣ горячась.
Такъ иногда средь нашей сцены
Плохой питомецъ Мельпомены,
Внезапнымъ свистомъ оглушенъ,
Ужъ ничего не видитъ онъ,
Блѣднѣетъ, ролю забываетъ,
Дрожитъ, поникнувъ головой,
И, заикаясь, умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой.
Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
Къ объятой головѣ смущеньемъ,
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ подъятой грозною десницей,
И въ щеку тяжкой рукавицей
Съ размаху голову разитъ.
И степь ударомъ огласилась;
Кругомъ росистая трава
Кровавой пѣной обагрилась;
И зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлемъ чугунный застучалъ.
Тогда, на мѣстѣ опустѣломъ,
Мечь богатырскій засверкалъ.
Нашъ витязь въ трепетѣ веселомъ
Его схватилъ — и къ головѣ
По окровавленной травѣ
Бѣжитъ съ намѣреньемъ жестокимъ
Ей носъ и уши обрубить.

Уже Русланъ готовъ разить,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ —
Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
Главы молящей жалкій стонъ....
И тихо мечъ онъ опускаетъ,
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
И мщенье бурное падетъ
Въ душѣ моленьемъ усмиренной:
Такъ на долинѣ таетъ ледъ,
Лучемъ полудня пораженной.

А. Пушкинъ.

16. ЗИМА.

Гдѣ сладкій шопотъ
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы;
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы;
Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣетъ;
Все цѣпенѣетъ;
Лишь вѣтеръ злой,
Бушуя, воетъ
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.

Баратынскій.

17. ОСЕНЬ И ЗИМА.

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день;
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась;
Ложился на поля туманъ;
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.
Встаетъ заря во мглѣ холодной:
На нивахъ шумъ работъ умолкъ:
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ — и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ.
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ.
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней.

И вотъ уже трещатъ морозы
И серебрятся средь полей....
Опрятнѣй моднаго паркета
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта.
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

18. ЗИМА.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ;
Зимы ждала, ждала природа;
Снѣгъ выпалъ только въ ноябрѣ—
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ, —
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ,
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ:
Все ярко, все бѣло кругомъ.

Зима.... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ-нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки Жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно...

19. ВЕСНА.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.

Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой;
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

А. Пушкинъ.

20. ВОСКРЕСНОЕ УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Слушай, дружокъ! (говоритъ Воскресенью Суббота) деревня
Вся ужь заснула давно; въ окрестности все ужъ покойно;
Время и мнѣ на покой; меня одолѣла дремота;
Полночь близко!.... И только успѣла Суббота промолвить:
«Полночь!» а полночь ужъ тутъ, и ее принимаетъ безмолвно
Въ тихое лоно. Моя череда! говоритъ Воскресенье.
Легкой рукою, тихохонько двери свои отворило,
Вышло, и смотритъ на звѣзды: звѣзды ярко сіяютъ;
На небѣ темно и чисто; у солнышка завѣсъ задернутъ.
Долго еще до разсвѣта: все спитъ; иногда повѣваетъ
Свѣжій ночной вѣтерокъ, сквозь сонъ встрепенувшись, какъ будто
Утра далекій приходъ боясь пропустить. Невидимкой
Ходитъ, какъ духъ безтѣлесный, неслышной стопой Воскресенье.
Въ рощу заглянетъ — тамъ тихо; листья молчатъ; сквозь вершины
Темныхъ деревъ, какъ безчисленны очи, звѣздочки смотрятъ;
Кое-гдѣ яркій свѣтлякъ на листочкѣ горитъ, какъ лампада
Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо пройдетъ — тамъ незримый
Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ; кругомъ вся окрестность —
Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слилися, и молча
Слушаютъ шопотъ. Зайдетъ на кладбище—могилы въ глубокомъ
Снѣ, и подъ легкимъ ихъ дерномъ, какъ будто что дышитъ свободнымъ,
Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ — и тамъ все покойно;

Пусто на улицѣ; спятъ пѣтухи, и сельская церковь
Съ темной своей колокольней, внутри озаренная слабымъ
Блескомъ свѣчи предъ иконой, стоитъ какъ будто безмолвный
Сторожъ деревни. — Спокойно на паперти сѣвъ, Воскресенье
Ждетъ посреди глубокой тьмы и молчанья, чтобъ утро
На небѣ тронулось.... Тронулось утро; во тьму и молчанье
Что-то живое проникло; стало свѣжѣе, и звѣзды
Начали тускнуть.... Пѣтухъ закричалъ. Воскресенье тихонько
Подняло занавѣсъ спящаго солнца, тихонько шепнуло:
«Солнышко, встань!....» И разомъ подернулся блѣдной струею
Темный востокъ; началось тамъ движенье, и слѣдомъ за яркой
Утренней звѣздочкой, рой облаковъ прилетѣлъ и усыпалъ
Небо, и лучъ за лучемъ полились, облака зажигая....
Вдругъ между ними, какъ радостный ангелъ, солнце явилось.

Вся деревня проснулась и видитъ: стоитъ Воскресенье
Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и, сіяя на солнцѣ,
«Доброе утро!» всѣмъ говоритъ. И торжественно тихій
Праздникъ приходитъ на смѣну заботливо-трудной недѣли,
Благовѣстъ звонкій въ церковь зоветъ — и въ одеждѣ воскресной
Старый и малый идутъ на молитву.... Въ деревнѣ молчанье,
Въ церкви дымятся кадилы, и тихое слышится пѣнье.

Жуковскій.

21. ГРОЗА.

Вотъ за далекими горами
Скрывается прекрасный день
Отъ сѣней лѣса надъ водами
Волнообразными рядами
Длиннѣетъ трепетная тѣнь;
Въ рѣкѣ сверкаетъ блескъ зарницы,
Пустѣютъ холмы, долъ и брегъ;
Въ село въѣзжаютъ вереницы
Поля покинувшихъ телѣгъ;
Гдѣ-гдѣ залаетъ песъ домовый,
Иль вѣтерокъ зашелеститъ
Въ листахъ темнѣющей дубровы,
Иль птица робко пролетитъ,
Иль возъ тяжелый и скрыпучій,

Усталымъ движимый конемъ,
Считая бревна колесомъ,
Переступаетъ мостъ пловучій.
И вдругъ отрывный и глухой
Промчится грохотъ надъ рѣкой
Уже спокойной и дремучей,
И вдругъ замолкнетъ. Но вдали
На краѣ неба, мѣсяцъ полный
Со всѣхъ сторонъ заволокли
Большія облачныя волны;
Вонъ разступились, вонъ сошлись,
Вонъ грозно тихія слились
Въ одну громаду непогоды,
И на лазоревые своды,
Молніеносна и черна,
Съ востока крадется она.
Уже безмолвіе лѣсное
Налетомъ вѣтра смущено;
Уже не мирно и темно
Рѣки теченіе ночное;
Широко зыблются на немъ
Тѣней раскидистыя чащи,
Какъ парусъ въ воздухѣ дрожащій,
Почти упущенный пловцемъ,
Когда внезапно буря встанетъ,
Покатитъ шумныя струи,
Рванетъ крыло его ладьи,
И надъ пучиною растянетъ.
Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнуетъ,
Взрываетъ воды и лѣса,
Гремитъ и блещетъ и бушуетъ —
Мгновенья дивныя! Когда
Съ конца въ конецъ по тучамъ бурнымъ
Зубчатой молніи бразда
Огнемъ разсыплется пурпурнымъ —
Все видно: цѣпь далекихъ горъ
И разноцвѣтныя картины
Извивовъ Сороти, озеръ,
Села, и брега, и долины.
Вдругъ тьма угрюмѣй и чернѣй,
Удары громче громовые,
Шумнѣе, гуще и быстрѣй
Дождя потоки проливные.
Но завтра въ пышной тишинѣ
На небо ярко-голубое
Свѣтило явится дневное,
Возставитъ утро золотое
Грозой омытой сторонѣ.

Н. Языковъ

22. ЛАСТОЧКА.

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, касаточка,
Лѣтняя гостья, пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь,
Надъ гнѣздышкомъ сидя поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь.

Ты часто по воздуху вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь,
Иль стелешься долу, несешься,
Иль въ небѣ простряся, плывешь.
Ты часто во зеркалѣ водномъ
Подъ рдяной играешь зарей;
На зыбкомъ лазурѣ бездонномъ
Тѣнью мелькаешь твоей.
Ты часто какъ молнія, рѣешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успѣешь
Невидимы видѣть слѣды.
Но видишь тамъ всю ты вселенну,
Какъ будто съ высотъ на коврѣ:
Тамъ башню, какъ жаръ, позлащенну,
Въ чешуйчатомъ флотъ тамъ сребрѣ;
Тамъ рощи въ одеждѣ зеленой,
Тамъ нивы въ вѣнцѣ золотомъ;
Тамъ холмъ, синій лѣсъ отдаленной;
Тамъ мошки толкутся столпомъ;
Тамъ гнутся съ утеса въ понтъ воды,
Тамъ ластятся струи къ брегамъ.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лѣта роскошнаго храмъ.
Но видишь и бури ты черны,
И осени скучной приходъ;
И прячешься въ бездны подземны,
Хладѣя зимою, какъ ледъ.
Во мракѣ лежишь бездыханна;
Но только лишь придетъ весна,
И роза вздохнетъ лишь румяна,
Встанешь, откроешь зѣницы
И новый лучъ жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.
Душа моя! гостья ты міра,
Не ты ли перната сія?
Воспой же безсмертіе, лира!
Возстану, возстану и я!

Державинъ.

23. УТРО.

Какъ прекрасно все созданье!
Какъ все весело вокругъ!
Въ разноцвѣтномъ одѣяньѣ
Улыбается намъ лугъ!—
Будто бисеромъ красуясь,
Роща свѣтится росой;
Будто гладкій шелкъ волнуясь,
Нива движется рѣкой.
Отъ чего все такъ прекрасно,
Все такъ весело вокругъ?
Что пернатыхъ хоръ согласной

Что вѣщаетъ рощи въ слухъ? —
Что тамъ шепчетъ со цвѣтами
Тихій, нѣжный вѣтерокъ?
Что лепечетъ съ бережками
Тамъ игривый ручеекъ?
Дѣти! — утра появленье —
Торжество природы всей!
Празднуетъ она рожденье
Изъ ничтожности своей!
Какъ хозяинъ пребогатый,
Солнце, сынъ ея большой,
Входитъ въ свѣтлыя палаты,
И зоветъ на пиръ съ собой!
Все хваленіемъ срѣтаетъ
Лучезарныхъ дней отца;
Онъ насъ снова увѣряетъ
Въ новыхъ милостяхъ Творца!
Онъ приходитъ: пробудитесь!
Исчезаетъ ночи тѣнь;
Онъ вѣщаетъ: веселитесь!
Богъ еще даетъ вамъ день.
Богъ даетъ вамъ день на радость
И на добрыя дѣла! —
Пойте, птички, жизни младость!
Утучняйтеся, поля!
Дерева распространите
Тѣнь подобную шатру!
Люди, другъ друга любите
И учитеся добру!
Преклоните же колѣна,
Дѣти милыя, въ сей часъ,
Передъ тѣмъ, кого вселенна,
Въ безпрерывной хоръ слiясь,
Громко хвалитъ, прославляетъ,
Какъ нѣжнѣйшаго отца,
Кто намъ пищу посылаетъ
И щедроты безъ конца!
Говорите: о Безвѣстной,
Ты, который вѣстенъ намъ
По одной любви чудесной,
По родительскимъ сердцамъ! —
Если птичекъ пѣснопѣнье
Ты внимаешь отъ небесъ:
Пріими дѣтей хваленье,
Благодарныхъ жертву слезъ! —
Дай намъ разумъ просвѣщенной,
Чтобъ дѣла Твои узнать;
Дай благое совершенье
Всѣмъ родительскимъ мольбамъ! —
Людямъ всѣмъ благословенье —
Ахъ! они всѣ братья намъ! —

Мерзляковъ.

24. ВОРОНА И ЛИСИЦА.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ. —
Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.

На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ.
Лисица видитъ сыръ,—Лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
—«Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ право сказки!
Какія перушки! какой носокъ!
И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись!—что, ежели, сестрица, —
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-птица!»
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло,
И на привѣтливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ—съ нимъ была плутовка такова.

Крыловъ.

25. ДУБЪ И ТРОСТЬ.

Дубъ съ Тростію вступилъ однажды въ разговоры:
Жалѣю, Дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры,
Жалѣю, Тросточка, объ участи твоей!
Я чаю, для тебя тяжелъ и воробей;
Легчайшій вѣтерокъ, едва струящій воду,
Ужасенъ для тебя, какъ буря въ непогоду,
И гнетъ тебя къ земли;
Тогда какъ я—высокъ, осанистъ и вдали
Не только Фебовы лучи пересѣкаю,
Но даже бурный вихрь и громы презираю;
Стою, и слышу вкругъ спокойно трескъ и стонъ:
Все для меня Зефиръ, тебѣ-жъ все Аквилонъ.
Блаженна-бъ ты была, когда-бъ росла со мною!
Подъ тѣнію моей густою
Ты-бъ не страшилась бурь, но рокъ тебѣ судилъ
Расти, на мѣсто злачна дола,
На топкихъ берегахъ владычества Эола.
По чести и въ меня твой жребій грусть вселилъ.
«Ты очень жалостивъ, Трость Дубу отвѣчала:

Но, право, о себѣ еще я не вздыхала,
Да не о чемъ и воздыхать:
Мнѣ вѣтры менѣе, чѣмъ для тебя, опасны.
Хотя порывы ихъ ужасны
И не могли тебя досель поколебать,
Но подождемъ конца.»—Съ симъ словомъ вдругъ завыла
Отъ сѣвера гроза, и небо помрачила;
Ударилъ грозный вѣтръ—все рушитъ и валитъ:
Летитъ, кружится листъ; Трость гнется—Дубъ стоитъ.
Вѣтръ, пуже воружась, изъ всей ударилъ мочи,
И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ —
Упалъ!

И. Дмитрiевъ.

26. ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько Медвѣдя толкъ ногой:
—«Смотри-ка», говоритъ: «кумъ милой мой!
Что это тамъ за рожа?
Какiе у нея ужимки и прыжки!
Я удавилась бы съ тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А вѣдь, признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть;
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть.»
—«Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?
Ей Мишка отвѣчалъ,
Но Мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.
Такихъ примѣровъ много въ мiрѣ:
Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ.
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ на руку нечистъ, всѣ это знаютъ;
Про взятки Климычу читаютъ.
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

Крыловъ.

27. ПѢТУХЪ, КОТЪ И МЫШЕНОКЪ.

О, дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта!—
Мышенокъ, не видавшій свѣта,
Попалъ-было въ бѣду, и вотъ-какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей.
«Оставя нашу нору
И перебравшися чрезъ гору,
Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать,
Какъ молодой мышенокъ,
Который хочетъ показать,
Что онъ ужъ не ребенокъ.
Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ набѣжалъ:
Какіе звѣри, самъ не зналъ;
Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
Такъ миловиденъ былъ собою!
Другой: нахалъ, крикунъ; теперь лишь будто съ бою;
Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
Надъ самымъ лбомъ дрожитъ паростъ
Какой-то огненнаго цвѣта,
И будто двѣ руки, служащи для полета;
Онъ ими такъ махалъ!,
И такъ ужасно горло дралъ,
Что я, таки не трусъ, а подавай богъ ноги —
Скорѣе отъ него съ дороги.
Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ
Нашелъ наставника и друга!
Въ глазахъ его была написана услуга;
Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
Смиренны, кроткіе, но полные огня!
Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
Что у него должна быть симпатія съ нами,
Высокородными Мышами.»
А я тебѣ на то скажу,
Мышенка мать остановила,
Что этотъ доброхотъ,
Котораго тебя наружность такъ прельстила,
Смиренникъ этотъ.... Котъ!
Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губитель;
Другой же былъ Пѣтухъ, миролюбивый житель;

Не только отъ него не видимъ мы вреда,
Иль огорченья,
Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья.

И. Дмитріевъ.

28. ПѢСНЯ БѢДНЯКА.

Куда мнѣ голову склонить?
Покинутъ я и сиръ!
Хотѣлъ бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ!
Но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.

Сады веселыхъ богачей
И нивы ихъ кругомъ...
Моя жъ дорога мимо ихъ
Съ заботой и трудомъ.

Но я счастливыхъ не дичусь;
Моя печаль въ тиши;
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать:
Богъ помочь! отъ души.

О щедрый Богъ! не вовсежъ я
Тобою позабытъ!
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ.

Въ селеньѣ каждомъ есть Твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ алтаремъ.

Мнѣ свѣтитъ солнце и луна,
Любуюсь на зарю;
И, слыша благовѣстъ, съ Тобой,
Создатель, говорю.

И знаю: будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ, —
Тамъ буду праздновать и я!
Тамъ мѣсто есть и мнѣ!

Жуковскій.

29. КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,

Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой Чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой старый воинъ,
Закаленъ въ бою:
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь, будетъ время,
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя,
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью....
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выду —
Ты махнешь рукой....
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!....
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь,
Ты въ чужомъ краю....
Спижъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой,
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою....
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Лермонтовъ.

30. ПЕРЕЛЕТНАЯ ПТИЧКА.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда.

Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ —
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.

За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ —
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людямъ скучно, людямъ горе:
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны.

А. Пушкинъ.

31. ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ.

Дѣти, овсяный кисель на столѣ; читайте молитву;
Смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не соваться;
Кушайте: всякій намъ даръ совершенъ и даяніе благо;
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.
Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ.
Вотъ Господь-Богъ сказалъ: поди домой, не заботься;
Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, расцвѣтетъ и созрѣетъ.
Слушайте жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и мирно
Спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго, долго
Спитъ онъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ, и не пьетъ, и не пикнетъ, доколѣ
Въ рыхлую землю его не положатъ и въ ней не согрѣютъ.
Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ и малюткѣ тепло подъ землею;
Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ младенецъ,
Сокъ изъ роднаго зерна, и растетъ, и невидимо зрѣетъ;
Вотъ уползъ изъ пеленъ, молодой корешокъ пробуравилъ;
Роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ.
Что же? Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ.... «Какъ бы провѣдать,
«Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ творится?....» Тайкомъ боязливо
Выглянулъ онъ изъ земли.... Ахъ! Царь мой небесный, какъ любо!
Смотришь—Господь-Богъ Ангела шлетъ къ нему съ неба.
«Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй».
Пьетъ онъ.... ахъ, какъ же малюточкѣ сладко, свѣжо и свободно.
Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умылось,
На горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по небесной
Свѣтлой дорогѣ: прилежно работая, смотритъ на землю,
Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось,
Такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли.
«Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!»
Въ чемъ же его рукодѣлье? Точетъ облачко дождевое;
Смотришь: померкло; вдругъ каплетъ: вдругъ полилось, зашумѣло.
Жадно зародышекъ пьетъ но подулъ вѣтерокъ—онъ обсохнулъ.

«Нѣтъ (говоритъ онъ) теперь ужь подъ землю меня не заманятъ.
«Что мнѣ въ потемкахъ; здѣсь я останусь; пусть будетъ что будетъ».
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.
Ждетъ и малюточку тяжкое время: темныя тучи
День и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце;
Снѣгъ и мятель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ.
Ахъ, мой бѣдный зародышекъ, какъ же онъ зябнетъ! какъ ноетъ!
Что съ нимъ будетъ! земля заперлась и негдѣ взять пищи.
«Гдѣ же (онъ думаетъ) красное солнышко? Что не выходитъ?
«Или боится замерзнуть? Иль и его нѣтъ на свѣтѣ?
«Ахъ, за чѣмъ покидалъ я родимое зернышко! дома
«Было мнѣ лучше; сидѣть бы въ пріютномъ теплѣ подъ землею».
Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ; и вамъ доведется
Вчужѣ межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая
Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ одинокой печали:
«Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣть у родимой за печкой....»
Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть конецъ; веселѣе
Будетъ и вамъ, какъ былиночкѣ. Слушайте: въ ясный день майскій
Свѣжесть повѣяла.... солнышко яркое на горы вышло,
Смотритъ: гдѣ нашъ зародышекъ? что съ нимъ? и крошку цѣлуетъ.
Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнитъ.
Мало по малу одѣлись поля муравой и цвѣтами;
Вишня въ саду зацвѣла; зеленѣетъ и слива, и въ полѣ
Гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница, и просо;
Наша былиночка думаетъ: «я назади не останусь!»
Кстати-ль! листки распустила.... кто такъ прекрасно соткалъ ихъ?
Вотъ стебелекъ показался.... кто изъ жилочки въ жилку
Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?
Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колосъ....
Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ
Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шелковыхъ нитяхъ?
Ангелы! кто же другой? Они отъ былинки къ былинкѣ
По полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной летаютъ.
Вотъ ужъ и цвѣтомъ нѣжный, зыбучій колосикъ осыпанъ;
Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчальномъ.

Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка
Шепчетъ, качая въ раздумьѣ головкой: я знаю, что будетъ.
Смотришь: слетаются мошки, жучки, молодую поздравить;
Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: многія лѣта!
Въ сумерки-жъ, только что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ,
Тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ посвѣтить ей въ потемкахъ.
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.
Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался, и сѣно скосили;
Собраны вишни; въ саду ни одной не осталося сливки;
Вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо;
Ужъ и на жниво сбирать босикомъ ребятишки сходились
Колосъ оброшенный; имъ помогла тихомолкомъ и мышка:....
Что-то былиночка дѣлаетъ? О, ужъ давно пополнѣла;
Много, много въ ней зернышекъ; гнется и думаетъ: «полно;
«Время мое миновалось: зачѣмъ мнѣ одной оставаться
«Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?»
Вотъ съ серпами пришли и Иванъ, и Лука, и Дуняша:
Ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы;
Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ молотили
Съ трехъ часовъ поутру до пяти пополудни на ригѣ;
Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ;
Началъ жерновъ молоть, и зернышки стали мукою;
Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная
Полный горшечикъ; сварила кисель, чтобъ дѣтушкамъ кушать;
Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали спасибо.

Жуковскій.

---

32. СМЕРТЬ ОЛЕГА.

Какъ нынѣ сбирается Вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хозарамъ;
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣсу на встрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,

Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ, —
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ,
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любаго возьмешь ты коня.

«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ,
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

«Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое,
Твой щитъ на вратахъ Царяграда;
И воды и суша покорны тебѣ,
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

«И синяго моря обманчивый валъ,
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ,
Щадятъ побѣдителя годы....
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ,
Незримый хранитель могущему данъ.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бурному полю:
И холодъ и сѣча ему ничего,
Но примешь ты смерть отъ коня своего!»

Олегъ усмѣхнулся, — однако чело
И взоръ омрачилися думой;
Въ молчаньѣ, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;

И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай мой товарищъ, мой вѣрный слуга!
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай! ужъ не ступитъ нога
Вь твое позлащенное стремя!
Прощай, утѣшайся, да помни меня;
Вы, отроки, други, возьмите коня;

«Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
Въ мой лугъ подъ устцы отведите:
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите.»
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною Вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана;
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана....
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ? примолвилъ Олегъ:
Скажите: гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? все также ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ!

Могучій Олегъ головою поникъ,
И думаетъ: что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня!
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости:
И видятъ—на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ;
И молвилъ: «спи, другъ одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;
На тризнѣ— уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь,
И жаркою кровью мой прахъ напоишь.

«Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась,
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

33. СЕЛЬСКАЯ СИРОТКА.

Разсталась я съ тяжелымъ сномъ,
Не встрѣтясь съ радостной мечтою;
Я вмѣстѣ съ утренней зарею
Была на холмѣ луговомъ.
Запѣла птичка тамъ надъ свѣжими кустами;
Въ душистой рощицѣ привольно ей летать....
Вдругъ съ кормомъ нѣжно къ ней стремится.... вѣрно мать,
И залилася я слезами.
Ахъ! мнѣ не суждено, какъ птичкѣ молодой,
Въ тиши безвѣстной жить у матери родной.
Дубъ мирное гнѣздо отъ бури укрываетъ;
Привѣтный вѣтерокъ его тамъ колыхаетъ;
А я, бѣдняжка, что имѣю на земли?
И колыбели я не знала:
У храма сельскаго, когда меня нашли,
На камнѣ голомъ я лежала.
Покинутая здѣсь, далеко отъ своихъ,
Не улыбалась я родимой ласкѣ ихъ!

Скитаюся одна; вездѣ чужія лицы;
Слыву въ деревнѣ сиротой;
Подружки лѣтъ моихъ — долинныя дѣвицы
Стыдятся звать меня сестрой.
И люди добрыя сиротку не пускаютъ:
На вечеринкахъ ихъ нѣтъ мѣста мнѣ одной.
Со мною бѣдной не играютъ
Вкругъ яркаго огня семейною игрой:
Украдкой пѣснямъ я приманчивымъ внимаю
И передъ сладкимъ сномъ, въ ту пору какъ дѣтей
Отецъ, благословя, прижметъ къ груди своей,
Вечерній поцѣлуй я издали видаю.
И тихо, тихо въ храмъ святой
Иду я съ горькими слезами;
Лишь онъ сироткѣ не чужой,
Лишь онъ одинъ передо мной
Всегда съ отверстыми дверями.
И часто я ищу на камнѣ роковомъ
Слѣда сердечныхъ слезъ, которыя на немъ,
Быть можетъ, мать роняла,
Когда она меня въ чужбинѣ оставляла.
Пятнадцать разъ уже весна
Въ слезахъ сиротку здѣсь встрѣчаетъ;
Цвѣтокъ безрадостный, она
Отъ непогоды увядаетъ.
Родная, гдѣ же мы? Увидимся ль съ тобой?
Приди: я жду тебя все также сиротою—
И все на камнѣ томъ, и все у церкви той,
Гдѣ я покинута тобою.

И. Козловъ.

24. ГРОЗА.

Въукромной хижинѣ отдыхаетъ старецъ-дѣдъ, а молодой внукъ его смотритъ на дѣйствіе грозы и разсказываетъ по своему, что видитъ.

ВНУКЪ (*отпираетъ окно*).

Дѣдушка, буря встаетъ! Небо, какъ ночь почернѣло!
Тамъ, надъ замкомъ высокимъ, сходятся синія тучи...
Дѣдушка! Красныя длинныя молніи блещутъ, сверкаютъ
Ярко. И вонъ, посмотри: зашатались старые дубы.

Вонъ, изъ кровель листы, какъ соломенки, рветъ и уноситъ;
Вѣсу въ желѣзѣ не стало! Буря сильнѣе, сильнѣе.
Дѣдушка — свѣтъ! Посмотри-ка: рухнула черная башня!

ДѢДЪ.

Что намъ до башенъ, дружокъ мой! Что намъ до тучъ и до бури!
Буря—гибель замкамъ.... Что ей у насъ? — Не велика
Хижинка наша.... Смотри: вѣдь она подъ горою, въ долинѣ
Смирно прижавшись, сидитъ въ уголкѣ — и не видно уютной....
Бури, громы — все мимо!.... Пусть себѣ ссорятся съ ними
Дубы спѣсивые, княжескихъ замковъ верхи съ позолотой!....
Много тамъ золота, другъ! и грѣховъ, говорятъ, у нихъ много!....

ВНУКЪ.

Дѣдушка, страшно мнѣ! страшно! Гроза разгорѣлась; все небо
Пышетъ! А тамъ, посмотри-ка, голубчикъ! надъ замкомъ— туча,
Сжавшись, повисла, какъ коршунъ.... Охъ, быть тутъ бѣдѣ и великой!....

ДѢДЪ.

Полно, молися, дитя!.... Грозы ты не бойся! — Гроза вѣдь
Праздникъ небесный!.... Злодѣй отъ грозы и дрожитъ и блѣднѣетъ:
Доброму-жъ чистая *совѣсть* привѣтливо шепчетъ: «не бойся».

ВНУКЪ.

Батюшка, дѣдушка! Вонъ загорѣлись и замокъ и стѣны....
У!.... Какъ столпомъ поднялось, изъ-за дыму, багровое пламя!
Вотъ—бѣгутъ.... Кричатъ!.... тѣни, все тѣни мелькаютъ....

ДѢДЪ.

Божій судъ, дитя!.... Вѣдь въ замкѣ томъ много и много
Было грѣховъ!» —Успокоилась буря;—веселое небо
Стадо на лугъ вызывало; развалины замка курились....
Хижина-жъ все какъ была! и кругомъ ея птички щебечутъ.

Ѳ. Глинка.

35. ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Пріятель дорогой! здорово, гдѣ ты былъ?»—
«Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ;
Какія бабочки, букашки!
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!» —
А видѣлъ-ли слона? Каковъ собой на взглядъ!
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ? —
«Да развѣ тамъ онъ? — Тамъ. — «Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ.»

Крыловъ.

36. ЧИЖИКЪ И ЗЯБЛИЦА.

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо, и, сидя въ немъ, поетъ:
«Ахъ! скоро-ль солнышко взойдетъ
И съ домикомъ меня застанетъ?
Ахъ! скоро ли оно проглянетъ?
Но вотъ ужъ и взошло! какъ тихо и красно!
Какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость!
Ахъ! я такого дня не видывалъ давно.»
Но безъ товарища и радость намъ не радость:
Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!
«Любезна Зяблица!» кричитъ мой Чижъ сосѣдкѣ,
Смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ:
«Что ты задумалась? давай-ка день хвалить!
Смотри, какъ солнышко....» Но солнце вдругъ сокрылось,
И небо тучами отвсюду обложилось;
Всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзды, кто въ рѣку,
Лишь галки стаями гуляютъ по песку,
И крикомъ бурю вызываютъ,
Да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ,
Быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ;

А конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву,
Ржетъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву.
И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ восшумѣлъ,
Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со градомъ,
И пали пастухи со стадомъ.
Потомъ прошла гроза и солнце расцвѣло,
Все стало ярче и свѣтлѣе,
Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе —
Лишь домикъ у Чижа куда-то занесло.
О бѣдненькій мой Чижъ! Онъ, мокрыми крылами
Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ,
И ей со вздохомъ и слезами:
Носокъ повѣся, говоритъ:
«Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ:
Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ.»

И. Дмитріевъ.

---

37. ГУСИ.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню.
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе объ этомъ толковали,
И встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
«Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто бы простыхъ гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены.»—
«А вы хотите быть за что отличены?»
Спросилъ прохожій ихъ. — «Да наши предки....» — Знаю
И все читалъ, но вѣдать я желаю,

Вы сколько пользы принесли?»
—«Да наши предки Римъ спасли!» —
«Все такъ, да вы что сдѣлали такое!»—
— «Мы — ничего.» «Такъ чтожъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по-дѣламъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.»
Басню эту можно бы и болѣ пояснить;
Да чтобъ гусей не раздразнить.

Крыловъ.

38. КОТЪ И ПОВАРЪ.

Какой-то Поваръ, грамотѣй,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Объѣдки пирога; а Васька-Котъ въ углу,
Припавъ за уксуснымъ боченкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.
— «Ахъ ты, обжора! ахъ, злодѣй!»
Тутъ Ваську Поваръ укоряетъ,
«Не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?
(А Васька все-таки курченка убираетъ).
Какъ! бывъ честнымъ Котомъ до этихъ поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ;
А ты.... ахти, какой позоръ,
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
Котъ-Васька плутъ, Котъ-Васька воръ!
И Ваську-де не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню;
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!»
(А Васька слушаетъ, да ѣстъ).
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью.
Но что-жъ? Пока его онъ пѣлъ,
Котъ-Васька все жаркое съѣлъ.
А я бы повару иному

Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

Крыловъ.

39. ВЕРХОВОЙ КОНЬ.

Верховой гордый Конь, увидя Клячу въ полѣ,
Въ работѣ подъ сохой,
И въ нѣгѣ не такой,
И не въ уборѣ, и не въ холѣ,
Какую гордый Конь у барина имѣлъ,
Съ пренебреженіемъ на Клячу посмотрѣлъ,
Предъ Клячею бодрился,
И хвасталъ, чванился, и тѣмъ и семъ хвалился.
«Что», говоритъ онъ Клячѣ той:
«Бывалъ ли на тебѣ уборъ когда такой,
Какъ мой?
И знаешь ли, меня какъ всякой почитаетъ?
Всякъ кто ни встрѣтится, дорогу уступаетъ;
Всякъ обо мнѣ твердитъ и всякой похваляетъ.
Тебя же кто на свѣтѣ знаетъ?
Несносна Клячѣ спесь Коня.
«Пошелъ хвастунъ!» ему на это отвѣчаетъ:
«Оставь съ покоемъ ты меня.
Тебѣ ль со мной считаться
И мною посмѣхаться!
Не такъ бы хвастать ты умѣлъ,
Когда бы ты овса моихъ трудовъ не ѣлъ.»

Хемницеръ.

40. ОБЕЗЬЯНА.

Какъ хочешь ты трудись:
Но пріобрѣсть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы.
Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился,
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:

Мужикъ работникъ былъ прямой;
За то кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать!
Мартышку это въ зависть вводитъ;
Хвалы приманчивы: какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться!
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочетъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ
И наконецъ она, пыхтя, насилу дышитъ,
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

Крыловъ.

41. СЛОНЪ И МОСЬКА.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно на показъ.
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ:
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться:
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
— «Сосѣдка, перестань срамиться,»
Ей шавка говоритъ: «тебѣ-ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ».
— «Эхъ, эхъ!» ей Моська отвѣчаетъ:
«Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большія забіяки;
Пускай же говорятъ собаки:
— «Ай, Моська! «знать она сильна,
Что лаетъ на Слона!»

Крыловъ.

42. МУХА.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ,
А муха у него сидѣла на рогахъ,
И муху-же они дорогой повстрѣчали.
Откуда ты, сестра? отъ этой былъ вопросъ.—
А та, поднявши носъ,
Въ отвѣтъ ей говоритъ: откуда? мы пахали!—
Отъ басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось-ли подъ часъ вамъ слышать, господа:
«Мы сбили! мы рѣшили!»

И. Дмитріевъ.

43. ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАКЪ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука. —
Однажды Лебедь, Ракъ да Щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись:
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа-бы для нихъ казалась и легка:
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ,— судить не намъ
Да только возъ и нынѣ тамъ.

Крыловъ.

44. ОСЕЛЪ И СОЛОВЕЙ.

Оселъ увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: —Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико-ли твое умѣнье?»
Тутъ соловей являть свое искуство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ

И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
—«Изрядно,» говоритъ, «сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно:
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немного поучился.»
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и— полетѣлъ за тридевять полей.
Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!

Крыловъ.

45. СЛѢПЕЦЪ И РАЗСЛАБЛЕННЫЙ.

«И ты несчастливъ!.... дай же руку!
Начнемъ другъ другу помогать.
Ты скажешь: есть кому мнѣ вздохъ мой передать;
А я скажу: мою онъ знаетъ грусть и муку—
И легче будетъ намъ.»
Такъ говорилъ мудрецъ востока,
И вотъ его же притча вамъ.
Два были нищіе, и оба властью рока
Лишенны были средствъ купить трудами хлѣбъ:
Одинъ былъ слѣпъ,
Другой разслабленный; желаютъ смерти оба;
Но горемыки здѣсь, какъ дара, ждутъ и гроба;
На помощь къ нимъ и смерть нейде
Разслабленный конца своимъ страданьямъ ждетъ
На голой мостовой, снося и жаръ и холодъ,
Всего же чаще голодъ
И нечувствительность румяныхъ богачей.
Слѣпецъ равно терпѣлъ, или еще и болѣ:
Тотъ могъ, хотя вдали, въ день лѣтній видѣть поле;

А для него ужъ нѣтъ и солнечныхъ лучей!
Вся жизнь глубока ночь, и скоро-ль разсвѣтаетъ,
Увы! не знаетъ.
Одной собачкой онъ былъ искренно любимъ,
Ласкаемъ и водимъ;
И ту какіе-то злодѣи не украли,
А нагло отъ его веревки отвязали,
И увели съ собой.
Слѣпецъ случайно очутился
На томъ же мѣстѣ, гдѣ разслабленный томился.
Онъ слышитъ стонъ его, и самъ пускаетъ вздохъ.
«Товарищъ! говоритъ, несчастныхъ сводитъ Богъ;
Намъ должно побрататься,
Имѣть одну суму
И вмѣстѣ горевать. Не станемъ разлучаться!»
Согласенъ, отвѣчалъ разслабленный ему;
Но, добрая душа! какою мы подмогой
Другъ другу можемъ быть? ты слѣпъ, а я безногой!
Что жъ будемъ дѣлать мы? еще тебѣ скажу.
«Какъ! подхватилъ слѣпецъ: ты зрячъ, а я хожу,
Такъ ты ссужай меня глазами,
А я съ охотою ссужусь тебѣ ногами,
Ты за меня гляди, я за тебя пойду—
И будемъ каждый такъ служить въ свою чреду».

И. Дмитріевъ.

46. ПѢСНЬ РУССКОМУ ЦАРЮ.

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли!
Перводержавную
Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное!
Все жъ недостойное
Прочь отжени!

Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ,
Долгіе дни!
Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!
Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемѣрную,
Доблестямъ вѣрную
Ты помяни;

О Провидѣніе
Благословеніе
Намъ ниспошли
Къ благу стремленіе,
Въ счастьи смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли!

Будь намъ заступникомъ,
Вѣрнымъ сопутникомъ,
Насъ провожай!
Свѣтлопрелестная,
Жизнь наднебесная,
Сердцу извѣстная,
Сердцу сіяй!

Жуковскій.

47. УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

Откуда, звѣздочка краса?
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной твоей,
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно-голубой
Умывшись утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше насъ?
Анъ нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ;
Не счесть накиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ;
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ;
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.

Другой привыкъ до полдня спать;
За то и утра не видать.
А жнецъ съ восточною звѣздой
Всегда встаетъ передъ зарей.
Работа рано поутру,
Досугъ и пѣсни ввечеру.

А птички? всѣ давно ужъ тутъ;
Играютъ, свищутъ и поютъ;
Съ куста на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь,
Кричатъ другъ дружкѣ: добрый день!
И томно горлинки журчатъ;
Да чу! и къ завтренѣ звонятъ.

Вездѣ молитва началась:
«Небесный Царь, услыши насъ;
«Твое владычество приди,
«Насъ въ искушенье не введи;
«На путь спасенія наставь
«И отъ лукаваго избавь».

За чѣмъ же, звѣздочка-краса,
Всегда такъ рано въ небеса?....
Звѣзда - подружка тамъ горитъ:
Пока родное солнце спитъ,
Спѣшатъ увидѣться онѣ
Въ уединенной вышинѣ.

Тайкомъ сквозь дремлющій разсвѣтъ
Она за милою во слѣдъ
Бѣжитъ, сіяя, на востокъ;
И будитъ ранній вѣтерокъ;
И, тихо вѣя съ высоты,
Онъ милой шепчетъ: гдѣ же ты?

Но что-жъ? Увидятся ли!.... нѣтъ,
Спѣшитъ за ними солнце вслѣдъ.
Ужъ вотъ оно: востокъ зажгло,
Свой алый завѣсъ подняло,
Надѣло знойный свой уборъ,
И ярко смотритъ изъ-за горъ.

А звѣздочка?.... Ужъ не блеститъ,
Печально-блѣдная бѣжитъ,
Подружкѣ шепчетъ: Богъ съ тобой!
И скрылась въ безднѣ голубой.

И солнце на небѣ одно,
Великолѣпно и красно.

Идетъ по свѣтлой высотѣ
Въ своей спокойной красотѣ:
Затеплился на церкви крестъ;
И тонкій паръ встаетъ окрестъ;
И взглянетъ лишь куда оно,
Тамъ мигомъ все оживлено.

На кровлѣ аистъ носъ востритъ;
И въ небѣ ласточка кружитъ;
И дымъ клубится изъ печей;
И будитъ мельницу ручей;
И тихо рдѣетъ темный боръ;
И звучно въ немъ стучитъ топоръ.

Жуковскій.

48. ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Знать солнышко утомлено;
За горы прячется оно,
Лучъ погашаетъ за лучемъ,
И, алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаемъ: лѣтній дологъ путь.
Вездѣ жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.

Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.

Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ:
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ,
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ

От зноя листьями покрыть,
И колосъ зрѣлостью налить.

А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.

А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣна въ копна собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.

И такъ совсѣмъ не мудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полупотухнувшихъ лучахъ,
И намъ, сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!

И вотъ сошло; и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ...
Гляди, гляди: въ томъ пользы нѣтъ!
Сей часъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.

Есть и про солнышко бѣда;
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ разъ на вышину;
Того и жди что заблеститъ;
Давно за горкой онъ сидитъ.

Но что-жъ такъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце переждать.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно.
И вотъ онъ всходитъ, въ долъ глядитъ,
И блѣдно зелень серебритъ.

И ночь ужъ на небо взошла,
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни;
И все замолкнуло въ тѣни;
И по долинамъ, по горамъ
Все спитъ.... пора ко сну и намъ.

Жуковскій.

49. ЧТО ТЫ СПИШЬ, МУЖИЧОКЪ?

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ,
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ, и что сталъ,
И что есть у тебя?

На гумнѣ—ни снопа;
Въ закромахъ—ни зерна;
На дворѣ—по травѣ
Хоть шаромъ покатись.

Изъ клѣтей — домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ,
И, погнувшись, изба
Какъ старушка стоитъ.

Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой.

Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!

А теперь, подъ окномъ,
Ты съ бѣдою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.

А въ поляхъ сиротой
Хлѣбъ некошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну, —
Бражку ковшикомъ пьютъ.

А. Кольцовъ.

50. ПѢСНЯ ПАХАРЯ.

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной;
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большова лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ;
Ну, тащися, сивка!
Я самъ, другъ, съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю; —
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ;
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка —
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будтъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.

Ну, тащися, сивка!
Накормлю до-сыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди, мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

А. Кольцовъ.

51. ЩУКА И КОТЪ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ.
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ-скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта. —
Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ —
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ анбарѣ половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?
Сталъ Щукѣ Васька говорить.
«Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.»
«И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей». —
«Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!« — Пошли, засѣли.

Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ, —
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво ее стащилъ обратно въ прудъ.
И дѣло! это, Щука,
Тебѣ наука —
Впередъ умнѣе быть,
И за мышами не ходить.

Крыловъ.

52. ЛЖЕЦЪ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
«Нѣтъ», говоритъ, «что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не нада;
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садитъ ни сѣетъ:
А если-бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ!
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь-ли? Ну, право, былъ онъ съ гору.» —
«Что за диковинка!» пріятель отвѣчалъ:
«На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякой примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ видишъ-ли чрезъ рѣку тотъ мостъ

Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ.
До половины не дойдетъ —
Провалится и въ воду упадетъ,
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ.»
— «А какова у васъ рѣка?»
Да не мелка.
Такъ видишь-ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ,
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?»
«Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ».
— «Повѣрить трудно!
Однако-жъ какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ Лжеца никакъ не подымаетъ,
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста, да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо.»—
«Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть;
Не думай, что вездѣ по нашему хоромы;
Что тамъ за домы?
Въ одинъ двоимъ за нужду взлѣсть,
И то ни стать, ни сѣсть.»
«Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однако-жъ мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римской твой и чуденъ огурецъ....»
— «Послушай-ка,» тутъ перервалъ мой Лжецъ:
«Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду.» —

Крыловъ.

33. НАДГРОБІЕ РУССКОМУ МЛАДЕНЦУ, УМЕРШЕМУ ВЪ НЕАПОЛѢ.

О Русскій, милый гость изъ отческой земли!
Молю тебя, замѣть сей памятникъ безвѣстный;
Здѣсь матерь и отецъ надежду погребли:
Здѣсь я покоюся, младенецъ ихъ прелестный.
Имъ молви отъ меня: не сѣтуйте, друзья;
Моя завидна скоротечность:
Не знала жизни я,
А знаю вѣчность.

Батюшковъ.

---

34. СОЛНЦЕ И МѢСЯЦЪ.

Ночью, въ колыбель младенца
Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.
«Отъ чего такъ свѣтитъ мѣсяцъ?»
Робко онъ меня спросилъ.

Въ день-денской устало Солнце,
И сказалъ ему Господь:
Лягъ, засни — и за тобою
Все задремлетъ, все заснетъ.

И взмолилось Солнце брату:
«Другъ мой, Мѣсяцъ золотой!
«Ты зажги фонарь—и ночью
«Обойди ты край земной.

«Кто тамъ молится, кто плачетъ,
«Кто мѣшаетъ людямъ спать:
«Все развѣдай—и поутру
«Приходи и дай мнѣ знать.»

Солнце спитъ, а Мѣсяцъ ходитъ,
Сторожитъ земли покой;
Завтра жъ рано — рано къ Солнцу
Постучится братъ меньшой.

Стукъ-стукъ-стукъ — отворятъ двери —
Солнце, встань! грачи летятъ;
Пѣтухи давно пропѣли,
И къ заутренѣ звонятъ!

Солнце встанетъ, — Солнце спроситъ:
«Что голубчикъ братецъ мой?
«Какъ тебя Господь-Богъ носитъ?
«Что ты блѣденъ? что съ тобой?»

И начнетъ разсказъ свой Мѣсяцъ,
Кто и какъ себя ведетъ:

Если ночь была спокойна,
Солнце весело взойдетъ.

Если нѣтъ, взойдетъ въ ту-
манѣ;
Вѣтеръ дунетъ — дождь
пойдетъ,
Въ садъ гулять не выйдетъ
няня,
И дитя не поведетъ.

И задумался младенецъ,
Долго на небо глядѣлъ,
Долго онъ молчалъ, и няню
Онъ позвать къ себѣ велѣлъ.

И велѣлъ старушкѣ нянѣ
Богородицу читать,
И за ней, сложа рученки,
Сталъ молитву повторять.

Я. Полонскій.

---

55. О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею ста-
рухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три
года.
Старикъ ловилъ неводомъ ры-
бу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ
неводъ,
Пришелъ неводъ съ одною
тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ
неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой
морской;
Въ третій разъ закинулъ онъ
неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотой
рыбкою,
Съ непростою рыбкой, золо-
тою.
Какъ взмолится золотая рыб-
ка,
Голосомъ молвитъ человѣчь-
имъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ
море,
«Дорогой за себя дамъ откупъ:
«Откуплюсь чѣмъ только по-
желаешь.»
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ
и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба
говорила.
Отпустил онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
Богъ съ тобою, золотая рыбка,
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо:
Я сегодня поймалъ было рыб-
ку,
Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее проси-
лась,
Дорогою цѣною откупалась,
Откупалась чѣмъ только по-
желаю.

Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ:
Такъ пустилъ ее въ синее море.
Старика старуха забранила:
Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю,
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покоя,
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ раскололось.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ:
Будетъ вамъ новое корыто.
Воротился старикъ ко старухѣ;
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю.
(Помутилося синее море);
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою;
Избу проситъ сварливая баба.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ.
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда:
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми тесовыми вороты
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ:
Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ простофиля, избу!
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть черною крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой.
Пошелъ старикъ къ синему морю
(Неспокойно синее море);
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила;

Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою;
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Воротился старикъ ко старухѣ:
Чтожъ онъ видитъ? Высокій теремъ,
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ!
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки;
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай теперь твоя душенька довольна.
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.
Вотъ недѣля-другая проходитъ;
Еще пуще старуха вздурилась:
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ.
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть столбовой дворянкой,
А хочу быть вольною царицей.
Испугался старикъ, взмолился:
Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь,
Насмѣшишь ты цѣлое царство.
Осердилася пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа:
Какъ, ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью;
Не пойдешь, поведутъ поневолѣ.

Старичекъ отправился къ морю
(Почернѣло синее море).
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!
Старичекъ къ старухѣ воротился.
Чтожъ? Предъ нимъ царскія палаты,

Въ палатахъ видитъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она царицей,
Служатъ ей бояре, да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вины,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ, испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна.
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали.
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впередъ тебѣ, невѣжа, наука:
Не садися не въ свои сани!
Вотъ недѣля — другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобъ жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посылкахъ.
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперегъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ, на морѣ черная буря —
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морской,
Чтобъ жить ей въ окіянѣ-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была у ней на посылкахъ.
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта

Не дождался, къ старухѣ воротился....
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто.

А. Пушкинъ.

56. ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕКЪ.

Слушайте: я разскажу вамъ, друзья, про мышей и лягушекъ.
Сказка ложь, а пѣсня быль, говорятъ намъ; но въ этой
Сказкѣ моей найдется и правда. Милости-жъ просимъ
Тѣхъ, кто охотникъ въ досужный часокъ пошутить, посмѣяться,
Сказки послушать; а тѣхъ, кто любитъ смотрѣть изъ подлобья,
Всякую шутку считая за грѣхъ, мы просимъ покорно
Къ намъ не ходить, и дома сидѣть, да выживать скуку.
Было прекрасное майское утро. Квакунъ двадесятый,
Царь знаменитой породы, властитель ближней трясины,
Вышелъ изъ мокрой столицы своей, окруженный блестящей
Свитой придворныхъ. Въ припрыжку они взобрались на пригорокъ,
Сочной травою покрытой, и тамъ, на кочкѣ усѣвшись,
Царь приказалъ изъ толпы его окружавшихъ почетныхъ
Стражей вызвать бойцовъ, чтобъ его, царя, забавляли
Боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы: началося; ужъ много
Было лягушечьихъ мордъ царю въ угожденье разбито;
Царь хохоталъ: отъ смѣха придворная квакала свита
Въ слѣдъ за его величествомъ; солнце взошло ужъ на полдень.
Вдругъ изъ кустовъ молодецъ въ прекрасной бѣленькой шубкѣ,
Съ тоненькимъ хвостикомъ, острымъ какъ стрѣлка, на тоненькихъ ножкахъ
Выскочилъ; слѣдомъ за нимъ четыре такихъ-же, но въ шубахъ
Дымнаго цвѣта. Рысцей они подбѣжали къ болоту.
Бѣлая шубка, носикъ въ болото уткнувъ, и поднявши
Правую ножку, началъ воду тянуть, и, казалось,
Былъ для него тотъ напитокъ пріятнѣе меда; головку
Часто онъ вверхъ подымалъ, и вода съ усастаго рыльца
Мелкимъ бисеромъ падала; вдоволь напившись и лапкой
Рыльце обтерши, сказалъ онъ: какое раздолье студеной

Выпить воды, утомившись отъ зноя! Теперь понимаю
То, что чувствовалъ Дарій, когда онъ, въ бѣгствѣ, изъ мутной
Лужи напившись, сказалъ: не знаю вкуснѣе напитка!
Эти слова одна изъ лягушекъ подслушала; тотчасъ
Скачетъ она съ донесеньемъ къ царю: изъ лѣса-де вышли
Пять какихъ-то звѣрковъ, съ усами турецкими, уши
Длинныя, хвостики острые, лапки какъ руки; въ осоку
Всѣ они побѣжали и царскую воду въ болотѣ
Пьютъ. А кто и откуда они, неизвѣстно. Съ десяткомъ
Стражей Квакунъ посылаетъ хорунжаго Пышку провѣдать,
Кто незваные гости: когда непріятели, взять ихъ,
Если дадутся; когда же сосѣди, пришедшіе съ миромъ,
Дружески ихъ пригласить къ царю на бесѣду. Сошедши
Пышка съ холма и увидя гостей, въ минуту узналъ ихъ:
Это мыши; неважное дѣло! Но мнѣ не случалось
Бѣлыхъ межъ ними видать, и это чудо. Смотрите жъ,
Спутникамъ тутъ онъ сказалъ, никого не обидѣть. Я съ ними
Самъ на словахъ объяснюся. Увидимъ, что скажетъ мнѣ бѣлый.
Бѣлый межъ тѣмъ съ удивленьемъ великимъ смотрѣлъ, приподнявши
Уши, на скачущихъ прямо къ нему съ пригорка лягушекъ;
Слуги его хотѣли бѣжать, но онъ удержалъ ихъ,
Выступилъ бодро впередъ и ждалъ скакуновъ, и какъ скоро
Пышка съ своими къ болоту приблизился: здравствуй, почтенный
Воинъ, сказалъ онъ ему; прошу не взыскать, что безъ просу
Вашей воды напился я; мы всѣ отъ охоты устали;
Въ это же время здѣсь никого не нашлось; благодарны
Очень мы вамъ за прекрасный напитокъ; и сами готовы
Равнымъ добромъ за ваше добро заплатить; благодарность
Есть добродѣтель возвышенныхъ душъ. Удивленный такою
Умною рѣчью, отвѣтствовалъ Пышка: милости просимъ
Къ намъ, благородные гости; нашъ царь, о прибытіи вашемъ
Свѣдавъ, весьма любопытенъ узнать: откуда вы родомъ,
Кто вы, и какъ васъ зовутъ. Я посланъ сюда пригласить васъ
Съ нимъ на бесѣду. Рады мы очень, что вамъ показалась
Наша по вкусу вода; а платы не требуемъ; воду
Создалъ Господь для всѣхъ на потребу, какъ воздухъ и солнце.
Бѣлая Шубка учтиво отвѣтствовалъ: царская воля
Будетъ исполнена; радъ я къ его величеству съ вами
Вмѣстѣ пойти, но только сухимъ путемъ, не водою;
Плавать я не умѣю; я царскій сынъ и наслѣдникъ

Царства мышинаго. Въ это мгновенье, спустившись съ пригорка,
Царь Квакунъ со свитой своей приближался. Царевичъ
Бѣлая Шубка, увидя царя съ такою толпою,
Нѣсколько струсилъ: ибо не вѣдалъ, доброе-ль, злое-ль
Было у нихъ на умѣ. Квакунъ отличался зеленымъ
Платьемъ, глаза на выкатъ сверкали какъ звѣзды, и пузомъ
Громко онъ, прядая, шлепалъ. Царевичъ Бѣлая Шубка
Вспомнивши кто онъ, робость свою побѣдилъ. Величаво
Онъ поклонился царю Квакуну. А царь, благосклонно
Лапку подавши ему, сказалъ: любезному гостю
Очень мы рады; садясь, отдохни; ты изъ дальняго, вѣрно,
Края: ибо до сихъ поръ тебя намъ видать не случалось.
Бѣлая Шубка, царю поклоняся опять, на зеленой
Травкѣ усѣлся съ нимъ рядомъ; а царь продолжалъ: разскажи намъ,
Кто ты? кто твой отецъ? кто мать? и откуда пришелъ къ намъ?
Здѣсь мы тебя угостимъ дружелюбно, когда не таяся
Правду всю скажешь: я царь и много имѣю богатства,
Будетъ намъ сладко почтить дорогаго гостя дарами.
«Нѣтъ никакой мнѣ причины, отвѣтствовалъ Бѣлая Шубка,
Царь-государь, утаивать истину. Самъ я породы
Царской, весьма на землѣ знаменитой; отецъ мой изъ дома
Древнихъ воинственныхъ Бубликовъ, царь Долгохвостъ Иринарій
Третій; владѣетъ пятью чердаками, наслѣдіемъ славныхъ
Предковъ, но область свою самъ расширилъ войнами:
Три подполья, одинъ амбаръ, и двѣ трети ветчинни
Онъ покорилъ, побѣдивши сосѣднихъ царей; а въ супруги
Взявши царевну Прасковью-Пискунью Бѣлую Шкурку,
Цѣлый овинъ получилъ онъ за нею въ приданое. Въ свѣтѣ
Нѣтъ подобнаго царства. Я сынъ царя Долгохвоста,
Петръ Долгохвостъ, по прозванію Хватъ. Былъ я воспитанъ
Въ вашемъ столичномъ подпольѣ премудрымъ Онуфріемъ крысой,
Мастеръ я рыться въ мукѣ, таскать орѣхи, вскребаюсь
Въ сыръ, и множество книгъ ужъ изгрызъ, любя просвѣщенье.
Хватомъ-же прозванъ я вотъ за какое смѣлое дѣло:
Разъ случилось, что множество насъ молодыхъ мышенятокъ
Бѣгало по полю въ-запуски: я, какъ шальной, раззадорясь,
Вспрыгнулъ съ разбѣгу на льва, отдыхавшаго въ полѣ, и въ пышной
Гривѣ запутался; левъ проснулся и лапой огромной

Стиснулъ меня: я подумалъ, что буду раздавленъ какъ мошка.
Съ духомъ собравшись и высунувъ носъ изъ подъ лапы,
Левъ-государь, ему я сказалъ, мнѣ и въ мысль не входило
Милость твою оскорбить; пощади, не губи; не ровенъ часъ,
Самъ я тебѣ пригожуся. Левъ улыбнулся (конечно
Онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказалъ мнѣ: ты, вижу, забавникъ.
Льву услужить ты задумалъ; добро, мы посмотримъ, какую
Милость окажешь ты намъ. Ступай. Тогда онъ раздвинулъ
Лапу, а я давай Богъ ноги; но вотъ что случилось:
Дня не прошло, какъ всѣ мы испуганы были въ подпольяхъ
Нашихъ львинымъ рыканьемъ: смутилась, какъ будто отъ бури,
Вся сторона; я не струсилъ; выбѣжалъ въ поле, и что-же
Въ полѣ увидѣлъ? Царь Левъ, запутавшись въ крѣпкихъ тенетахъ,
Мечется, бьется какъ бѣшеный; кровью глаза налилися;
Лапами рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ; и было
Все то напрасно, лишь только себя онъ запутывалъ. Видишь,
Левъ-государь, сказалъ я ему, что я пригодился.
Будь спокоенъ; въ минуту тебя мы избавимъ. И тотчасъ
Созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать
Зубомъ: узлы перегрызли тенетъ, и Левъ распутлялся.
Важно кивнувъ головою косматой и насъ допустивши
Къ царской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ
Сильнымъ хвостомъ по бедрамъ и въ три прыжка очутился
Въ ближнемъ лѣсу, гдѣ вмигъ и пропалъ. По этому дѣлу
Прозванъ я *Хватомъ*, и славу свою поддержать я стараюсь.
Страшнаго нѣтъ для меня ничего; я знаю, что смѣлымъ
Богъ владѣетъ. Но должно однако признаться, что всюду
Здѣсь мы встрѣчаемъ опасность; такъ Богъ ужъ землю устроилъ.
Все здѣсь вопостъ: съ травою Овца, съ Овцою голодный
Волкъ, Собака съ Волкомъ, съ Собакой Медвѣдь, а съ Медвѣдемъ
Левъ: Человѣкъ-же и Льва, и Медвѣдя, и всѣхъ побѣждаетъ.
Такъ и у насъ, отважныхъ мышей, есть много опасныхъ,
Сильныхъ гонителей: Совы, Ласточки, Кошки и всѣхъ ихъ
Злѣе козни людскія. И тяжко подъ часъ намъ приходитъ.
Я однако спокоенъ: я помню, что мнѣ мой наставникъ
Мудрый, крыса Онуфрій, твердилъ: бѣды насъ смиренью
Учатъ. Съ вѣрой такою ничто не бѣда. Я доволенъ
Тѣмъ, что имѣю: счастію радъ, а въ несчастьи не хмурюсь.»
Царь Квакунъ со вниманіемъ слушалъ Петра Долгохвоста,

Гость дорогой, сказалъ онъ ему, признаюсь откровенно:
Столь разумныя рѣчи меня въ изумленье приводятъ.
Мудрость такая въ такія цвѣтущія лѣта! Мнѣ сладко
Слушать тебя: и пріятность, и польза! Теперь опиши мнѣ
То, что случалось когда съ мышинымъ вашимъ народомъ,
Что отъ враговъ вы терпѣли, и съ кѣмъ когда воевали. —
Долженъ я прежде о томъ разсказать, какія намъ козни
Строитъ нашъ хитрый, двуногій злодѣй, Человѣкъ. Онъ ужасно
Жаденъ; онъ хочетъ всю землю заграбить одинъ, и съ мышами
Въ вѣчной враждѣ. Не исчислить всѣхъ выдумокъ хитрыхъ, какими
Наше онъ племя избыть замышляетъ. Вотъ, напримѣръ, онъ
Домикъ затѣялъ построить: два входа, широкій и узкій;
Узкій задѣланъ рѣшеткой, широкій съ подъемною дверью.
Домикъ онъ этотъ поставилъ у самаго входа въ подполье.
Намъ же съ дуру на мысли взбрело, что поладить
Съ нами желая, для насъ учредилъ онъ гостинницу. Жирный
Кусъ ветчины тамъ висѣлъ и манилъ насъ; вотъ цѣлы десятокъ
Смѣлыхъ охотниковъ вызвались: въ домикъ забраться безъ платы,
Въ немъ отобѣдать и вѣрныя вѣсти принесть намъ.
Входятъ они, но только что начали дружно висячій
Кусъ ветчины тормошить, какъ подъемная дверь съ превеликимъ
Стукомъ упала и всѣхъ ихъ захлопнула. Тутъ поразило
Страшное зрѣлище насъ: увидѣли мы, какъ злодѣи
Нашихъ героевъ таскали за хвостъ и въ воду бросали.
Всѣ они пали жертвой любви къ ветчинѣ и къ отчизнѣ.
Было нѣчто и хуже. Двуногій злодѣй наготовилъ
Множество вкусныхъ для насъ пирожковъ, и расклалъ ихъ
Словно какъ добрый, по всѣмъ закоулкамъ; народъ нашъ
Очень довѣрчивъ и вѣтренъ; мы лакомки, бросилась жадно
Вся молодежь на добычу. Но что же случилось! Объ этомъ
Вспомнить, морозъ подираетъ по кожѣ! Открылся въ подпольѣ
Моръ: отравой злодѣй угостилъ насъ. Какъ будто шальные
Съ пиру пришли удальцы; глаза на выкатъ, разинувъ
Рты, умирая отъ жажды, взадъ и впередъ по подполью
Бѣгали съ пискомъ они, родныхъ, друзей и знакомыхъ
Болѣ не зная въ лице; наконецъ, утомясь, обезсилѣвъ,

Всѣ попадали мертвые лапками вверхъ; запустѣла
Цѣлая область отъ этой бѣды; отъ ужаснаго смрада
Труповъ ушли мы въ другое подполье, и край нашъ родимый
Надолго былъ обезмышенъ. Но главное бѣдствіе наше
Нынѣ въ томъ, что губитель двуногій крѣпко сдружился
Намъ ко вреду съ сибирскимъ котомъ, Ѳедотомъ Мурлыкой.
Кошачій родъ давно враждуетъ съ мышинымъ. Но этотъ
Хитрый котище Ѳедотъ Мурлыка для насъ наказанье
Божіе. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился. Глупымъ мышенкомъ
Былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось
Высунуть носъ изъ подполья. Но мать царица Прасковья
Съ крысой Онуфріемъ крѣпко-на-крѣпко мнѣ запретили
Норку мою покидать; но я не послушался, въ щелку
Выглянулъ; вижу камнемъ выстланный дворъ: освѣщало
Солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились;
Птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались.
Выдти не смѣя, смотрю я изъ щелки и вижу: на дальнемъ
Краѣ двора звѣрокъ усатый, сизая шкурка,
Розовый носъ, зеленые глазки, пушистыя уши,
Тихо сидитъ и за птичками смотритъ; а хвостикъ, какъ змѣйка,
Такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой
Началъ усастое рыльце себѣ умывать. Облилося
Радостью сердце мое, и я ужъ сбирался покинуть
Щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло
Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то
Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая,
Черныя ноги свои подымалъ онъ и когти кривые
Съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ
Длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый;
Подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ и какъ будто
Красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы непрегнувшись,
По носу бился, а сзади какіе-то длинные крючья
Разнаго цвѣта торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха
Въ память придти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода
Словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши
Острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной
Треснуло. Какъ прибѣжалъ назадъ въ подполье, не помню.
Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною,
Такъ и ахнулъ. Тебя помиловалъ Богъ, онъ сказалъ мнѣ;
Свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати

Крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый
Сторожъ пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка;
Намъ же мышамъ онъ приноситъ и пользу: когда закри-
читъ онъ,
Знаемъ мы всѣ, что проснулись наши враги; а пріятель,
Такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей,
Былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало
Котъ Мурлыка: хорошъ бы ты былъ, когда бы съ знаком-
ствомъ
Къ этому плуту подъѣхалъ; тебя бъ онъ порядкомъ погладилъ
Бархатной лапкой своею; будь же впередъ остороженъ.
Долго расказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ;
Каждый день отъ него у насъ недочетъ. Разскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнесся въ подпольѣ
Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами
Видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье:
Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска!
Словомъ, всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый
Съ радости такъ напился, что подрался съ царицей, и въ
дракѣ
Хвостъ у ней откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно.
Что же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ,
Вздумали мы кота погребать; и надгробное слово
Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный
Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ; такое прозванье
Дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ
Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ, какъ маятникъ, стукалъ.
Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ;
Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и правду:
Котъ Мурлыка въ ветчиннѣ виситъ на бревнѣ и повѣшенъ
За ноги, мордою внизъ; оскалены зубы, какъ палка
Вытянутъ весь и спина и хвостъ, и переднія лапы
Словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ не моргая.
Всѣ запищали мы хоромъ: повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ
Котъ окаянный! довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ
Нынче и мы. И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобралися
Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать; но
лапы
Сами держались, когтями вцѣпившись въ бревно, а веревки
Не было тамъ никакой, и лишь только къ нимъ прикос-
нулись
Наши ребята, какъ вдругъ распустилися когти, и на полъ
Хлопнулся котъ какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжались

Въ страхѣ и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышитъ,
Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ; мертвецъ да и только.
Вотъ ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу
Начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу
Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ; тотъ подразнитъ
Сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе,
Тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ.
Котъ ни съ мѣста, какъ пень. Берегитесь, тогда намъ сказала
Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ и насилу
Какъ-то она отъ него уплела), берегитесь; Мурлыка
Старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это
Знакъ не добрый; и шкурка цѣла у него. То услыша,
Громко мы всѣ засмѣялись. Смѣйтесь, чтобъ послѣ не плакать,
Мышь Степанида сказала опять, а я не товарищъ
Вамъ. И поспѣшно, созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася
Съ ними въ подполье она. А мы принялись какъ шальные
Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, поуставши,
Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его и поэтъ нашъ
Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ, на Мурлыкино пузо
Взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово;
Мы-жъ при каждомъ стихѣ хохотать; и вотъ что прочелъ онъ:
«Жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка котъ Сибирской,
«Ростъ богатырскій, сизая шкурка, усы какъ у Турка;
«Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ.
«Радуйся, наше подполье!»... Но только успѣлъ проповѣдникъ
Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся.
Мы бѣжать . . . . Куда ты! пошла ужасная травля.
Двадцать изъ насъ остались на мѣстѣ, а раненыхъ втрое
Болѣе было. Тотъ воротился съ оборваннымъ пузомъ,
Тотъ безъ уха, другой съ отъѣденной мордой; иному,
Хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались какъ тряпки; царицу Прасковью
Чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки:
Царь Иринарій спасся съ рубцемъ на носу; но премудрый
Крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ
Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.

Жуковскій.

---

57. МАРТЫШКА И ОЧКИ.

Мартышка въ старости слаба глазами стала;
А у людей, она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести Очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала,
Вертитъ Очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвость нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
«Тьфу пропасть!» говоритъ она: «и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про Очки лишь мнѣ налгали;
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ.»
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.
Къ несчастью, тожъ бываетъ у людей;
Какъ ни полезна вещь,—цѣны не зная ей,
Невѣжа про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжа познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

Крыловъ.

---

58. КВАРТЕТЪ.

Проказница Мартышка,
Оселъ,
Козелъ,
Да косолапый Мишка,
Затѣяли сыграть Квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрыпки,
И сѣли на лужокъ подъ липки,
Плѣнять своимъ искуствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ. —
«Стой, братцы, стой,» кричитъ Мартышка: погодите.
Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я прима сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы.»
Разсѣлись, начали Квартетъ;

Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
—«Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ!»
Кричитъ Оселъ: «мы вѣрно ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ.»
Послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ;
А все-таки Квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье.
«Пожалуй,» говорятъ: «возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы Квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»—
«Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй,»
Имъ отвѣчаетъ Соловей:
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь.»

Крыловъ.

59. ПОЛЕВОЙ ЦВѢТОКЪ.

Простой цвѣточикъ, дикой,
Нечаянно попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой;
И что-же? отъ нея душистымъ сталъ и самъ.
Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

И. Дмитріевъ.

60. ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты горятъ;
Лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись попусту часъ цѣлой,
Пошла и говоритъ съ досадою:— «Ну, что-жъ!
На взглядъ-то онъ хорошъ,

Да зеленъ—ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь.

Крыловъ.

61. ПРОХОЖІЙ И ПЧЕЛА.

О пчелка! межъ цвѣтовъ, прекраснѣйшихъ для взора,
Есть ядовитые: отравятъ жизнь твою;
Смотри же, не садись на каждый безъ разбора!—
Не бойся: ядъ при нихъ; я только нектаръ пью.

И. Дмитріевъ.

62. ЧУЖЕЗЕМНОЕ РАСТЕНІЕ.

Что сдѣлалось съ тобою нынѣ?
О милый кустъ! ты блѣденъ сталъ;
Гдѣ зелень, запахъ твой?—Увы! онъ отвѣчалъ:
Я на чужбинѣ.

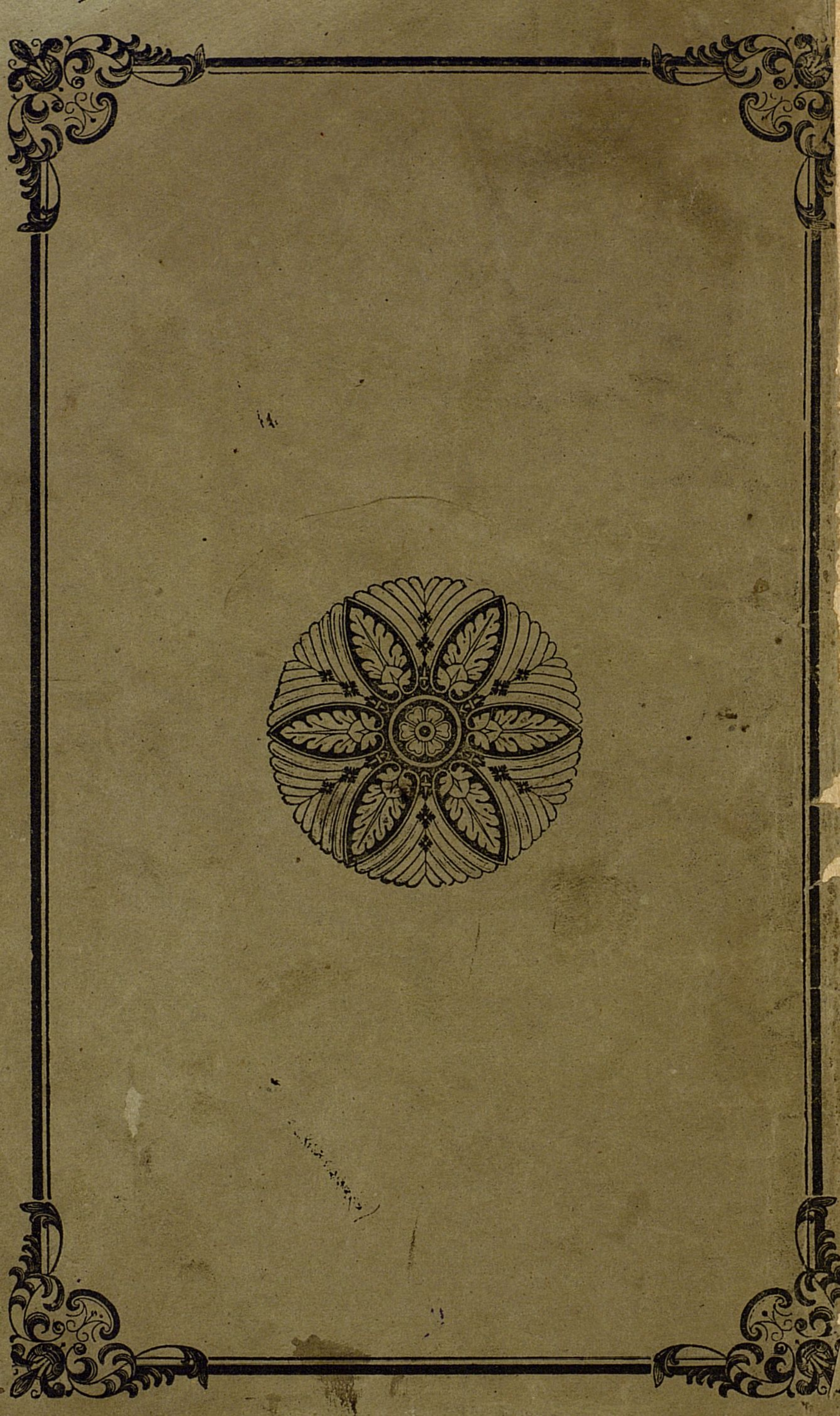
И. Дмитріевъ.

63. КЪ ДѢТЯМЪ.

Бывало въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.
Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой;
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней
Для васъ беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!
Теперь прихожу я: вездѣ темнота;
Нѣтъ въ комнатѣ жизни; кроватка пуста;
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ.
Мнѣ грустно, малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмется!
О дѣти, въ глубокій полуночный часъ
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать;
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

А. Хомяковъ.

КОНЕЦЪ.

2007084275